

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Тверь в XIII—XVIII вв.

Московский печатный двор в XVII в.

Губернские прокуроры Павла I

Прокурорский надзор в Сибири

*А.Д. Балашёв
и статистические исследования в России*

Жандармы и губернские власти при Николае I

Кулинарная дипломатия на Ялтинской конференции

Амнистия 1953 года

Криптографическая служба в XX в.

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
ГАУН-ПРЕСС

2

март
апрель
2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв,
В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: Л.И. Соломаткин. Славильщики-городовые (1882)

© Российская академия наук, 2021

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2021

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2021

Деятельность Московского печатного двора в XVII в. по новым материалам

Ирина Поздеева

**New sources on the activities of the Moscow Printing House
in the 17th century**

Irina Pozdeeva

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870014455-1

Издательская деятельность Московского (Государева) печатного двора (МПД) долго не вызывала интереса у учёных; исследования посвящали преимущественно истории и репертуару типографий, издававших книги на русском языке. Между тем в царствование династии Романовых — период воссоздания, укрепления и постепенного превращения средневековой Руси в Российскую империю Нового времени — эти процессы не просто освещались изданиями МПД, но печать максимально способствовала укреплению российской государственности¹. Деятельность Печатного двора не привлекала внимания исследователей из-за неверных представлений о чисто религиозном её характере, что вполне соответствовало государственной идеологии советского времени. В 1958 г. А.С. Зерновой был издан сводный каталог, составленный на основании сохранившихся экземпляров московской печати. Он до настоящего времени оставался единственным источником знаний о ранней печати Российского государства². Отношение к ранней московской печатной книге как к не представляющей исследовательского интереса закрепил редактор каталога и крупнейший исследователь ранней западной печати Н.П. Киселёв, пришедший к выводу о том, что МПД тиражировал книги «только для культа», и печатники совсем «не думали о просвещении народа»³. Столь безоговорочная оценка уважаемого учёного способствовала тому, что историческое и культурное значение кириллической печати долгие годы отрицалось, и исследования посвящались печатной книге более позднего или раннего времени. В последней четверти XX в. появились работы А.И. Рогова⁴ и С.П. Луппова⁵, выступавших против столь негативной оценки исторического значения деятельности московской типографии, но опираться они могли также только на каталог Зерновой, в котором не зафиксировано ни одного издания Азбуки, указаны лишь несколько изданий Часовника и Учебной псалтыри, традиционных — вместе с Азбукой — для

© 2021 г. И.В. Поздеева

¹ Поздеева И.В. Первые Романовы и царистская идея // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 41—52.

² Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог. М., 1958.

³ Киселёв Н.П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга. Исследования и материалы. М., 1960. С. 123—125.

⁴ Рогов А.И. Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII в. Ч. II. М., 1979. С. 155—169.

⁵ Луппов С.П. Книги в России в XVII в. Л., 1970.

России книг для обучения вере и грамоте, но в те годы о Часовниках и Псалтырях как об учебных книгах, как правило, не говорили. Реальный анализ историко-культурного значения деятельности МПД возможен лишь при условии достаточной полной реконструкции его репертуара XVII в. Частично это было сделано в конце XX в. исключительно для 1615—1652 гг.⁶ Только теперь составлен достаточно полный список изданий кириллической печати МПД XVII в., анализируемый в данной статье⁷.

В каталоге Зерновой учтены 445 изданий собственно Печатного двора, вышедших в XVII в. в Москве после Смутного времени⁸. В Архиве приказа Книг печатного дела удалось найти указания о выходе на Печатном дворе в эти годы 631 издания⁹. Впервые можно с уверенностью говорить о структуре издательской деятельности МПД, которая раскрывает цели, задачи и политику государства и церкви в отношении раннего московского книгопечатания. Тем более что в Архиве часто указаны не только время издания, но и тиражи, себестоимость и указная цена новых книг. Анализ данных Архива показал, что на МПД в XVII в. вышло 60 изданий Азбуки («Первоначальное учение детем»): 59 из них — самостоятельные издания, тиражи которых в первой половине XVII в. составляли от 1 до 6 тыс. экз. (самый большой тираж того времени). Стандартный тираж («завод») с 1640-х гг. на МПД составлял 1 200 экз. и увеличивался кратно: 2 400, 3 600, 4 800 и более. Во второй половине XVII в. Азбуку, как и ранее, печатали самыми большими тиражами — до 24 тыс. экз. Суммарный тираж известных сегодня московских изданий Азбук в XVII в. составлял 340 450 экз., что, несомненно, было рассчитано на обучение грамоте всех слоёв русского общества. Азбука стоила всего 2 деньги, и в лавке типографии даже 6-тысячный тираж торговые люди из разных регионов России раскупили всего за несколько дней, причём покупали «Первоначальное учение» по 100—500 экз. одновременно. Характер работы с документами Архива и содержание самих документов, естественно, не позволяют утверждать, что эти подсчёты абсолютно точны. Но нет сомнений, что учтены не менее 96—97% изданий Азбуки и 100% их тиражей.

Состав печатной Азбуки традиционен и постоянен: порядок и названия букв («Слов», «слово аз» и т.д.), трёхсложные слоги; образцы наиболее частых сокращений слов, число церковное (цифровое значение букв), имена просодии. Азбука печаталась в 8° долю на одном листе бумаги, т.е. представляла собой одну тетрадь в восемь листов. Сохранились только три экземпляра московской печатной Азбуки XVII в. (из 340 тыс.), вышедшие в 1685—1686 гг.¹⁰ Один экземпляр находится в собрании Арсения Верещагина (Ярославский музей-заповедник)¹¹, ещё два — в библиотеках Англии. «Начальное учение» или

⁶ Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора XVII в.: Методические рекомендации / Сост. И.В. Поздеева. М., 1986.

⁷ Список пока не опубликован. Предполагается, что он войдёт в новый том книги «Московский печатный двор: факт и фактор русской культуры. 1615—1700 гг.».

⁸ В каталоге учтены 497 изданий: 29 вышли в XVII в. до Смуты; 17 изданий напечатаны в типографии В.Ф. Бурцова, а шесть — в Верхней типографии.

⁹ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, 3.

¹⁰ В эти годы были напечатаны, судя по материалам Архива, восемь изданий Азбуки. В 1685 г.: 5 марта — 2 400 экз.; 3 августа — 4 800; 9 октября — 2 400; 13 декабря — 2 400. В 1686 г.: 19 июня — 2 400; 31 августа — 4 800; 22 декабря — 2 400 экз.

¹¹ Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли. 1652—1700. Ростов, 2009. № 586.

Азбука в типографии называлась в зависимости от состава добавлений: просто Азбука или Азбука учебная, Азбука с прибавкой, Азбука с орацеями. Первое известное её издание открывает московский Часовник 1631 г.; наиболее ранние самостоятельные издания вышли в 1634 г.¹² Неизвестные ранее издания Букварей (расширенных Азбук) в делах Архива приказа Книг печатного дела не обнаружены. Их всего пять общим тиражом только 4 820 экз. (пятое издание — Букварь Кариона Истомина — по указу напечатали всего в 20 экз. в июле 1696 г. для царских детей)¹³. В XVII в. Букварь, представлявший собой книжечку в ту же 8° (Букварь 1696 г. — 4°), но состоящую из 11 и более тетрадей (90—160 листов), стоил значительно дороже. Работа с Букварём как с учебником предполагала наличие учителя и экземпляра учебника у каждого ученика. Букварей было издано немного, и получить эту книгу могли ученики школ или работавшие с учителями индивидуально.

Традиционно в XVII в. после освоения Азбуки учились читать по Часовнику (Часослову), содержащему тексты суточных неизменяемых служб, которые во время богослужения в храме постоянно «были на слуху». Усваивая их, учащиеся одновременно получали знания о важнейших постулатах веры. Часовник до XVIII в. оставался основным и обязательным учебником грамоты и веры для русских людей всех сословий. В развёрнутом послесловии московского Часослова 1685 г. автор, обращаясь к родителям, говорит, что эту книгу необходимо «вручать детям... в златое детства время» как «началоположение жития христианского». Те должны радостно принимать книги, ибо «учащиеся дети писмен чтению, купно обыкнув молиться». Автор просит: «тщитесь чтити и разумети напечатанная, да и чтуще молитесь и молящиеся чтете... Ибо молитва есть ваше глаголение к Богу, чтение же — Божия к вам беседа»¹⁴. Изданий Часовника, как и других учебных книг, сохранилось немного. У Зерновой учтены всего 35 изданий МПД в XVII в. В делах приказа названо 72 издания общим тиражом 185 330 экз.¹⁵

Часовник при обучении мог заменить Канонник, в который (в зависимости от изданий) входили каноны основным праздникам церковного года и особо почитаемым святым: эти тексты также использовались для обучения чтению и вере. В 1636 г. на МПД впервые издали этот новый тип печатной богослужебной книги — Канонник, содержащий тексты, объясняющие и прославляющие богословскую сущность праздника и причины почитания святого¹⁶. Чтение канона при невозможности присутствия на богослужении в храме могло в определённой степени его заменить. Канонник сразу же стал использоваться для обучения чтению аналогично Часовнику. Эта книга могла быть полезной в любом храме, но особенно в личной библиотеке, так как далеко

¹² Поздеева И.В. Издания Московского печатного двора для обучения вере и грамоте. 1652—1700 гг. // Фёдоровские чтения. 2007. М., 2007. С. 201—202.

¹³ По указу от июня 1696 г. велено напечатать царевичу Алексею Петровичу «Букварь з десятисловием и с шестью совершенствы Нового Завета и с приветствиями... в полдеств на полуалександрийской бумаге шестью разными азбуками» в количестве 20 экз. (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 67, л. 107. См. также: Богданов А.П. Учёба царских детей XVII в. в изданиях государевой типографии // Фёдоровские чтения. 2003. М., 2003. С. 229—232, 236—246).

¹⁴ Часослов. М., 1685.

¹⁵ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 81, л. 153; д. 82, л. 192, 195; оп. 3, д. 247, л. 1—7. См. также: Поздеева И.В. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М., 2016. С. 220—221.

¹⁶ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 27, л. 147—148; д. 29, л. 119—124.

не всегда все члены семьи могли присутствовать на длительных церковных службах. И сегодня в некоторых общинах старообрядцев-«беспоповцев» даже в праздники служат не по Минее, а «канонном». Канонник на МПД был издан с 1636 до 1700 г. 14 раз. Общий тираж этой книги на МПД XVII в. — 31 400 экз. Понимая широкую востребованность нового издания, первоначально за книгу назначили высокую цену — 1 руб. 48 коп. за экземпляр, которую четырежды снижали, в итоге быстро распродав тираж по 1 руб. 18 коп. Первые пять или шесть изданий выходили тиражом 1 200 экз.; затем шесть изданий — 2 400, а два — 4 800 экз. форматом, как правило, в 8°; стоили они уже 30—33 коп., став гораздо более доступными. Завершением образования было усвоение Учебной псалтыри — «Книги книг», «Царь-книги» русского Средневековья.

Документы Архива приказа Книг печатного дела показывают, что издания для всеобщего обучения грамоте и вере были печатаны 204 раза общим тиражом более 670 тыс. экз. При невысокой цене их было достаточно для обучения грамоте и основам православной веры многих десятков тысяч людей из разных слоёв общества. Печатные Азбуки и Часовники при этом были рассчитаны на самые широкие социальные круги; Учебных псалтырей, завершавших образование, напечатали почти в три раза меньше, чем Азбук, а Часовников — в два. Очевидно, эти цифры соответствуют соотношению числа людей, получающих знание элементарной грамоты (усвоение Азбуки), к числу людей, научившихся чтению и пониманию Часовника (или Канонника) и других книг. Человек, освоивший христианское учение, роль и божественное значение государственной власти и себя как личности, легче мог найти своё место в современном ему обществе.

Видимо, только во второй половине XVII в. воплотилась сформулированная Иваном IV на Стоглавом соборе мечта о создании школ грамотности и о подготовке людей, способных быть учителями¹⁷. Во многих монастырях, при церквях, в домах знати возникли школы грамоты и веры. Работе этих заведений способствовали издания МПД, обеспечившего учителей не только книгами для учащихся, но и актуальным филологическим сборником, в котором Грамматика Мелетия Смотрицкого¹⁸ сопровождалась рядом важнейших текстов об истории создания грамматического учения, его всеобщей важности, роли в создании «грамматического любомудрия» отцов Церкви и российских святых, о сущности книжной sprawy. Предисловие к Грамматике содержало неповторимый гимн «святой науке Грамматике».

Важнейшим для организации новой школы стало издание методического пособия для учителей, обучающихся языку. Оно называлось «Наказание ко учителем, како им учить детей грамоте и како детям учиться чтению и пониманию Священного Писания». Логично, что «Наказание» входило в состав Часовников и Учебных псалтырей 1640-х — начала 1650-х гг. Самостоятельного издания «Наказания» в Архиве не зафиксировано. В каталоге Зерновой «Нака-

¹⁷ Российское законодательство X—XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 261—264; Поздеева И.В. Стоглавый Собор Ивана IV. Поставленные им задачи обучения и решение их в последующее время // Эпоха Ивана Грозного и её отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре. Сборник материалов научно-практической конференции «Зубовские чтения». Т. 2. Владимир, 2018. С. 46—60.

¹⁸ Вышла 2 февраля 1648 г. в количестве 1 200 экз. и продавалась в книготорговой лавке МПД по полтине (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 34, л. 247—251; д. 39, л. 506—506 об.; д. 42, л. 195, 204, 217 и др.).

знание» представлено лишь в одном достаточно редком издании Учебной псалтыри 1645 г. Удалось установить, что первая публикация методического текста вышла не позднее 1643 г., когда её включили в Часовник¹⁹. Далее, очевидно, этот текст входил в большинство изданий Часовников и Учебных псалтырей до начала 1650-х гг.

Экземпляры изданий Часовников XVII в., по крайней мере 37 изданий, не сохранились или не были известны Зерновой. Издания Часовника, описанные ею, известны в 1—2 экз., как правило, дефектных. В фонде института Матенадаран (Армения) мне удалось найти вышедший 10 июля 1649 г. полный московский Часовник, в начале которого находится текст «Наказания ко учителям». Возможно, он входил в издания Учебной Псалтыри 1 апреля 1647 г., 17 марта 1648 г., 24 июня 1648 г., состав которых эту возможность допускает. В этом тексте сформулированы и аргументированы основные принципы обучения: его строгая последовательность, обязательное твёрдое усвоение каждого раздела грамматики, неспешность обучения, свободное владение всеми правилами самим учителем, доступные пониманию всем учащимся объяснения.

«Наказание» постоянно подчёркивает, что обучение грамоте — дело божественное, завещанное самим Христом, поэтому учитель должен исполнять его с твёрдым знанием, старанием и терпением. В пособии излагаются задачи и разъясняется сложность преподавания всех разделов грамматического знания, полный объём которого учитель должен найти в Грамматике, на которую постоянно ссылается «Наказание». Само «Наказание» стало ответом МПД на острую полемику 1640-х гг. о судьбах языка печатной московской книги²⁰. Возможно, наличие в Часовниках 1643 и 1644 гг. «Наказания» объясняет их быструю распродажу. С 5 июня по 11 августа 1643 г. было распродано 1 696 экз. по 20 коп. и 1 184 книги за шесть дней продажи с 1 по 12 июня 1644 г. (книготорговая лавка работала не всегда).

При изучении Архива приказа Книг печатного дела удалось установить, что было отпечатано не одно, а два издания «Уложения судных всяких дел»: 1 200 экз. первого издания вышли 20 мая 1649 г., второе издание — 21 декабря 1649 г. тем же тиражом²¹.

Если новый список изданий московской типографии позволяет понять, как государство и Церковь были заинтересованы в образовании общества и насколько быстро реагировала московская печать XVII в. на требования изменяющейся ситуации, то анализ количества изданий иных типов книг подчёркивает неизменные особенности национальной культуры этого времени: уважение и внимание к книгам Писания и уставного богослужения на дни лунного и солнечного года. Все издания книг Писания и основных типов текстов для

¹⁹ Экземпляр этого издания А.С. Зерновой известен не был. Указ о начале печатания «Часовника учебного» датирован 7 февраля 1643 г. Тираж составил 2 400 экз. Вышла из печати книга 15 марта 1643 г. 2 393 продажных Часовника «стали по 4 а., цена — 6 а. 4 д.» (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 36, л. 283, 207 об.).

²⁰ *Верховская Е.Л.* Новое в тематике послесловий книг московской печати середины XVI в. // *Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 2. XVI — начало XVII веков.* М., 1989; *Поздеева И.В.* «Учиться надобно чисто, прямо, по существу и неспешно, знати существо словес и силу их» (Программа издания пособий для обучения грамоте Московским печатным двором в 30—40-х годах XVII в.) // *Историк и источник.* СПб., 2018. С. 557—578.

²¹ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 39, л. 655 об.—678; д. 42, л. 456—457, 463, 472. Издание церковного права — Кормчая книга — была отпечатана один раз; издание 1653 г. долго правилось, причём властям печатали книги для ознакомления и исправления.

богослужения сохранились до наших дней: данные документов Архива приказа Книг печатного дела совпадают с изданиями, зафиксированными в каталоге Зерновой. В 1615—1700 гг. на Печатном дворе вышли и сохранились экземпляры 21 издания Четвероевангелия на престольного, 18 изданий Апостолов, четыре полные годичные Минеи, четыре издания Минеи общей и 14 — Общей с праздничной, восемь изданий Октоиха. То же можно сказать и об изданиях Триодей: 16 раз напечатана Постная триодь и 13 — Цветная. В большинстве случаев тиражи этих книг были стандартными. Очень редко тиражи удваивались.

Евангелия, вышедшие на МПД в 1627 и 1628 гг., стали на много лет образцами для последующих изданий. Эта книга издавалась систематически, но с длинными интервалами в 3—5 и более лет. С 1633 г. до конца века тираж Евангелий был стандартным — 1 200 экз., однако в 1677 г. было отпечатано 2 400 книг, так как предыдущее издание вышло почти 10 лет назад — в 1668 г. В 1681 г. На престольное Евангелие отпечатали на александрийской большой бумаге «трех рук» в количестве 480 экз. (на большее количество книг не хватило бумаги), но следующее издание 1685 г. восполнило, очевидно, образовавшийся недостаток, так как были отпечатаны 2 тыс. книг. Затем все издания, кроме 1689 г., выходили тиражом 1 200 экз. Евангелие, изданное в 1689 г. (всего 150 экз.), было шедевром московского искусства книгопечатания — единственная печатная книга форматом «в лист» (т.е. в полный, а не сложенный лист бумаги), специальным очень крупным шрифтом²². Обильный орнамент на 10 книгах не был отпечатан и заменялся рукописным, а гравюры — соответствующими миниатюрами высочайшего качества. Эти книги не только показывают развитие искусства книгопечатания, но и служат реальным воплощением единства в культуре России XVII в. двух форм письменности²³. Общий тираж На престольного Евангелия в XVII в. составлял 24 750 экз. Это говорит о распространении Евангелия в основном в монастырских, приходских и домовых храмах и об отношении к Евангелию как к святыне, которую тщательно берегли²⁴. Издания Апостола выходили стандартным тиражом, кроме 1671 г., когда были напечатаны 2 400 экз. Общий тираж Апостолов в указанные годы составил 22 343 экз. Основные типы богослужебных книг выходили близким количеством изданий и, как правило, одним стандартным тиражом (1 тыс., 1 150, 1 200 экз.).

Другое дело — Служебники. Из-за многочисленных изданий времени патриаршества Никона (когда искали окончательный состав этого типа книги, а позднее издавали Служебники с Соборным свитком (1677—1678)) их вышло значительно больше — 26 изданий (все они сохранились). Служебник — книга, без которой невозможно уставное богослужение, так как только в ней находятся тексты всех трёх литургий: Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преж-

²² 254 мм — самый крупный шрифт на МПД XVII в. (Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли. № 612—616).

²³ В делах Архива говорится: «напечатать 150 книг Евангелиев великих на целом александрийском листу на стороне по одной странице, набором в странице по 16 строк большими словами и всяким большим заводом» (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 91, л. 43—52 (сметная роспись); д. 94, л. 124 об.; оп. 3, д. 87, л. 1).

²⁴ Поскольку в Архиве приказа Книг печатного дела не обнаружено ни одного издания этого типа книг, не известного А.С. Зерновой, очевидно, что таких изданий и не имелось, а утверждения, что они были известны, скорее всего, связаны с ошибками идентификации.

деосвящённых даров. Никон настолько высоко оценивал важность этой книги и её исправления, что за краткое время его патриаршества Служебник переделывался шесть раз. Книга выходила в августе 1655, июле 1656, марте и октябре 1657, мае и июле 1658 гг. (последние два издания — в двух частях, из которых вторая — толкование на литургию Константинопольского патриарха Паисия)²⁵.

Требник (или Потребник) — книга важная для верующего человека. Он содержит молитвы, чины, последования на все основные события жизни человека, семьи, общины, хозяйства, дома крестьянина или князя. Состав Требников постоянно менялся. Например, в ранних Требниках было восемь молитв на рождение ребёнка: молитва матери, повивальной бабки, на первое пеленание, на положение в колыбель и т.д. Менялся и состав многих чинив. Например, в первых изданиях текстов исповедей архиереям возникало много вопросов о так называемой симонии, а верующим запрещалось смотреть игры скоморохов, играть в шахматы и т.д. Требник — незаменимый исторический источник, позволяющий почувствовать ментальность народа, представления о единстве материального и духовного, раскрывает духовное осмысление многих материальных предметов, которое сформулировано в чине их освящения.

Интересны сведения Архива о несохранившемся до нашего времени «Потребнике архиерейском», отсутствие которого ранее объяснить не удавалось. В делах приказа он назван «Потребник большой печати святительский» или «Потребник соборный святительский». Сама книга до нас не дошла, но, несомненно, что в неё входил ряд чинив, сохранившихся отдельно. Например, «Чин мироварения и миропомазания»²⁶. Потребник святительский был поднесён властям и разослан по епархиям (тираж — 30 экз., цена — 2 руб. 25 коп.). Однако в текстах обнаружилось существенные недочёты, и разосланные книги было приказано вернуть. Сохранилось два издания архиерейского Служебника 1668 и 1677 гг. тиражом в 80 экз.

При работе с материалами Архива были выявлены около 50 изданий, которые, как правило, использовались для целей богослужения, но ранее на Московском печатном дворе самостоятельно не издавались. Цели этих изданий очевидны и ранее учитывались при работе типографии. Прежде всего, это стремление к духовному объединению общества путём включения в общерусское почитание прославляемых в разных регионах местных святых. Так было сделано при издании первого и второго полного годового круга Миней служебных 1620-х и 1640-х гг.²⁷ В середине и второй половине века эта цель соединилась со стремлением значительно расширить прославление самых почитаемых святых, заступников за Русскую землю и в то же время активных строителей Московского государства: митрополита Алексия, прп. Сергия Радонежского²⁸. К наиболее почитаемым святым на Руси с древних времён относился свт. Николай Чудотворец, который даже получил в народе именование «скорый помощник и тёплый заступник»; а в его житие добавили русские чудеса. Именно этим святым были самостоятельно изданы каноны, что действительно позволило значительно расширить их повсеместное почитание в народе. Там, где

²⁵ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 5, л. 596; д. 57, л. 449; д. 58, л. 16; д. 58, л. 22; д. 59, л. 188—191 об.; д. 55, л. 476 об.

²⁶ Там же, д. 66, л. 20; д. 67, л. 24; д. 69, л. 81 об.

²⁷ Лебедь М.В. Русские святые и праздники в московских печатных Уставах и Минеях первой половины XVII в. // Вестник Российского университета Дружбы народов. 2010. № 16. С. 123—129.

²⁸ РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 30, л. 1; д. 35, л. 3 об.—4; д. 36, л. 103—103 об.

не имелось близких храмов, в войсках, в дальних походах прочтение канона празднику при необходимости заменяло полную службу по Минее. Причём небольшие и дешёвые издания расширили почитание святых не только в пространстве государства, но и в социальном отношении, ибо молились этим святым все. Канон митрополиту Алексию издавался не три, как учтено в каталоге Зерновой, а пять раз, причём первоначально вместе с Каноном архангелу Михаилу в марте 1647 г., когда ещё была свежа память о царе Михаиле Фёдоровиче (1 200 экз., цена 2 коп.). В ноябре того же года издано ещё 1 200 экз. Канона, затем он издавался в 1659, 1684, 1689 и 1692 гг. Каноны Сергию Радонежскому самостоятельно изданы тиражами в 1 200 экз. в 1689 и 1692 гг. Ту же цель, что и Канон Алексею митрополиту, — прославление Алексея Михайловича Романова — преследовала и публикация Жития Алексия, человека Божия (2 400 экз., 1659 г.)²⁹. Другие не дошедшие до нашего времени издания МПД, как правило, также призванные расширить возможность совершения служб в полках и отдалённых малонаселённых пунктах, домовых церквях, там, где не имелось соответствующих типов книг для уставного богослужения. Прежде всего, это Каноны пасхальные (1682 г. — 3 600, 1686 г. — 4 800, 1700 г. — 4 800 экз.)³⁰.

Среди вновь выявленных изданий есть самые нужные каноны и молитвы для жизни каждого человека, независимо от его социального положения, которые могли исполняться вне храмовых стен. К таким изданиям относятся и зафиксированные в Архиве три издания молитв спальных и утренних. Их первое, очевидно, пробное самостоятельное издание (23 января 1678 г.) мгновенно раскупили (было отпечатано всего 300 экз. по цене 5 коп.). Второе издание вышло в январе 1679 г. уже в 1 200 экз., а третье, в сентябре того же года — в 3 600 экз. (цена 4—5 коп.)³¹. Один из самых необходимых молитвенных текстов — Канон за упокой души. Он был самостоятельно издан в 1680 и 1682 гг. общим тиражом 3 600 экз. ценой 2 коп. Более широкое значение имели пять несохранившихся изданий «Вечерен». Их отпечатали четырьмя изданиями (1649, 1652, 1653, 1662) общим тиражом 6 тыс. экз., а пятое (1669) вышло самым большим для тех лет тиражом (12 тыс. экз.) и содержало кроме «Вечери» также «Повечерие»³².

Необходимо упомянуть, что первое издание «Ектеньи о победе на безбожных агарян», также известное только по данным Архива, было напечатано по указу патриарха и вышло в мае 1687 г. в количестве 480 экз. Второе издание вышло 22 мая 1687 г. тиражом 1 200 экз. ценой 1 коп. (с переплётом — 3 деньги)³³, но раздавалось безденежно. Ещё одно издание этого текста, вышедшее в том же 1687 г. (7 июня), отпечатано в количестве 2 400 экз. Значение самостоятельного издания этого текста очевидно, так как общий молебен перед походом или боем, несомненно, поднимал дух русских воинов, а небольшой размер «Ектеньи» позволял иметь и читать её текст и молиться о победе в разных условиях военных действий. Тем более что Ектеня объясняла и цели борьбы — освобождение православных от власти неверных.

Однако самое интересное новшество середины XVII в., утвердившееся на МПД и до последнего времени неизвестное, — издание самых важных для того

²⁹ Там же, д. 98, л. 220.

³⁰ Там же, д. 44, л. 34; оп. 3, д. 192, л. 1—3.

³¹ Там же, оп. 1, д. 44, л. 34; д. 50, л. 247; д. 52, л. 247—248.

³² Там же, д. 44, л. 34; д. 50, л. 247; д. 52, л. 247—248 об., 250, 251 об.; д. 61, л. 169; д. 66, л. 130.

³³ Там же, д. 81, л. 259 об.—263.

времени текстов в виде настенных плакатов («на листу»). Первое такое издание относится к ноябрю—декабрю 1647 г. и вызывает вопросы. В ноябре 1647 г. были отпечатаны 2 400 листов «О поклонах». В том же году по 1 коп. продали 1 770 листов, 621 лист отдала для продажи в 1648 г. О чём говорилось для всеобщего ознакомления в листах о церковных поклонах в 1647 г. при патриархе Иосифе, которому не удалось последовательно провести даже запрет на «многогласие»³⁴, установить не представляется возможным. Причиной появления этих листов ещё до раскола может быть то, что уже в эти годы проблема земных поклонов активно обсуждалась, тем более что 7 декабря 1646 г. вышло издание, названное «Символы, рекше исповедание и о вере, и о богословии» (1 200 экз., цена 3 коп.)³⁵. Второе издание «Символов» вышло под тем же названием между 1 ноября и 3 декабря 1647 г., когда было отпечатано 1 200 листов по прежней цене³⁶. Сомнения в содержании этих листов едва ли возможны. Какой бы текст Символа веры ни был напечатан, очевидно, что в русском обществе уже обсуждались расхождения русского перевода этого основополагающего текста с греческими оригиналами, и именно они вызвали появление 1 200 листов об «исповедании веры». Уже 3 декабря продали 50 листов, а 1 148 были отданы для дальнейшей продажи. Из них 621 лист продали людям из Ярославля, Костромы, Углича, Нижнего Новгорода и Казани. Эти издания листов 1647 г. можно считать твёрдыми доказательствами актуальности для Церкви темы о земных поклонах и споров о тексте Символа веры задолго до реформ патриарха Никона. Именно этот текст стал одной из важнейших причин раскола. Можно предположить, что издания 1647 г. соответствовали традиции, т.е. требовали выполнения земных поклонов.

Следующее издание листов о поклонах сомнений не вызывает: они содержали запрет патриарха на так называемые метания, т.е. земные поклоны во время великопостной молитвы Ефрема Сирина. 2 400 листов были отпечатаны 3 апреля 1657 г. Их себестоимость составляла 2 коп. с полушкой. Очевидно, имелось ещё какое-то издание листов о поклонах, которое не раскупалось — «в мир не шли», так как в 1668 г. на МПД ещё хранились 1 800 листов. Позднее вышел указ о том, что «старые» 2 тыс. листов «Указов о поклонах» следует отпустить на технические нужды типографии. Указ о поклонах вызывал в народе недовольство и даже возмущение. Известен факт вынесения анонимной анафемы — самого страшного церковного наказания — неизвестному человеку, замазавшему на стене в Чудове монастыре такой лист дёгтем. В 1655 и 1668 гг. на листах отпечатали «Лествицу» — очевидно, гравюру с изображением восхождения души на небеса по лестнице духовного совершенствования. Широко востребованными были издания «Святцев на листу», т.е. настенного изображения церковного календаря на весь год. Несомненно, эти издания (1663, 1664, 1679) общим тиражом 20 400 листов имели важное значение, так как вся жизнь личности, семьи и общества зависела от церковного календаря, а книгу Свят-

³⁴ Для сокращения времени богослужения в церквях одновременно читали и пели несколько текстов, что делало службу совершенно непонятной, а требования Церковного устава исполнялись чисто формально.

³⁵ Символ веры. 7 декабря 1646 г. (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 44, л. 33—33 об.); 3 января 1647 г. (Там же, д. 44, л. 38—38 об.); Листы о поклонах. Вышли в ноябре 1647 г. 2 400 л. (Там же, д. 39, л. 486—487).

³⁶ В первом случае говорится о «книгах», во втором — о листах (РГАДА, ф. 1182, оп. 1, д. 44, л. 33—33 об.).

цев могли иметь далеко не все, хотя её изданий также оказалось больше, чем учтено в каталоге Зерновой.

Издание листа с часами на кругах тоже было очень важным и дополняло издание листов Святцев, так как уставное суточное богослужение возникло и сложилось в странах, близких к экватору, где день и ночь равны, и соответствующие службы начинаются всегда в установленное время. В России же продолжительность дня и ночи постоянно в течение года изменяются. Поэтому вплоть до XVII в. указания о времени начала, например, вечерни звучали как «перед заходом солнца», а повечерия — «по заходу солнца мало». Листы с «часами на кругах» позволяли легко и наглядно на каждый день всех 12 месяцев определить время начала суточной службы. 15 июня 1663 г. вышли 3 600 экз. листов, названные «Указные часы на кругах», хотя их содержание и функция полностью раскрыты в документах приказа об издании этих листов в марте 1687 г. (4 800 л.): название указывало на изображения «Кругов месечных кождо месеца и в кои день часы дневныя и ношныя прибывают и убывают под ними же рождение и ущербы луны»³⁷. Нашедший подлинный лист с часами на кругах О.Р. Хромов и Р.А. Симонов решили, что листы издавались для башенных часов, которых в России даже в конце века было едва ли много³⁸. А листов с часами на кругах отпечатано 8 400 экз. Несомненно, эти листы предназначались для любого храма, хотя и часовщики башенных часов могли пользоваться такими листами.

Начиная с конца 1640-х гг. на МПД отпечатали 12 изданий пяти типов настенных листов со справочными данными и текстами, необходимыми каждому верующему и в каждой церкви. Почти 40 тыс. экз. этих изданий могли находиться в тысячах церквей и административных помещений, так как святцы (месяцесловы) определяли жизнь не только человека и семьи, но и всего государства, и даже один экземпляр такого листового издания мог предоставить необходимую информацию сотням людей. Материалы Архива приказа Книг печатного дела значительно расширили наши представления о московской печати XVII в. со времени восстановления типографии до конца столетия: теперь известны дополнительно 186 изданий. Знание о несохранившихся выпусках позволяет принципиально и доказательно пересмотреть и достаточно полно представить цели деятельности Московской типографии и историко-культурное значение её изданий. С полным основанием можно утверждать, что для обучения грамоте и вере отпечатали третью часть всех изданий общим тиражом более 670 тыс. экз. Целью статьи не было ещё раз подчеркнуть значение изданий Государева печатного двора в укреплении Российского государства и развитии его культуры, в усилении роли Церкви, в борьбе с наступлением католичества и идей Реформации³⁹. Необходимо было выяснить, какие ещё цели преследовали многочисленные издания, не известные ранее, каким слоям

³⁷ Там же, д. 81, л. 248—250.

³⁸ Хромов О.Р., Симонов Р.А. «Часы на кругах» — первое точно датированное 1663 г. листовое московское издание // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3(25). Как показано выше, это не первое, а восьмое московское листовое издание.

³⁹ Поздеева И.В., Дадыкин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. Кн. 1. 1615—1651. М., 2001; Поздеева И.В. Человек. Книга. История...; Поздеева И.В. Московская печать в первой половине XVII века и российская государственность // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. Т. 2. М., 2019. С. 15—33.

общества они адресовались. В более ранних исследованиях эти книги могли не учитываться, так как их экземпляры не сохранились и не были выявлены. Обнаруженные по документам Архива приказа Книг печатного дела ранее неизвестные издания МПД направлялись на обучение широких кругов русского народа грамоте и вере и на создание возможности совершать молитвенное прославление важных церковных праздников, молитвы почитаемым святым, прежде всего покровителям государства Российского, совершать молебны о победе над врагами в любых условиях вне стен храмов. С точки зрения государственного развития российского общества и характера его веры эта издательская деятельность стала явлением Нового времени или важным инструментом его подготовки. И именно МПД, как это демонстрируют новые данные, систематически, умело и целенаправленно создавал необходимые условия перехода страны в новую эпоху. Вновь выявленные материалы показывают просветительские цели издательской деятельности московской типографии как важного направления политики Московского государства, заинтересованного в грамотности и активности российского общества.

Тверское княжество в XIII в. — середине 1360-х гг.

Елена Конявская

Principality of Tver during 13th century — mid 1360s

Elena Konyavskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014456-2

Тверское княжество возникло в первое десятилетие монгольского господства над русскими землями. Как независимое государственное образование оно просуществовало до 1485 г., став одним из самых развитых и могущественных политико-административных образований Северо-Восточной Руси. Соответственно, велика роль Тверского княжества в истории Руси, формировании основных путей её развития. Во второй половине XIII — XIV в. тверские князья занимали владимирский стол или вели за него борьбу.

Ранее, в XII в., Тверь и города, которые впоследствии вошли в Тверское княжество, находились в составе Владимирской земли (в 1212—1238 гг. — в Переяславском княжестве). Сама Тверь была основана в XII в. как крепость на правом берегу Волги при впадении в неё Тьмаки. Скорее всего, Тверь входила в число шести волжских городов («городков»)¹, взятых Изяславом Мстиславичем с новгородцами в 1149 г. у Юрия Долгорукого, т.е. к тому времени город существовал. Прямое же упоминание Твери имеется в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божией Матери», которое надёжно датируется 1163—1164 гг. Сюжет «9-го чуда» Владимирской иконы содержит подробности, позволяющие заключить, что город к 1160-м гг. был уже заметным административным центром, управлялся боярином-наместником Андрея Боголюбского². В нём располагались боярская усадьба, церковь, имелось своё духовенство. Археологические данные указывают на поселения и в более ранний период. На территории кремлёвского мыса выявлен культурный слой, который начал формироваться до середины XII в., срубные постройки 1149 и 1150 гг., а также дубовая городская оборонительная стена указанного времени «гаковой» (крюковой) конструкции, которая на основании серии радиоуглеродных дат относится ко времени не позднее середины XII в. Рядом с дубовой стеной располагалась плотная городская застройка: постройки, частоколы, мостовые. К этому же времени отно-

© 2021 г. Е.Л. Конявская

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времён до наших дней». Публикуется в целях апробации.

¹ Названы Дубна, Шоша и Кснятин (*Кучкин В.А.* Город Дубна на реке Дубне // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 308—319).

² *Кучкин В.А., Сумникова Т.А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 485—487, 507—508.

сится свинцовая печать Ростислава Мстиславича Смоленского. Подтверждают такую датировку и другие археологические данные³.

Летописное сообщение 1215 г. информирует о том, что Ярослав Всеволодович двух бояр (новгородского и новоторжского), «оковавъ», отправил под стражу в Тверь⁴. Тверь упоминается и под 1208 г.: оттуда ехал Константин, сын Всеволода Большое Гнездо, с братьями. Тверь и близлежащие территории были центром событий 1216 г., в частности, Ярослав Всеволодович ждал в Твери своих братьев для соединения войск и дальнейшей борьбы против смоленского князя Мстислава Удатного за власть в Новгороде.

Город пережил разорение во время Батыева нашествия: в летописях Тверь указана среди городов, которые были взяты монголами в феврале 1238 г. Здесь погиб сын Ярослава Всеволодовича, имя которого не названо. К тому времени относится найденный археологами боярский клад древнерусских серебряных украшений (видимо, укрытый спасавшимися от завоевателей). Среди предметов клада трёхбусинные височные кольца, звёздчатые и лучевые колты, ясна, бусы, медальоны-бляхи, створчатый браслет. О высоком уровне ювелирного дела свидетельствует техника изготовления украшений. Это скань и зернь, в ряде случаев использована чернь и гравировка⁵.

После разорения и пожара 1238 г. Тверь быстро восстановилась как поселение и крепость. Выше угольной прослойки от сгоревшей в XIII в. деревянной стены было возведено сложное оборонительное сооружение, включавшее в себя конструктивные элементы из сосновых полусрубов⁶. Статья 1245 г. Новгородской первой летописи (НПЛ) свидетельствует о том, что в это время Тверь ещё управлялась княжескими наместниками из Переяславля, но уже говорится о войске тверичей. Княжеским центром город стал после 1246 г. (после смерти Ярослава Всеволодовича).

Новое княжество включило в себя самую западную территорию Владимирского княжества. На западе тверские границы достигали района верхневолжских озер, принадлежавших Новгороду, а на востоке — устья р. Жабни, правого притока Волги, гранича с выделившимся из состава Ростовского княжества Угличем. На севере граница Тверского княжества проходила по левому берегу Волги, но не уходила далеко на север от волжского левобережья, поскольку упиралась в болотистые и лесные пространства. Основная территория княжества простиралась на юг от правого берега Волги, где условия для хозяйственной деятельности были значительно благоприятнее. Здесь протекали такие правые притоки Волги, как Вазуза, Держа, Тьмака, Шоша, Нерль Клязьминская, Жабня. По ним легко было добраться до главных центров Владимирского княже-

³ Хохлов А.Н. Древняя Тверь: к вопросу формирования антропогенного ландшафта и городской территории // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3(69). С. 154—155; Хохлов А.Н., Иванова А.Б. О датировке тьмацкой линии укреплений Тверского кремля // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. Вып. 16. М., 2020. С. 431—439.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 53.

⁵ Хохлов А.Н., Кунгурцева С.А. Тверской клад 2014 г. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь, 2016. С. 113—123.

⁶ Хохлов А.Н., Сафарова И.А., Иванова А.Б., Кунгурцева С.А. Тверской Кремль в XII—XV вв. по материалам археологических исследований последних лет // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X международной научной конференции. 9—13 сентября 2019 года. М., 2019. С. 217; Хохлов А.Н., Иванова А.Б. О датировке... С. 436.

ства, а по Вазузе — до Смоленска. Основой всей речной системы Тверского княжества было верхнее течение Волги, на берегах которой ещё в домонгольское время выросли города Тверь, Княгинин, Шоша, Дубна, Зубцов, в XIII в. вошедшие в состав Тверского княжества. В период монгольского владычества над Русью значение волжского речного пути резко возросло, поскольку завоеватели контролировали большую часть этого пути и были заинтересованы в развитии здесь торговли и промыслов, особенно рыбного и соляного. Тверь, хотя и находилась почти в исходной точке этого пути, стала играть важную экономическую роль не только на пространстве собственно Тверского княжества, но и по отношению к своим западным и северо-западным соседям — Смоленску, Новгороду, позднее — Литовскому государству.

Общая площадь Тверского княжества составляла примерно 21,1 тыс. кв. км⁷. Наибольшая плотность населения была на землях в верховьях Волги, северо-западная часть княжества оставалась мало пригодна для жизни из-за непроходимых лесов и болот. Крупнейшие города княжества: Княгинин (основан вскоре после 1135 г.), Зубцов (впервые упоминается в 1216 г.), Кашин (первое упоминание в 1288/89 г.), Старица (основан в 1297 г.), Клин (впервые упоминается в 1317 г.), Микулин (впервые упоминается в 1363 г.)⁸.

Видимо, Тверь первоначально получил Александр Ярославич (Невский)⁹, на что указывает договорная грамота Михаила Ярославича Тверского и Новгорода 1296 г., где, в частности, говорится: «А кто будет давныхъ людий въ Торъжку и въ Волоць, а позороваль ко Тѣри при Олександрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ»¹⁰. Из этой статьи ясно, что одно время до Ярослава в Твери княжил Александр. Также можно сделать вывод о том, что в то время у Твери были тесные связи с соседними новоторжскими и волоцкими землями и там имелись жители тверского подчинения.

Позднее (вероятно, в 1252 г., когда Александр Ярославич стал князем владимирским) в обмен на Переяславль он передал Тверь брату — князю Ярославу Ярославичу, ставшему родоначальником тверских Рюриковичей. По крайней мере, под 1253 г. он фигурирует в качестве тверского князя (в Лаврентьевской летописи (*Лавр.*) и Рогожском летописце назван «Тферским»)¹¹. Под этим годом сообщается о его бегстве от монгольского войска — согласно *Лавр.* и Рогожскому летописцу (под 6762 г.) — в Ладогу, НПЛ под 6761 г. сообщает о его вокняжении во Пскове¹². Статьи НПЛ и *Лавр.* за эти годы следуют мартовскому стилю, и, видимо, в последней можно видеть некий сбой или ошибку, так как если зимнее известие (о Ярославе) перенести в ней на конец предыдущего года, всё станет на свои места и совпадёт с хронологией НПЛ. В обоих известиях речь идёт о зиме, князь бежит, «оставя свою отчину» (а это, в свою очередь, означает, что к 1253 г. Ярослав владел Тверью). НПЛ добавляет, что он шёл «из Низовское земли», а *Лавр.* — что он бежал со своими боярами, и уточняет, что уехал он из тверских пределов «по Крещении» (6 января). Таким образом,

⁷ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 165.

⁸ Возможно, городом было и Святославле поле, упоминаемое в летописях под 1339 г.

⁹ См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 114—115.

¹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее — ГВНП). М.; Л., 1949. № 4. С. 14.

¹¹ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 473.

¹² НПЛ. С. 80.

перед нами сообщение об одной и той же поездке, которая, видимо, началась с бегства в Ладогу, а завершилась вокняжением во Пскове.

Отъезд Ярослава Ярославича был вызван тем, что он поддерживал брата Андрея в его выступлении против Орды и после преследования монгольского отряда (так называемой Неврюевой рати), возможно, намеревался, подобно Андрею, бежать за пределы Руси — в Швецию¹³. Вернуть своё княжество Ярославу удалось, видимо, только в 1257 г., когда Александр, Андрей, Ярослав Ярославичи, а также ростовский князь Борис Василькович отправились в Орду «чтить» хана Улагчи, с которым Андрей и Ярослав могли начать отношения «с чистого листа» и получить ярлык на свои отчины.

Видимо, в 1265 г. Ярослав получил владимирский и новгородский столы, продолжая управлять и Тверским княжеством. Именно Тверь оставалась местом его постоянного пребывания (в летописях говорится, что новгородцы посылали за Ярославом в Тверь, а это означает, что, уже будучи владимирским князем, он продолжал жить в своей отчине). Археологи отмечают обновление укреплений в Твери в 1260-х гг.¹⁴ К 1266 и 1268 гг. относятся две договорные грамоты Ярослава Ярославича с Новгородом, где упоминается о его тверской отчине наряду с «Суздальской землей» — Северо-Восточной Русью: «А что, княже, мыть по твоей земли, и по [и]ной волости, и по всей Суздальской земли»¹⁵.

Анализируя взаимоотношения Тверского княжества с Ордой в период княжения Ярослава, Э. Клюг определил их характер как «позитивный»¹⁶. Тем не менее очевидно, что в начале своей политической деятельности Ярослав, напротив, заложил основы нелояльного отношения тверичей к татарской власти. Он поддержал старшего брата Андрея, не подчинившегося монголам, а взятие Переяславля и потеря близких не могли не упрочить его личного неприятия ордынцев. Летописи упоминают лишь две поездки Ярослава в Орду. Однако санкцию от Орды на владимирское княжение следовало получить, поэтому такая поездка и в 1263/64 г. (по-видимому, в Сарай) должна предполагаться¹⁷.

Важными для Твери были отношения с Литвой, упорно расширявшей свои владения на восток. Однако проследить некую последовательную тенденцию поддержки Ярославом Ярославичем той или иной партии в Литве трудно. Для Тверского княжества оказался важен сам факт плотных контактов с литовской и полоцкой элитой, который делает понятным, почему владыка полоцкий Симеон ушёл в стабильную и безопасную Тверь вместе с другими полочанами или литовцами¹⁸. По инициативе Ярослава Ярославича в Твери была создана епископская кафедра, на которую призвали вышеупомянутого полоцкого епископа Симеона. Точная дата основания кафедры неизвестна, но, по-видимому, это случилось после 1265 г., поскольку такие действия Ярославу было проще

¹³ См. подробнее: *Коняевская Е.Л.* Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII — первой трети XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь, 2019. С. 169.

¹⁴ *Хохлов А.Н.* Некоторые аспекты взаимоотношений Твери, Новгорода и Литвы в третьей четверти XIII века // Великое прошлое. Тверь, 1998. С. 52—53.

¹⁵ ГВНП. № 2. С. 11.

¹⁶ *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 65.

¹⁷ *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 72, примеч. 1.

¹⁸ *Коняевская Е.Л.* «Симеон из Полотска» — первый тверской епископ // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь, 2017. С. 17—24.

совершить в статусе владимирского князя. Характерно, что на смену Симеону на тверскую кафедру пришёл епископ Андрей, сын литовского князя Герденя, который, по-видимому, появился в Твери примерно в это же время (или после гибели отца в 1267 г.), поскольку к моменту получения владычной кафедры он был игуменом в тверском Отроче монастыре. Такой приток людей из других менее безопасных и привлекательных для жизни регионов и в дальнейшем был для Тверского княжества ресурсом, способствовавшим его успешному развитию.

Призвав авторитетного владыку — полоцкого епископа Симеона — и создав в княжестве епископскую кафедру, Ярослав Ярославич сделал важнейший шаг, который дал возможность Тверскому княжеству выдвинуться в сильные и влиятельные государственные образования Северо-Восточной Руси. Летописи сообщают, что именно владыка Симеон с «игумены и попове» вёз умершего по дороге из Орды Ярослава Ярославича в Тверь и хоронил его в главном тверском храме Козьмы и Дамиана¹⁹, хотя как владимирский князь Ярослав мог бы быть упокоен во Владимире. Решение, принятое и осуществлённое епископом, оказало серьёзное влияние на формирование в Твери своего некрополя правителей. Симеону же принадлежит инициатива ведения летописных записей при владычной кафедре²⁰.

После смерти Ярослава Ярославича севший на тверской стол его сын Святослав вопреки прежним союзническим связям отца с владимирским князем Дмитрием Александровичем принял сторону княжившего в Костроме Василия Ярославича, выступавшего незадолго до смерти Ярослава его противником. В 1272 г. Святослав, как указывает НПЛ, «съ тфърици» «начаша воевать волость новгородскую: Волокъ, Бѣжици, Вологду»²¹. В ответ Дмитрий двинулся на Тверь. Таким образом, начало княжения Святослава как главы тверского дома ознаменовалось военным столкновением Тверского княжества с Новгородом, чего до тех пор не случалось. Считается, что Святослав всегда стремился к союзу с сильнейшим князем. Но можно предполагать и другое: ещё при жизни Ярослава Ярославича могла существовать договорённость о занятии владимирского стола Василием. В Рогожском летописце есть известие о том, что в последнюю поездку в Орду Ярослав поехал вместе с Василием и Дмитрием, и Святослав мог считать долгом поддержку Василия.

С восхождением на тверской стол Михаила Ярославича, сына Ярослава Ярославича от второго брака, начался новый этап в развитии Тверского княжества. Показательно, что первое летописное известие о Михаиле — это сообщение о строительстве им вместе с матерью великой княгиней Ксенией Спасо-Преображенского собора — будущего символа Твери. И это был первый каменный храм в Северо-Восточной Руси, возведённый после начала монголь-

¹⁹ К востоку от храма археологи обнаружили остатки построек того же времени, среди которых была найдена печать Ярослава Ярославича (*Хохлов А.Н.* Древняя Тверь: к вопросу формирования антропогенного ландшафта... С. 154). При раскопках на месте каменного собора были выявлены захоронения, принадлежавшие старому некрополю — церкви Козьмы и Дамиана (*Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Некрополь середины XII—XIII в. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. С. 61—98).

²⁰ *Конявская Е.Л.* Тверское владычное летописание конца XIII—XIV в. // Средневековая Русь. Вып. 9. М., 2011. С. 139—152.

²¹ НПЛ. С. 322.

ского завоевания. Раскопки на месте взорванного в 1935 г. кафедрального собора²² обнаружили фрагменты белокаменной кладки, со стороны южного входа в храм сохранилось белокаменное крыльцо. Одноглавый и четырёхстолпный собор, построенный из известняка, был богато украшен резьбой и фресковой росписью, имел галерею и три притвора²³. При Михаиле Ярославиче церковное строительство (в том числе и каменное) развивалось и далее. Поблизости от Твери находился Отроч монастырь, возведение его каменного Успенского собора предположительно относят к концу XIII — началу XIV в. Видимо, с конца XIII в. существовала деревянная церковь Св. Афанасия на тверском посаде. В начале XIV в. Софья Ярославна, сестра Михаила Ярославича, построила на его территории женский монастырь с церквями. Тогда же, скорее всего, возвели церковь Михаила архангела «на брезъ» (Волги). Была она каменной или деревянной — сведений нет.

Княжеский дворец, построенный, по-видимому, примерно в одно время со Спасским собором, был деревянным (возможно, двухэтажным). В 1298 г. во дворце случился пожар, который, скорее всего, не только не перекинулся на другие постройки двора, но и, возможно, затронул лишь покои и жилые помещения князя и княгини, поскольку перечисляются утраты ценностей: «погорѣ немало имѣнья, золота и сребра, оружья, портъ»²⁴. Видимо, более серьёзные разрушения нанёс пожар 1316 г., который был потушен «множеством людий»: сгорело 20 дворов. В конце XIII в. шла застройка южной и восточной части кремля, оформлялись границы городских усадеб. Примерно этим же временем — концом XIII — началом XIV в. — датируются три берестяные грамоты²⁵ и каменное орудие с азбукой²⁶.

Тверь в конце XIII в. искала и приобретала союзников. В летописном сообщении 1285 г. говорится о нападении Литвы на «Тфѣрьскаго влдкы волость» Олешню²⁷. При этом отражали нападение на эту волость не только тверские силы, но и москвичи, волочане, новоторжцы, зубчане, ржевичи (в Симеоновской летописи добавлены и дмитровцы). Правда, союзные отношения, о которых свидетельствуют совместные действия против литовцев, были нарушены уже в 1288 г. Великий князь Дмитрий Александрович «созва братью свою Андреа Александровича и Данила и Дмитриа Борисовича и вси князи, яже суть подъ нимъ, и поиде съ ними ко Тфѣри» против не захотевшего «покоритися великому князю Дмитрию»²⁸ Михаила. Участники похода опустошили пределы Кашина, сожгли Кснятин и направились к Твери. Михаил Ярославич выступил с тверскими силами навстречу, однако столкновения не произошло, князья заключили мир. Упоминание в таком контексте Кашина (первое в письменных

²² *Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012—2014 гг. // *Российская археология.* 2018. № 2. С. 148—160.

²³ Позднее он был обогашён двумя приделами, над которыми при епископе Феодоре Добром соорудили золочёные кресты, в самом храме украшался алтарь, сделаны медные двери со стороны владычного двора, намощён мраморный пол.

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 484.

²⁵ *Рождественская Т.В.* Тверские берестяные грамоты № 3—5 // *Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-1, 1993—1997 гг.)*. СПб., 2001. С. 185—189.

²⁶ *Рождественская Т.В.* Надписи на предметах // *Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение...* С. 211.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 483.

²⁸ Там же. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 34.

источниках) свидетельствует о том, что город был хорошо укреплен (девятидневная осада успеха не принесла). Тогда же сожгли и Кснятин, бывший к тому времени, видимо, менее значимым городом.

В начале 1293 г. Михаил Ярославич ездил в Орду, вероятно, к правителю Ногаю, враждовавшему с ханом Тохтой. По свидетельству «Жития Софьи Тверской», цель этой поездки — «заступить» «крестьяне от нашествия поганых»²⁹. Михаил Тверской и Даниил Московский вновь выступили как союзники, теперь оба — на стороне Дмитрия Александровича. Их противники во главе с Андреем Александровичем получили поддержку Тохты, причём поездка Андрея Александровича к этому правителю предшествовала поездке Михаила³⁰. Результатом обращения Андрея к Тохте стал приход на Русь отряда Тудана (Дюдены) с целью устроить союзников Дмитрия Александровича, опиравшихся на покровительство Ногая. Разорив Переяславль, татары направились к Твери, однако столкнулись с решимостью тверичей оказать серьёзное сопротивление даже в отсутствие князя, пребывавшего в Орде. Татары отошли от Твери к Волоку, затем к Переяславлю «и поидаша въ свояси»³¹. В договорной грамоте Михаила Ярославича и Новгорода 1296 г. предусмотрены совместные действия новгородцев, тверичей и москвичей: в случае «тяготы» тверскому князю «от Андрѣя, или от тат(ар)ина, или от иного кого» новгородцы должны «потянути» с ним, «а не отступити» от него «ни въ которое же веремья»³². Важно заметить, что в этом ряду упоминается и «татарин», возможность противостояния которому рассматривается Михаилом в той же мере, как и с другими недругами.

В 1297 г. князь заложил крепость «Городок» на р. Старице (будущая Старица). Не позднее второго десятилетия XIV в. стал удельным центром Клин. Таким образом, в конце XIII — начале XIV в. в Тверском княжестве возникали и росли города у рубежей Тверской земли: на северо-востоке — Кашин, на западе — Старица, на юго-востоке — Клин.

Союз тверского, московского и переяславского князей стал распадаться после смерти Ногая в 1300 г. Михаил начал поддерживать Андрея Александровича. В Дмитрове состоялся княжеский съезд: «Тогож(е) лѣт(а) оучиниша снемъ оу Дмитрова Андрѣи княз(ь) великый, Михаило княз(ь) Тфѣрьскый, Данило княз(ь) Московскый, Иван княз(ь) Дмитриевич ис Переяславля и взаша миръ межю собою, а Михаило с-Иваном не докончалъ межю собою»³³. Из летописного текста ясно, что Михаил Ярославич с одним из прежних союзников — Иваном Дмитриевичем Переяславским — вошёл в конфликт. Союз же с Андреем Александровичем ознаменовался участием в 1301 г. Михаила в походе Андрея и новгородцев на шведов³⁴.

В 1304 г. Андрей Александрович умер. По свидетельству Жития Михаила Ярославича, он завещал Михаилу владимирское княжение, «ему же по ста-

²⁹ Гадалова Г.С. Повесть о княжне Софье Ярославне Тверской как исторический источник по истории и культуре Тверского края // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002. С. 138.

³⁰ Кучкин В.А. Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 112—113.

³¹ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 83.

³² ГВНП. № 4. С. 14.

³³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 485.

³⁴ Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008. С. 310—311.

рѣшиньству дошелъ быше степени великого княжения»³⁵ как старшему из рода Ярослава Всеволодовича. Эта информация хорошо согласуется с известием НПЛ о том, что после преставления Андрея Александровича его бояре «ехаше во Тферь»³⁶. Поддерживал Михаила Ярославича и митрополит Максим. Вместе с другим претендентом на великое княжение, московским князем Юрием Даниловичем, Михаил отправился в Орду, где от хана Тохты получил ярлык на великое княжение; в 1305 г. он вернулся на Русь. Михаил Ярославич принял титул «великий князь всея Руси» (по образцу титула митрополита), о чём известно из посланий Константинопольского патриарха. Титул давал ему право подчинять себе нетитулованных князей. Монах тверского Отроча монастыря Акиндин обращался к Михаилу Ярославичу, как к «Богомъ съхраненному и благочестивому и благочестія держателю, великому князю Михаилу и честному самодержцю рускаго настованія»³⁷, подчёркивая верховность и суверенность власти Михаила Ярославича на всей Руси. Хотя власть Орды оставалась реальной, закладывались основы для борьбы с нею.

Как и его отец, своим основным местом пребывания Михаил выбрал Тверь. Здесь продолжалось церковное и гражданское строительство, росла экономическая мощь столицы княжества. Письменные и археологические источники, данные нумизматики позволяют говорить о развитости международных связей Твери — с Византией, Западной Европой и Востоком. В частности, среди вещей археологи фиксируют перстни, а также фрагменты обуви западноевропейского производства. В Твери уже в XIII—XIV вв. развивались ювелирное дело и кожевенное ремесло. Археологические данные позволяют говорить о существовании бронзолитейных, косторезных мастерских, камнесеченого и камнерезного производств³⁸. Тверичи держали домашних животных (процент крупного рогатого скота невелик, преобладали свиньи), существенную роль в их жизни играли рыболовство и охота (доля костей диких животных по отношению к домашним в Твери значительно выше, чем в Москве и Великом Новгороде). Очевидно, что одна группа лесных зверей добывалась ради мяса (лось, благородный олень, северный олень, косуля, кабан, медведь, заяц), другая — ради пушнины (лиса, волк, бобр, куница, соболь, барсук, белка, выдра)³⁹. В Тверской земле было развито бортничество, о чём свидетельствует, в частности, берестяная грамота № 5, где упоминаются ульи на «дубиях», которые бортники помечали зарубками-метами⁴⁰. Среди зерновых культур в конце XIII в. преобладала рожь, позже выросла доля пшеницы, культивировались также овёс, ячмень и др.⁴¹ При Михаиле Ярославиче велось великокняжеское летописание (оформлен Свод 1305 г.), работали книгописные мастерские.

³⁵ Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 130.

³⁶ НПЛ. С. 92.

³⁷ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. VI. Ч. I. СПб., 1880. Стб. 149.

³⁸ Лапшин В.А. Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009. С. 250.

³⁹ Ланцева М.Е., Лапшин В.А. Результаты определения костных остатков млекопитающих из раскопок 1994—1997 гг. в Тверском кремле // Тверской кремль: Комплексное археологическое источниковедение... С. 171—180.

⁴⁰ Рождественская Т.В. Тверские берестяные грамоты № 3—5. С. 187—189.

⁴¹ Кирьянова Н.А. Зерновые материалы из раскопок в Тверском кремле // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение... С. 149—170.

Важным направлением политики Михаила было сохранение контроля над Новгородом. Ещё во время его пребывания в Орде в 1305 г. тверские бояре тщетно пытались посадить в Новгороде его наместников. Новгородцы отдавали предпочтение московским князьям. По всей вероятности, из-за этого Михаил Ярославич дважды предпринимал походы на московские территории. 16 июля 1307 г. он занял новгородский стол. Заключённому в том году договору великого князя с Новгородом⁴² предшествовала серия проектов⁴³. Но мирного княжения на новгородском столе у Михаила не получилось. В 1312 г. в результате конфликта с новгородцами князь свёл из Новгорода своих наместников и, перекрыв пути («Торжек зая и Бежичи и всю волость»⁴⁴), организовал хлебную блокаду Новгорода. После переговоров, на которые отправился новгородский архиепископ Давыд, князь «ворота отвори» и отправил в Новгород наместников. Повторные попытки новгородцев посадить на стол князя московского в 1316 г. привели к военному конфликту. 10 февраля Михаил Ярославич при поддержке татар разгромил у Торжка новгородское войско. Наместник Юрия Даниловича, его брат Афанасий и новгородские бояре оказались в заложниках в Твери. «Кремник» Торжка Михаил «повелъ разнести»⁴⁵. После этого было составлено докончание, которое до нас не дошло, а в январе — начале февраля 1317 г.⁴⁶ его заменили другим, составленным при новом посольстве владыки Давыда⁴⁷. Новгородцы выплатили за сидевших у Михаила «в тали» огромную сумму в 12 тыс. гривен серебра.

Неудачной для Тверского княжества в целом оказалась политика Михаила в отношении митрополичьей власти. После смерти поддерживавшего его митрополита Максима вопреки ожиданиям Михаила Ярославича кафедру занял владыка Пётр. Попытка тверского епископа Андрея на Переяславском соборе конца 1310 или начала 1311 г. обвинить митрополита в симонии не увенчалась успехом, хотя нет сомнения, что тверской владыка обладал в то время большими возможностями. Несмотря на имеющееся согласие константинопольского патриарха провести расследование по выдвинутым великим князем обвинениям, Михаил Ярославич (впрочем, как и его антагонист Юрий Данилович) на соборе не присутствовал, не было и других авторитетных князей и иерархов северо-восточных земель. На собор приехали сыновья Михаила — 12-летний Дмитрий и 9-летний Александр. В «Житии митрополита Петра» говорится, что Михаил Ярославич находился тогда в Орде, но эта информация не подтверждается другими ранними источниками. Никаких оценок или намёков на позицию братьев на соборе в Житии нет. Видимо, результатом определённого компромисса стало особое положение тверского епископа (по крайней мере на некоторое время). Уникальное известие в Рогожском летописце и Тверском сборнике сообщает о поставлении (именно в Твери) епископов митрополитом Петром «съ епископом Андреомъ»: в 1311 г. 20 марта был поставлен Харлампий (на какую епископию — неизвестно), а «на оутриа въ недѣлю» на Ростовскую кафедру хиротонисан Прохор. Однако проблемы во взаимоотношениях твер-

⁴² ГВНП. № 9—10.

⁴³ Там же. № 6, 7 (см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 153—155).

⁴⁴ НПЛ. С. 94.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 36.

⁴⁶ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 49.

⁴⁷ ГВНП. № 11.

ского владыки с митрополитом Петром остались и привели к тому, что через пять лет Андрей покинул кафедру, удалившись в монастырь⁴⁸. Поскольку он умер только через семь лет и, перестав возглавлять епархию, оставался духовным авторитетом для тверичей, можно думать о том, что его уход с кафедры был вынужденным. Более того, уже находясь в монастыре, он не оставил участия в политической жизни Твери: в статье 1321 г. тверских летописей говорится, что он «доконча миръ» между «Михайловичами» и Юрием Московским.

В результате интриг московского князя Юрия и вероломной политики Орды Михаил летом 1317 г. утратил великое Владимирское княжение. Если до этого момента у Михаила Ярославича, как в своё время и у его отца Ярослава Ярославича, не было оснований противопоставлять свою отчину Владимирскому княжению, то теперь, согласно «Житию Михаила Ярославича», тверской князь обратил к Юрию знаменательные слова: «Брате, аже тебѣ дал Богъ и царь княжение великое, то и азъ отступлю тебѣ княжения, но в мою оприснину не вступаися». И далее говорится, что Михаил Ярославич уходит в свою «вѣтчину»⁴⁹. Летописи, отразившие тверское летописание, сообщают, что после переговоров с Юрием Даниловичем Михаил вернулся в Тверь и занялся укреплением Тверского кремля⁵⁰. Вскоре к тверским пределам двинулись Юрий и его союзники (включая татарский отряд под предводительством ордынского посла Кавгадыя) и принялись разорять окрестности Клина. Одновременно к торжокско-тверскому рубежу пришли новгородцы, также нанося урон тверским землям. Перед принятием решения о выступлении против нарушивших договоренность противников Михаил просил совета у епископа, князей (видимо, речь идёт о союзниках Михаила Ярославича, возможно, дмитровских, ростовских и угличских князьях)⁵¹ и бояр: «Буду ли в чемъ виновать, скажите ми». Они же «единѣми усты со слезами рекоша: “Правъ еси, господине, во всемъ пред своимъ сыновцемъ, таково смирение сътворилъ еси... А ныне, господине, поиди противу имъ”»⁵². После не удовлетворивших стороны переговоров, не дав соединиться противнику с новгородскими силами, Михаил с союзниками быстро выступил навстречу и разбил их (погибло 200 человек с новгородской стороны). Тогда же, в первой декаде ноября 1317 г., с новгородцами был заключён сепаратный мирный договор⁵³. Юрий же углублялся на тверскую территорию, «села пожгоша и жито, а люди въ пленъ поведоша». За 15 вёрст до Твери его войска остановились и стояли в течение пяти недель. При этом велись переговоры, о чём сообщают тверские летописцы: «И ездisha послове от Кавгадыя к великому князю Михаилу много, а все с лестию, и не бысть межи има мира»⁵⁴. 22 декабря 1317 г. в 40 верстах от Твери у Бортенева между противниками состоялась битва. Михаил Ярославич одержал в ней полную победу. Кавгадый, видя близкое поражение, вышел из боя: «Повеле дружине своей стягы поврещи, а сам, не любуя, поиде в станы»⁵⁵. Брат Юрия Борис, многие другие князья, жена Юрия — сестра хана Узбека Кончака — попали в плен. С Юрием затем был установлен мир, скреплённый составленным в феврале

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 36.

⁴⁹ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 134.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 37.

⁵¹ Кучкин В.А. Договорные грамоты... С. 52, примеч. 118.

⁵² Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 135.

⁵³ ГВНП. № 12.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 37.

⁵⁵ Там же. Стб. 38.

1318 г. договором Твери, Москвы и Новгорода⁵⁶. Договор этот, впрочем, как и другие договоры с Новгородом, показывает, что прохождение путей через тверские территории давали Твери возможность контролировать проезжающих торговцев, гонцов и посольства в Орду. Сам же Михаил назывался «братом» Юрия, т.е. подчёркивалось их равное положение перед поездкой в Орду для разрешения спора о великом княжении, на которое, видимо, Михаил считал возможным вновь претендовать (о чём свидетельствует его поездка во Владимир летом 1318 г.).

Вражда с Москвой, таким образом, лишь разгоралась, кроме того, в Твери умерла Кончака. Оба князя отправились в Орду для окончательного разрешения конфликта. В Орде у хана к тому времени уже находился сын Михаила Константин. Кавгадый и Юрий обеспечили поддержку своей позиции с помощью недругов тверского князя. В результате в Орде Михаилу предъявили ряд обвинений, в частности, что он «противу посла (Кавгадыя. — *Е.К.*) бился». Михаил ответил, что посла он «съ мною честию отпусти». Следующее обвинение — в сокрытии дани, хотя ранее в Житии Михаила говорится, что выход был передан, а сам Михаил подтвердил: все отданные «сокровища» у него «исписаны». И, наконец, отверг он и обвинение в том, что «повелель оуморити» Кончаку: «ни на мысли ми того сътворити». Тем не менее его обвинили и приговорили к смерти за нелояльность: «Яко неключимъ есть нам, не послѣдуетъ нравомъ нашимъ»⁵⁷. Последние месяцы и дни жизни князя в ордынском плену описаны в «Житии Михаила Ярославича» сопровождавшим его в эту последнюю поездку духовником, игуменом Отроча монастыря Александром. 22 ноября 1318 г. тверского князя казнили. Такой исход не представлялся очевидным, поскольку Тверское княжество было богатым и развитым, и Михаил Ярославич обладал материальными ресурсами, авторитетом и влиянием в русских землях. И даже столь печальный итог развития событий не закрыл возможности борьбы между Тверью и Москвой.

Перед поездкой в Орду Михаил Ярославич «написать им (сыновьям. — *Е.К.*) раздели имь отчину свою»⁵⁸. Судя по владениям внуков и правнуков Михаила Ярославича, по этому завещанию его старший сын Дмитрий получил Тверь, Александр — Зубцов, Константин — Клин, Василий — Кашин⁵⁹. После смерти Михаила Ярославича тверской стол занял его старший сын Дмитрий Михайлович, который, судя по тому, что переговоры с Юрием о выдаче праха отца вёл его брат Александр, не желал и не считал для себя возможным иметь дело с Юрием Московским, виновником гибели Михаила Ярославича. Но решение о переговорах было принято, безусловно, обоими братьями, которые с юного возраста действовали сообща. Останки убитого князя Юрий выдал семье лишь в 1320 г. за большой выкуп.

Несмотря на малый срок княжения, Дмитрий внёс вклад в укрепление политического положения княжества своим браком с дочерью литовского князя Гедимина (заключён в 1321 г., брак был бездетным), установив тем самым союз Твери с Литвой. На основании археологических данных можно утверждать, что

⁵⁶ Кучкин В.А. Договорные грамоты... С. 336—337.

⁵⁷ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 143.

⁵⁸ Там же. С. 140—141.

⁵⁹ Кучкин В.А. Права и власть великих и удельных князей в Тверском княжестве второй половины XIII—XV века // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы международной научно-практической конференции. Тверь, 2009. С. 218.

в 1321—1323 гг. в монастыре Св. Феодора (в нём в начале XIV в. был переписан церковный устав на греческом языке, хранящийся ныне в библиотеке Ватикана) построили каменный храм.

Под 1321 г. тверские летописи сообщают, что Дмитрий «съ братією», с тверскими и кашинскими полками выступил против шедшего на Кашин Юрия Московского. При посредничестве бывшего тверского владыки Андрея стороны помирились, заключили окончание. Осенью 1322 г. Дмитрий отправился в Орду и получил ярлык на великое княжение Владимирское. Видимо, хан утратил доверие к московскому князю, задержавшему выход, собранный для выплаты Орде (он уехал с ним в Новгород)⁶⁰.

О деятельности Дмитрия Михайловича как великого князя владимирского известно немного. Сохранилось упоминание о подтверждении им более раннего великокняжеского вклада во владимирский Рождественский монастырь. Речь шла о селе Весьском «в Суждале и иное, что пишет в тех грамотах»⁶¹. По упоминанию в новгородском договоре 1327 г. можно понять, что он в нарушение обязательств покупал сёла в Новгородской земле⁶².

Дмитрий был одержим идеей мести за смерть отца. 21 ноября 1325 г. в Орде он убил своего врага и соперника Юрия Даниловича. Спустя почти год, 15 сентября 1326 г., его казнили по приказу хана Узбека за то, что убил московского князя «безъ цесарева слова». После гибели Дмитрия тверским князем стал Александр, которого хан сделал и великим князем владимирским. Согласно новгородским летописям, он пришёл с ярлыком из Орды с «должницами», от которых было много тяготы людям. В 1327 г. в Тверь прибыл ханский представитель — Чол-хан (в русских источниках Шевкал, Щелкан), разместился в княжеской резиденции, а пришедший с ним татарский отряд творил насилия и грабежи тверичей, взимая дань. В ответ вспыхнуло восстание, которое возглавил князь Александр Михайлович. Оно охватило не только Тверь, но и другие тверские города. В ответ на эти действия тверичей зимой 1327/28 г. Тверское княжество подверглось нападению и разгрому карательными войсками ордынцев («Федорчуковой рати»), к которым присоединились силы некоторых русских князей во главе с московским князем Иваном Даниловичем Калитой. От ханского гнева из Тверской земли бежали все члены тверского княжеского дома как ответственные за действия против ордынцев.

Однако вскоре стало ясно, что хан Узбек повелел «взыскать» только великого князя Александра Михайловича. Александра псковичи посадили у себя на стол, а его братья и княгиня-мать вернулись в пределы княжества. Тверским князем стал Константин Михайлович. Ему предстояло восстановить жизнь в разорённом княжестве, и, по свидетельству летописей, он в этом преуспел. Согласно летописям, Константин княжил «тихо и мирно», не ссорился с московским княжеским домом, с которым породнился ещё при Юрии Даниловиче, женившись на его дочери Софье. Более того, в 1329 г. он участвовал со своими силами в походе Ивана Калиты к Пскову для «взыскания» своего мятежного брата Александра. До прямого военного столкновения дело, однако, не дошло.

⁶⁰ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2001. С. 54—55.

⁶¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 86. С. 118.

⁶² ГВНП. № 14. С. 27.

В 1335 г. на Русь из Орды вернулся старший сын Александра Фёдор, которого, по всей видимости, он отправлял к хану Узбеку, готовясь затем ехать туда и сам. В 1337 г., получив благословение митрополита Феоноста, Александр Михайлович поехал в Орду. Добровольный приезд князя весной 1337 г. хан Узбек встретил благосклонно, и Александр Михайлович, получив ярлык на тверское княжение, вернулся в Тверь, где Константин добровольно уступил ему княжеский стол. Из Орды Александр Михайлович приехал в сопровождении «сильных» ханских послов Киндяка и Авдула, от которых много было «тягости христианомъ». По свидетельству Рогожского летописца, «бояре мнози отъеха на Москву къ великому князю Ивану»⁶³. Причиной могла послужить напряжённая обстановка в связи с приездом ханских послов и их поборами (возможно, складывалась ситуация, сходная с 1327 г.), или речь идёт о боярах, служивших ранее Константину, но, как подчёркивают летописи, Александр «не оукончавъ» с Иваном Даниловичем. Результатом стало крайне недолгое княжение Александра, пожалованного ханом его «отчиной» Тверью. В 1339 г. его вызвали в Орду и казнили вместе со старшим сыном Фёдором.

В Твери вновь вокняжился Константин Михайлович. Второй период его княжения характеризовался большей самостоятельностью: Константин не участвовал в походе 1340 г. татарских и русских войск на Смоленск, съезде князей и походе на Торжок 1341 г. Лишь в конце княжения Константина Михайловича, в 1346 г., возник серьёзный конфликт («нелюбие») между ним, вдовой Александра Михайловича великой княгиней Анастасией и его племянником Всеволодом Александровичем, получившим после смерти отца Холмский удел. В разрешение конфликта были вовлечены Москва и Орда. Причина «нелюбия» в летописи определена следующим образом: Константин «начя имати бояре ихъ и слуги в серебрѣ за волости чрезь людцкую силу»⁶⁴. Исследователи по-разному истолковывали эту фразу, но на сегодняшний день наиболее верной представляется интерпретация В.А. Кучкина, который понимает действия тверского князя как попытку собирать повышенную дань с бояр и слуг наследников Александра Михайловича, живших на тверских территориях, подвластных Константину⁶⁵. Всеволод обратился за поддержкой в Москву к великому князю владимирскому Симеону Гордому, а затем, как и Константин, поехал в Орду. Там в 1346 г. Константин умер, а Всеволод получил ярлык на тверской великокняжеский стол. Передачу великого княжения Тверского Всеволоду, видимо, пытался оспорить Василий Михайлович Кашинский, младший сын Михаила Ярославича. Он в отсутствие Всеволода послал своих кашинских данщиков собрать дань в Холмском уделе Всеволода Александровича. С этой данью он отправился в Орду, но по дороге был ограблен Всеволодом и поддержки хана не получил.

На тверском столе Всеволод находился недолго. Уже в 1349 г. при участии епископа Феодора дядя и племянник пришли к соглашению, по которому тверское великое княжение перешло к Василию Михайловичу. Теперь притеснения Всеволода Александрович стал терпеть от другого своего дяди: Василия Михайлович, вспомнив почему-то, что племянник в своё время его ограбил, начал, по свидетельству летописи, Всеволода «обидѣти чрезь dokonчание и бо-

⁶³ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 48.

⁶⁴ Там же. Т. X. СПб., 1885. С. 217.

⁶⁵ Кучкин В.А. Права и власть великих и удельных князей... С. 219—220.

ярь его и слугъ его тягостию данною оскорбляти»⁶⁶. В Рогожском летописце сообщается о попытке в 1357 г. разрешения этого спора, в который были вовлечены московский князь, митрополит и тверской владыка: «Того же лѣта князь Всеволодъ ездил къ митрополиту къ Олексею в Володимерь съ жалобами на дядю на своего на князя на Василя о своихъ обидах, что ся ему оучинило от него чересь dokonчание. А князь Василии возма любовь со князем с Ываном по митрополичю слову. Тако же и приехал к нему и владыка Федоръ и, быв оу митрополита, не возма любви, опять поехала во Тфѣрь». Союз, о котором говорится в этом тексте, проявил себя со стороны Москвы в том же 1357 г., когда к новому хану Бердибеку отправились русские князья, в их числе Василий и Всеволод. У Переяславля Всеволоду преградили путь «князя великого намѣстници» (великим князем в то время был отец Дмитрия Донского Иван), они «не дали емоу поути, и онъ поеха въ Литвоу». Поддержали Василия и в Орде: в 1358 г. Всеволода выдали Василию, и он претерпел «томление велико», которое распространилось на его бояр и слуг, а чёрным людям была «продажа данная велика»⁶⁷. Владыка Феодор, не преуспев в отстаивании прав Всеволода, даже хотел оставить епископскую кафедру, но митрополит Алексей ему этого не позволил⁶⁸. Позиция Феодора в данном конфликте отнюдь не означает, что владыка действовал заодно со Всеволодом в любой ситуации. Когда в Тверь приехал соперник митрополита Алексия Роман, как сообщает под 1360 г. Никоновская летопись, Феодор с ним даже «не видѣся», Всеволод же «много сотвори честь и дары даде Роману митрополиту, и паки повелѣ его проводити въ Литву с честію»⁶⁹.

В 1360 г., когда поддержка Василия Ордой прекратилась, а Всеволод, напротив, получил помощь Литвы, установился мир: в 1362—1363 гг. Всеволод «взялъ миръ со братьею, а князь Василеи трети их очины отъступилса и раздѣлишася волостьми»⁷⁰. Под братией, видимо, понимались три брата Всеволода: Михаил, Андрей и Владимир. Можно думать, что между дядей (Василием Михайловичем) и племянниками (Александровичами) был заключён договор. Последовавшая жалованная тарханная и несудимая грамота князей Отрочу монастырю удостоверяла широкие финансово-экономические полномочия его архимандрита. Вместе с тем совместная грамота подтверждала отсутствие у братьев и их дяди противоречий и, возможно, указывала на роль архимандрита в примирении членов тверского княжеского дома. Князья уповали на монастырские молитвы за упокой умерших членов княжеского дома и о здравии живущих.

В 1365 г. начавшийся мор унёс жизни многих тверских князей, в том числе и Всеволода Александровича, что изменило политическую ситуацию в Тверском княжестве. На политическую арену вышел Михаил Александрович, князь микулинский, который вскоре занял тверской великокняжеский стол.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 217.

⁶⁷ Там же. Т. XV. Вып. 1. Стб. 65—67.

⁶⁸ Епископ Феодор, безусловно, пользовался большим авторитетом в Твери. В его епископство при владычной кафедре велось летописание, благодаря чему мы имеем многочисленные свидетельства о его заботе об украшении церквей, знаем, что княгиня Анна (в иночестве Софья), вдова Михаила Ярославича, особо почитала владыку.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 231. В более кратком варианте это известие читается в Рогожском летописце (см. подробнее: *Конявская Е.Л.* Тверское владычное летописание... С. 149).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 69.

Архиерейские «поместные» и «оброчные» дети боярские Тверской епархии XVII—XVIII вв.

Андрей Матисон

Bishop's «local» and «quitrent» Boyar scions of the Tver diocese in the 17th—18th centuries

Andrej Matison

(Central State Archive of the City of Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870014457-3

Историки обстоятельно изучают социальную структуру России в разные хронологические периоды, и, на первый взгляд, основные аспекты этой темы исследованы. Известны все категории населения, существовавшие в Российском государстве (по меньшей мере в Позднее Средневековье) и тем более в Российской империи. Но в ходе анализа источников можно встретить и лишь мимоходом упомянутые в историографии социальные группы. Две подобные группы — архиерейские «поместные» и «оброчные» дети боярские — стали предметом исследования в этой статье, основанной на материалах Тверской епархии.

Вопрос о статусе архиерейских детей боярских получил отражение в исторической литературе. Сведения о них вошли как в общие работы, посвящённые истории архиерейских домов¹, так и в работы, рассматривающие собственно архиерейских служителей². Данные о них включены также в исследования, связанные с историей конкретных архиерейских домов: Великоустюжского³, Вологодского⁴, Казанского⁵, Новгородского⁶, Ростовского⁷, Тобольского⁸. Оценки архиерейских детей боярских (особенностей их службы, социального

© 2021 г. А.В. Матисон

¹ *Перов И.* Епархиальные учреждения в Русской Церкви в XVI и XVII веках (историко-канонический очерк). Рязань, 1882; *Флора Б.Н.* Архиерейский дом в конце X—XVII в. // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 532—534.

² *Лохвицкий А.В.* Очерк церковной администрации в древней России // Русский вестник. 1857. Т. 7. [Кн. 2]. С. 209—272; *Кантерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874.

³ *Черкасова М.С.* Великоустюжский архиерейский дом: открытие и начальный этап деятельности (1682—1700 гг.) // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 193—271.

⁴ *Гневашев Д.Е.* Двор вологодского архиепископа в XVII в. // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Материалы межрегиональной научной конференции. Вып. 7. Вологда, 2001. С. 139—149.

⁵ *Покровский И.М.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906.

⁶ *Греков Б.Д.* Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения, организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). Ч. 1. СПб., 1914.

⁷ *Мельник А.Г.* Дети боярские, служившие Ростовским митрополитам в XVII в. // VIII Золотарёвские чтения. Тезисы докладов научной конференции (16—17 октября 2000 г.). Рыбинск, 2000. С. 19—21; *Мельник А.Г.* Ростовский митрополичий двор в XVII в. // Сообщения Ростовского музея. Вып. 1. Ростов, 1990. С. 132—144.

⁸ *Никулин И., свящ.* Структура Тобольского архиерейского дома в 90-е годы XVII в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. Вып. 2(8). С. 120—138; *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012.

состава и прочих аспектов их истории) у исследователей во многом совпадают. По мнению Н.Ф. Каптерева, разделение на собственно бояр и детей боярских при архиереях произошло одновременно с аналогичным делением во всем государстве — с XV в.⁹ К числу основных функций архиерейских детей боярских относились: военная «государева» служба¹⁰; охрана архиереев¹¹; служба в качестве приказчиков для управления архиерейскими вотчинами¹²; служба десятильниками (десятинниками) для сбора податей и пошлин с духовенства, надзора за клириками, судебных разборов¹³; служба стряпчими (для представления интересов архиерейских кафедр в Москве, а с начала XVIII в. — и в Санкт-Петербурге)¹⁴; исполнение разного рода иных поручений без замещения определённых должностей (в качестве писцов, рассыльных и др.)¹⁵.

За свою службу дети боярские получали от архиереев земельные поместья, денежное и хлебное жалованье, а также иные доходы¹⁶. Решением Стоглавого собора 1551 г. архиерейские дети боярские, как и другие архиерейские светские чиновники, номинально были удалены от сбора дани в епархиях (решение это не реализовали окончательно), что положило начало снижению их роли¹⁷. Решениями Соборов 1666—1667 гг. и особенно 1675 г. их лишили судебных функций, отстранили от управления епархиальным духовенством и окончательно отобрали право сбора податей¹⁸.

С точки зрения исследователей, в начале XVIII в. произошло окончательное снижение значения архиерейских детей боярских, а по мнению некоторых историков — даже юридическое прекращение их существования: часть из них отчислили от архиерейских домов, главным образом в военную службу, других записали в подушный оклад и только некоторые остались служителями при епархиальных архиереях¹⁹.

⁹ Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 474; Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 104—105; Покровский И.М. Указ. соч. С. 289; Флоря Б.Н. Архиерейский дом... С. 533. По мнению А.В. Лохвицкого, военная повинность для архиерейских детей боярских прекратилась со второй половины XVI в., поскольку они не упоминаются в разрядных книгах (Лохвицкий А.В. Указ. соч. С. 221). Это мнение нельзя признать справедливым: источники подтверждают факт военной службы архиерейских детей боярских и в XVII в.

¹¹ Гневашев Д.Е. Двор вологодского архиепископа... С. 144; Мельник А.Г. Дети боярские... С. 19; Мельник А.Г. Ростовский митрополичий двор... С. 135; Покровский И.М. Указ. соч. С. 292.

¹² Гневашев Д.Е. Двор вологодского архиепископа... С. 144; Греков Б.Д. Указ. соч. С. 384; Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 106, 181; Никулин И., свящ. Структура Тобольского архиерейского дома... С. 127; Покровский И.М. Указ. соч. С. 323—324; Флоря Б.Н. Архиерейский дом... С. 533.

¹³ Лохвицкий А.В. Указ. соч. С. 221; Перов И. Указ. соч. С. 113—114, 117; Флоря Б.Н. Архиерейский дом... С. 533; Харина Н.С. Тобольский архиерейский дом... С. 91—92.

¹⁴ Гневашев Д.Е. Двор вологодского архиепископа... С. 145; Греков Б.Д. Указ. соч. С. 198; Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 183—184; Никулин И., свящ. Структура Тобольского архиерейского дома... С. 127; Флоря Б.Н. Архиерейский дом... С. 533.

¹⁵ Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 105—106; Никулин И., свящ. Структура Тобольского архиерейского дома... С. 127; Перов И. Указ. соч. С. 117.

¹⁶ Гневашев Д.Е. Двор вологодского архиепископа... С. 144; Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 101; Лохвицкий А.В. Указ. соч. С. 220; Мельник А.Г. Ростовский митрополичий двор... С. 135; Никулин И., свящ. Структура Тобольского архиерейского дома... С. 132—133; Перов И. Указ. соч. С. 70—71; Харина Н.С. Тобольский архиерейский дом... С. 101—102; Черкасова М.С. Великоустюжский архиерейский дом... С. 219—220.

¹⁷ Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 21, 121—122, 125; Флоря Б.Н. Архиерейский дом... С. 533.

¹⁸ Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 22, 25, 129—130; Лохвицкий А.В. Указ. соч. С. 222—223; Перов И. Указ. соч. С. 117; Флоря Б.Н. Архиерейский дом... С. 533.

¹⁹ Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 59, 100; Лохвицкий А.В. Указ. соч. С. 220.

Историки отмечали преимущественное происхождение архиерейских детей боярских из среды «служилых по отечеству». Однако со временем в их числе (особенно во второй половине XVII в.) оказалось немало выходцев из других социальных категорий (в том числе податного населения)²⁰. Вместе с тем большинство исследователей пишут об архиерейских детях боярских как о единой группе, не выделяя внутри них отдельные категории. Только А.В. Лохвицкий и Н.Ф. Каптерев отметили, что Соборное уложение 1649 г. отличало «старинных», «природных» детей боярских от вновь поступивших «не природных»²¹. Каптерев также указал, что Соборное уложение делило патриарших и архиерейских детей боярских на три статьи²². О делении новгородских архиерейских детей боярских на три статьи упоминал и Б.Д. Греков²³. Ни в одной из работ я не встретил анализа отдельных категорий архиерейских детей боярских: «домовых», «поместных» или «оброчных». Каптерев писал о существовании «домовых» детей боярских, постоянно находившихся при архиереях и составлявших, по его выражению, «придворный штат»²⁴. Греков отметил упоминание в источниках «поместных» и «безпоместных» архиерейских детей боярских²⁵. Указаний на существование особых «оброчных» архиерейских детей боярских в историографии нет.

При изучении архиерейских служителей исследователи сталкиваются со значительными трудностями источниковедческого характера. Далеко не все архивы архиерейских домов, содержащие данные о местных служителях, сохранились в полной мере. Только в некоторых случаях до нас дошли полноценные документальные комплексы, причём отдельные материалы даже оказались опубликованы²⁶. К сожалению, это не относится к документам Тверского архиерейского дома, большая часть которых была уничтожена во время пожара Твери в 1763 г.²⁷ При изучении местных архиерейских служителей необходимо опираться на другие источники.

Одно из основных мест среди этих источников занимают переписные книги последней четверти XVII — начала XVIII в., содержащие данные о архиерейских детях боярских, в первую очередь — Тверского уезда. Не менее важны документы ревизий (переписные книги и сказки), содержащие информацию о «поместных» и «оброчных» архиерейских детях боярских, главным образом материалы первых трёх ревизий XVIII в. по Тверском уезду (1720—1760-е гг.)²⁸. Сведения об архиерейских детях боярских в XVIII в., равно как и о других категориях населения, вносились в исповедные росписи. Важную информацию о

²⁰ *Гневашев Д.Е.* Двор вологодского архиепископа... С. 144; *Покровский И.М.* Указ. соч. С. 294; *Черкасова М.С.* Великоустояжский архиерейский дом... С. 197—198. И.М. Покровский отметил, что к началу XVIII в. понятие «боярский сын» при архиереях указывало не на происхождение, «а скорее на звание и служебное положение» (*Покровский И.М.* Указ. соч. С. 294).

²¹ *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 97; *Лохвицкий А.В.* Указ. соч. С. 220.

²² *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 74—75, 100.

²³ *Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 485.

²⁴ *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 105—106.

²⁵ *Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 524, 543.

²⁶ Приходно-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.

²⁷ РГАДА, ф. 280, оп. 3, д. 683, л. 1 об.

²⁸ Там же, ф. 350. В работе использована также переписная книга недействительных служителей 2-й ревизии, хранящаяся в Государственном архиве Тверской области (далее — ГА ТО) в фонде «Тверская казённая палата» (ф. 312, оп. 6, д. 10).

всех категориях архиерейских служителей содержит переписная книга Тверского архиерейского дома, составленная в 1702 г. стольником Михаилом Фёдоровичем Пушкиным²⁹. В числе других категорий архиерейских служителей в эту перепись включены «поместные» и «оброчные» дети боярские Тверского и Кашинского уездов. Ещё один сходный документ (опись Тверского архиерейского дома и его вотчин), содержащий более скудную информацию об архиерейских служителях, был составлен в ходе подготовки к секуляризационной реформе в 1763 г.³⁰ Отдельные фрагменты делопроизводственной документации Тверского архиерейского дома, уцелевшие после пожара 1763 г., отложились в фонде Тверской духовной консистории³¹.

Документы позволяют говорить о разделении архиерейских детей боярских на «домовых», «поместных» и «оброчных». В переписной книге Тверского архиерейского дома 1702 г. сначала перечислены именно «домовые» дети боярские, состоявшие при архиерейском доме. Двое из них занимали места стряпчих, в отношении других, как правило, указано: «бывает в домовых вотчинах на приказах». Значительная часть из них получала денежное и хлебное жалованье из архиерейской казны. При этом некоторые из «домовых» архиерейских детей боярских показаны землевладельцами, другие — нет («а жилого и пустого поместья за ним ничего нет»)³².

Отдельно помещена перепись «Тверскаго уезду Преосвященнейшаго Сергия, архиепископа Тверскаго и Кашинскаго, помесным детям боярским 1702 году»³³. Отмечено, что в перепись включены «домовые» архиерейские дети боярские, «которые живут в поместьях на домовых архиерейских и приписных монастырей вотчинных землях в Тверском уезде»³⁴. Первыми поименованы представители старинных дворянских семей Лазарь Прокофьевич Чашников и Алексей Иванович Бибииков, за которыми написаны отдельные поместья «из домовых архиерейских земель», а за Чашниковым, кроме того, в вотчине полсельца и несколько пустошей — «жалование великого государя»³⁵. Далее указаны многочисленные «поместные» дети боярские, живущие, как правило, по несколько семей в каждом селе, сельце или деревне своими дворами³⁶. В отношении них неизменно присутствует запись: «Денежного и хлебного жалованья из домовых архиерейских казны им ничего нет, служат с поместья» или сходная по форме³⁷. Во многих случаях «поместным» детям боярским были даны и архиерейские пустоши. В отношении некоторых из них, проживавших совместно, присутствует указание: «А владеют они тем поместьем по жеребьям»³⁸. В одном сельце два поля были за «поместными» детьми боярскими, третье — за архиерейскими крестьянами³⁹. Остаётся не до конца ясным, в чем именно заключались функции «поместных» детей боярских, но, вероятно, именно они оказывались на «государевой» военной службе. В переписи 1702 г. 16 сыновей

²⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 46.

³⁰ Там же, ф. 280, оп. 3, д. 683.

³¹ ГА ТО, ф. 160.

³² РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 107—114 об.

³³ Там же, л. 269 об.

³⁴ Там же, л. 270.

³⁵ Там же, л. 270—271.

³⁶ Там же, л. 271 об.—280.

³⁷ Там же, л. 272 об.

³⁸ Там же, л. 276.

³⁹ Там же, л. 279 об.

или братьев «поместных» детей боярских Тверского уезда отмечены как взятые в военную службу («в даточные»), тогда как в ситуации с «домовыми» детьми боярскими таких примеров зафиксировано только два⁴⁰.

В той же переписной книге несколько дворов архиерейских детей боярских указаны и в деревнях Кашинского уезда, однако здесь только некоторые из них числятся «поместными», а остальные именуются «оброчными». Применительно к «поместным» детям боярским зафиксировано, что им даны земли в поместье «из крестьянской выти» (в одном случае девятая доля, в другом — седьмая и т.д.) и в нескольких случаях пустоши для сенных покосов. При этом отмечено, что оброк в архиерейскую казну и государевы подати они не платят⁴¹. Напротив, в отношении «оброчных» детей боярских назван размер оброка, который они платят в архиерейскую казну за пользование землей. Указано также, что им даны архиерейские пустоши, на этот раз с чётким указанием — «в тягло»⁴². Здесь же оговорено: «Больши-де того вышеписанного оброку во архиерейскую казну и столового запаса никакова не платят и на прикащиков некоторых архиерейских сел с них никаких поборов нет»⁴³.

Приведённые свидетельства показывают, что в XVII — начале XVIII в. «поместные» и «оброчные» дети боярские относились к разным категориям архиерейских служителей. Если первые напоминают классических служилых «по отечеству», то вторые — скорее архиерейских крестьян, хотя и свободных лично. В свою очередь, то, что разделение на «домовых» и «поместных» детей боярских существовало не просто номинально, подтверждает дело, сохранившееся в фонде Тверской духовной консистории. В 1717 г. на имя епископа Тверского и Кашинского Варлаама подал челобитную Аврам Андреевич Воронов, просивший об определении «в домовые дети боярские». Он именует своего отца Андреяна Воронова бывшим архиерейским «поместным» сыном боярским села Белеутова Кашинского уезда и поясняет: «В прошлых, государь, годех в Ругодевской (Нарвский. — *А.М.*) поход он, отец мой, по указу царского величества взят от дому Вашего архиерейского с протчими детьми боярскими на ево, государеву, службу в салдаты и поныне об нем, отце моем, с тех прошлых лет ведомости нет»⁴⁴.

За четверть века до описания Тверского архиерейского дома 1702 г. — в переписной книге Тверского уезда 1677 г. — нет упоминания терминов «домовые» и «поместные» архиерейские дети боярские, но всё же прослеживается некоторое разделение между ними: первые, в большинстве случаев, указаны владельцами собственных («за архиепископлим сыном боярским») или же архиерейских («архиепископли вотчины, владеет архиепископлъ сын боярский») земель, а вторые — «живущими» в архиерейских сельцах и деревнях, как правило, в каждом случае по несколько дворов («архиепископля домовая вотчина, а в ней живут дети боярские ево»)⁴⁵. Только дети боярские, служившие непосредственно в архиерейском доме («домовые»), владели собственными дворами

⁴⁰ Там же, л. 113, 113 об., 270—278 об.

⁴¹ Там же, л. 474 об.—475 об., 478—479, 482—483.

⁴² Там же, л. 571—572, 599—600. Ещё в нескольких архиерейских деревнях Кашинского уезда живущие там названы «обротчиками», однако не именуются детьми боярскими (Там же, л. 575—582).

⁴³ Там же, л. 572—572 об.

⁴⁴ ГА ТО, ф. 160, оп. 1, д. 28024, л. 1.

⁴⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, л. 16060, л. 142 об., 144 об., 171, 172, 187, 230, 257—257 об., 259 об., 378 об., 379, 380 об., 481, 485, 664, 741 об., 778 об., 791 об.

в Твери⁴⁶. В свою очередь, в переписной книге Кашинского уезда 1677 г. среди детей боярских, живущих в архиерейских деревнях, упомянуты как «поместные», так и «оброчные»⁴⁷. Все они названы по «полуимечкам» (в переписной книге Тверского уезда — полными именами).

Существование особых «домовых» и отдельно «поместных» и «оброчных» архиерейских детей боярских прослеживается по документам Тверского архиерейского дома уже в 1660-х гг., а возможно и ранее. В челобитье тверского архиерея на царское имя в 1660 г. упомянуты «домовые» дети боярские, высылаемые из Тверского уезда на государеву службу в Новгород. Не исключено, что они названы домовыми по своей принадлежности к архиерейскому дому, и среди них присутствовали и собственно «домовые», и «поместные» дети боярские. В ответ на царский указ архиепископ Иоасаф, оговаривая число уже ранее высланных на службу «конных детей боярских» и «пеших солдат», писал: «А у меня детей боярских в Спасове доме скудно; а которые и есть детишки боярские, и те стары и малы»⁴⁸. В свою очередь, в описи архива Тверского архиерейского дома, помещённой среди материалов переписи 1702 г., упомянуты несколько поручных записей по разным лицам о том, чтобы жить им за архиерейским домом в «оброчных детях боярских». Самая ранняя датируется 1661/62 г., а позднейшая — 1699/1700 г.⁴⁹

В переписной книге Тверского уезда 1710 г. все «поместные» дети боярские обозначены живущими в тех же селах, сельцах и деревнях, что и в 1677 и 1702 гг., а также в нескольких новопоселённых. После перечисления их в том или ином сельце или деревне присутствует запись: «А про четвертную пашню и про сенные покосы сказать они, дети боярские, не ведают, потому что всякие крепости во Твери во архиерейском приказе»⁵⁰. При этом многие братья, сыновья и племянники «поместных» детей боярских указаны в военной службе — преимущественно в драгунах и в меньшей степени в солдатах. В этом их существенное отличие от крестьян, большинство родственников которых указаны на военной службе именно в солдатах⁵¹.

Сходным образом «поместные» архиерейские дети боярские значатся в переписной книге Тверского уезда 1717 г. В каждом сельце или деревне показано определённое количество их дворов, при этом здесь же во многих случаях сделана запись: «А мастерства они, дети боярские, кроме крестьянской черной работы никто никакова не умеет»⁵². То же самое сказано о «поместных» детях боярских в переписной книге Новоторжского уезда 1717 г.⁵³ В переписной книге Кашинского уезда 1717 г. все дети боярские именуется уже «оброчными», в том числе и те, кто в 1677 и в 1702 гг. числились в разряде «поместных» (в переписной книге 1710 г. некоторые из них даже названы крестьянами, а в 1717 г. —

⁴⁶ Переписные книги Твери XVII века. М., 2014. С. 41—42.

⁴⁷ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 11837, л. 129 об.—130, 338—338 об., 368 об., 428 об., 535 об. Жители одной из архиерейских деревень, именованные в переписной книге 1677 г. «оброчными» детьми боярскими, задним числом, в 1702 г., названы «оброчными служками» (Там же, л. 428 об.; ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 600).

⁴⁸ Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук. Т. III. СПб., 1901. С. 240—241.

⁴⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 71 об., 84.

⁵⁰ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 16086, л. 432, 434 об., 435.

⁵¹ Там же, д. 16086, л. 212, 433—434; д. 16087, л. 386, 390.

⁵² Там же, ф. 350, оп. 1, д. 412, л. 60 об.—61, 62, 480 об.

⁵³ Там же, д. 418, л. 824.

вновь «оброчными» детьми боярскими)⁵⁴. Это позволяет предположить, что в начале XVIII в. архиерейские «поместные» дети боярские потеряли значение «служилой» категории и, как ранее «оброчные» дети боярские, по сути уравнились с архиерейскими крестьянами, а в ходе реформы налогового обложения 1720-х гг. попали в подушный оклад.

Далее они и их потомки показаны в материалах 1-й (переписная книга 1723 г.), 2-й (переписная книга 1744 г.) и 3-й (сказки 1763 г.) ревизий⁵⁵. При этом многие сыновья, внуки и иные родственники архиерейских детей боярских значатся отданными в рекруты⁵⁶. «Оброчные» дети боярские в материалах этих ревизий также сохранили прежнее именование⁵⁷.

В ходе подготовки к секуляризационной реформе при проведении «офицерской» переписи 1763 г. Тверского архиерейского дома и его владений отмечалось, что в одной из архиерейских деревень в Тверском уезде во время 2-й ревизии в 1740-х гг. числилось 45 душ мужского пола: «В том числе написано в ревизию детей боярских 23 души, которые издревле жительством состоят яко крестьяне на означенной же земле в том же осмашном числе крестьянами, а в платеже доходов в дом не вообще, а были обложены рублевым оброком и за платежом оною пашни не пахали и сена не косили, работ не исправляли»⁵⁸. Указано также, что в этой и ещё двух деревнях у детей боярских и крестьян никакой тяглой земли в начале 1760-х гг. не имелось, «отчего совсем пришли в несостояние», и дети боярские и крестьяне из всех трёх деревень «нанимаются в кановоды с лошадьми, а протчие нанимаются в городе Твери к плотнической работе, а в зимнее время ездят гужем в наймах, возят изо Твери в города Ржев, Псков и в Порхов соль»⁵⁹. По окончании секуляризационной реформы те же люди во время 4-й ревизии 1782 г. числились уже за Коллегией экономии («бывой вотчины дому тверскаго архиерея, а ныне Економического ведомства»), хотя и именовались по-старому «помесными детьми боярскими»⁶⁰. Во время проведения 5-й ревизии 1795 г. большинство из них показаны как экономические крестьяне, хотя в некоторых случаях сохранялось и прежнее именование⁶¹.

Согласно ведомости о вотчинах Тверского архиерейского дома, составленной в 1727 г., общее количество детей боярских тверского архиерея, живущих в уездах («поместных» и «оброчных»), по книгам 1677/78 г. составляло 47 дворов (из них 24 — в Тверском, 21 — в Кашинском и 2 — в Новоторжском уездах)⁶². В дальнейшем количество дворов увеличивалось за счёт отделения от глав семей сыновей и зятьев. По переписной книге 1710 г. в Тверском уезде за архиереем числился 31 двор детей боярских, а в 1717 г. — уже 40⁶³. В ходе ревизий осуществлялся уже не подворный, а подушный учёт архиерейских детей боярских. Ещё одной причиной увеличения числа «поместных» и «оброчных»

⁵⁴ Там же, д. 173, л. 378—379; д. 174, л. 183 об.—184 об., 649 об., 1518 об.—1519; д. 175, л. 81—85 об., 352—353, 387—387 об.

⁵⁵ Там же, оп. 2, д. 3536, 3540—3542, 3548, 3549.

⁵⁶ ГА ТО, ф. 312, оп. 6, д. 10, л. 312 об., 465, 481, 644 об., 822, 823, 1083, 1085—1085 об.

⁵⁷ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1305, л. 25, 209—209 об.; д. 1315, л. 19, 441—442а об.; д. 1317, л. 10, 12.

⁵⁸ Там же, ф. 280, оп. 3, д. 683, л. 70.

⁵⁹ Там же, л. 80.

⁶⁰ ГА ТО, ф. 312, оп. 6, д. 103, л. 753, 1115, 1142.

⁶¹ Там же, д. 215, л. 70, 241.

⁶² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. VII. СПб., 1885. С. L—LI. По Тверскому уезду в их число включены дворы «детей боярских и слуг».

⁶³ РГАДА, ф. 350, оп. 1, д. 412, л. 537, 541.

архиерейских детей боярских было включение в их состав иных лиц, и здесь непосредственно встаёт вопрос о происхождении представителей данных социальных категорий.

Согласно переписной книге Тверского архиерейского дома 1702 г., значительная часть «поместных» детей боярских Тверского уезда происходила из той же среды (и действительно, отцы многих из них упомянуты среди архиерейских детей боярских в переписной книге 1677 г.: Барсуковы, Богдановы, Обуховы и др.)⁶⁴. Но не менее половины имели иное происхождение. Некоторые были ранее дворянскими «послуживцами» и поступили в архиерейский дом с отпусковой⁶⁵. Ещё несколько человек происходили из монастырских служек⁶⁶. Наконец, несколько семей были выходцами из среды священно-церковнослужителей⁶⁷. Вероятно, именно нехватка детей боярских для «государевой» службы, упомянутая в архиепископской челобитной 1660 г., вынудила архиереев привлекать в их ряды лиц иного происхождения. В то же время все «поместные» дети боярские Кашинского уезда были «испомещены» на архиерейские земли «из приписного Оршина монастыря из слуг»⁶⁸. Происхождение «оброчных» детей боярских в переписи 1702 г. не указано, только в отношении одного из них дано пояснение, что он кашинского Сретенского монастыря «оброчного служки» сын⁶⁹. В дальнейшем основной средой пополнения архиерейских «поместных» и «оброчных» детей боярских стало духовенство. Например, в переписной книге Тверского уезда 1710 г. в новопоселённом сельце Русинове показаны дворы детей боярских Архипа и Константина Ивановых, а они «были церковные причетники на погосте Рождества Христова, что на Кушалке реке, а ныне они за Тверским архиепископом»⁷⁰. Среди документов архива Тверского архиерейского дома упомянута поручная запись «по Архипке да по Костыке Ивановых, что жить им за архиерейским домом в оброчных детях боярских на пустоши Русинове»⁷¹. В документах 1—3 ревизий фактически все вновь приписанные в «поместные» дети боярские тверского архиерея показаны происхождением «из церковников». При этом в переписной книге 1-й ревизии 1723 г. большинство из них указаны записанными в крестьяне, но в документах 2-й ревизии 1744 г. они (или их дети) значились среди архиерейских «поместных» детей боярских⁷². Исключение составляют только показанные в сказках 3-й ревизии 1763 г. в сельце Алферьево Тверского уезда вместе с «поместными» детьми боярскими две семьи — «по указу Новгородской губернии ис канцелярии Генеральной ревизии августа 17 дня 1747 году отданные во оное сельцо Алферьево, положенные ис платежа подушного оклада, написанные в прежнюю перепись в том сельце за детьми боярскими бывшими крепосные их дворовые люди»⁷³.

⁶⁴ Там же, ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 273—273 об., 275—275 об.; ф. 1209, оп. 1, д. 16060, л. 144 об.—145, 664.

⁶⁵ Там же, ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 275 об.—276, 278—278 об., 279 об.—280.

⁶⁶ Там же, л. 272 об.—275, 277 об.—279 об.

⁶⁷ Там же, л. 272—272 об., 274—275, 277 об.—280.

⁶⁸ Там же, л. 475 об., 479, 483.

⁶⁹ Там же, л. 599.

⁷⁰ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 16086, л. 215.

⁷¹ Там же, ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 84. Примечательно, что здесь «оброчными» именуются дети боярские, которые в переписных и в ревизских материалах названы «поместными».

⁷² Там же, ф. 350, оп. 2, д. 3536, л. 640 об., 935—935 об., 1175; д. 3540, л. 557—558 об., 1025; д. 3541, л. 927 об.

⁷³ Там же, д. 3550, л. 327 об.—328.

В связи с этим возникает вопрос о душевладении архиерейских «поместных» детей боярских. Далеко не все их семьи во второй половине XVII — первой половине XVIII в. имели крепостных: большинство не были душевладельцами, а некоторые только нанимали работников⁷⁴. Вместе с тем если «оброчные» дети боярские вовсе не имели собственных людей (в переписных книгах не зафиксировано ни одного примера), то часть «поместных» детей боярских на протяжении нескольких поколений являлась душевладельцами, обладая, как правило, дворовыми людьми, а не крестьянскими дворами. Так, в 1710 г. из числа всех «поместных» архиерейских детей боярских Тверского уезда только за Фёдором Петровым сыном Дементьевым из сельца Тухини написан крестьянский двор, а за всеми другими душевладельцами — дворовые люди⁷⁵.

Проследить наследственный характер владения «поместных» детей боярских крепостными можно на примере семьи Шубиных. Братья Никифор, Федот и Фёдор Анофриевы дети Шубины были служками старицкого Успенского монастыря, в 1675/76 г. оказались записаны в «поместные» дети боярские и жили своими дворами в архиерейском сельце Алферьеве Тверского уезда⁷⁶. В переписной книге 1677 г. Никифор Шубин показан владельцем «человека литовского полону», имевшего трёх сыновей⁷⁷. В 1702 г. за Никифором были записаны двое дворовых людей (один из них — «родом немчин») ⁷⁸. В переписных книгах 1710 и 1717 гг. владельцем дворовых людей показан уже сын Никифора — Илья Шубин (в 1710 г. — одного человека «мужеска пола», а в 1717 г. — двоих)⁷⁹. Во время проведения 1-й ревизии в 1720-х гг. один дворовый человек был записан за самим Ильёй Никифоровичем, один — за его племянником Василием Семёновичем Шубиным и ещё один (купленный дворовый) — за двоюродным внуком Ильи Никифоровича Алексеем Матвеевичем Шубиным⁸⁰. В 1740-х гг. в ходе 2-й ревизии дворовые люди Шубиных были зачислены в «поместные» дети боярские наравне со своими хозяевами⁸¹. Согласно ревизским материалам, к середине XVIII в. никто из тверских «поместных» детей боярских уже не являлся владельцем дворовых людей.

Данные о матримониальных связях архиерейских «поместных» детей боярских свидетельствуют о замкнутости этой категории. Наиболее полные сведения приводятся в сказках 3-й ревизии, которые включают информацию о всех браках, заключённых со времени предыдущей, 2-й ревизии (т.е. примерно за 20 лет), а в некоторых случаях и в более ранний период. Подавляющее большинство браков «поместные» дети боярские Тверского уезда заключали в своей среде, беря за себя дочерей или вдов других детей боярских или выдавая дочерей за представителей таких же семей. В некоторых случаях это были семьи детей боярских той же деревни или сельца, в других — из населённых пунктов того же (реже — другого) уезда⁸². Второй по численности группой, с которой вступали в брак члены семей «поместных» детей боярских, являлись представители «духовного» сословия, что объясняется значительным пополнением в

⁷⁴ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 16060, л. 257.

⁷⁵ Там же, д. 16087, л. 386—386 об.

⁷⁶ Там же, ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 277 об.—279.

⁷⁷ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 16060, л. 380 об.

⁷⁸ Там же, ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 277 об.—278.

⁷⁹ Там же, ф. 350, оп. 1, д. 411, л. 494 об.; ф. 1209, оп. 1, д. 16086, л. 433—433 об.

⁸⁰ Там же, ф. 350, оп. 2, д. 3536, л. 1733, 1801 об.—1802.

⁸¹ Там же, д. 3550, л. 327 об.—328.

⁸² Там же, д. 3548, л. 819, 820 об.; д. 3549, л. 11—11 об.; д. 3551, л. 121 об., 497 об., 500—501.

XVIII в. архиерейских детей боярских выходцами из среды священно-церковнослужителей. В общей сложности в сказках указано несколько десятков подобных браков⁸³. Почти вдвое меньше было браков с представителями крестьянских семей — как архиерейских и монастырских, так и помещичьих⁸⁴. Наконец, совсем немногочисленны браки с дворянством, посадскими людьми и разночинцами⁸⁵.

С течением времени характер фиксации архиерейских «поместных» детей боярских в учётных документах изменился. Если в переписной книге Тверского уезда 1677 г. и в переписи Тверского архиерейского дома 1702 г. все «поместные» дети боярские записаны с собственными фамилиями, то в переписной книге Тверского уезда 1710 г. для нескольких вновь прибывших детей боярских фамилии не указаны⁸⁶. Впоследствии все определённые в дети боярские выходцы из духовенства также числились в ревизских сказках без фамилий. Что касается «поместных» детей боярских, упомянутых за тверским архиереем еще в 1670-х гг., то их потомки в дальнейшем — в переписной книге 1717 г., в исповедных ведомостях, в материалах ревизий — указывались то с фамилиями, то без них, что, вероятно, свидетельствует о существенном снижении их социального статуса. Это можно продемонстрировать на примере семьи Дементьевых, проживавшей в архиерейском сельце Тухини Тверского уезда. В переписной книге 1677 г. здесь отмечен сын боярский Фёдор Петров сын Дементьев, а в переписи архиерейского дома 1702 г. — он же и его братья Никита и Семён (их отец ранее также служил в детях боярских). И в этих документах, и в переписной книге 1710 г. все они записаны с собственной фамилией⁸⁷. В 1717 г. в сельце проживал только Никита и сын умершего Фёдора Семён со своей семьёй, причём все они указаны только с полуотчествами⁸⁸. Во время проведения 1-й ревизии Никита Петров всё ещё был жив и записан без фамилии, а проживавшие здесь же его племянники Семён Фёдоров сын Дементьев и Артамон Семёнов сын Дементьев — с фамилиями. В документах 2-й ревизии дети умершего Никиты Гаврила и Яков написаны бесфамильными, как и дети Семёна Фёдоровича — Артемий, Савелий и Дмитрий. Единственный, кто упомянут в материалах 2-й ревизии с природной фамилией, это Артамон Семёнов сын Дементьев⁸⁹. В свою очередь, в исповедных ведомостях 1750 г. и в ревизских сказках 1763 г. уже все эти лица и их родственники числятся бесфамильными⁹⁰.

Едва ли не единственной семьёй из числа тверских «поместных» архиерейских детей боярских, чьи представители неизменно во всех документах указывались с природной фамилией, были Бибиковы. В 1780-х гг. в Тверской наместнической палате рассматривалось дело по иску секунд-майора Тверского батальона Григория Спиридоновича Бибикова, желавшего возвращения в собственность находившегося во владении Коллегии экономии (а прежде во владении тверского архиерея) «наследственного после предков ево недвижи-

⁸³ Там же, д. 3548, л. 821; д. 3549, л. 318 об., 321; д. 3550, л. 1019, 1029, 1030 об.; д. 3551, л. 121 об.

⁸⁴ Там же, д. 3548, л. 819 об., 820 об., 822; д. 3549, л. 11, 11 об.; д. 3550, л. 320 об.

⁸⁵ Там же, д. 3548, л. 821 об., 822, 1293; д. 3549, л. 821 об.; д. 3550, л. 317, 318, 320, 320 об., 322, 324 об., 694 об., 696, 1331; д. 3551, л. 1019 об.

⁸⁶ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 16086, л. 215; д. 16087, л. 389.

⁸⁷ Там же, д. 16060, л. 481; д. 16087, л. 386; ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 276—276 об.

⁸⁸ Там же, ф. 350, оп. 1, д. 412, л. 61—61 об.

⁸⁹ Там же, оп. 2, д. 3536, л. 636 об.—637; д. 3541, л. 922 об.—924.

⁹⁰ Там же, д. 3551, л. 497—501 об.; ГА ТО, ф. 160, оп. 1, д. 16874, л. 360 об.—361 об.

маго имения с людьми и со крестьяны, состоящаго в Тверском уезде в Суземском стану сельцо Сеславье»⁹¹. В ходе разбирательств Бибииков «объявил», что предки его «подлинно из дворян»: отец Спиридон Андреевич с братьями Семёном, Дементием и Дмитрием вступили в архиерейский дом в 1719 г., «а почему неизвестен», дед Андрей служил в лейб-гвардии Семёновском полку, а каким чином — «не упомнит», прадед Алексей Иванов сын, прапрадед Иван Юрьев сын (с братом Яковом) и «пращер» Юрий Бибииков из дворян же, «а по которым городам или в полках служили, показать о том не помнит». В живых на тот момент были его родные братья Матвей, Яков и Захар Спиридоновичи, «кои положены в подушной оклад, а именуются детьми боярскими», жалованная грамота предкам его на сельцо Сеславье (Сеславля) сгорела в пожар 1763 г. с другими бумагами в доме его дяди⁹². Через некоторое время Григорий вновь показал, что его отец Спиридон с братьями в 1719 г. «вступили в дом архиерейской, но не иначе ж как детьми боярскими», братья его живут «безотлучно» в сельце Сеславье, а семейный архив хранился у дяди Дмитрия Андреевича Бибиикова, который, «провожая жизнь свою, обращался более в городе Твери при доме архиерейском и жил своим домом», сгоревшим в пожаре 1763 г.⁹³ В справке из Разрядного архива подтверждалось, что в составленном по синодальному указу 1721 г. реестре в числе прочих служителей при Тверском архиерейском доме написаны среди «поместных» живущие в сельце Сеславье Семён Андреев сын Бибииков с братьями — «солдацкие дети»⁹⁴. Согласно выписи из писцовой книги Тверского уезда 1627/28 и 1628/29 гг., в Суземском стане была написана тверского архиепископа вотчина за архиепископскими детьми боярскими Иваном и Яковом Юрьевыми детьми Бибииковыми в поместье деревня Сеславля на р. Волге⁹⁵. В переписной книге Тверского уезда 1677 г. владельцем архиепископской вотчины сельца Сеславля показан архиерейский сын боярский Алексей Иванов сын Бибииков, «а в том сельце его, Алексея, двор, во дворе людей старинных 4 человека, да приданной 1 человек, да литовского полону 1 человек, да крестьян 2 двора, а в них 12 человек»⁹⁶. Он же, Алексей Иванович, указан здесь как «поместный сын боярский» в переписи архиерейского дома 1702 г. и в переписной книге Тверского уезда 1710 г. (в 1702 г. за ним и за вдовой его брата в сельце числилось три крестьянских двора, а в 1710 г. — только трое дворовых людей «мужеска» пола). Он показал, что служит в архиерейском доме «изстари», отец также служил в архиерейском доме в детях боярских, а дед «служил по городу». В отношении его единственного сына Андрея в 1702 г. написано: «взят в даточные», а в 1710 г. — «на службе великого государя в армии в драгунех»⁹⁷.

Позднее Андрей Алексеев сын Бибииков был солдатом Семёновского полка. Его сыновья Семён, Дементий и Спиридон в материалах 1—3 ревизий написаны среди архиерейских «поместных» детей боярских в сельце Сеславье (в 1720-х гг. за ними числилось три души дворовых «мужеска» пола, позднее — уже никаких людей), и лишь их младший брат Дмитрий ко времени 2-й ре-

⁹¹ ГА ТО, ф. 645, оп. 1, д. 359, л. 3. Документы об этом отложились в деле о дворянстве Бибииковых в фонде Тверского дворянского депутатского собрания.

⁹² Там же, л. 6 об.—7.

⁹³ Там же, л. 18 об.—19.

⁹⁴ Там же, л. 20—21.

⁹⁵ Там же, л. 26—26 об.

⁹⁶ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 16061, л. 257—257 об.

⁹⁷ Там же, д. 16087, л. 540—540 об.; ф. 237, оп. 1, д. 46, л. 270 об.—271.

визии был взят в «домовые» архиерейские дети боярские⁹⁸. Сын Спиридона Андреевича Григорий в сказках 3-й ревизии показан отدانым в рекруты в 1759 г.⁹⁹ Участвуя в военных кампаниях, он более чем через десять лет получил первый офицерский чин, а в 1778 г. стал майором¹⁰⁰. Именно он претендовал на возвращение наследственного сельца Сеславя, но не добился этого. Когда в 1806 г. рассматривалось дело о дворянстве Бибиковых, его родные братья были экономическими крестьянами деревни Сеславля. Они свидетельствовали, что не знают, жив или нет их брат Григорий Спиридонович и где находится, а в военную службу он «вступил за общее их семейство по очереди (т.е. в рекруты. — *А.М.*), будучи во крестьянстве, а о дворянстве его показать ничего не могут»¹⁰¹. В приложенной к делу справке отмечено, что ещё ранее майора Григория Спиридоновича Бибикова за преступление лишили чинов и сослали в Иркутск на суконную фабрику¹⁰².

Бибиковы представляют интересный пример дворянского рода, первоначально, вероятно, состоявшего на «государевой службе», а позднее перешедшего на службу архиерейскую. Здесь представители Бибиковых занимали заметное положение среди архиерейских дворян (возможно, среди «домовых» детей боярских), получили в поместье архиерейские земли и владели дворовыми людьми и крестьянами. В последней четверти XVII — начале XVIII в. они оказались в числе «поместных» детей боярских, в ходе Петровских реформ попали в подушный оклад и в военную службу в нижние чины, а после секуляризационной реформы — в крестьяне. Только некоторые из представителей рода вновь достигли относительно высокого положения, но уже в ходе самостоятельной военной или гражданской службы.

В совокупности приведённые данные по Тверской епархии убедительно свидетельствует о существовании среди архиерейских служителей в XVII в. нескольких особых категорий детей боярских — «домовых», «поместных» и «оброчных». «Домовые» дети боярские составляли элиту служителей архиерейского дома, постоянно находились при архиерее или выполняли ответственные поручения, в числе прочего управляя архиерейскими землями в уездах. Они получали денежное и хлебное жалованье из архиерейской казны. Многие из них имели собственные земли в уездах и дворы в городе, где располагалась архиерейская кафедра. «Поместные» дети боярские занимали гораздо более скромное положение. Их испоместили на выделенных им архиерейских землях и обязали нести военную службу. Мало кто из них во второй половине XVII — начале XVIII в. имел отдельные поместья — как правило, поместье выделялось сразу нескольким детям боярским. Очень немногие владели крепостными — крестьянские дворы значились лишь за единицами, прочие в лучшем случае имели несколько дворовых людей. По происхождению около половины из них — «природные» архиерейские дети боярские, остальные — выходцы из среды дворянских «послуживцев», монастырских слуг и служек, духовенства. Однако по статусу в XVII в. их можно отнести к служилым «по отечеству». Низшей

⁹⁸ Там же, ф. 350, оп. 2, д. 3536, л. 1241; д. 3539, л. 269; д. 3540, л. 182; д. 3548, л. 1293. Сын Дмитрия Андреевича поступил в гражданскую службу, занимал место в Тверской гражданской палате, в 1798 г. произведён в классный чин (ГА ТО, ф. 645, оп. 1, д. 359, л. 43 об.).

⁹⁹ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3548, л. 1293.

¹⁰⁰ ГА ТО, ф. 645, оп. 1, д. 359, л. 12 об.

¹⁰¹ Там же, л. 40.

¹⁰² Там же, л. 44.

категорией были «оброчные» дети боярские, получавшие от архиерея земли в тягло и, вероятно, сами обрабатывавшие её, выплачивая денежный оброк. По статусу они оказались близки к архиерейским крестьянам, в отличие от них являясь лично свободными людьми. Об их происхождении данных почти нет, но можно предположить, что они — также выходцы из монастырских служек и духовенства.

В XVIII в. «поместные» и «оброчные» архиерейские дети боярские уже мало чем отличались друг от друга, составляя общую социальную группу (хотя и сохраняли в ревизских материалах по инерции прежние наименования). Очень небольшое число «поместных» детей боярских подтвердили свой «шляхетский статус», значительная часть остальных в ходе Петровских реформ попали в военную службу нижними чинами. В ходе реформы налогового обложения и «поместные», и «оброчные» архиерейские дети боярские оказались в подушном окладе, продолжая числиться за архиереем. В этот период крестьянский труд или наёмная работа в городах стали основным занятием не только для «оброчных», но и для «поместных» детей боярских. Как и другие категории податного населения, они, вероятно, подлежали рекрутским наборам. После проведения секуляризационной реформы и «поместные», и «оброчные» дети боярские попали в разряд экономических крестьян, хотя некоторые до конца XVIII в. сохраняли прежнее наименование.

В XVII в. большинство «поместных» архиерейских детей боярских напоминали однодворцев. По определению Я. Лазарева, в XVII в. однодворцами обозначались «испомещенные *дети боярские / дети боярские — украинцы* (курсив автора. — *А.М.*), которые не имели дворов с зависимым крестьянским населением, жили одним двором и обрабатывали землю силами собственной семьи». В XVIII в. «поместные» дети боярские, как и однодворцы, по сути, составляли особую группу крестьянства. Но, в отличие от однодворцев, «поместные» архиерейские дети боярские, судя по всему, потеряли право на душевладение уже к середине XVIII в., и практика рекрутских наборов на них распространилась гораздо раньше (на однодворцев — только в 1783 г.). Известно, впрочем, что во время составления наказов в Уложенную комиссию часть однодворцев отождествляла себя с дворянами¹⁰³. Сходным образом позиционировали себя и некоторые «поместные» архиерейские дети боярские. Здесь особенно показателен пример Григория Бибикова, крайне самонадеянно заявившего про своих предков, живших в первой половине XVIII в.: «вступили в дом архиерейской, но не иначе ж как детьми боярскими, каковое боярское звание по тогдашнему времени употребляемо было уповательно наравне с дворянами или еще превосходнее»¹⁰⁴.

¹⁰³ Lazarev J. Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. К вопросу о роли некоронных агентов в управлении раннего Нового времени // Cahiers du Monde Russe. 2014. 55/3—4, Juillet—Decembre, p. 218, 233.

¹⁰⁴ ГА ТО, ф. 645, оп. 1, д. 359, л. 18 об.

О проблеме возникновения Твери в середине XII в.

Пётр Малыгин, Сергей Богданов

On the question of the origins of Tver in mid 12th century

Petr Malygin

(Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey Bogdanov (Tver State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870014458-4

Обратиться к проблеме возникновения Твери как города заставляет ряд обстоятельств. Во-первых, постоянная критика вышедшей в 2009 г. монографии В.А. Лапшина¹ археологами и историками вылилась в курьёзную ситуацию. В энциклопедии «Древняя Русь в Средневековом мире» помещена небольшая статья «Тверь». Это — своего рода «гимн» домонгольской Твери, имеющий небольшой список литературы, куда попала и монография Лапшина², убедительно доказавшего, что в центральной части Тверского кремля нет слоёв древнее 1270-х гг. Во-вторых, появились тезисы доклада А.Н. Хохлова, а вслед за этим увидела свет подробная публикация А.Н. Хохлова и А.Б. Ивановой о результатах археологических работ на раскопе 23, в которой авторы делают основной вывод об обнаружении культурного слоя, отложившегося с рубежа XI—XII вв. до 1170—1180-х гг.³ Хохлов отметил, что «уже в 1149—1150-х годах Тверь была укреплённым поселением. Причём это был не маленький населённый пункт, а небольшой город, вокруг которого развивалась сельская округа»⁴.

В 2015 г. В.А. Кучкин опубликовал статью, отметив: «Возможное время основания Твери, Шоши и Дубны — не ранее 1139 г. ... скорее всего, между 1140 и 1148 гг.»⁵. В статье приводится обоснование точки зрения, высказанной Кучкиным в 1984 г. в его монографии и статье о том, что Тверь была разрушена в 1149 г. Ростиславом Смоленским⁶. Одновременно это и критика статьи П.Д. Малыгина⁷, в которой, опираясь на Ипатьевскую (*Ипат.*), Новгородскую первую летопись (НПЛ) и Тверской сборник и вслед за мнениями Н.В. Шля-

© 2021 г. П.Д. Малыгин, С.В. Богданов

¹ *Лапшин В.А.* Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009.

² Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 811—812.

³ *Хохлов А.Н.* Новые материалы по древнейшей истории города Твери // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61). С. 130—131; *Хохлов А.Н., Иванова А.Б.* Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь, 2016. С. 71.

⁴ Фрагменты истории // Тверская жизнь. 2017. 17 января.

⁵ *Кучкин В.А.* Город Дубна на реке Дубне // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура: К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 317.

⁶ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 81—82; *Кучкин В.А.* Возникновение Твери и проблема тверского гостя в «Рукописании» Всеволода // Древнейшие государства на территории СССР. 1983. М., 1984. С. 230.

⁷ *Малыгин П.Д.* Тверь и новоторжско-волоцкие земли в XII—XIII вв. // Становление средневекового европейского города. М., 1989. С. 149—158.

кова, А.Н. Насонова и А.В. Кузы⁸, было высказано несогласие с мнением Кучкина, что в число упомянутых в НПЛ «6 городков», взятых в 1149 г. антисуздальской коалицией, входила и Тверь.

События 1149 г. известны по летописям: в январе 1149 г. киевский князь Изяслав Мстиславич начал войну против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого. Согласно *Inam.*, Изяслав прибыл из Киева в Смоленск, заручился поддержкой родного брата Ростислава, оставил под его командованием основные силы — киевские и переяславские полки, а сам ушёл в Новгород, где собрал новгородцев, псковичей и карел. Согласно договору с Ростиславом, Изяслав пришёл на устье р. Медведицы, через четыре дня подоспел Ростислав. Начался завершившийся весной того же года поход на Княгинин, Углич и Ярославль⁹. В НПЛ отмечено, что «Изяслав... мьного воеваша людьб Гюргево, и по Волзѣ възьяша 6 городькъ, оли до Ярославля попустиша, а головы възьяша 7 000, и воротишася распутия деля»¹⁰. Для нас совершенно ясно, что *Inam.* подразумевает начало военных действий союзников против Юрия Долгорукого лишь после соединения войск на устье Медведицы. Добавим, что редактор протографа, общего для Ермолинской летописи и Тверского сборника (или составитель Ермолинской, отразившейся в Тверском сборнике), объединил эти известия и привязал разорённые городки к течению Волги ниже Медведицы: «Свькупишася на Волзѣ, на усть Медвѣдицы... И отголѣ поидоша къ Снятину, и къ Углечу, и къ Молозе... и до Ярославля, по Волзе; и възьяша 6 городовъ, и воюючи и жгучи»¹¹. Следовательно, «6 городков» находились на Волге ниже устья Медведицы, и Тверь в их число входить не могла.

С этим выводом не согласен В.А. Кучкин, отметивший, во-первых, что мы за «чёткость» Тверской летописи приняли «редакторскую работу книжника XVI в.», никак не связанную с реальными событиями XII в. Во-вторых, учёный подчеркнул, что текст в Тверской летописи поздний, так как список памятника, составленного в 1534 г. в Ростове, датируется 1620—1630-ми гг.¹²

Относительно *Inam.* Кучкин подчёркивает, что эта летопись — памятник киевский, и задача летописца — положительно описывать действия прежде всего киевского князя, поэтому о продвижении смоленского князя Ростислава к устью Медведицы летописец ничего не говорит¹³. На это можно возразить: как известно, в *Inam.* с 1119 по 1200 г. отражён «Киевский свод 1200 г.», который, согласно А.А. Шахматову и М.Д. Присёлкову, был составлен игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем (под 1200 г. помещена речь игумена Моисея с благодарностью князю Рюрику Ростиславичу и с похвалой ему). В этом своде содержатся регулярные известия о князе Рюрике Ростиславиче и его семье, начиная с 1173 г. Не случайно поэтому Присёлков предлагал считать «Киевский свод 1200 г.» великокняжеским сводом Рюрика Ростиславича — сына Ростислава Мстиславича¹⁴. Можно было ожидать, что, если в сферу интересов

⁸ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 82, 162, 168; Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 187, 198.

⁹ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 369—371.

¹⁰ Там же. Т. III. М., 2000. С. 28.

¹¹ Там же. Т. XV. М., 2000. Стб. 212.

¹² Кучкин В.А. Город Дубна... С. 316.

¹³ Там же.

¹⁴ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 236—237.

киевского летописца середины XII в. и не входили действия родоначальника смоленской династии (хотя при этом действия черниговских князей были им отмечены), сводчик 1200 г., работавший с явным акцентом на историю Ростиславичей, должен был на них обратить внимание. Однако ничего такого в тексте нет, поэтому нет и серьёзных оснований для реконструкции действий Ростислава при продвижении к устью Медведицы.

О том, что предпринял Ростислав, продвигаясь по Волге, по мнению Кучкина, можно догадаться. Оказывается, задержка на четыре дня прихода Ростислава на устье Медведицы «объясняется, видимо, тем, что ему пришлось задерживаться у Твери, Шоши и Дубны, которые были соразмерны и укреплены примерно так же, как Кснятин, Углече Поле и Молога», и все вместе они и составили шесть городков, упомянутых в НПЛ. При этом исследователь полагает, что войску Изяслава было «не под силу» разрушить суздальские городки, находившиеся выше устья Медведицы, поэтому оно двигалось не по Тверце и Волге, а «по не совсем обычному пути», т.е. по Медведице¹⁵. Однако пути из Новгорода на Волгу по р. Медведице были известны в первой половине XII в. Один из них фиксируется по археологическим материалам, он осваивался в XI—XII вв.¹⁶ Из самого раннего известия о княжеских столкновениях на Верхней Волге в 1096 г. известно, что после захвата Муром, Суздаля и Ростова черниговский князь Олег Святославич «поча» здесь «дани брати», а после переговоров с Мстиславом Владимировичем помышлял и «Новъгород переяти». Он послал в «сторожи» брата Ярослава Святославича, который встал на р. Медведице. Данников Олега, действовавших по Медведице, «изымал» посланный Мстиславом Владимировичем «в сторожу» воевода Добрыня Рогуйлович, Ярослав же спешно вернулся в Ростов¹⁷. Таким образом, князь Изяслав Мстиславич в 1149 г. выбрал одну из известных дорог из Новгорода на Волгу.

Кроме того, маршрут Изяслава от Новгорода до устья Медведицы короче пути Ростислава от Смоленска до Медведицы как минимум на 60 км (расстояние от Смоленска до Медведицы, замеренное курвиметром, составляет 570 км, от Новгорода до Медведицы — 510 км). Если оба князя договорились выступить одновременно, «опоздание» на четыре дня Ростислава можно считать естественным и вовсе не связанным с предполагаемым Кучкиным взятием трёх крепостей. В нашем распоряжении есть данные, позволяющие оценить время нахождения больших княжеских дружин в пути. По подсчетам Кучкина, оперирующего сведениями о походе Ивана III к Новгороду в конце 1476 г., в XIV—XV вв. путь из Новгорода до Торжка (около 400 км) занимал 16—17 дней, из Торжка до Москвы (около 285 км) — 10 дней¹⁸. Таким образом, в день на пути от Москвы до Торжка (с остановками) войско Ивана III проходило в среднем 28 км, от Торжка до Великого Новгорода — 24 км (и при этом никаких «городков» оно не разрушало). 1 марта 1216 г. князь Мстислав Мстиславич и новгородцы выступили из Новгорода к Торжку, прошли через северные пределы Торопецкого удела, освободили Ржеву и разрушили Зубцов, на устье р. Вазузы дождался смоленского князя, около 20 марта войско встало

¹⁵ Кучкин В.А. Город Дубна... С. 316, 317.

¹⁶ Исланова И.В. Водные пути в восточной части Новгородской земли в IX—XIII вв. // Российская археология. 1994. № 1. С. 30—31.

¹⁷ ПСРЛ. Т. I. М., 1926—1928. Стб. 238.

¹⁸ Кучкин В.А. Последний договор Михаила Ярославича Тверского // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997. С. 60.

лагерем на устье р. Холохольни, 24 марта отрядами Мстислава была одержана победа над «сторожами» князя Ярослава Всеволодича. Путь от Новгорода до устья Холохольни — 460 км — войско Мстислава прошло за 20—22 дня, в среднем по 22 км в день. Затем, после 24 марта, войско двинулось по Волге, razорило Шошу и Дубну и 9 апреля было к югу от Ростова на городище «у святой Марины» в верховьях р. Сары. На эту дорогу — около 435 км — ушло 14—16 дней: в среднем в день войско проходило 29 км.

Выявленные усреднённые показатели позволяют оценить время, затраченное Изяславом и Ростиславом на дорогу до устья Медведицы. Если бы Ростислав двигался до устья Тверцы со скоростью 28 км в день, а от устья Тверцы до Медведицы в день он проходил 22 км, он пришёл бы на место встречи практически одновременно с Изяславом (если последний также проходил по 22 км). Примерно тот же результат был бы при скорости движения отрядов в 24 км в день. При других темпах (до устья Тверцы в любом случае Ростислав никаких «городков» не разрушал, и Изяслав до устья Медведицы не разрушал владимирские «города») смоленский князь опаздывал к назначенному месту встречи.

Рассматривая известие НПЛ о взятии шести городков, Кучкин подчёркивает, что они были захвачены «союзниками», т.е. Изяславом и Ростиславом¹⁹. Однако НПЛ захват этих крепостей приписывает исключительно Изяславу: «Приде Изяслав Новугороду... иде на Гюргя Ростову съ новгородъци; и мьного воеваша людье Гюргево, и по Волзѣ възьша 6 городъкъ»²⁰. Но если Изяслав на соединение с Ростиславом шёл не через Торжок, по Тверце и Волге, а по Медведице, то, как следует из текста *Ипат.*, разрушение городков началось с места встречи, т.е. с устья Медведицы: «А братоу Ростиславоу приказа полкы своа тоуда же пойти по Волзѣ всимъ снатиса на оусть Медвѣдѣци... (здесь и далее курсив наш. — П.М., С.Б.) и тако поидоша Новгородци съ Изаславомъ всеми силами своими, и Пльсковицѣ, и Корѣла, и приде Изаславъ на Волгоу с Новъгородци на оусть Медвѣдицѣ и тоу жда брата своего Ростислава (4) дни и приде емоу Ростисла(в) и съ всеми Роускыми силами полкы и съ Смоленскими и тоу съвокупиша(с) и поидоста в низъ по Волзѣ, послала бо башета и(з) Смоленска преже послы своа къ Гюргеви къ стрѣви своему, он же к нима ни посла и(х) опать поусти ни своего поусти, и придоста къ Къснатиноу и тоу имъ от Гюргя вѣсти не бы(с) и начаста города его жечи и села и всю землю его воевати обаполгы»²¹. В Ермолинской летописи и родственном ей Тверском сборнике, очевидно, в их общем протографе, при редактировании этого сообщения место начала военных действий было обозначено чётче: «Тоя же зимы Изяславъ поиде на дядю своего Юрья за обиду Новгородскую, а с нимъ братъ его Ростиславъ со Смолняны, и с Новгородци, и Псковичи, и с Корѣлы. Ъздиль бо изъ Смоленска, а самъ Изяславъ к Новуграду, а с братомъ Ростиславомъ и съ всѣми людьми на усть Медвѣдицы и оттуду послаша къ Юрью. Он же нѣ ихъ посла отпусти, но своего посла; и оттолѣ придоша ко Снятину, и к Угльечу, и к Молозѣ, даже и до Ярославля, воюющее и жгуще»²² (Тверской сборник: «Свьѣкупишася на Волзѣ, на усть Медвѣдици... И оттолѣ поидоша къ Снятину, и къ Углечу, и къ Молозѣ, и много воеваша людей Юриевыхъ, даже и до Ярос-

¹⁹ Кучкин В.А. Город Дубна... С. 314.

²⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 28.

²¹ Там же. Т. II. Стб. 369—371.

²² ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 35—36.

лавля, по Волзь; и взяша 6 городовъ, и воюючи, и жгучи»)²³. Таким образом, захват трёх городков выше устья Медведицы становится совсем сомнительным: очевидно, что Ростислав до устья Медведицы никаких городов не брал.

Проблему «разорения Твери» в 1149 г. следует рассматривать в контексте прослеживаемых по летописным источникам явных закономерностей в освоении Верхней Волги на пространстве вверх от устья Медведицы суздальскими, а затем владимирскими князьями в середине XII — начале XIII в. Полагаем, что северо-западные и западные границы Владимиро-Суздальского княжества вплоть до начала XIII в. менялись, но в каждом случае имели чёткие рубежи. Согласно *Инам.*, в 1180 г. киевский князь Святослав Всеволодич вместе с сыном Владимиром и новгородцами, воюя с Всеволодом Большое Гнездо, сначала «вониде в землю Соуждальскоую», а затем «идя и(з) землѣ Соуждальской, пожеже городъ Дмитровъ, вышедшу же емоу и(з) Соуждаль(с)кой земльѣ»²⁴.

На протяжении середины — второй половины XII в. главными рубежами суздальских земель на Верхней Волге были устья её важнейших притоков — Нерли, Медведицы, Тверцы и Вазузы. Впервые Медведица и, скорее всего, устье этой реки фигурируют в Лаврентьевской летописи и в *Инам.* под 1096 г., когда Медведица стала местом действия сборщиков дани и передовых отрядов двух враждующих князей — Олега Гориславича и Мстислава Великого²⁵. Следующие интересующие нас события на Верхней Волге произошли в 1134 и 1135 гг.²⁶ В первом случае новгородское войско князя Всеволода шло на Суздаль, но вернулось с р. Дубны из-за противоречий среди участников похода. В январе 1135 г. новгородцы вновь двинулись на Суздаль и дошли до Ждани горы на р. Кубре, левом притоке р. Нерли Волжской²⁷. Для нас важно, что новгородцы в 1134—1135 гг. беспрепятственно действовали на Волге, Дубне и Нерли. Очевидно, что никаких суздальских крепостей здесь в то время не было.

Ситуация изменилась во второй половине 1130-х гг., когда вернувшийся с юга в Ростово-Суздальскую землю Юрий Долгорукий «заложи градъ на усть Нерли на Волзе и нарече (имя) ему Константинъ, и церковь въ немъ созда»²⁸. Надо думать, Кснятин стал первой суздальской крепостью на Волге выше Углича, существовавшего уже в XI в.²⁹ В это время устье Нерли стало рубежом Ростово-Суздальской земли. К 1149 г. этот рубеж переместился на запад выше по Волге к устью Медведицы. Отсюда Изяслав и Ростислав начали военные действия, вторгшись на территорию Юрия Долгорукого. Возможно, тогда же осваивалось нижнее течение Медведицы и возникло укрепление «Медведь»

²³ Там же. Т. XV. Стб. 212.

²⁴ Там же. Т. II. Стб. 618, 620.

²⁵ Там же. Т. I. Стб. 238; Т. II. Стб. 228.

²⁶ Там же. Т. III. С. 23, 208; Т. II. Стб. 302, 303.

²⁷ Кучкин В.А. Город Дубна... С. 309, 313.

²⁸ ПСРЛ. Т. IX. М., 2000. С. 158; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 80.

²⁹ Томсинский С.В. Угличе Поле в IX—XIII веках. СПб., 2004. С. 173, 174.

(правый берег Медведицы близ д. Посады)³⁰, которое мы считаем суздальским³¹, а не новгородским³².

В НПЛ действия киевского князя Святослава с сыном Владимиром и новгородцами против Всеволода Большое Гнездо под 1180 г. описаны следующим образом. Противники Всеволода, объединившись, подобно событиям 1149 г., на устье волжского притока — теперь на устье Тверцы, вторглись в земли владимирского князя: «Томъ же лѣтъ, на зиму, иде князь Святославъ Всѣволодиць, Олговъ вьнукъ, из Руси на Суждаль ратью на Всеволода, а сынъ его Володимиръ съ новъгородьци из Новагорода; и съяшася на Вълзѣ устье Тъхвери, и положиша всю Вългу пуну, и города всѣ пожьгоша, и не дошьдъше Переяславля за 40 вьрсть»³³. По нашему мнению, к 1180 г. появилась владимирская крепость — предшественница будущей Твери, своего рода прото-Тверь. При этом С.В. Богданов считает, что это могло быть городище Петропавловское на Тверце³⁴, по мнению П.Д. Малыгина, — это так называемое Глинное городище на против устья Тверцы³⁵.

Наконец, к 1216 г. владими́ро-суздальский рубеж максимально продвинулся вверх по Волге к устью Вазузы, где возвели крепость Зубцов — первый и единственный владими́ро-суздальский город домонгольского периода, располагавшийся на левом берегу Верхней Волги. После организованной Ярославом Всеволодичем в Торжке в 1215 г. хлебной блокады Новгорода против него и его братьев в марте 1216 г. начал войну Мстислав Мстиславич Удатный со своими союзниками: «И поиде Мъстиславъ и взя Зубьчевъ, и быша на Возузь; и приде Володимиръ Рюриковиць съ смольняны, идоша по Волзѣ, воююще... И не бы вести, где Ярославъ, въ Торжку ли, въ Тъхвъри ли... и поидоша по Волзе, воююще; и пожьгоша Шешю, и Дубну, и Къснятинъ, и все Поволжье»³⁶.

³⁰ См.: Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1. М., 2003. С. 222—224. Описание городища даёт ясное представление о том, что для него характерна топография укреплений домонгольского времени, подчинённая заранее заданной геометрической форме (Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. М., 1961. С. 55—56; Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XIV вв. // МИА СССР. М., 1961. № 105. С. 14—25). П.А. Раппопорт совершенно обоснованно отметил, что этот тип крепостей, возникший в Залеской земле в середине XII в., был тесно связан с определённым социальным типом поселения — феодальным замком или княжеской крепостью. Отсутствие же таких округлых крепостей в Северо-Западной Руси свидетельствует о «своеобразии социального строя в Новгородской земле» (Раппопорт П.А. Очерки по истории... С. 216). Всё это позволяет считать городище на р. Медведице суздальской княжеской крепостью. В этой связи неслучайно, что аналогичными городищу «Медведь» являются укрепления Клещина, Перемышля на р. Моче, Городца, Кидекши и Гороховца — все они были построены кн. Юрием Долгоруким (Раппопорт П.А. Очерки по истории... С. 16—17).

³¹ Малыгин П.Д. Города Тверского княжества в XIV веке // Великий князь Тверской и Владимирский Михаил Ярославич: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1996. С. 31.

³² Хохлов А.Н. К вопросу о юго-восточной границе Новгородской земли в конце XI—XII веков // История и археология Новгородской земли (Тезисы научно-практической конференции). Новгород, 1987. С. 41—42.

³³ ПСРЛ. Т. III. С. 36, 226.

³⁴ Богданов С.В. Названия «Тверь» и «Тверца» в письменных источниках // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2007. Вып. 4. С. 86; Богданов С.В. Тверь в 1216 году // У истоков Российского государства. Материалы научной конференции «У истоков Российского государства. Тверь. Москва: к 700-летию со дня памяти великой княгини Ксении Тверской» (Тверь, Кашин, 6—7 февраля 2012 г.). Тверь, 2015. С. 115—152.

³⁵ Малыгин П.Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 124—125.

³⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 55, 255.

Таким образом, для трёх войн против владими́ро-суздальских князей прослеживается чёткая закономерность — неприятель объединял свои силы, придя на суздальские рубежи-пограничья, маркируемые устьями крупнейших волжских притоков, причём в каждом случае союзники приходили на место объединения по двум маршрутам — Волге и её соответствующему притоку.

Мы видим явную последовательность расширения суздальских границ вдоль Волги, начиная от Кснятина. В 1130—1149 гг. это «робкий шаг» от устья Нерли до устья Медведицы протяжённостью всего 10 км. Следующий «шаг» на этапе 1149—1180 гг. — уже «широкий» — от устья Медведицы до устья Тверцы — более 160 км. Наконец, третий «шаг» почти такой же — от устья Тверцы до устья Вазузы — порядка 150 км — на этапе 1180—1216 гг.³⁷ Такова картина поэтапной суздальско-владимирской колонизации Верхней Волги в домонгольский период. И здесь мы должны согласиться с В.А. Кучкиным, который считает, что в 1149 г. Волга не была новгородской до устья Медведицы³⁸ как утверждал А.В. Куза в 1975 г. и мы вслед за ним в 1989 г. Но поскольку летописи не фиксируют никаких взятых Ростиславом в 1149 г. «городков» на Волге до устья Медведицы, мы берём на себя смелость заявить, что выше устья Медведицы Волга не была и суздальской. В 1149 г. и во второй половине XII в. на этом участке Верхней Волги никаких городков-крепостей не существовало. Суздальцы закрепились к этому времени лишь на устье Нерли и в низовьях Медведицы, а новгородцы освоили только район верхневолжского озера Стерж и с XI в. среднее течение Тверцы в районе Торжка, Волок Ламский, Бежецкий Верх, верхнее и, видимо, среднее течения Медведицы. Показательно, что в ходе упоминавшегося выше противостояния Олега Святославича и Мстислава Владимировича в 1096 г. данники черниговского князя действовали на р. Медведице и были изгнаны воеводой новгородского князя: налицо конфликт интересов, связанных со сбором дани на определённых территориях. Точно так же Юрий Долгорукий в 1139 г. «взя Новый Торг»³⁹, в 1147 г. он «взя» Новый Торг и «Мьстоу всю»⁴⁰, нарушив тем самым сюзеренные права новгородского князя. Смоленскими были с XI в. верховья Западной Двины в районе Торопца и, возможно, южные берега озёр Селигер и Волго⁴¹. Самый восточный смоленский город на Волге — Ржевка (Ржева) — был основан между 1211 и 1216 гг.⁴²

Получается, что выше Медведицы в 1149 г. Волга являлась ещё общей древнерусской водной и ледовой дорогой, население этих территорий не имело даннической зависимости от какого-либо центра. В соответствии с предложенной схемой изменения суздальских границ, Тверь как город-крепость в устье Тьмаки могла появиться лишь в 1180—1216 гг. или позднее.

³⁷ С.В. Богданов придерживается мнения о том, что Верхняя Волга на пространстве от устья Холохольни до устья Шоши в конце XII в. осваивалась новгородцами, и к 1216 г. владими́ро-суздальские земли тянулись полосой к устью Вазузы вдоль рек Шоша и Держа, образуя «клин», на вершине которого располагался Зубцов (*Богданов С.В.* Новгородско-суздальский рубеж на Верхней Волге в конце XII — 1-й трети XIII вв. и основание Твери // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007. С. 330—338).

³⁸ *Кучкин В.А.* Город Дубна... С. 316.

³⁹ ПСРЛ. Т. IV. М., 2000. С. 149.

⁴⁰ Там же. Т. II. Стб. 339.

⁴¹ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 41, 55.

⁴² *Малыгин П.Д.* Краткая история города Ржева // Тверская старина. 2016. № 37. С. 50, 53.

Этот вывод, разумеется, нуждается в археологическом обосновании. Полученные на раскопе 23 в Тверском кремле дендродаты, на первый взгляд, полностью опровергают наши выводы: дендродаты с постройки 9 — 1149 г., с постройки 11 — 1150 г.⁴³ Эти даты можно объяснить двояко. Во-первых, вторичным использованием дерева в постройках. Например, в раскопе 11 со сруба № 33 было получено 8 спилов, дендродаты которых дали разброс в 51 год (1292—1343 г.)⁴⁴. Во-вторых, деревянные постройки с датами 1149 и 1150 г. относятся к догородскому поселению. Тогда влажный слой Твери можно расценивать как уникальный, имеющий догородские и городские напластования.

Оба наших объяснения могут относиться и к раскопам 4 и 9 на территории Тверского кремля, где также получены ранние дендродаты⁴⁵. Но, по нашему мнению, предпочтительнее видеть в этих древнейших постройках следы догородских поселений в гидрографическом узле Волги—Тьмаки—Тверцы. В раскопе 23 в Тверском кремле обнаружены также хаковые (крюковые) дубовые конструкции, которые авторы раскопок упорно датируют (без дендрохронологии) серединой — второй половиной XII в.⁴⁶, не учитывая, что подобные конструкции сооружались и в XIII, и даже в XVI вв.⁴⁷

Вразрез с нашими выводами идёт и упоминание Твери в 9-м чуде «Сказания о чудесах Владимирской иконы Богоматери»⁴⁸. Конечно, это отдельная серьёзная тема, здесь мы ограничимся лишь существующими подходами к интерпретации текста чуда, в котором, по мнению Кучкина, зафиксированы события, произошедшие в 1162 г.⁴⁹ Данные о Твери в этом источнике сводятся к следующим позициям: топоним («въ Тѣри»); беременная «нѣкаа жена», она же «боярыня»; приехавший из Владимира «поп Лазарь»; местный «поп», сообщающий о страданиях «боярыни», которая не может разрешиться от бремени; «нѣкая жена» или «боярыня», давшая обет иконе Богородицы после рождения сына и своего выздоровления, жертвует к иконе Богородицы во Владимир золотые украшения и серьги.

Эти позиции Кучкин интерпретирует следующим образом: «Сколь ни краток рассказ о боярыне из Твери, он содержит некоторые весьма ценные сведения о городе. Очевидно, что город относился к территории Владимиро-Суздальского княжества. Очевидно также, что в Твери в начале 60-х годов XII в. имелась крупная боярская усадьба, где смог найти приют приехавший из Владимира Лазарь. Возможно, боярин — владелец усадьбы — был великокняжеским тиуном — наместником в Твери, почему у него и остановился владимирский причётник. На усадьбе или близ неё находилась церковь, где служил местный священник. Во всяком случае, рассказ упоминает тверского попа — собеседника Лазаря. Проживание в Твери боярина, наличие церкви указывают на то, что в 60-е годы XII в. Тверь была определённым административным центром. Таким образом, уже первое достаточно точно датированное упоминание Твери рисует этот город не как рядовое, только что возникшее поселение, а как место

⁴³ Хохлов А.Н., Иванова А.Б. Исследования мысовой части Тверского кремля... С. 38, 40.

⁴⁴ Лапшин В.А. Тверь в XIII—XV вв. ... С. 189.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Хохлов А.Н., Иванова А.Б. Исследования мысовой части Тверского кремля... С. 27.

⁴⁷ Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского кремля в середине XII — первой трети XVI века. М., 2013. С. 58, 59; Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска. Смоленск, 2016. С. 48—57.

⁴⁸ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 224—225.

⁴⁹ Кучкин В.А. Возникновение Твери... С. 226, 239.

сосредоточения феодальной власти, пункт, который прошёл известный путь в своём историческом развитии»⁵⁰.

Такая интерпретация представляется нам слишком смелой и даже фантастичной⁵¹. Предполагаем, что Кучкин здесь не видит Твери в качестве, например, боярского села, поскольку, по его мнению, свидетельств существования боярских (не княжеских) сёл в домонгольский период нет. Но это не так, такие свидетельства есть, и боярские сёла в Волго-Окском междуречье — явление распространённое. Лаврентьевская летопись под 1177 г. говорит о распре между Всеволодом Юрьевичем и Мстиславом Ростиславичем. При этом в районе Суздаля, Юрьева и Ростова «села боярская взяша». В этом же году противник Всеволода рязанский князь Глеб Ростиславич с половцами в районе Боголюбова «села пожже боярская»⁵².

Проблему основания Твери в середине XII в. в связи с нашим выводом о Верхней Волге как о своеобразной «демилитаризованной» зоне следует рассматривать и в контексте освоения этого пространства. Многочисленные курганные группы по берегам Волги, которых значительно больше выше Дубны, чем в районе устья Медведицы и летописного Кснятина⁵³, можно связывать, на наш взгляд, с населением свободных общинников — потомков первых славян, пришедших в лесную зону Восточной Европы, ещё не подвергшихся огосударствлению со стороны Новгорода и княжению со стороны Суздаля и Смоленска.

Отметим, что во владимирском летописании никак не отражена ранняя история Твери, в Лаврентьевской летописи существует единственное упоминание Твери под 1209 г. в связи с уходом во время похода к Торжку сына Всеволода Большое Гнездо Константина «со Тьфъри»⁵⁴ — в этом случае предлог «с» указывает на поселение⁵⁵. При этом в «Летописце Переяславля Суздальского» это событие датировано 1212 г., и сказано о князьях Всеволодичах так: «И быв-

⁵⁰ Там же. С. 227.

⁵¹ Есть более корректные анализы рассматриваемого источника. П. С. Стефанович отмечает, что «В “Сказании об иконе Владимирской Богоматери” рассказывается об одной женщине, которая исцелилась, дав обет иконе Владимирской Богоматери, причём выясняется, что в доме при ней жил “поп”, который называет её “боярыня наша”» (*Стефанович П. С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 49). А. Е. Мусин оценивает эпизод с чудом в Твери из «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» как свидетельство нераспространённости здесь почитания этой иконы и сопоставляет это с отсутствием в археологических материалах Тверского Поволжья литых нагрудных иконок с изображением Успения Божией Матери и образа Умиления, которые появились в середине — второй половине XIII в. во Владимирском княжестве (*Мусин А. Е.* Христианизация Тверского края и проблемы образования Тверской епархии (историко-археологический аспект) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 260).

⁵² ПСРЛ. Т. I. Стб. 382, 383.

⁵³ *Степанова Ю. В., Пежемский Д. В., Жукова Е. Н.* Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избрижского могильника) // Вестник Тверского государственного университета. 2009. Вып. 1. С. 104; *Степанова Ю. В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья: пространственный анализ // Вестник Тверского государственного университета. 2009. Вып. 3. С. 75, 77, 81—82, рис. 9; *Степанова Ю. В.* Древнерусские курганы Верхневолжья: конструкция насыпей и особенности устройства погребений // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 55-го заседания, посвящённого юбилею профессора И. К. Лабутиной. Псков, 2010. С. 188—190, рис. 1.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 435.

⁵⁵ *Кучкин В. А.* Город Дубна... С. 312.

шимъ имъ на Тфери»⁵⁶, т.е. предлог «на» указывает на реку. Тверской сборник, сохранивший уникальные известия о городах Суздальской земли XII в., в том числе и о возведении в Москве крепости, также обходит полным молчанием историю домонгольской Твери, здесь лишь под 1215 г. впервые фигурирует «Тверь» или «Твердь», и это сообщение заимствовано из НПЛ. В Рогожском летописце нет упоминаний о домонгольской Твери. Нет никаких намёков на домонгольское существование Твери и в «Предисловии летописца княжения Тферского»⁵⁷. Практически все упоминания домонгольской Твери находятся в новгородском летописании (1215/16 и 1238 гг.). Такое умолчание не коррелируется с рисуемой некоторыми археологами картиной Твери как мощного и богатого суздальского города. Единственным источником, доносящим концепцию возникновения Твери как города в устье Тьмаки «по Батыеве пленении», остаётся родословная статья о тверских князьях в сборнике с Воскресенской летописью, в составе которой сохранилось большое количество уникальной информации, «тверизмов», в том числе: «Князь великій Ярославъ Всеволодичъ, по Батыевѣ плѣненіи, прииде изъ Новгорода съ дѣтми своими, и нача грады, разоренныя отъ Батыя, ставити по своимъ мѣстомъ, и на Волзѣ постави градъ и воименова его Тверью по Тверци рѣкѣ, а наперед того в томъ мѣстѣ градъ не былъ, и посади на Твери сына своего меншого Ярослава, и великымъ княземъ его нарече, и оттолѣ наста великое княженіе Тверское»⁵⁸.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XLI. М., 1995. С. 129.

⁵⁷ Там же. Т. XV. Стб. 315, 463—465.

⁵⁸ Там же. Т. VII. М., 2001. С. 245.

Меньше придумывать, больше продумывать

Владимир Кучкин

To think out less, to think through more

Vladimir Kuchkin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014459-5

Статья «О проблеме возникновения Твери в середине XII века» П.Д. Малыгина и С.В. Богданова продолжает полемику, которая тянется уже более 30 лет между тверскими археологами П.Д. Малыгиным и А.Н. Хохловым относительно того, когда возникла Тверь, сыгравшая значительную роль в русской истории, особенно в XIII—XIV столетиях. Споры, ведущиеся между этими учёными, побуждали и продолжают побуждать первого из них отрицать во что бы то ни стало всё, что достигнуто его научным оппонентом. А так как работы Хохлова подтверждали и уточняли основные выводы историков XIX в. и последующего времени, Малыгин, взяв себе в союзники Богданова, перешёл к жёсткой критике и этих исследователей. Поскольку из двух соавторов опубликованной статьи на первом месте вопреки порядку букв русского алфавита стоит фамилия Малыгина, делается очевидным, что основной текст совместного труда написан им, и при анализе данной публикации можно называть только одного автора.

Ознакомление с работой Малыгина показывает, что её автор настаивает на позднем происхождении города Твери. «Тверь как город-крепость в устье Тьмаки могла появиться лишь в период 1180—1216 гг. или позднее», — беспартийно утверждает он. В этой связи нечёткий заголовок статьи — «О проблеме возникновения Твери в середине XII века» — определённым образом дезориентирует читателя. В историографии ставится вопрос о возникновении Твери в 1140-х гг., а не в середине XII в. Малыгин это отрицает, предлагая более позднюю дату основания города. В таком случае название работы должно быть иным: «Когда возникла Тверь?» или «Тверь — город 1180—1216 гг.», чтобы был ясен вопрос, который он хочет рассмотреть. Но Малыгин чёткости и ясности старается избегать, видимо, не будучи уверен в правильности своих изысканий и заключений.

Оставляет желать лучшего и архитектура статьи. П.Д. Малыгин сначала говорит о данных археологии, используя лишь одну книгу и две статьи¹, затем по летописям излагает политические и военные события на Руси в конце 1148 — начале весны 1149 г., вновь обращается к археологии, после чего анализирует агиографический памятник XII в., снова использует летописи, упоминающие Тверь в домонгольское время. Между тем в работах подобного рода не принято смешивать археологические находки со свидетельствами письменных источ-

© 2021 г. В.А. Кучкин

¹ Лапшин В.А. Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009; Хохлов А.Н. Новые материалы по древнейшей истории города Твери // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61); Хохлов А.Н., Иванова А.Б. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь, 2016.

ников. Эти не связанные между собой типы исторических источников следует анализировать отдельно друг от друга, но полученные конечные результаты обязательно сопоставлять. Поэтому сначала рассмотрим, как Малыгин анализирует археологические данные.

Он начинает с книги Лапшина, однако анализ оказывается чрезвычайно лапидарным. Малыгин лишь ссылается на автора, «убедительно доказавшего, что в центральной части Тверского кремля нет слоёв древнее 1270-х гг.». Какие предметы найдены при раскопках, как они датируются, кому принадлежат, не сообщается. Что касается лапидарного вывода автора, то он двусмыслен. Если в части Тверского кремля, изученного Лапшиным (он вёл раскопки в северо-восточной, прилегающей к Волге, части кремля, а не в его центре, как утверждает Малыгин), самыми ранними оказываются слои 1270-х гг., то это значит, что данный участок крепости освоен в указанные годы. В этом нет ничего необычного. В частности, в Московском кремле, о котором сохранилось гораздо больше летописных и документальных свидетельств, чем о Тверском, по завещаниям московских великих и удельных князей и княгинь XV в. фиксируются сады и житницы, в которых хранились хлебные зерновые запасы, т.е. места, где не было жилых построек. Так, в завещании двоюродного брата Дмитрия Донского серпуховского князя Владимира Андреевича, составленном, скорее всего, в 1408 г., названы Бутов и Чичаков сады, по всем признакам, находившиеся в кремле. В завещании 1451 г. вдовы великого князя Василия I Софии Витовтовны указано «место дворовое Фоминское Ивановича» в Московском кремле, где великая княгиня София «поставила житничный двор»². Обнаружение в таких местах артефактов прошлого позволяет говорить о том, что те были заселены позднее, чем другие участки, но это не значит, что Москва возникла в XV в. Для Малыгина поздняя датировка археологических слоёв в некоторой части Тверского кремля служит базой для попыток датировки возникновения не части, а всей Твери в позднее время. Говоря же строго, пятилетние раскопки Лапшина в таком большом средневековом городе, как Тверь, недостаточны для характеристики появления и развития города за три столетия. В древнерусских городах, подобных Твери, таких как Новгород, Москва, Псков, археологические работы идут десятилетиями. Малыгину следовало бы оценить все раскопки, произведённые в Твери, и их результаты, но тщательность и скрупулёзность не в чести у такого исследователя. Он делает неожиданные обобщающие выводы, исходя из единичных фактов.

Кроме книги Лапшина Малыгин рассмотрел две статьи Хохлова, который исследовал северо-западную часть Тверского кремля близ впадения в Волгу её левого притока — Тьмаки. Малыгин вынужден отметить, что его оппонент в раскопе № 23 обнаружил «культурный слой, отложившийся с рубежа XI—XII вв. до 1170—1180-х гг.». Однако далее следует полное несогласие с выводами Хохлова. Вот что пишет Малыгин о новых находках в Тверском кремле: «Полученные на раскопе 23 в тверском кремле дендродаты, на первый взгляд, полностью опровергают наши выводы: дендродаты с постройки 9 — 1149 г., с постройки 11 — 1150 г. Нам представляется, что эти даты можно объяснить двояко. Во-первых, вторичным использованием дерева в постройках. Например, в раскопе 11 со сруба № 33 было получено 8 спилов, дендродаты которых дали разброс в 51 год (1292—1343 гг.). Во-вторых, деревянные постройки

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 17. С. 50; № 51. С. 177.

с датами 1149 и 1150 гг. относятся к догородскому поселению». Осмысление первичного материала — необходимый этап в каждой науке. При этом исследователи выдвигают разные объяснения. Но они не должны заменять собой объективных данных, характеризующих полученный материал. А Малыгин напряжением ума хочет изменить выясненные даты: 1149 и 1150 гг., объявляя, что они якобы вторичны, и приводя в качестве параллели данные о 8 разных датах сруба № 33. Почему наличие разных дат 8 спилов Малыгин объясняет «вторичным использованием дерева», а не более поздними починками и достройками раннего объекта, он не уточняет. Но даже если поверить в абстрактные измышления автора и посчитать, что срубленные в 1149 и 1150 гг. деревья нашли применение в строительстве только в 1199 г. и 1200 г., это будет на несколько десятилетий раньше «убедительного доказательства», «что в центральной части Тверского кремля нет слоёв древнее 1270-х гг.». А виртуальный догородской дом разве не мог быть заселён вооружённой стражей? Автор новой теории о возникновении Твери явно не ведаёт, что вытекает из его соображений, руководствуясь не последовательными мыслями, пусть даже ошибочными, а обрывками мыслей. Ничего не может дать и сопоставление дендрохронологических данных срубов 9 и 11 раскопа 23 с дендрохронологическими данными сруба 33 раскопа 11. В последнем обнаруживается разброс таких данных, а в первых двух случаях подобного разброса нет. Чтобы выяснить определённую деталь, нельзя сравнивать разнокачественные вещи. Но Малыгин такое делает и в результате получает вполне ожидаемую «баранку».

Обратимся к письменным источникам, на которые опирается Малыгин, выводя свою непроблемную дату возникновения Твери — «в период 1180—1216 гг. или позднее». С первого курса учёбы на исторических факультетах студентам становится известно, что древнейшими русскими летописями, освещающими домонгольский период русской истории, являются Новгородская I, Лаврентьевская и Ипатьевская. Это азбука для любого специалиста по истории средневековой Руси. С XIX в. именно свидетельства этих трёх летописей лежат в основе изложения древнерусской истории домонгольского времени. Выясняется, однако, что с этой азбучной истиной Малыгин не знаком. Древность Новгородской I и Ипатьевской летописей он признаёт, но Лаврентьевскую летопись даже не упоминает. Между тем этот памятник, несмотря на свою краткость, содержит уникальные детали похода киевского князя Изяслава Мстиславича на Юрия Долгорукого в конце 1148 — начале 1149 г.: «Иде Изяслав Новугороду ис Кыева в помочь Новгородцем на Гюргя. А всем повелѣ по собѣ ити. И поидоша по нем, и похромоша кони оу них. И сам с Новгородци дошедъ Волгы и повоевавъ ю, и не оуспѣ ничтоже Гюргеви. И дошед Оуглеча Поля, поворотися Новугороду и иде Смолинску, и зимава ту. И наставши веснѣ, приде Изяславъ Кыеву, и ради быша людьѣ»³. Из приведённого текста выясняется, что киевский князь Изяслав Мстиславич, выступая в поход против своего дяди, суждальского князя Юрия Долгорукого, имел союзников, которые пошли за ним, но столкнулись с такой бедой, как хромота коней. Данное свидетельство обнаруживает все признаки достоверности. Поход Изяслава датируется зимой 1148 г. — началом весны 1149 г., когда началось таяние льда, и боевые кони ранили ноги, разбивая подтаявший лёд на острые колющие куски. В таких случаях в Средние века войны заканчивались или не начинались. Известно, например, что новгород-северскому князю Игорю Святославичу (герою «Слова

³ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 320.

о полку Игореве») незадолго до его неудачного похода на половцев было предложено принять участие в коллективном походе на них многих русских князей. Игорь согласился, но помешала непогода. Образовался «серен» — льдистый смёрзшийся талый снег, который не могла пройти конная дружина князя⁴. Конечно, приведённые аргументы в пользу достоверности уникального указания Лаврентьевской летописи на хромоту лошадей врагов Юрия Долгорукого не могут быть механически перенесены на весь её текст, повествующий о событиях на Руси в конце 1148 — начале 1149 г., однако оставлять её свидетельства без всякого внимания, как это делает Малыгин, нельзя⁵. Малыгин же не упоминает эту летопись потому, что там успехи князя Изяслава Мстиславича и его союзников при движении от устья Медведицы до Углича Поля не описываются (Изяслав с новгородцами «дошедь Волгы и повоевавъ ю, и не оупсѣ ничтоже Гюргеви»). Может ли Малыгин, применяя такие неисследовательские приёмы, претендовать на научную значимость своего труда?

Вместо Лаврентьевской летописи для реконструкции событий конца 1148 — начала 1149 г. Малыгин использует Тверской сборник. Такое условное название получила в науке летопись, описывающая события русской истории до февраля 1499 г. Сохранились записи писца (возможно, что их оставил и сам составитель памятника), свидетельствующие о том, что над текстом летописи работали в Ростове в 1534 г.⁶ Следовательно, Тверской сборник возник не ранее XVI в. В прениях на разных семинарах и конференциях, где Малыгин выступал со своими докладами о позднем происхождении Твери, ему не раз указывали на то, что он для характеристики событий XII в. использует данные XVI в. Но Малыгин упорно стоит на своём, видимо, считая, что постоянная неправда в течение длительного времени может преобразоваться в правду. Но вот какая правда из этого получается.

Анализируя текст Ипатьевской летописи, Малыгин отмечает, что она говорит о соединении сил смоленского князя Ростислава Мстиславича и его брата киевского князя Изяслава Мстиславича в устье впадавшей в Волгу слева Медведицы. Это второе и последнее упоминание данной реки в русских летописях. Затем Малыгин, излагая последующие действия объединившихся братьев, опирается, как и три десятилетия назад, на свидетельства Ермолинской летописи и Тверского сборника. В первой сказано, что после встречи на волжском левобережье в устье Медведицы Изяслав и Ростислав Мстиславичи «оттоль приидоша ко Снятину, и к Угльечю, и к Молозѣ, даже и до Ярославля, воююще и жгуще»⁷, а в Тверском сборнике и того яснее: «свьѣкупишася на Волзѣ, на усть Медвѣдици... И оттоль поидоша къ Скнятину, и къ Углечю и къ Молозѣ, и много воеваша людей Юрѣвыхъ, даже и до Ярославля, по Волзе; и взяша б городовъ, и воюючи, и жгучи»⁸. Но в Ермолинской летописи говорится, что с устья Медведицы Мстиславичи «послаша къ Юрю», тогда как в более древней Ипатьевской летописи написано, что посольство к Юрию Долгорукому было направлено значительно раньше и не с устья Медведицы, а из Смоленска.

⁴ Там же. Т. II. СПб., 1908. Стб. 637.

⁵ В частности, сообщение о захромавших конях в войске противников Юрия Долгорукого делает бессмысленными все расчёты Малыгина о скорости передвижения этого войска, поскольку в их основе лежат данные о передвижении только здоровых лошадей, хромые в расчёт не приняты.

⁶ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. С. V.

⁷ Там же. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 36.

⁸ Там же. Т. XV. Стб. 212.

В Тверском же сборнике сообщений о посольстве к Юрию Долгорукому нет. В итоге получается, что в основу своих заключений относительно событий XII в. Малыгин снова кладёт текст не только поздних, но и явно недостоверных летописных памятников XVI в., выдавая неудачную редакторскую работу их составителей за первоначальные свидетельства о прошлом. На самом деле приведённые им цитаты отражают точку зрения сводчиков XVI в. на события XII столетия, не более того. Чтобы изучать реалии XII в., нужна совсем иная, гораздо более сложная методика исследования, о которой Малыгин просто не догадывается.

Поясним это на одном примере. Приводя выдержки из Ермолинской летописи и Тверского сборника, Малыгин предваряет их таким замечанием: «В Ермолинской летописи и родственном ей Тверском сборнике, очевидно, в их общем протографе» существовали, например, такое-то известие или такое-то чтение. В данном случае Малыгин пытается обосновать положение о том, будто особые «чёткие» чтения двух поздних летописных памятников являются древними, их оригинал был создан очень давно. Но это не так. Соотношение двух памятников иное. Ермолинская летопись послужила источником Тверского сборника. Такое заключение устанавливается сравнением не нескольких слов и не нескольких строк текста, как в статье Малыгина, а сличением текстов объёмом в несколько десятков печатных листов, чего Малыгин никогда не делал и не делает. Ермолинская летопись не могла быть написана на основе Тверского сборника, поскольку она сохранила известие о посольстве к Юрию Долгорукому от его противников, Тверской же сборник такого известия не имеет. Следовательно, он не мог послужить источником Ермолинской летописи. А Ермолинская летопись источником Тверского сборника быть могла, общего источника — более раннего протографа — они не имели. Малыгин старается предстать перед читателями специалистом не только по археологии, но и по истории русского летописания, но на самом деле употребляет специальные термины, применяемые при исследовании нарративов, не понимая их значения, а главное, не проделывая той работы, результат которой обозначается такими терминами.

Откуда же брал живший в XVI в. составитель Ермолинской летописи сведения о борьбе киевского князя Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким в конце 1148 — начале 1149 г.? Ведь эти события происходили примерно за 400 лет до её написания. В работе Малыгина такой вопрос даже не ставится, поскольку он возводит текст Ермолинской летописи к мифическому общему источнику её и Тверского сборника. Но в научной литературе он ставился, причём достаточно давно. В 1969 г. А.Н. Насонов в монографии о русском летописании с самого его зарождения до начала XVIII в. показал, что до 1425 г. основным источником Ермолинской летописи был летописный свод XV в., который в значительной большей степени использовался при составлении московского великокняжеского свода в 1479 г. В свою очередь этот не дошедший до нашего времени свод XV в. основывался на летописи, содержавшей в своём составе Киевский свод 1198 г.⁹ Одна летопись, сохранившая такой свод, хорошо известна — Ипатьевская. Однако Насонов установил, что свод 1198 г., бывший в руках составителя свода XV в., несколько отличался от списка свода 1198 г., что был в распоряжении составителя Ипатьевской летописи. Малыгин

⁹ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 260—271, 283—293.

ничего об этих работах Насонова не знает и лишает себя возможности использовать ещё один источник при описании и характеристике событий 1148—1149 гг.

Остаётся лишь два древних летописных памятника, которыми пользуется Малыгин, пытаясь доказать позднее возникновение Твери. Первый из них — Новгородская I летопись. Приводим её текст по старшему изводу этой летописи: «В лѣто 6656. Тое же зимѣ приде Изяслав Новугороду, сынъ Мьстиславль, ис Кыева, иде на Гюргя Ростову съ новгородьци; и мьного воеваша людьє Гюргево, и по Волзѣ взяша 6 городькъ, оли до Ярославля попустиша, а головь взяша 7 000, и воротишася роспутия дѣля»¹⁰.

Вторым источником является рассказ Ипатьевской летописи, восходящий к киевскому своду 1198 г. смоленского князя Рюрика Ростиславича, занимавшего в то время киевский стол. Рассказ этот достаточно объёмен, и его приходится частью пересказывать и лишь частью дословно цитировать, когда речь идёт о значимых свидетельствах этого рассказа. Датирован такой рассказ в Ипатьевской летописи 6656 г. от сотворения мира. В нём говорится, что «в то же веремья» киевский князь Изяслав Мстиславич, оставив в Киеве вместо себя своего брата Владимира, а в Переяславле Южном своего сына Мстислава, двинулся войной на суздальского князя Юрия Долгорукого. Путь шёл через Смоленск, где правил брат Изяслава и его союзник князь Ростислав Мстиславич. Смоленск был назначен первым пунктом сбора антисуздальских сил. Туда должны были прибыть киевские и переяславские полки, двигавшиеся вслед за Изяславом, чтобы соединиться со смоленскими войсками. Сам Изяслав должен был из Смоленска проехать в Новгород, чтобы уговорить новгородцев идти походом на Долгорукого. Брату Ростиславу Изяслав «приказа полкы своя тоуда же пойти по Волзѣ, всимъ снятися на оусть Медвѣдѣци»¹¹. С небольшой дружиной Изяслав прибыл в Новгород, где был радостно встречен новгородцами и сыном Ярославом. Не остался в долгу и Изяслав. В тот же день он устроил для новгородцев пир. Московский великокняжеский свод 1479 г., содержащий в себе киевский свод 1198 г. особой редакции, уточняет, что пир проходил «на Городище», т.е. на Рюриковом Городище в 4 км от Новгорода, где находилась княжеская резиденция. На следующее утро было созвано вече, на котором Изяслав Мстиславич объявил, что он прибыл помогать новгородцам против Юрия Долгорукого. От новгородцев зависит, воевать ли с Долгоруким или заключить с ним мир. Все новгородцы высказались за войну. «И тако, — продолжает летопись, — поидоша Новгородци съ Изяславомъ всими силами своими и Пльсковичѣ, и Корѣла. И приде Изяславъ на Волгоу съ Новѣгородци на оусть Медвѣдицѣ и тоу жда брата своего Ростислава 4 дни. И приди емоу Ростислав и съ всими Роускими силами полкы и съ Смоленскими. И тоу съвкоупишися и поидоста внизѣ по Волзѣ, послали бо бяшета и Смоленска преже послы своя къ Гюргеви, къ стрѣви своемуу. Он же к нима ни посла их опять поусты, ни своего поусты. И придоста къ Къснятиноу, и тоу имь от Гюргя вѣсти не бысть. И начаста городы его жечи и села и всю землю его воевати [обаполы Волги. — *списки ХП*]. И поидоста оттоль на Оуглече поле и оттуда идоста на оустьє Мологы... И оттоль пустиста Новгородци и Роусь воевать къ Ярославлю. И в то время оуже бысть тепло, бяшеть бо оуже вѣрбноѣ недѣли, и бысть вода по

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 28.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 369.

Волзь и по Молозъ по чрево коневи на леду. И в то веремя придоша Новгородци, повоевавшие, Роусь от Ярославля и полонь много принесоша. И много зла земли той створиша. Изяславъ же съ братомъ Ростиславомъ сдоумаша, оже юже рѣкы ся роушаютъ, и оугодиша поити розно. И тако Ростиславъ поиде полкы своими Смоленскоу, а Изяславъ, брат его, иде к Новоугородоу Великому. А дружина Роуская они с Ростиславомъ идоша, а друзии комоу куды годно»¹². Как же оценивает эти источники Малыгин и что извлекает из них для характеристики событий зимы 1148 г. — весны 1149 г.?

Относительно известий Новгородской I летописи он пишет, что все они подводят итоги действий киевского князя Изяслава, в том числе взятие им шести городков Юрия Долгорукого, причём пишет об этом дважды, по-разному цитируя текст Новгородской I летописи, устраняя при этом важные детали. Так, в первом случае Малыгин опускает слова «иде на Гюргя Ростову съ новгородьци», которые прямо свидетельствуют против его утверждения, будто в Новгородской I летописи описаны действия одного Изяслава, а его союзников — не описаны. Во втором — в выдержке из летописи, на которую опирается исследователь, подлежащее «Изяслав» сопровождается сказуемыми «воеваша», «взяша», «попустиша», «възяша», «воротишася». Все эти глаголы имеют форму аориста третьего лица множественного числа. Почему же подлежащее «Изяслав» (третье лицо единственного числа) сопровождается сказуемыми множественного числа? Ответ прост. Выясняется, что Малыгин элементарно не знает древнерусского языка, принимая за одно и то же единственное и множественное числа¹³. Зато предлагает сделанный на таком уровне знания вывод, будто шесть городков Юрия Долгорукого мог занять только киевский князь.

Что касается Ипатьевской летописи, то она делается для Малыгина главным источником изысканий. Однако при этом он ограничивается только описанием событий конца 1148 — весны 1149 г. Что говорит эта летопись о событиях зимы—осени 1148 г. или лета—зимы 1149 г., автора почему-то не интересует. Поэтому он не может сказать, из-за чего началась война и как нужно оценивать её окончание: в пользу киевского князя Изяслава Мстиславича и его союзников или в пользу князя суздальского Юрия Владимировича Долгорукого?

Ответы даёт Ипатьевская летопись, но на других страницах своего текста, оставляемых Малыгиным на протяжении 30 лет его занятий данной темой без внимания. В частности, описывая совещание киевского князя Изяслава с черниговскими князьями, состоявшееся осенью 1148 г. в Городце Остерском и закончившееся договоренностью о совместном походе на Юрия Долгорукого, «ако ледове стануоть», Ипатьевская летопись сообщает, как мотивировал Изяслав необходимость борьбы с Долгоруким. Оказывается, суздальский князь «обидить мои (князя Изяслава. — В.К.) Новгородъ и дани от них отоималъ,

¹² Там же. Стб. 370—372. Воскресенье Вербной недели в 1149 г. приходилось на 27 марта (Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 147).

¹³ Выясняется также, что Малыгин не только неверно понимает древнерусский текст, но и неправильно его читает. В цитате из Ипатьевской летописи, взятой из её издания 1908 г., предназначенного скорее лингвистам, чем историкам, Малыгин два слова, заканчивавшиеся на последнюю выносную (написанную над строкой) букву «с», печатает как «сѣвкоупиша(с)» и «бы(с)». Но в первом случае выносная «с» обозначает возвратную частицу «ся», и в строке надо писать «сѣвкоупиша(ся)», а во втором случае — определённую форму глагола «быти», и в строке надо писать «бы(сть)».

и на поутех имъ пакости дѣть»¹⁴. Следовательно, походу Изяслава и его союзников на Волгу предшествовали захваты Юрием Долгоруким новгородских земель, с которых перестала в Новгород поступать дань, направляемая теперь в Суздаль, а на путях, в число которых входили и пути речные, суздальцы стали пакостить новгородцам, видимо, собирая с них новые дополнительные пошрины, подвергая своему суду или просто не пропуская их в нужные им места. Это делает понятным, почему Изяслав объектом своего похода в конце 1148 — начале 1149 г. сделал тот участок волжского речного пути, который был разграничительным между Новгородом и Суздалем. Ипатьевская летопись вместе с другими источниками позволяет выяснить, когда и почему появились такие захваты. Они начались тогда, когда новгород-северский князь Святослав Ольгович, гонимый захватившим киевский стол князем Изяславом Мстиславичем и его родственниками, а также своими двоюродными братьями Давыдовичами, обладавшими Черниговом, потерял почти все свои владения и обратился за помощью к суздальскому князю Юрию Долгорукому. «Братама Всеволода богъ пояль, — писал Святослав Юрию, — а Игоря Изяслав яль. А поиди в Роускою землю Киевоу, милосердовавъ, мы нальзим брата. А язъ ти сде, надѣяся бозѣ и силѣ животворящаго хреста, боудоу ти помощникъ»¹⁵. Юрий Долгорукий давно хотел занять киевский стол, но у него не было сильного союзника среди южнорусских князей. Теперь такой помощник появлялся. К тому же за спиной помощника стояли половецкие ханы, братья матери Святослава Ольговича и братья его жены, дочери хана Аепы. Юрий Долгорукий без колебаний принял предложение Святослава. Однако первое военное вторжение Юрия в южные черниговские земли завершилось для него неудачно. Киевский князь Изяслав Мстиславич сумел организовать нападение на Суздальское княжество рязанского князя, и Юрий вынужден был вернуться восвояси. Но в начале 1147 г. Юрий начал войну с Новгородом, где правил брат киевского князя Изяслава Святополк. Как сообщает Ипатьевская летопись, Юрию Долгорукому удалось взять Торжок и «Мьсту всю взя». Эта скупая фраза свидетельствует о том, что в руки суздальского князя перешли земли бассейнов рек Тверцы и Мсты. Основные течения этих двух рек обеспечивали самый короткий путь от Волги до Новгорода. Торжок Юрий Долгорукий брал уже второй раз. Первый раз такое случилось в 1139 г.¹⁶ Захваты Торжка в 1139 и 1147 гг. свидетельствуют о том, что суздальский князь чётко осознавал значение нового пути от Волги до Новгорода и обратно. Понимали это и новгородцы. В 1148 г. они прислали в Суздаль важного посла — своего архиепископа Нифонта «мира дѣля». Юрий Долгорукий с почётом принял приехавшее на переговоры высокое духовное лицо, отпустил пленных новоторжцев и случившихся в Торжке гостей, «нѣ мира не дасть»¹⁷.

После ухода весной 1149 г. Изяслава Мстиславича и его союзников из владений Юрия Долгорукого последний собрал свои полки и летом 1149 г. выступил походом на Киевское княжество. Изяслав встретил его на левом берегу Днепра. Юрий начал было отступать, но потом решился на сражение. В упорной битве Изяслав был разбит и бежал во Владимир Волынский. В конце августа 1149 г. Юрий Долгорукий стал киевским князем.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 367.

¹⁵ Там же. Стб. 329.

¹⁶ НПЛ. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 28.

Чтобы закрепиться в Киеве, он решил до конца расправиться со своим воинственным племянником и политическим соперником. Изяслав призвал на помощь венгров, поляков и чехов. После военных и дипломатических манёвров во Владимире Волынском начались переговоры. Успеха они не имели. Изяслав требовал возвращения новгородских земель и даней, Юрий Долгорукий на это не шёл. Переговоры были прерваны до лучшего времени. В конце концов оно наступило. «Изяславъ съступи Дюргеви Киева, а Дюрги възврати всѣ дани новгородкыи Изяславу» — зафиксировала Ипатьевская летопись. Произошло это, когда «веснѣ приспѣвши»¹⁸. Поскольку древнерусское деление на времена года началом весны считало апрель, следует полагать, что замирение Юрия Долгорукого с Изяславом Мстиславичем произошло в апреле 1150 г. Следовательно, новгородскими землями Юрий Долгорукий обладал в течение нескольких лет: с весны 1147 по весну 1150 г. Отсюда можно заключить, что поход Изяслава Мстиславича на Суздальское княжество в конце 1148 — начале 1149 г. цели своей не достиг. И после похода Юрий Долгорукий сохранил за собой новгородские земли. Замечание Лаврентьевской летописи относительно князя Изяслава, который «не оупсѣ ничтоже Гюргеви», оказывается справедливым.

Приведённые свидетельства, которые Малыгин совершенно не привлекает для анализа войны Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким в 1148—1149 гг., позволяют сделать ещё несколько заключений. В частности, становится очевидным, что у Новгорода не было возможности вернуть свои земли, захваченные суздальским князем, собственными силами. Основную мощь антисуздальской коалиции составляли объединённые киевские, переяславские и смоленские полки. На них было возложено исполнение главной цели похода: движение по Волге и подавление тех военных точек Юрия Долгорукого, опираясь на которые суздальцы могли легко делать различные «пакости» новгородцам. За два года контроля над самой короткой дорогой Волга — Новгород суздальцы вполне успевали создать такие плацдармы, которые могли быть использованы не только против новгородцев, но и как базы поддержки администрации перешедших в руки суздальцев новгородских земель.

Таким образом, военно-политическая обстановка в Верхнем Поволжье в конце 1148 — начале 1149 г. оказалась совершенно не такой, как рисует её Малыгин. В руках Юрия Долгорукого в то время находились земли не только по правому берегу Волги, но даже по её левобережью, западнее р. Тверцы, выше её устья и ниже истока Мсты, хотя восточнее по Волге устье Медведицы, левого волжского притока, было новгородским. Там несколько дней стояла небольшая дружина Изяслава Мстиславича вместе с новгородским войском, ожидая прибытия основных сил из Смоленска; там заранее планировался сбор киевских, переяславских, смоленских, новгородских, черниговских и новгород-северских сил для общего похода на Юрия Долгорукого.

Миражным становится и утверждение Малыгина относительно отсутствия в конце 1140-х гг. суздальских городов на Волге выше устья Медведицы. Суздальским оказывается даже Торжок. Поэтому крайне вероятным делается строительство в эти годы Твери в качестве опоры суздальского владения в новгородских землях по Тверце и Мсте.

Исследователь пытается доказать, что Тверь не могла появиться раньше основания городов в устьях правых притоков Волги от Кснятина до Твери. Но история древнерусских городов домонгольского времени знает немало слу-

¹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 393.

чаев, когда княжества прирастали городами-анклавами. Киевскому княжеству, например, принадлежал расположенный в устье Днепра город Олешье, тогда как южная граница собственно Киевского княжества почти до конца XII в. ограничивалась р. Росью. Река Сула, левый приток Днепра, служила границей Переяславского княжества с половцами. Но в 1185 г. летопись упоминает переяславский город Донец, который был построен далеко на восток от пограничной Сулы. В 1098 г. переяславский князь Владимир Мономах на северной границе своего княжества при впадении р. Остер в р. Десну основал город Городец Остерский. В 1149—1151 гг., когда сын Мономаха Юрий Долгорукий боролся за киевский стол с князем Изяславом Мстиславичем, он сделал этот город своей военной базой. Когда Юрий Долгорукий был изгнан с Юга Руси в Суздаль, Изяслав Мстиславич сравнял Городец Остерский с землёй. Много позже младший сын Юрия Долгорукого Всеволод Большое Гнездо потребовал у южнорусских князей вернуть ему этот город. В 1194 г. владимирский князь послал в Переяславль Южный своего тиуна Гюрю и людей, чтобы восстановить Городец Остерский. А этот город находился без малого в 1 тыс. км от основных владений Всеволода Большое Гнездо. Неужели в конце 1140-х гг. Юрию Долгорукому было сложнее заложить крепость Тверь, отстоявшую всего на 111 км по прямой от построенного им Кснятина? Ведь сумел же Юрий в те годы захватить новгородский Торжок и земли к северу от него и удерживать их несколько лет.

Есть ещё один письменный источник, где упоминается домонгольская Тверь, — «Сказание о Владимирской иконе Божьей Матери». Этот памятник был обнаружен и введён в научный оборот ещё В.О. Ключевским в 1878 г. За полтора столетия его изучения выяснилось, что «Сказание» написано, скорее всего, в 1163 г., до похода Андрея Боголюбского в 1164 г. на государство волжских булгар¹⁹. «Сказание» содержит рассказы о десяти чудесах, которые произошли от владимирской иконы в разных местах Древней Руси. Рассказ о девятом чуде начинается словами «А се бысть в Тфъри». Такое краткое и точное указание свидетельствует о том, что уже в начале 1160-х гг. Тверь была широко известна. Далее повествуется о том, как в Твери заболела боярыня, ждавшая рождения ребёнка. Туда «приѣха попь Лазарь» — один из священников столичного владимирского храма Успения Богородицы. Узнав от местного попа о болезни боярыни, он посоветовал ей умилоствовать Владимирскую икону Богородицы. Боярыня разрешилась сыном, а во владимирский Успенский собор пожертвовала к иконе «златыя косы и усерязи свои», как и обещала²⁰. Вся эта история произошла до постройки во Владимире Золотых ворот, которые к 1164 г. уже существовали²¹, т.е. примерно в 1162 г. Такая дата идёт вразрез со всеми датами основания Твери, которые предлагает Малыгин. Что же делает он, чтобы опровергнуть дату 1162 г.? Ровным счётом ничего. Заподозрить здесь ошибку даже он оказывается не в состоянии. А поэтому объявляет, что фраза «А се бысть в Тфъри» имеет в виду не город Тверь, а некое боярское село Тверь. Подобный логический, точнее, алогический приём мы видели и раньше, когда Малыгин срубил с датами 1149 г. и 1150 г. отнёс не к городу, а к селу Тверь. Но с письменными источниками такие логические выверты не

¹⁹ Кучкин В.А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богородицы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 487.

²⁰ Там же. С. 507—508.

²¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 351.

проходят. В «Сказании о Владимирской иконе Божьей Матери» описание шестого чуда начинается словами «Бояшеть нѣкая жена в Муромѣ». Описание седьмого чуда так определяет его место: «В Русском Переяславѣ въ Славятинѣ манастири»²². Муром и Переяславль Южный — несомненные города, к тому же в XII в. столицы суверенных княжеств. Так почему же Тверь, названная в «Сказании» в той же связи, что Муром и Переяславль Южный, вдруг превратилась в село? Разве знает исследователь хотя бы единственный случай из древнерусской истории домонгольского времени, когда представитель клира главного собора княжества снисходил до посещения боярского села? Согласно «Сказанию», священник Лазарь посещал, помимо Твери, ещё только стольный Переяславль Южный и богатый дом в стольном Владимире на Клязьме (чудеса седьмое и восьмое)²³. Ни в каких сёлах он не «навитал». Клирики владимирского Успенского собора высоко ценили свою миссию по пропаганде культа главной соборной иконы. В их представлении эта икона «вся страны мира просвещать»²⁴, а не просто «веси и села». Известны ли Малыгину примеры из истории домонгольской Руси, свидетельствующие о хранении в боярских сёлах XII в. золотых предметов? Думается, что нет. А из Твери, как сообщает «Сказание», во Владимир для украшения богородичной иконы были посланы золотые вещи. Археолог Малыгин должен быть в курсе того, могли ли бояре XII в. строить в своих сёлах церкви. Ответ на поставленный вопрос будет отрицательным: не строили. Между тем в описании девятого чуда «Сказания» фигурирует местный тверской священник. Значит, в Твери была церковь. Все эти «мелочи», которые не удостоились внимания Малыгина, свидетельствуют о том, что в «Сказании» речь идёт о городе Твери, а не о селе или деревне.

Пытаясь использовать всё, что он знает о Твери, исследователь приводит перечень упоминаний Твери в домонгольское время в различных памятниках русского летописания, делая вывод о редкости таких упоминаний, что, согласно его логике, свидетельствует о позднем происхождении города. Но если сравнить эти данные со свидетельствами об остальных 355 древнерусских городах домонгольского времени, известных по письменным источникам, то окажется, что большинство из них упоминаются в этих источниках 1—3 раза. Число упоминаний не может служить критерием при определении времени основания того или иного города.

Нет возможности останавливаться на всех приёмах и утверждениях Малыгина, вроде его ссылок на известных авторов, которые якобы писали о новгородско-суздальских рубежах XII в. то же самое, что теперь развивает он сам; на его критику оппонентов, никогда не высказывавшихся по затронутым Малыгиным вопросам; на его толкования летописных текстов, в которых не указывались города, лежавшие на пути наступавших сторон, а раз не указывались, значит, не были построены, и т.п. Однако об одном «открытии» Малыгина необходимо сказать несколько слов.

Рассматривая сообщение Ипатьевской летописи о месте сбора врагов Юрия Долгорукого (на левом берегу Волги при впадении в неё Медведицы), исследователь приходит к мысли, что никаких крепостей на правом берегу Волги от Тверцы до устья Медведицы у Юрия Долгорукого не существовало. Выше было показано, что это не так. Но, исходя из своих представлений, Малыгин

²² Кучкин В.А., Сумникова Т.А. Древнейшая редакция... С. 506.

²³ Там же. С. 507.

²⁴ Там же. С. 503.

написал, что всё это пространство никаким княжествам не принадлежало, а «многочисленные курганные группы по берегам Волги, которых значительно больше выше Дубны, чем в районе устья Медведицы и летописного Кснятина, можно связывать... с населением свободных общинников — потомков первых славян, пришедших в лесную зону Восточной Европы, ещё не подвергшихся огосударствлению со стороны Новгорода и окняжению со стороны Суздаля и Смоленска». Заметим, что группы курганов не могут свидетельствовать о политической принадлежности территорий, а огосударствление и окняжение — одно и то же. Но главное не в этом. Малыгин вполне серьёзно пишет о совершенно особом населении, располагавшемся на правом берегу Волги. Но, например, в первой половине 1120-х гг. эта территория находилась под контролем одного человека — Владимира Мономаха. Став в 1113 г. киевским князем, он держал Новгород своим сыном Мстиславом, граничивший с Новгородом и Смоленском Суздаль — сыном Юрием Долгоруким, в Смоленске также правили сыновья Владимира Мономаха. Никаких свободно-общинных земель не было. И откуда исследователь знает, что именно общинники населяли правобережье Верхней Волги? В 1103 г. Владимир Мономах, уговаривая других князей идти походом на половцев, приводил им пример, что может быть с сельским жителем, если на него нападут кочевники. Он говорил об одном смерде и об одном дворе смерда, не упоминая его соседей²⁵. Едва ли Мономах представлял себе положение работавших в XII в. в сельском хозяйстве людей хуже, чем П.Д. Малыгин. Последнему, видимо, придётся искать жестяную вывеску на протогородском административном здании с надписью «Колл. хоз-во им. Перуна & В.В. Мономаха» для доказательства своей правоты.

²⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 277.

Прокурорский надзор в Российской империи

Губернские прокуроры и правительственный надзор над местной администрацией в царствование Павла I

Jurij Tot

Provincial prosecutors and government supervision of local administration in the reign of Paul I

Jurij Tot

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870014460-7

Освещая положение губернских прокуроров в системе «охранения законности» и их служебные взаимоотношения с губернаторами и Сенатом в царствование Павла I, современники, историки и правоведы, как правило, указывали на ограниченность их возможностей и полномочий. Ещё М.М. Сперанский в проекте «Введения к наместническому областному учреждению» 1821 г. отмечал: «Хотя надзор генерал-губернаторов по неопределённости его был недостаточен, но с упразднением его губернские места остались уже без всякого главного местного надзора, кроме прокурорского, который и везде слаб, а в отдельных губерниях — почти ничтожен, ибо прокурор никакой власти в губернских местах не имеет»¹. А.Д. Градовский, анализируя служебные обязанности губернских прокуроров² на рубеже XVIII—XIX вв., обратил внимание на то, что они не могли приостанавливать постановления местных учреждений и устранять «нарушения своею властью», а только должны были информировать о них высшие инстанции³. Поэтому, как полагал Н.В. Муравьёв, «участь прокурорского надзора екатерининской эпохи в действительной жизни далеко не соответствовала положению, отведённому для него в законе. В действительности же прокурорам предстояло одно из двух: или безусловно подчиниться местному административному начальству, и из власти, имеющей и за ними

© 2021 г. Ю.В. Тот

¹ Введение к наместническому областному учреждению, составленное М.М. Сперанским (1821 г.) // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 2. / Отв. сост. Д.И. Раскин. СПб., 2003. С 113—115, 119—120, 124.

² Согласно ст. 404—405 «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., губернский прокурор назначался Сенатом по представлению генерал-прокурора, от которого получал предписания (ордера), направляя ему донесения и рапорты и находясь в непосредственном его подчинении. Тем самым в местной администрации лишь прокуроры не были подчинены генерал-губернатору (наместнику). Они являлись гарантами «власти, установлений и интереса императорского величества», осуществляли контроль над исполнением законов и производством дел в наместничестве, противодействовали взиманию незаконных налогов, были обязаны «истреблять повсюду зловредные взятки» и инспектировать тюрьмы. О неисполнении закона прокурор уведомлял наместническое правление, докладывал генерал-губернатору (главнокомандующему) и сообщал в Сенат, «ибо во всех делах губернский прокурор есть око генерал-прокурора» (ПСЗ-1. Т. 20. № 14392. С. 234, 279—281).

³ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры // Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 1899. С. 250; Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Ч. III. Кн. I // Градовский А.Д. Там же. Т. IX. СПб., 1904. С. 121.

контроль, превратиться в его чиновников, или же вступить с ним в неравную борьбу»⁴. По мнению же С.А. Корфа, у прокуроров не было и такой альтернативы, поскольку они фактически оказались в «двойственном подчинении» у генерал-прокурора и у наместника, наделённого «огромной и неопределённой властью»⁵.

При этом Градовский считал, что в конце царствования Екатерины II, при неограниченной власти наместников, «остатки» надзорных функций над местной администрацией сосредоточились в руках генерал-прокурора, а «независимое положение» губернских прокуроров могло служить «самым действенным средством сдерживать наместническую часть в должных пределах». Но обеспечить им такое положение следовало генерал-прокурору⁶. А для этого требовалось укрепление его позиций в сфере внутреннего управления и непременно исполнение на местах законов, регламентировавших прокурорскую деятельность. Между тем и то и другое становилось возможным только при наличии у монарха политической воли установить действенный надзор над провинциальным чиновничеством. Не случайно Градовский, указывая на усиление влияния генерал-прокуроров после 1775 г., писал, что «если в иных отношениях император Павел любил отменять нововведения своей предшественницы, то были части управления, где он доводил её мысль до последних пределов». Так, в генерал-прокуроре царь видел «единственного блюстителя закона, единственное охранительное начало в центральной администрации»⁷. По мнению Корфа, в расширении власти генерал-прокурора «царствование Павла являлось лишь дальнейшим развитием политики его матери». И, «как это ни странно может показаться, при знакомстве с ненавистью Павла к политической программе Екатерины, однако в данном случае он шёл по её стопам, но, конечно, бессознательно, влекомый в том направлении одною силой обстоятельств»⁸.

М.В. Ключков, напротив, настаивал на том, что император воплощал собственную политическую программу, согласно которой его воля, выраженная в «известной форме», являлась обязательной для исполнения всеми подданными, «законность и порядок» становились основным «лозунгом» царствования, требовавшим от всех должностных лиц и учреждений «под страхом неминуемого наказания» неукоснительного исполнения законов и регламентов, а максимальная централизация управления обеспечивала контроль над «всею провинциальною жизнью»⁹.

⁴ Муравьёв Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. М., 1889. С. 314.

⁵ Корф С.А. Административная юстиция в России. Очерк исторического развития власти надзора и административной юстиции в России. Кн. 1. СПб., 1910. С. 62—63.

⁶ Градовский А.Д. Высшая администрация... С. 250, 267—268; Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Ч. III. Кн. 1. С. 121.

⁷ Градовский А.Д. Высшая администрация... С. 255—256, 267—273. Ю.В. Готьё, в отличие от Градовского, связывал повышение роли генерал-прокурора не с реформой 1775 г., а с введением в 1763 г. новых штатов центральных и местных учреждений. Уже тогда значительно возросло число поручений, превративших местных прокуроров, по сути, в чиновников «особых поручений при генерал-прокуроре» (Готьё Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. II. М., 1941. С. 5—45).

⁸ Корф С.А. Указ. соч. С. 87.

⁹ Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 115—117, 119, 435—436. Этот подход к изучению внутренней политики Павла I, предполагающий разделение понятий «деятельность» и «поведение», близок и некоторым современным исследователям:

Муравьёв, в отличие от Градовского, утверждал, что усиление влияния генерал-прокуроров при Павле I не отразилось на тех, кто являлся их «оком» в губернии, так как «четыре сменившихся в короткое время генерал-прокурора, по своему положению и обязанностям, были доверенными лицами государя по всем вообще отраслям управления и пользовались исключительным значением, в котором деятельность местного прокурорского надзора играла лишь весьма второстепенную роль»¹⁰. Н.Ф. Дубровин ещё категоричнее заявлял, что прокуроры, будучи «не в состоянии прекратить зла», сами оказались участниками всех «беспорядков»¹¹.

В советской историографии рассматривались прежде всего структурные изменения в системе местных органов прокуратуры¹². Их изучение продолжается и в новейшее время¹³. В частности, В.Н. Галузо впервые подсчитал по Полному собранию законов Российской империи узаконения павловского времени, относившиеся к «должности прокурора»: их оказалось 648¹⁴. Тем не менее конкретные формы надзорной деятельности губернских прокуроров, а также характер их служебных отношений с губернским начальством и генерал-прокурорами практически не исследовались, возможно, потому, что их выявление и анализ требуют обращения не только к нормативным актам и мемуарам, но и к обширному кругу делопроизводственных материалов, находящихся в основном в архивохранилищах.

Начало преобразованию местного управления положил указ о пересмотре административно-территориального деления империи, подписанный Павлом I

Марголис Ю.Д., Жуковская Т.Н. Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. СПб., 1995; *Сорокин Ю.А.* Политический режим Павла I в оценках современной российской исторической науки // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3(19); *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012; *Скободогатов А.В.* Правовая политика России в царствование императора Павла I. М., 2017.

¹⁰ *Муравьёв Н.В.* Указ. соч. С. 315.

¹¹ *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1899. № 6. С. 506.

¹² *Голокова Н.Б.* Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России в XVII—XVIII вв. М., 1964; *Стещенко Л.А., Софроненко К.А.* Государственный строй России в первой четверти XVIII в. М., 1973; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

¹³ *Воропанов В.А.* Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780—1869 гг. Челябинск, 2005; *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск, 2008; *Воропанов В.А.* Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011; *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (На примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016. С. 107—151; *Мицунова Т.Л.* Прокурорский надзор в период правления Екатерины II: особенности и функции // Закон и право. 2008. № 7. С. 105—110; *Семёнова Н.Л.* Губернские прокуроры в системе местного управления Российской империи в конце XVIII — начале XIX в. (на примере Оренбургской губернии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. Т. 4. С. 139—137; *Гаврилова А.В.* Взаимодействие должностных лиц региональной прокуратуры с административными и судебными учреждениями Тобольской и Иркутской губерний в контексте надзорных функций // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4(64). Т. 2. С. 210—215.

¹⁴ *Галузо В.Н.* Власть прокурора в России: историко-правовое исследование. Ч. I. М., 2008. С. 201, 263—481.

12 декабря 1796 г. Из 50 губерний формировалась 41 (кроме Области Войска Донского). 31 декабря были утверждены новые штаты 34 губерний Европейской России. В соответствии с ними в структуре местного управления не предусматривалось должности наместника, упразднились совестный и верхний земский суды, губернский и городской магистраты, верхняя и нижняя расправы, приказ общественного призрения; уголовная и гражданская палаты объединялись в палату суда и расправы¹⁵. А ещё 20 декабря был разослан секретный «ордер» генерал-прокурора кн. А.Б. Куракина, согласно которому губернским прокурорам надлежало без какой-либо огласки доносить генерал-прокурору о всех чиновниках, отлучившихся с места службы без особого императорского повеления или сенатского указа, включая «малейшие» самовольные отлучки «хотя бы по партикулярному увольнению начальников»¹⁶.

Лифляндский губернский прокурор Г. Берг, выполняя данное предписание, сообщал 3 января 1797 г. кн. Куракину: «Господин генерал-майор [К.И.] Мейендорф (лифляндский губернатор. — Ю.Т.) и господин экономии директор [Х.А.] Рихтер и правления господин советник [И.Х.] Ленц 31 числа прошедшего месяца, отъехав из города Риги до половины Миттавской дороги, к обеду возвратились в 7 часов вечера того же дня»¹⁷. Псковский прокурор М.И. Бибииков 25 апреля уведомил генерал-прокурора об отъезде вице-губернатора Н.А. Беклешова для инспекции дороги, по которой, как предполагалось, проследует император, а 15 декабря 1797 г. рапортовал об увольнении губернатором И.С. Алексеевым в отпуск на 8 дней ассессора II департамента палаты суда и расправы Е. Вендегака. Из Твери Н.Я. Толстой 4 июня 1797 г. доложил кн. Куракину об аналогичном прошении советника казённой палаты А.Е. Свечина¹⁸.

Прокуроры ежемесячно доносили Сенату о чиновниках, не прибывших в установленный срок из отпуска или к назначенному месту службы (по указу 9 октября 1797 г. им грозила отставка¹⁹). Указ 10 июня 1797 г. предусматривал обязательный доклад Павлу I о всех, «просящих увольнения в отпуск»²⁰.

Все эти предписания свидетельствовали о распушенности местных чиновников и отсутствии надлежащего контроля над ними со стороны центральной власти. В целом данные меры соответствовали законодательству Екатерины II, не раз пытавшейся навести порядок в деятельности провинциальной администрации²¹. Однако Павел I решил изменить ситуацию, не только ужесточая дисциплинарные нормы, но и выстроив в соответствии с Учреждениями 1775 г. жёсткую надзорную вертикаль от губернских прокуроров к генерал-прокурору. Основные её черты сложились уже в первой половине 1797 г.

¹⁵ ПСЗ-И. Т. 24. № 17634. С. 229—230; № 17702. С. 269; Т. 44. Отд. IV. С. 393—398.

¹⁶ РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 422, л. 1; д. 451, л. 13; д. 453, л. 36.

¹⁷ Там же, д. 422, л. 1.

¹⁸ Там же, д. 420, л. 59; д. 451, л. 20; д. 453, л. 36.

¹⁹ ПСЗ-И. Т. 24. № 18196. С. 765. Во второй половине октября 1797 г. прокурорам разослали новый формуляр для представления сведений о губернских чиновниках, в котором следовало указывать «в какой день явиться на службу должен», «когда точно в этот город прибыл», «сколько дней просрочено» (или «до срока прибыл»), «какое о просрочивших сделано распоряжение» (РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 271, л. 5—6, 10).

²⁰ ПСЗ-И. Т. 24. № 17994. С. 622.

²¹ Там же. Т. 21. № 15464. С. 705; № 15810. С. 991; Т. 23. № 16827. С. 103.

Вскоре под прокурорским контролем оказались практически все распоряжения и перемещения губернаторов. В Петербург докладывалось о каждом их выезде из губернского города, в рапортах указывались даты отъезда и возвращения, цель поездки, инспектировавшиеся населённые пункты и учреждения и т.п. Так, рязанский губернский прокурор С.А. Раевской 14 мая 1797 г. извещал кн. Куракина: «Губернатор, действительный статский советник Коваленской 8 мая отправился в г. Зарайск для обозрения состоявших в оном присутственных мест и освидетельствования канцелярского порядка: на законном ли основании оное происходит? Оттуда сего же дня 10 числа возвратился»²². В июне—декабре 1797 г. прокуроры Вологодской, Курской, Нижегородской, Орловской, Псковской, Рязанской, Новгородской, Саратовской и Тверской губерний направили генерал-прокурору по меньшей мере 16 рапортов аналогичного содержания²³.

11 апреля 1800 г. вологодский губернский прокурор Т.С. Борноволокос сообщал генерал-прокурору П.Х. Обольянинову: «Губернатор Василий Петрович Путимцов дал приказание, чтобы на состоящими в здешнем губернском городе при остроге главной гауптвахте во время проезда его отдалась ему честь всем фронтом с пробитием в барабан одного колена — что исполняется. О чём долгом моим поставляю Вашему высокопревосходительству сим покорнейше донести»²⁴. 28 апреля 1800 г. Обольянинов предписал Путимцову «оставить сии не принадлежащие и не присвоенные церемонии», так как они могут иметь для него «неприятные последствия». Тот, оправдываясь, уверял 22 мая, что лишь иногда во время проезда по губернскому городу приказывал караулу выступать в ружьё, дабы видеть, «все ли находятся безотлучно» на службе, но не требовал «пробивать в барабан»²⁵. Тем не менее 9 июня Путимцов, после 55 лет службы, был отправлен в отставку с пожизненной пенсией в размере «получаемого им жалованья», что являлось сравнительно мягким наказанием²⁶. К примеру, 20 сентября 1799 г. симбирский гражданский губернатор М.И. Кромин, находившийся на службе полвека, получил отставку с обвинением «в присвоении себе почестей, ему не принадлежавших». В именном указе Сенату, появившемся по этому поводу 21 сентября, звучало грозное напоминание: «Сим указом нашим в предосторожность всем начальствующим в губерниях наистрожайше рекомендуем удаляться противных узаконениям нашим поступков и не выходить ни мало из границ должностей своих, уже достаточно им предписанных волею нашею»²⁷.

Губернским прокурорам приходилось наблюдать и за сбором налогов. В императорском повелении 18 июля 1797 г. указывалось, что в случае «слабого» исполнения прежних распоряжений о взыскании недоимок или «медленности» при исправлении положения чиновники губернских правлений должны не только возмещать недостающие суммы из личных средств, но и предаваться суду²⁸. 22 августа саратовский губернский прокурор Н.М. Заварицкий сообщил

²² РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 453, л. 56.

²³ Там же, д. 417, л. 12, 37—38, 41, 60, 61, 89, 94—95, 99, 100; д. 418, л. 6; д. 419, л. 5; д. 420, л. 20, 33; д. 452, л. 14, 81.

²⁴ Там же, оп. 3, д. 2196, л. 1.

²⁵ Там же, л. 2—3.

²⁶ Сенатский архив. Т. 1. СПб., 1888. С. 624.

²⁷ ПСЗ-1. Т. 25. № 19126. С. 795.

²⁸ Там же. Т. 24. № 18052. С. 659.

кн. Куракину о своём поручении секретарям уездных и нижних земских судов, «дабы они часто о исполнении высочайшего повеления напоминали земским судам и городничим и извещали меня о ходе дел, что я мог доносить Вашему сиятельству»²⁹.

Местные чиновники нередко обирали крестьян, не находившихся под властью помещика. Со своей стороны, Павел I всячески старался это пресечь. 28 января 1798 г. он повелел Сенату искоренить «разные чинимые экономическим крестьянам притеснения», возложив ответственность «за отвращение такого зла» на губернаторов. Должностные лица, уличённые в подобных поступках, подлежали «немедленному» преданию суду³⁰. 31 января кн. Куракин особым циркуляром предписал не только губернаторам, но и губернским прокурорам «употребить всемерное к защите казённых крестьян попечение»³¹.

Исполняя царский указ, Заварицкий предложил губернскому правлению довести до сведения нижних земских судов, чтобы казённые крестьяне с жалобами на «притеснения» обращались к прокурору. Помимо этого он по своей инициативе велел волостным головам доносить ему о нарушениях закона в отношении казённых крестьян. Подобным образом действовал и рязанский прокурор Н.В. Петрово-Соловово, в феврале 1798 г. обязавший служащих земских судов обеспечить либо личную явку к нему «жалобщиков», либо доставку их прошений. От уездных судов он тогда же потребовал в кратчайшие сроки и с «недремлющим старанием» завершить рассмотрение крестьянских дел³².

Защита экономических и казённых крестьян от злоупотреблений оставалась в центре внимания генерал-прокуроров, губернаторов и губернских прокуроров в течение всего царствования Павла I. Архангельский прокурор А.О. Миклашевич 31 марта 1799 г. уведомил генерал-прокурора кн. П.В. Лопухина, что только секретарь Онежского нижнего земского суда В.М. Телегин представил ему 27 жалоб от крестьян на уездного землемера И.А. Оконщикова, незаконно взимавшего с них при межевании летом 1798 г. от 1 до 3 руб. Факты «притеснения» по приказу Миклашевича проверили и подтвердили секретари уездных и земских судов³³.

Таким образом, несмотря на то, что должности прокуроров и стряпчих верхних земских судов, верхних расправ и губернских магистратов были упразднены Павлом I при реорганизации местного управления вместе с этими учреждениями, губернские прокуроры (Петрово-Соловово, Заварицкий, Миклашевич), исполняя свои надзорные функции, действовали через секретарей уездных и земских судов, а также городничих. Причём едва ли в условиях ужесточения дисциплины это делалось без санкции центральной власти, хотя какие-либо повеления на сей счёт не обнаружены.

Одним из основных направлений деятельности губернских прокуроров являлось наблюдение за тем, чтобы в местных учреждениях дела рассматривались «без временных проволочек». Тамбовское губернское правление даже жаловалось кн. Лопухину 22 ноября 1798 г. на прокурора Д.С. Замятина, который «многократно напоминал о понуждении судебных мест к скорейшему

²⁹ РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 417, л. 47.

³⁰ ПСЗ-I. Т. 25. № 18352. С. 52.

³¹ РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 1326, л. 2—2 об.

³² Там же, л. 111 об., 149. О своих распоряжениях он сразу же информировал кн. Куракина.

³³ Там же, л. 213—227.

решению дел и секретарей к непрерывной доставке к нему ведомостей». Это расценивалось в правлении как «оскорбление», поскольку оно «напоминания, кроме указов государя и Сената, ни от кого не принимает». Замятин, считая, что правление «слабо побуждало» секретарей судебных учреждений к своевременному представлению прокурору различных ведомостей, в том числе о решённых и нерешённых делах, требовал оштрафовать секретарей на 10 руб., а некоторых даже отрешить от должности. Тем не менее правление ограничилось «лёгким штрафованием», что способствовало дальнейшей «беспечности» служащих. В этом конфликте Лопухин поддержал прокурора. «Я обязанностью полагаю предложить губернскому правлению, — официально писал он в Тамбов 22 декабря, — не благоволит ли оно распорядиться таким образом, чтобы требования прокурора, которые имеют основанием закон и предметом успешность в делах, были с надлежащим уважением принимаемы»³⁴.

Особое внимание генерал-прокуроры уделяли исполнению «в точности и без промедления времени» императорских повелений и указов Сената. Существенная роль при этом отводилась губернским прокурорам, которые наряду с губернаторами два раза в месяц представляли в Сенат ведомости об исполнении (или неисполнении) царских и сенатских распоряжений³⁵. Однако значительная часть их поступала с задержкой, достигавшей 20 и более дней. В Сенате видели причину этого в «крайней медлительности и небрежении» со стороны «губернских начальников»³⁶.

Кроме того, губернским прокурорам следовало с установленной периодичностью направлять в Сенат ведомости о численности «колодников» (как тогда называли заключённых под стражу), о характере совершённых ими преступлений, о рассмотрении их дел в судебных инстанциях и вынесенных приговорах. 30 октября 1797 г. кн. Куракин обратил внимание обер-прокурора I департамента Сената О.П. Козодавлева на то, что по донесениям губернских прокуроров значительная часть этих дел оставалась без движения, поскольку из других губерний ожидалось те или иные документы. «А между тем, — отмечал генерал-прокурор, — подсудимые через долговременное содержание терпят изнурение». В связи с этим Козодавлеву поручалось потребовать от губернских правлений «без малейшего промедления» представить судебным следователям необходимые «справки по делам колодников, не дожидаясь повторительных напоминаний»³⁷.

О независимости прокуроров конца XVIII в. от местной администрации наглядно свидетельствовала переписка должностных лиц Архангельской губ. с кн. Куракиным. 16 февраля 1798 г. кемский исправник доложил губернскому прокурору К.Е. Вангерсгейму, что в некоторых селениях уезда зарегистрированы случаи смерти от голода, а в других жители, не имея средств на покупку

³⁴ Там же, д. 1005, л. 1—12, 14. Подробнее см.: *Клочков М.В.* Указ. соч. С. 430—431. Но, к сожалению, Клочков ошибочно называет генерал-прокурором в ноябре—декабре 1798 г. кн. Куракина, а не Лопухина, занимавшего этот пост с 8 августа 1798 г. по 7 июля 1799 г.

³⁵ Направление из губерний ведомостей о состоянии различных отраслей управления предусматривалось ещё законами 1760—1780-х гг.: ПСЗ-I. Т. 17. № 12514. С. 384—385; № 12521. С. 460; № 12545. С. 529—531; № 12709. С. 870—871; № 12737. С. 952—953; Т. 18. № 12923. С. 155—156; № 13162. С. 723—724; Т. 20. № 14501. С. 409—413; № 14529. С. 441—443; № 15095. С. 1022; Т. 21. № 15463. С. 624—625; № 15892. С. 1070—1071.

³⁶ РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 1005, л. 25, 27—28 об.

³⁷ Там же, ф. 1400, оп. 1, д. 63, л. 22.

хлеба, выпекали его из муки, смешанной с сосновой корой. Прокурор сообщил о положении в Кемском уезде гражданскому губернатору Н.И. Ахвердову, военному губернатору, управляющему и гражданской частью барону И.Р. Ливену, а 26 февраля — генерал-прокурору³⁸. Однако уже 27 февраля Ливен рапортовал кн. Куракину о том, что обстановка изложена Вангерсгеймом «без должного и справедливого объяснения критических сего дела обстоятельств». По данным барона, дефицит хлеба объяснялся неурожаем в Вятской и Вологодской губерниях, отсутствием санкции Сената на закупку зерна по договорным ценам и недостатком в казначействе средств для выделения ссуд поселянам. Исправить ситуацию он рассчитывал с помощью дополнительного приобретения у купцов пшеницы, ржи и ржаной муки³⁹. Между тем 2 марта Ливен предписал Ахвердову тайно направить в Кемский уезд «надёжного чиновника» для выяснения обстоятельств, приведших к голоду, и снабжения нуждающихся хлебом (это было поручено кемскому городничему И.П. Владимирову, в помощь которому выделили двух канцелярских служителей). Одновременно Ахвердову следовало установить контроль над обеспечением губернии продовольствием и наложить денежное взыскание на членов кемского земского суда за недонесение военному губернатору о недостатке хлеба в уезде. При этом вина за случившееся возлагалась прежде всего на исправника и земский суд⁴⁰.

17 марта I департамент Сената рассмотрел рапорты Вангерсгейма и Ливена⁴¹, а 18 марта последовал императорский указ, приостановивший, «доколе будет сие нужно», экспорт хлеба за границу⁴². Тем временем 22 марта кн. Куракин велел Вангерсгейму секретно доносить о положении в губернии и о мерах, принятых местными властями⁴³.

В середине марта Владимиров передал Ахвердову донесения, заверенные подписями сельских старост, приходских священников и членов кемского земского суда, о том, что, несмотря на «недостаток в хлебе», возникший из-за неурожая, администрации удалось предотвратить голод даже в самых «нуждающихся» селениях и никто от него не умер. На основе этих документов 20 марта, 2 и 3 апреля были составлены рапорты Ливена и Ахвердова кн. Куракину и Правительствующему Сенату. При этом Ливен обвинил Вангерсгейма в том, что он, не обладая верными сведениями, ввёл в заблуждение генерал-прокурора, распространяя ложные слухи о якобы умиравших от голода людях⁴⁴.

Однако избежать ответственности барону не удалось: 6 апреля его отправили в отставку (для которой не было иных причин), и он не вернулся на службу даже при Александре I⁴⁵. Любопытно, что увольнение Ливена состоялось ещё до того, как в Сенат поступил его последний рапорт, отправленный 2 апреля. 1 сентября лишился своей должности и Ахвердов, правда, уже 28 октября 1799 г.

³⁸ Там же, ф. 1374, оп. 2, д. 945, л. 12 об., 15.

³⁹ Там же, л. 1—2.

⁴⁰ Там же, л. 15—15 об., 21—22 об.

⁴¹ Там же, л. 23 об.

⁴² ПСЗ-И. Т. 25. № 18445. С. 169.

⁴³ РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 945, л. 16, 35.

⁴⁴ Там же, л. 25—33.

⁴⁵ Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721—2.03.1917) / Сост. Е.Л. Потёмкин. Т. 2. М., 2017. С. 270.

он стал воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей⁴⁶. Вангерстеймом же в столице явно остались довольны: 21 марта его сделали членом гоф-интендантской конторы, 9 ноября произвели в статские, а 22 декабря 1799 г. — в действительные статские советники с назначением в Кабинет его императорского величества⁴⁷.

При Павле I конфликты между губернаторами и прокурорами не являлись чем-то экстраординарным. 11 февраля 1798 г. калужский прокурор А.С. Бахметьев доложил кн. Куракину о том, что, заботясь об искоренении «чинимых экономическим крестьянам притеснений», предписал земским судам направить к нему волостных голов для представления соответствующих сведений. А 25 февраля гражданский губернатор В.П. Митусов жаловался князю на прокурора, уведомившего о своих действиях губернское начальство уже после того, как отправил распоряжение по уездам⁴⁸. Более того, 1 марта Митусов заявил в рапорте, что именно по указанию Бахметьева с крестьян взимались незаконные денежные сборы. По мнению губернатора, созыв в губернском городе волостных голов понадобился прокурору лишь для того, чтобы договориться с ними и обвинить чинов военного ведомства в незаконном «обременении» крестьян во время рекрутских наборов, скрыв собственные преступления⁴⁹. Со своей стороны, кн. Куракин 15 марта рекомендовал Бахметьеву воздерживаться «впредь от подобных предписаний, без дозволения гражданского начальства», а 21 марта запросил у Митусова «точные» сведения о злоупотреблениях прокурора для «начала против него дела»⁵⁰. Впрочем, уже 5 апреля Митусов оказался в отставке, а в июне лишился своей должности и Бахметьев⁵¹. Продолжить карьеру им удалось лишь в следующем царствовании⁵².

Нередко столкновения возникали при замещении вакансий в губернской администрации. Закон 13 февраля 1794 г. предписывал «всем вообще присутственным местам, чтобы вступающие в службу или переходящие из места в место определяемы были с должною всегда осторожностью и рассмотрением»⁵³. Пермский гражданский губернатор К.Ф. Модерах 6 марта 1797 г., представляя на утверждение Сената список назначаемых чиновников, сообщил кн. Куракину, что председатель II (гражданского) департамента палаты суда и расправы И.Д. Прянишников признал этих кандидатов не подходящими по «способностям и достоинствам». Сам же Модерах просил об «отвлечении го-

⁴⁶ Сенатский архив. Т. 1. С. 434; *Высочков Л.В.* Николай I. М., 2006. С. 23; *Биографический словарь. Высшие чины...* Т. 1. М., 2017. С. 76.

⁴⁷ Сенатский архив. Т. 1. С. 367, 460; *Биографический словарь. Высшие чины...* Т. 1. С. 240.

⁴⁸ РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 1326, л. 2—2 об., 95—95 об., 101—101 об., 103; ПСЗ-I. Т. 25. № 18352. С. 52.

⁴⁹ РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 1326, л. 99.

⁵⁰ Там же, л. 96, 102.

⁵¹ Там же, д. 1004, л. 8 об.; Сенатский архив. Т. 1. С. 380.

⁵² Митусов, став в мае 1801 г. действительным статским советником, состоял с ноября 1801 по январь 1803 г. новгородским губернатором. Бахметьев в 1801—1809 гг. занимал в Калужской губ. должности советника губернского правления, а затем — уголовной палаты. 4 апреля 1801 г. он был произведён в коллежские, а 3 апреля 1806 г. — в статские советники (Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1802 г. СПб., [б.г.] С. 70; Список состоящим в гражданской службе чинам VI—VII классов на 1803 г. СПб., [б.г.] С. 63; Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1809 г. СПб., [б.г.] С. 116; Месяцеслов 1802 г. СПб., [б.г.] С. 300, 376; Месяцеслов 1808 г. Ч. 2. СПб., [б.г.] С. 120).

⁵³ ПСЗ-I. Т. 23. № 17179. С. 489.

сподина Прянишникова из губернии в другую, лишь бы оставил нас в покое». Между тем обязанности прокурора в Перми исполнял его брат — В.Д. Прянишников⁵⁴. В итоге Сенат не дал заключения о кандидатах, и это ещё больше осложнило ситуацию. 21 июня Модерах вновь обратился к кн. Куракину с просьбой об «отвлечении обоих господ Прянишниковых из вверенной ему губернии». По его словам, председатель департамента рассматривал дела, основываясь на «умствовании, а не на законах», что привело к росту числа нерешённых дел. Прокурором губернатор готов был видеть любого «из посторонних, кого Вам благоугодно будет»⁵⁵. 17 августа эту должность занял В.А. Протопопов, не принимавший участия в конфликте⁵⁶.

Замещение вакансий в Симбирске в начале 1798 г. вызвало разногласия между вице-губернатором Н.Е. Чириковым и прокурором И.Д. Апраксиным, не поддержавшим назначение А. Романова на должность столоначальника в казённой палате. Вопреки лестной характеристике, данной Чириковым, Апраксин установил, что Романов, заседаая в самарском уездном суде, «за нерадением и леностью к должности» не был представлен к «повышению в чине». Поэтому кн. Куракин дал указание своим чиновникам «написать вице-губернатору, что желательно, чтобы он с прокурором был мирен, ибо прокурора знаю добрым к исполнению должности»⁵⁷.

Кн. Куракин решительно пресекал попытки начальников губерний подчинить прокуроров своему влиянию. 11 февраля 1797 г. костромской гражданский губернатор Б.П. Островский доложил ему, что прокурор А.Ф. Новиков отказался выполнить предписание о «прилежнейшем смотреии и наблюдении» за временем прибытия чиновников на службу и нахождении их в присутствии, поскольку ранее предшественник кн. Куракина гр. А.Н. Самойлов не поручал ему выполнять подобные распоряжения. Островскому ничего не оставалось, как «всепокорнейше» просить разъяснить их служебные отношения. 26 февраля кн. Куракин подтвердил, что губернский прокурор подчинён генерал-прокурору и только от него «может принять» какие-либо указания⁵⁸.

Различие в трактовке должностных обязанностей стало причиной недоразумений между рязанским гражданским губернатором М.И. Коваленским и прокурором Н.В. Петрово-Соловово, приказавшим 19 декабря 1797 г. касимовскому нижнему земскому суду проверить законность проживания в с. Ушморе рязанского откупщика И. Григорьева, организовавшего в своём доме «питейную продажу». Из-за этого, как утверждал прокурор, крестьяне терпели «немалые убытки и разорения», между ними происходили ссоры и драки, в том числе в самом «питейном доме»⁵⁹. Село же принадлежало его родственнику — действительному камергеру Я.Н. Петрово-Соловово.

Коваленский увидел в действиях Петрово-Соловово отступление от норм Учреждений 1775 г., предписывавших доносить о нарушениях закона губернскому правлению, и 22 января 1798 г. просил кн. Куракина разъяснить: может ли кто-либо присваивать себе «не принадлежащего, дерзая практиковать больше

⁵⁴ РГИА, ф. 1374, оп. 1, д. 652, л. 8—9 об.

⁵⁵ Там же, л. 13, 15 об.—16, 17.

⁵⁶ Там же, ф. 1349, оп. 4, д. 41, л. 36—37 об.

⁵⁷ Там же, ф. 1374, оп. 2, д. 949, л. 1, 9.

⁵⁸ Там же, оп. 1, д. 692, л. 1—1 об., 5.

⁵⁹ Там же, оп. 2, д. 941, л. 3.

любочестия, а не прямую должность?»⁶⁰. Ссылаясь на то, что сам кн. Куракин 16 ноября 1797 г. требовал оградить откупщиков от притеснений городничих и земских комиссаров⁶¹, Коваленский резко обличал прокурора, который «под видом разорения крестьян от продажи вина в селении родственника его, благоприятствует выгодам его против откупщиков»⁶².

1 февраля 1798 г. генерал-прокурор признал неправомочность поступка Петрово-Соловова и в тот же день направил ему ордер, осуждавший обращение к касимовскому суду как уклонение «от правил и благоразумия и родства» и рекомендовавший впредь, дабы «избежать всех подозрений в пристрастности» при рассмотрении жалоб, обращаться в учреждения, которым «законом вверено исправление» нарушений⁶³.

Разумеется, кн. Куракин, будучи искушённым царедворцем, не мог не знать о придворных связях как Петрово-Соловова, так и Коваленского, пользовавшегося покровительством гр. А.К. Разумовского. Видимо, это отразилось и на стилистике переписки, и на её последствиях. По указанию князя Козодавлев (близкий родственник Петрово-Соловова) потребовал от рязанского прокурора письменное объяснение, а 10 марта 1798 г. на его основании составил особую записку, в которой доказывал, что закон в данном случае не нарушался. Распоряжение Петрово-Соловова касимовскому земскому суду о проведении следствия по факту избиения крестьянина в «питейном доме» последовало после жалобы бурмистра Г. Антонова (а вовсе не брата-камергера), подавшего прошение о расследовании этого дела и в губернское правление. Таким образом, прокурор стремился раскрыть преступление, а не «притеснить» откупщика⁶⁴. Между тем губернатор давно испытывал к нему «недоброжелательство», поскольку Петрово-Соловова опротестовал законность покупки Коваленским деревень «из спорного имения» и добивался передачи имения в казённое ведомство. По некоторым уголовным делам губернатор, несмотря на неоднократные напоминания, не подписывал определения в течение пяти месяцев. Более того, он часто принимал прошения дома, направляя их в губернское правление со своими резолюциями, «притеснял» чиновников, требовал от них «почитания», а неудобных «изгонял» из губернии. Из-за его отсутствия на месте нередко приходилось приостанавливать набор рекрутов и т.п.⁶⁵ Всё это, по мнению Козодавлева, свидетельствовало о невиновности Петрово-Соловова, и генерал-прокурору не стоило лишать «сего честного человека покровительства, ибо он усердием к службе поистине заслуживает его», даже при «не весьма простом с ним обращении господина губернатора»⁶⁶. Так или иначе, никто из них не пострадал: Петрово-Соловова во второй половине 1800 г. возглавил I (уголовный) департамент тамбовской палаты суда и расправы, а 27 октября 1800 г. получил чин статского советника⁶⁷, Коваленского в 1801 г. назначили одним из кураторов Московского университета⁶⁸.

⁶⁰ Там же, л. 1.

⁶¹ Там же, оп. 1, д. 588, л. 7—8 об. Любопытно, что 11 декабря 1797 г. Коваленский доложил генерал-прокурору, что ему ничего не известно о жалобах откупщиков (Там же, л. 8).

⁶² Там же, оп. 2, д. 941, л. 1.

⁶³ Там же, л. 1, 4—5, 9.

⁶⁴ Там же, л. 6—8.

⁶⁵ Там же, л. 7 об.—8.

⁶⁶ Там же, л. 6.

⁶⁷ Сенатский архив. Т. 1. С. 666.

⁶⁸ Русский биографический словарь. Кнаппе—Кюхельбеккер. СПб., 1903. С. 29—30.

В Калужской губ. в конце 1798 г. начались трения между недавно назначенными губернатором М.А. Камыниным и прокурором Н.Г. Харламовым. 17 ноября губернатор писал Лопухину: «Дерзаю отнять на несколько минут время на милостивое выслушивание всенижайшей моей просьбы на господина губернского прокурора Харламова. Вместо должного наблюдения по делам, ему порученным, расстраивает токмо различными бумагами, несоответствующими благому намерению Вашему». В частности, речь шла про представление калужскому уездному суду о незаконном проживании в Калуге И. Семёнова — крепостного крестьянина помещика А. Яншина⁶⁹. 14 декабря в рапорте Камынина генерал-прокурору Харламов уже обвинялся в «клевете» на служащих перемышльского уездного суда, в оскорблении и дискредитации местной власти перед «начальством», в необоснованной задержке журналов губернского правления в нарушение инструкции и т.п. Губернатор просил восстановить прежнее «благоденствующее общежитие», но Лопухин рекомендовал ему оказывать прокурору содействие «по службе», по возможности «уклоняясь от излишних переписок»⁷⁰. Менее чем через год, 21 ноября 1799 г., Павел I удовлетворил прошение Камынина об отставке, назначив ему пенсию в размере должностного оклада. Харламов же стал санкт-петербургским губернским прокурором. 28 августа 1803 г. он получил чин статского советника и занял пост председателя палаты уголовного суда в Новгороде⁷¹.

Клочков, впервые в историографии указав на конфликты между губернаторами и прокурорами при Павле I, видел их основную причину в подчинённости тех и других генерал-прокурору, позволявшей апеллировать к нему и «настаивать на формальном исполнении закона»⁷². Однако это несколько упрощает проблему. Ведь столкновения были связаны не только с «формальным исполнением закона», но и с определением масштабов голода и оценкой снабжения населения хлебом, с выбором способов реализации указов и предписаний высшей власти, назначениями чиновников, с превышением полномочий и т.д. Чаще всего в них выражалось противодействие губернской администрации попыткам установить контроль над её деятельностью, к чему, разумеется, нередко примешивались и личные мотивы. Губернаторы болезненно реагировали на действия прокуроров, подозревая их в посягательстве на свой статус «хозяина губернии». Губернские прокуроры, педантично исполняя свои обязанности, старались обратить на себя внимание генерал-прокурора. Арбитром же выступал император, наказывавший или награждавший, принимавший во внимание или игнорировавший доклады генерал-прокурора.

В историографии обычно считается, что упразднение Павлом I наместников и их правлений, а также сокращение судебных (и прокурорских) инстанций существенно ослабили надзор правительства за местной администрацией. В результате, по словам Корфа, «губернаторы неизбежно должны были поглотить самостоятельность прокуроров и сделать из них подчинённых себе органов»⁷³. Н.П. Ерошкин высказался ещё категоричнее: «Перегрузка генерал-прокурора административными делами и ликвидация должности наместника усилили

⁶⁹ РГИА, ф. 1374, оп. 2, д. 1004, л. 8 об., 39.

⁷⁰ Там же, л. 45; д. 1300, л. 26.

⁷¹ Сенатский архив. Т. 1. С. 565; Список состоящим в гражданской службе чинам VI—VII классов на 1800 г. С. 260; Месяцеслов 1802 г. С. 444; Месяцеслов 1804 г. С. 160.

⁷² Клочков М.В. Указ. соч. С. 430—433.

⁷³ Корф С.А. Указ. соч. С. 89—90.

безнадзорность местных государственных учреждений. Несмотря на сокращение местного государственного аппарата и упрощение форм его деятельности, в стране возросли злоупотребления и произвол чиновников. Культивируемые правительством грубые военно-полицейские приёмы управления делали чиновничий гнёт невыносимым»⁷⁴. В конечном счёте, эти оценки восходят к мнению Сперанского о «слабости» и «ничтожности» прокурорского надзора при Павле I⁷⁵.

Между тем на практике городничие, секретари уездных и нижних земских судов, выполнявшие поручения губернских прокуроров, в определённой степени компенсировали сокращение надзорного аппарата при реорганизации местного управления. И это вполне соответствовало представлениям императора о том, что повышение дисциплины и эффективности благодаря централизации и строгой законности позволит упростить и удешевить бюрократическую машину.

Павел I не привнёс принципиально новых положений в законодательство Екатерины II, установившее принципы и порядок надзора губернских прокуроров над исполнением законов и служебных обязанностей должностными лицами. Однако их независимость от местной администрации гарантировалась не Учреждениями 1775 г., а позицией монарха. И если при Екатерине II прокурор являлся скорее «правительственным юрисконсультom для всех присутственных мест и установлений»⁷⁶, то при Павле I он выступал как «орудие и агент» генерал-прокурора в губернии⁷⁷. Этот порядок, установленный Павлом I, Сперанский характеризовал как «восхождение надзора через прокуроров прямо в Сенат»⁷⁸.

И в губернаторе, и в прокуроре Павел I видел блюстителей законности на местах. Именно им генерал-прокуроры направляли ордера, содержавшие указы и повеления императора. Нередко они одновременно докладывали генерал-прокурору о положении дел в губернии, зачастую испрашивая «наставления» или «предписания» относительно полученных ранее распоряжений. Донесения губернаторов, желавших избежать «высочайшего неудовольствия» за те или иные упущения, содержали, как правило, общую характеристику возникшей проблемы и способов её решения. В рапортах губернских прокуроров она, напротив, детализировалась. Тем самым они становились источником альтернативной информации, нередко не совпадавшей с поступающей от губернаторов. Неудивительно, что те болезненно воспринимали эту сторону прокурорской деятельности.

⁷⁴ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России / Под ред. А.Е. Иванова, А.Д. Степанского. М., 2008. С. 147.

⁷⁵ Введение к наместническому областному учреждению... С. 114—115.

⁷⁶ *Муравьев Н.В.* Указ. соч. С. 306.

⁷⁷ *Градовский А.Д.* Высшая администрация... С. 251.

⁷⁸ Введение к наместническому областному учреждению... С. 118. Сперанский в течение всего павловского царствования служил в канцелярии генерал-прокурора, а в 1800 г. возглавлял I экспедицию его канцелярии. Поэтому он не мог не знать об интенсивной переписке с губернскими прокурорами, в том числе касавшейся и «местного надзора». В «Ведомости о решённых и нерешённых делах в канцелярии генерал-прокурора по экспедиции статского советника Сперанского за 1799 г. с 1 января по 25 декабря» в графе «Уведомления, рапорты, письма и записки от губернаторов и вице-губернаторов, губернских прокуроров и других особ и мест с отзывами, на требуемое от них, и с ведомостями разного рода» значилось 3 893 дела (РГИА, ф. 1374, оп. 3, д. 2376, л. 11).

Вместе с тем в ходе сенаторской ревизии 1800 г. были выявлены факты «нерадивого» отношения некоторых прокуроров к своим обязанностям. В донесении сенаторов Д.П. Трошинского и П.П. Щербатова генерал-прокурору П.Х. Обольянинову об итогах ревизии Тульской губ. отмечалось: «Губернский прокурор (П.И. Юрин. — Ю.Т.) не употребляет свои способности на пользу службы, оставляет без внимания многие дела, кои при лучшем его наблюдении должностные лучше бы течение иметь могли. В отчётах же своих большею частью оправдывается только тем, что так заведено было прежде. Оправдание весьма слабое для блюстителя закона и порядка. Что делает его в наших глазах неизвинительным»⁷⁹. В Калужской губ. они выявили случаи превышения полномочий прокурором И.Н. Крупенниковым, не стеснявшимся себя рамками должностной инструкции⁸⁰.

28 марта 1806 г. министр внутренних дел гр. В.П. Кочубей представил Александру I записку, в которой констатировал неопределённость «границ» прокурорских обязанностей и происходившие из-за этого «непрестанные пререкания» прокуроров с «действием губернской власти». Для их прекращения граф считал необходимым регламентировать формы контроля, оградив губернаторов от «прицепок прокуроров». При этом контролировать начальников губерний следовало не «требованием от них в мелочных вещах ответа и содержа их в надзоре, не в мелких канцелярских обрядах и очистке бумаг, но в общем движении их управления»⁸¹. Разумеется, справиться с этой задачей могло только их непосредственное начальство, т.е. МВД, а не какое-либо другое ведомство, не исключая и Министерство юстиции, которому с 1802 г. подчинялись губернские прокуроры⁸².

Идеи гр. Кочубея были реализованы. Дальнейшая централизация государственного управления после министерской реформы Александра I кардинально изменила положение прокуроров в системе местного управления. Ревизовавший в 1817 г. Тверскую губ. сенатор Ф.П. Ключарёв обнаружил, что, «добываясь выгодных для себя решений, начальники губерний оказывали влияние на членов палат уголовного суда, приводили в состояние онемения прокуроров, доносивших Сенату об их злоупотреблениях»⁸³. Ассессор Нижегородского губернского правления А.М. Фадеев вспоминал: «Губернатор направлял дела как хотел, второстепенными делами заправлял один советник, который в том же губернском правлении и службу начал, а мы, все прочие, подписывали то, что нам давали подписывать»⁸⁴.

⁷⁹ РГИА, ф. 1375, оп. 1, д. 1, л. 431 об.—432.

⁸⁰ Там же, л. 496 об.

⁸¹ Записка графа В.П. Кочубея об учреждении министерств // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 200—206, 208, 210.

⁸² Подробнее см.: *Тот Ю.В.* Министерская реформа 1802—1811 гг. и проблема реорганизации местного управления // *Былые годы.* 2014. № 31(1). С. 105—107.

⁸³ О лучшем устройстве гражданского в губерниях управления (всеподданнейшая записка сенатора Ключарёва 1818 г.) // Сборник материалов, извлечённых из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. 7. СПб., 1895. С. 258—260.

⁸⁴ Воспоминания А.М. Фадеева // Русский архив. 1891. № 2. С. 310. Характерно, что при Павле I такое рассмотрение дел решительно пресекалось. Так, 3 мая 1800 г. прокурор Н.М. Заварицкий направил Обольянинову рапорт о подобной организации делопроизводства в Вятке, после чего император повелел исправить «по Вятскому губернскому правлению и канцелярской части имеющиеся беспорядки» (РГИА, ф. 1341, оп. 1, д. 279, л. 88—89 об.).

Губернские прокуроры Западной Сибири в XIX в.

Евгений Крестьянников, Виктория Пырх

Provincial prosecutors of Western Siberia in 19th century

Evgenii Krestiannikov, Viktoriia Pyrkh
(both — Tyumen State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870014461-8

В XIX в. роль прокуроров в правовой системе Российской империи существенно изменилась. Если первая половина столетия стала, по словам С.М. Казанцева, «периодом застоя в истории русской прокуратуры»¹, когда её представители, осуществляя общий надзор за законностью управления, зависели от администрации и зачастую ограничивались исполнением формальных и бесполезных предписаний², то после реформы 1864 г. чины прокурорского надзора были наделены обвинительной властью в суде. Прокуроры окружных судов и судебных палат заменили прежних губернских прокуроров. Однако прошло несколько десятилетий, пока новые учреждения появлялись во всех регионах страны. Так, в Сибири губернских прокуроров не стало лишь в 1897 г.³

С 1822 г. губернские прокуроры края входили с правом голоса в состав губернских советов и подчинялись, помимо общероссийских инстанций, генерал-губернаторам и их главным управлениям⁴. В столице местной прокуратурой были по-прежнему недовольны, но как улучшить её деятельность, похоже, никто не знал. В 1841 г. министр юстиции гр. В.Н. Панин писал западносибирскому генерал-губернатору кн. П.Д. Горчакову об «ограниченности и почти совершенной бесполезности круга действий губернских прокуроров в Сибири»⁵. Присутствие прокуроров и стряпчих в коллегиальных административных органах с такими же надзорными обязанностями только порождало неразбериху⁶.

Закон 25 февраля 1885 г., частично опирающийся на начала уставов 1864 г., подчинил губернским прокурорам вместо стряпчих товарищей прокурора и распространил их власть на создававшийся в крае институт судебных следова-

© 2021 г. Е.А. Крестьянников, В.О. Пырх

Статья подготовлена при поддержке Тюменской обл. и РФФИ, проект № 20-49-720019.

¹ Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 108.

² Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М., 1889. С. 314—315. См. также: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 171.

³ Это произошло в ходе реализации закона 13 мая 1896 г., распространившего на сибирские губернии и области действие Судебных уставов Александра II (ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. № 12932).

⁴ См.: Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011. С. 266—267.

⁵ Исторический архив Омской области (далее — ИА ОО), ф. 3, оп. 2, д. 1965, л. 1, 45 об.—46.

⁶ Это, в частности, показала ревизия, проведенная в начале 1850-х гг. членом Государственного совета Н.Н. Анненковым: Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. // Прутченко С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. С. 381—382.

телей⁷. Это чрезвычайно усложнило работу, потребовав от губернских прокуроров совершенно иной квалификации и профессионализма, тогда как прежде среди них встречалось немало дилетантов, бездельников, а также малообразованных и безответственных лиц. До 1840-х гг. для назначения на данную должность не требовалось юридического образования⁸, и, как отмечал Ф.И. Гредингер, дореформенным прокурорам не хватало «специальных знаний»⁹. В Сибири же хорошо обученных и достойных чиновников служило ещё меньше, чем в центре империи. Бывший иркутский (1805—1806) и тобольский (1806—1807) губернатор А.М. Корнилов позднее констатировал: «Отдалённость страны, пустота и дикость места, суровость климата, а более всего недостаточные и ошибочные понятия о сём крае, не могли без особенных каких-нибудь выгод привлечь сюда людей, которые по самой новости предмета, требующей решительного и отличным просвещением обогащённого ума, соделывались бы здесь необходимыми и благодетельными»¹⁰.

В 1828 г. сенаторы В.К. Безродный и Б.А. Куракин, ревизовавшие Томскую губ., выявили служебное несоответствие А.К. Кротова, в течение 12 лет занимавшего должность губернского прокурора и проявившего на этом посту «небрежение, бездействие и послабление». Судя по послужному списку, чиновник орденов и знаков отличия не имел, «в походах против неприятеля и в самых сражениях не бывал», но и «в штрафах и под судом не был»¹¹. Тем не менее по итогам ревизии его грозили привлечь к «ответу по законам и тем с большей строгостью, чем более Вы пользуетесь доверенностью правительства, и когда всякое Ваше действие, противное возложенной на Вас должности, служа примером для других, непосредственно разрушает всякий порядок»¹².

Ф.А. Горохов, служивший томским прокурором в 1833—1838 гг., не получил никакого образования, однако его карьерным успехам способствовали «ум, энергия, ловкость и проявленная им работоспособность», позволившие ему стать одним из «плеяды таких солидных и видных деятелей на поприще золотопромышленности, имена которых гремели даже далеко за пределами Сибири»¹³. Женившись на дочери крупнейшего в Томске золотопромышленника А.Е. Филимонова, он полностью погрузился в прибыльные занятия своего тестя¹⁴. Неудивительно, что при нём, по словам Г.Н. Потанина (известного приверженца сибирского областничества), «в те отдалённые бесправные времена последствия этого сочетания капитала с бюрократизмом вышли ещё разительнее»¹⁵. Вместе с тем, будучи совершенно бездеятельным служащим, он держался на своём посту исключительно благодаря «сильному покровительству» западносибирских генерал-губернаторов Н.С. Сулимы и кн. Горчакова.

⁷ ПСЗ-III. Т. 5. СПб., 1887. № 2770.

⁸ См., например: *Селиванов Н.* Прокуратура за двадцать пять лет // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. № 9. С. 2.

⁹ *Гредингер Ф.И.* Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам императора Александра II // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Пг., 1914. С. 204.

¹⁰ Замечания о Сибири. Сенатора Карнилова. СПб., 1828. С. 24.

¹¹ Цит. по: *Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К.* Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. Томск, 2004. С. 108.

¹² Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. 22, оп. 1, д. 3, л. 358.

¹³ Весь Томск. Адресно-справочная книжка на 1911—1912 гг. Томск, [1911]. С. 10.

¹⁴ *Адрианов А.В.* Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 169—174.

¹⁵ *Г.П. [Потанин Г.Н.]* На заре золотопромышленности в томской тайге // Сибирская жизнь [иллюстрированное приложение к № 249]. 1903. 16 ноября.

Когда же начальству пришлось признать «неудобство» такого прокурора, Горохов просто подал в отставку¹⁶. В начале XX в. о нём вспоминали как о человеке, совершенно чуждом общим интересам, склонном к стяжательству и роскоши, погрязшем в долгах и потерявшем своё состояние (дело о его несостоятельности в Томском окружном суде тянулось десятки лет и к 1897 г. составляло уже 820 томов)¹⁷. Потанин сожалел, что он «не оставил никакой памяти в истории просвещения Сибири», «так бессмысленно прожил жизнь, так бесплодно для Сибири растратил нажитые в ней капиталы»¹⁸.

Разумеется, встречались и добросовестные дельные работники, своим примером убеждавшие современников в том, что «приносимая губернскими прокурорами польза была несомненна» (как писали, в частности, о деятельности в Москве Д.А. Ровинского)¹⁹. В 1830 г. в ходе ревизии присутственных мест Томской губ. западносибирский генерал-губернатор И.А. Вельяминов высоко оценил труды губернского прокурора П.В. Трескина (выпускника Санкт-Петербургской духовной академии²⁰), «как чиновника усердного, деятельного, совершенно бескорыстного и преисполненного чувствами строгой справедливости и беспристрастия». Вельяминов рекомендовал его новому губернатору Е.П. Ковалевскому как будущего «ревностного помощника» и просил передать ему слова признательности²¹. Позднее Анненкову активно помогал Д.И. Францев, уроженец Симбирской губ., с 1834 г. служивший в разных учреждениях Сибири и 7 июня 1847 г. назначенный тобольским губернским прокурором²². Его дочь вспоминала: «При ревизии оказалось много беспорядков в делах и пришлось некоторых чиновников удалить от должностей; к покойному же отцу моему Анненков во всё время ревизии относился с доверием и часто руководился его указаниями. Он нашёл в таком порядке все его дела, что по окончании ревизии представил его к Св. Анне 2-й степени»²³.

В царствование Николая I образовательный уровень служащих судебного ведомства медленно, но планомерно менялся в лучшую сторону²⁴. В 1840-е гг. «губернскими прокурорами, а иногда губернскими и даже уездными стряпчими стали назначать лиц с высшим юридическим образованием, преимущественно окончивших курс в Училище правоведения, часто совсем молодых, во всяком случае живых и свежих, не заражённых профессиональными недугами огромного большинства местных чиновников»²⁵. К 1853 г. 27 губернских прокуроров имели высшее образование (51,9% от тех, о ком сохранились на сей счёт какие-либо данные), причём 16 из них окончили Императорское училище правоведения²⁶. Вместе с тем «значение прокурорского надзора несколько уве-

¹⁶ Адрианов А.В. Указ. соч. С. 170—171.

¹⁷ См.: В-ий [Вологодский П.В.] Накануне пятидесятилетнего юбилея одной несостоятельности // Право. 1900. 6 августа.

¹⁸ Г.П. [Потанин Г.Н.] Указ. соч.

¹⁹ Берг Д.Б. Дмитрий Александрович Ровинский. Из воспоминаний // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 12. С. 196—197.

²⁰ Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. С. 147.

²¹ ГА ТО, ф. 22, оп. 1, д. 71, л. 30 об.—31.

²² Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГАТ), ф. 152, оп. 30, д. 78, л. 2 об.—18.

²³ Воспоминания М.Д. Францевой // Исторический вестник. 1888. № 6. С. 633.

²⁴ См.: Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 12.

²⁵ Муравьёв Н.В. Указ. соч. С. 356.

²⁶ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 170.

лично, а деятельность его стала ближе отвечать той цели, для которой он учреждён был»²⁷.

В Сибири аналогичные процессы происходили позднее, в 1880-е гг., но уже в середине XIX в. намечались существенные подвижки. Так, в Томской губ. с 1858 г. после В.С. Садовникова, получившего лишь «воспитание домашнее», губернскими прокурорами стали выпускники Харьковского университета А.Я. Корбецкий и Н.М. Шмаков, затем казанский воспитанник В.К. Гусев и т.д.²⁸

В начале 1860-х гг. прокуроры и стряпчие Тобольской губ. наравне с местными чиновниками юстиции живо включились в обсуждение готовившейся судебной реформы, высказывая юридически зрелые предположения о необходимости особых подходов к организации судоустройства и судопроизводства в регионе²⁹. На общем фоне резко выделялся отзыв тобольского губернского прокурора Н.А. Жемчужникова, в котором изменение судебной системы в Сибири признавалось совершенно бесперспективным в силу недостатка людей для исполнения обязанностей мировых судей и присяжных заседателей, грубости, невежественности и «притуплённости» чувства справедливости у сибиряков. Ссылаясь на занятость текущими делами, он отказался от составления собственного проекта неотложных преобразований³⁰.

О безысходном кризисе дореформенной системы правосудия свидетельствовала и объёмная записка, составленная тобольским прокурором Н.С. Знаменским по результатам ревизии губернского суда, проведённой в 1876 г. по поручению западносибирского генерал-губернатора Н.Г. Казнакова. Основанием для проверки стали донесения о беспробудном пьянстве главы суда П.А. Волкова и совершенном бездействии его подчинённых. Однако обнаруженные при расследовании «отступления от законного порядка производства» прокурор признал настолько укоренившимися «с течением слишком продолжительного времени», что уже отсутствовала всякая «возможность рассчитывать восстановить нарушенный порядок»³¹. При этом сам Знаменский показал себя как хороший знаток правовых норм, способный к глубоким обобщениям. Воспитанник М.А. Фонвизина и выпускник Казанской духовной академии, он до 1861 г. преподавал в Тобольском духовном училище, а затем перешёл на государственную службу, достигнув со временем чина действительного статского советника. Это не мешало ему заниматься филантропической деятельностью: безвозмездно заседать в совете женской гимназии, управлять детским приютом, участвовать в благотворительных акциях в пользу бедных студентов Тобольской губ., являться членом ревизионной комиссии и собирателем коллекций губернского музея³².

²⁷ Гредингер Ф.И. Указ. соч. С. 205.

²⁸ Яковлев Я.А., Рассмахин Ю.К. Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. С. 159—161; ГА ТО, ф. 22, оп. 1, д. 323, л. 214.

²⁹ См.: Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863; Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. СПб., 1863. С. 285—292; Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863.

³⁰ Вологодский П.В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 5; Замечания о применении к Сибири основных положений... С. 1—13.

³¹ ГАТ, ф. 152, оп. 35, д. 319, л. 2 об.—3, 18 об.—19; оп. 37, д. 750, л. 8, 12; д. 751, л. 4—4 об., 9—10.

³² Тобольский биографический словарь. Екатеринбург, 2004. С. 189—190; ГА ТО, ф. 2, оп. 1, д. 85, л. 16; д. 87, л. 11.

Между тем продолжалось административное, социальное и культурное сближение Западной Сибири с Европейской Россией. В 1882 г. было ликвидировано Западносибирское генерал-губернаторство, а входившие в него губернии управлялись с тех пор непосредственно из столицы империи³³. В 1885 г. регулярное железнодорожное сообщение связало Екатеринбург с Тюменью³⁴. В 1888 г. в Томске начались занятия на медицинском факультете первого сибирского университета, а ровно через десять лет, 22 октября 1898 г., торжественно открылся второй его факультет — юридический³⁵.

Если раньше переезд на службу за Урал считался, по словам М.М. Сперанского, «таким пожертвованием, на которое редкие решались»³⁶, и казался разрывом с цивилизованным миром и всем самым дорогим³⁷, то теперь чиновники всё чаще находили её для себя выгодной. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин во всеподданнейшем отчёте за 1879 г. восхищался краем: «Прежде всего, подобно массе других путешественников, я был поражён красотой здешней природы, раздольем здешних мест и той свободой, которую в этой стране ссылки и каторги пользуется местное население»³⁸. По свидетельству местного стряпчего, к концу 1880-х гг. в регионе встречались даже беззаботные «туристы»³⁹. И всё же, как отмечал во всеподданнейшем отчёте за 1881 г. томский губернатор В.И. Мерцалов, «помимо незначительности окладов, служба в Сибири вообще и в Томской губернии в частности представляет очень мало привлекательного ещё и потому, что деятельность здешних должностных лиц обусловлена отжившими рамками старых административных и судебных учреждений, которые не удовлетворяют уже современного образованного деятеля»⁴⁰.

После реформы 1885 г. большинство сибирских судебных следователей были назначены министром юстиции из чиновников других регионов⁴¹, как правило, с высшим образованием⁴². В 1885—1897 гг. в Западной Сибири четыре губернских прокурора являлись выпускниками Императорского училища правоведения: К.Б. Газенвинкель, С.Г. Коваленский, Н.Н. Камышанский в Тобольске и А.В. Витте в Томске⁴³. Вся их карьера, в отличие от предшествен-

³³ ПСЗ-III. Т. 2. СПб., 1886. № 886.

³⁴ Сибирь под влиянием рельсового пути. СПб., 1902. С. 3—4.

³⁵ Годичный акт в Императорском Томском университете 22 октября 1898 г. Томск, 1899. С. 1—3.

³⁶ Отчёт тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию её управления // *Прутченко С.М.* Указ. соч. С. 24.

³⁷ К примеру, когда Д.И. Францев покидал Симбирск, отправляясь служить в Сибирь, по свидетельству его дочери, «все родные наши собрались провожать нас, точно на смерть»: «Все столпились в одной комнате, и господа, и дворовые люди. Пришёл священник и начал служить напутственный молебен. Плач поднялся страшный, молитва лилась у всех горячая за отъезжающих в такую даль и в такую, по тогдашнему понятию, дикую страну, где, как рассказывали тогда, медведи по улицам ходили» (Воспоминания М.Д. Францевой // *Исторический вестник.* 1888. № 5. С. 382).

³⁸ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 1. Вып. 1. Иркутск, 1884. С. 9.

³⁹ *Васкель Я.* Тёмное дело. Повесть. (Из рассказов сибирского стряпчего) // *Сибирский вестник.* 1890. 3 января.

⁴⁰ ГА ТО, ф. 3, оп. 13, д. 1221, л. 6—6 об.

⁴¹ Государственный архив Тюменской области, ф. И-40, оп. 2, д. 379, л. 20—23 об.

⁴² Так, к 1897 г. в Тобольской губ. служили 26 судебных следователей и лишь двое из них не имели высшего образования (ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 16, л. 7—8).

⁴³ Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915—1916 г. Пг., 1915. С. 109, 112, 133, 148.

ников, протекала в одном ведомстве. Так, Коваленский прошёл путь от кандидата на судебные должности до товарища прокурора Новочеркасского и Санкт-Петербургского окружных судов в 1885—1892 гг. В 1892 г., будучи помощником обер-прокурора Первого департамента Сената П.М. Бутовского, проводившего ревизию органов юстиции Западной Сибири, он оказался в Тобольской губ., где затем остался исправлять должность губернского прокурора⁴⁴. Витте, служивший в 1885—1887 гг. товарищем прокурора в Томске, 22 февраля 1894 г. не побоялся вернуться туда губернским прокурором⁴⁵.

Но если со временем за Урал всё чаще прибывали образованные чиновники из центра империи, то, с другой стороны, и сибирским служащим становилось всё проще переходить на вакансии, открывавшиеся в Европейской части России. Газенвинкель, прославившийся историческими трудами⁴⁶, покинув Тобольск, устроился товарищем прокурора Казанской судебной палаты, а затем — членом Киевской судебной палаты⁴⁷; Камышанский стал сенатором⁴⁸.

Коваленский побывал председателем Митавского окружного суда, прокурором Иркутской, Тифлисской, Варшавской судебных палат. Его мнение о «несчастном и вполне безотрадном положении ссыльных» в Сибири приводилось в 1895 г. в записке министра юстиции Н.В. Муравьёва «Современное положение ссылки и каторжных работ в России»⁴⁹, а после того, как 13 декабря заведование тюрьмами было передано из МВД в Министерство юстиции⁵⁰, Коваленский включился в реорганизацию пенитенциарной системы. В 1896 г., ознакомившись с местами заключения Закавказского края, он вступил в должность помощника начальника Главного тюремного управления (ГТУ) и заседал в Комиссии при Первом департаменте Министерства юстиции, составлявшей под председательством Н.С. Таганцева законодательные предположения об

⁴⁴ Государственный архив Иркутской области (далее — ГА ИО), ф. 245, оп. 5, д. 180, л. 14—18 об.

⁴⁵ Там же, д. 67, л. 1—2 об.; ГА ТО, ф. 22, оп. 1, д. 1877, л. 1 об. Впрочем, их кругозор не ограничивался узкопрофессиональными рамками. Тот же Витте, отличавшийся человеколюбием и отзывчивостью (Енисей. 1897. 7 декабря), выступил организатором благотворительного Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов — уникального заведения, занимавшегося перевоспитанием малолетних преступников. Его создателю и первому председателю удалось заинтересовать этим «благим начинанием» отечественную прессу, увидевшую в нём путь «к исправлению детей от растлевающего влияния сибирской тюрьмы, всегда и всюду переполненной людьми, потерявшими всякий стыд и совесть и охотно толкающими других на скользкий путь преступления и порока» (Хроника // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 232; *Иванюков И.И.* Очерки провинциальной жизни // Русская мысль. 1896. № 6. С. 162).

⁴⁶ *Газенвинкель К.Б.* Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892; *Газенвинкель К.Б.* Обские пираты прошлого века // Исторический вестник. 1893. № 8. С. 455—468; *Газенвинкель К.Б.* Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в Сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII в. К истории Сибири XVII в. Тобольск, 1892. Будучи членом комитета Тобольского губернского музея, Газенвинкель принадлежал к числу тех, кто инициировал в 1892 г. выпуск музейного «Ежегодника» (Ежегодник Тобольского губернского музея, состоящего под августейшим покровительством государя наследника цесаревича. Вып. 1. Тобольск, 1893. С. XIII, XV).

⁴⁷ Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721—2.03.1917) / Сост. Е.Л. Потёмкин. Т. 1. М., 2017. С. 342; Ежегодник Тобольского губернского музея... С. XV.

⁴⁸ Биографический словарь. Высшие чины... Т. 2. М., 2017. С. 51.

⁴⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 539, д. 249, л. 36.

⁵⁰ ПСЗ-III. Т. 15. СПб., 1899. № 12272.

устройстве тюремной части. С весны 1905 г. он четыре месяца был директором Департамента полиции МВД, после чего занял кресло сенатора⁵¹.

Витте в 1899—1902 гг. служил инспектором ГТУ V класса, являлся членом ведомственной редакционной комиссии, готовившей проект Уголовного уложения, заведовал местами заключения в Санкт-Петербурге, исполнял обязанности помощника начальника ГТУ⁵². В 1899—1902 гг. он также редактировал официальный «Тюремный вестник», на страницах которого обсуждались важнейшие вопросы устройства и преобразования пенитенциарных учреждений, участвовал в I съезде тюремных деятелей, выступал с докладом о российской каторге и ссылке на IX международном конгрессе криминалистов⁵³. В 1902 г. он вновь вернулся в Томск, теперь уже председателем окружного суда⁵⁴, но в 1906 г. командующий войсками Сибирского военного округа Н.Н. Сухотин уволил его от должности из-за сомнений в политической благонадёжности⁵⁵. Тем не менее Витте продолжал играть заметную роль в сибирской общественной жизни как директор Иркутского отделения Русско-Азиатского банка и председатель местного биржевого комитета (с 1911 г.), концессионер Иркутско-Ленской железной дороги, гласный Иркутской городской думы (1914—1916). Весной 1917 г. революционная власть вернула его в судебное ведомство, назначив прокурором Омской судебной палаты⁵⁶.

Фактически после 1885 г. случайных людей среди губернских прокуроров уже не встречалось. Выступая на публичных и состязательных судебных процессах, они оказывались в центре общественного внимания и должны были владеть ораторским искусством, безупречной логикой и прочными юридическими познаниями. Ведь, как писал А.Ф. Кони, «основные черты слагавшегося русского типа обвинителя были... спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приёмов обвинения, чуждая и возбуждению страстей, и искажению данных дела, и, наконец, полное отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и в способе держать себя на суде... На обязанности его лежит сгруппировать и проверить всё, изобличающее подсудимого, и, если подведённый им итог с необходимым и обязательным учётом всего, говорящего в пользу обвиняемого, создаст в нём убеждение в виновности последнего, заявить о том суду. Сделать это надо в связном и последовательном изложении, со спокойным достоинством исполняемого долга, без пафоса, негодования и преследования какой-либо иной цели, кроме правосудия»⁵⁷.

Судя по публикациям в местной прессе, западносибирские губернские прокуроры 1880—1890-х гг. вполне соответствовали данному образу. Так, 18 ноября 1886 г. в Тобольском губернском суде, где рассматривались преступления окружного исправника Б.И. Красина, «прокурор в своей обвинительной речи

⁵¹ Биографический словарь. Высшие чины... Т. 2. С. 117; ГА ИО, ф. 245, оп. 5, д. 180, л. 19 об., 21—22 об., 71.

⁵² ИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 26, л. 6 об., 7 об.

⁵³ Тюремный вестник. 1902. № 4. С. 205, 228; № 9. С. 619.

⁵⁴ Корреспондент томской газеты писал, что «это — ещё молодой человек (Витте было тогда 39 лет. — *Е.К., В.Л.*), полный сил и энергии, отзывчивый на всё доброе и гуманный» (Заметки о судопроизводстве и судоустройстве // Сибирский наблюдатель. 1902. № 3. С. 160).

⁵⁵ Хроника // Право. 1910. 7 марта.

⁵⁶ Биографический словарь. Высшие чины... Т. 1. С. 288; Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX в. Энциклопедический словарь. Новосибирск, 2019. С. 55.

⁵⁷ Кони А.Ф. Приёмы и задачи прокуратуры. (Из воспоминаний судебного деятеля) // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 1967. С. 124—125.

выяснил данные, осветил их и, коснувшись характеристики лихоимства в Сибири, указал, какой громадный вред приносит оно целому обществу. Прокурор Газенвинкель, действительно, потрудился над этим делом, изучил его и своею ясною и прочувствованною речью произвёл глубокое впечатление как на самих судей, так и на защитника Красина, его самого и всю публику»⁵⁸. В Томском губернском суде 16 июня 1887 г. после доказательной и продолжительной речи А.А. Орлова против убийц купца Б. Кана потребовалось даже сделать перерыв в заседании. По словам журналиста, «интерес к этому делу был возбуждён и потому ещё, что в роли обвинителя являлся сам прокурор, речь которого, по делу о подлогах бывшего секретаря Томского окружного полицейского управления Любарского, была памятна всем слышавшим её, и многим желалось послушать ещё раз талантливого оратора»⁵⁹.

Вместе с тем и в 1880—1890-е гг. прокурорам, сделавшимся передовым отрядом бюрократии края, приходилось сталкиваться с недостатками архаичной административной системы. Едва ли не самым заметным, но и столь же безуспешным направлением их деятельности оставалась борьба с давно и прочно укоренившимся невежеством полицейских чинов⁶⁰. В первых же циркулярных распоряжениях Газенвинкеля отмечалось, что в полиции совершенно не понимали требований закона 25 февраля 1885 г., изменившего порядок расследования преступлений, и продолжали направлять материалы дознаний и предварительных следствий не товарищам прокурора, а своему начальству или напрямую в судебные учреждения. Но и за последующее десятилетие ничего не изменилось: последний тобольский губернский прокурор Камышанский незадолго до введения в Сибири Судебных уставов 1864 г. указывал на аналогичные нарушения судопроизводства⁶¹.

Непригодность полиции к ведению следственных действий и малочисленность представителей прокуратуры при расширении круга их обязанностей делали положение безвыходным. Подводя итоги проведённой в 1892 г. ревизии, Бутовский признал сибирскую прокуратуру «прекрасной» по своему личному составу, но обречённой «на безмолвное созерцание следственной части» и «заваленной непомерным трудом, превосходящим всё», что ему доводилось видеть за 30 лет службы в судебном ведомстве⁶². Губернские прокуроры остро сознавали своё бессилие. Коваленскому удалось существенно снизить число неоконченных расследований в Тобольской губ. (с 14 825 до 5 216 производств только за восемь месяцев 1894 г.⁶³), и, по свидетельству губернатора Н.М. Богдановича, «значение и сила уголовной репрессии значительно увеличились»⁶⁴. Однако сам прокурор считал, что предпринятые им меры имели значение «лишь в смысле спасения» следствия «от окончательной гибели»⁶⁵.

Неудивительно, что губернские прокуроры больше других местных чиновников настаивали на необходимости коренных изменений, но перед распро-

⁵⁸ Дело о взяточничестве тюменского исправника Бориса Красина // Сибирская газета. 1886. 7 декабря.

⁵⁹ Дело об убийстве купца Кана и его семьи // Сибирский вестник. 1887. 19 июня.

⁶⁰ *Крестьянников Е.А.* Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822—1897 гг.) // Российская история. 2013. № 3. С. 84—99.

⁶¹ ГАТ, ф. 1, оп. 1, д. 915, л. 2; ф. 152, оп. 37, д. 789, л. 10, 12, 18.

⁶² Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 16.

⁶³ Там же, ф. 479, оп. 2, д. 10, л. 16—29 об.

⁶⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 239, л. 2 об.

⁶⁵ ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 4.

странением на Сибирь Судебных уставов 1864 г. они же сделались решительными критиками того порядка проведения реформы, который был намечен в Министерстве юстиции. При этом они демонстрировали незаурядный профессионализм, знание местных реалий, ответственность, опытность и чуткость. Так, Газенвинкель выступал против возникшей в Петербурге идеи соединить в руках будущих сибирских мировых судей следовательские и судебные функции⁶⁶. Коваленский разработал «Проект положения о судебном устройстве в Тобольской губернии» и объяснительную записку к нему, в которой критиковал замысел министра Н.В. Муравьева приблизить правосудие к населению при помощи усиления подвижности судебных учреждений края. Коваленский предвидел, что интенсификация судейских командировок не приведёт к желаемым результатам, но вызовет лишь «значительную трату времени» и будет «невыгодно отражаться на успешности работы»⁶⁷. На плечи Витте как последнего томского губернского прокурора легла реализация реформы. Занимаясь разделением губернии на мировые и следственные участки, он выяснил, что предусмотренный штат новых судебных учреждений не сможет удовлетворить потребности региона, где требовалось не 34, а не менее 50 мировых судей⁶⁸.

Деятельность сибирских судебных учреждений после 1897 г. показала поразительную дальновидность губернских прокуроров⁶⁹. Любопытно, что появление чиновников нового поколения, образованных и профессионально подготовленных, стремившихся обеспечить благополучие населения и соблюдение законности, существенно меняло вектор развития даже тех институтов, которые были унаследованы от дореформенной эпохи.

⁶⁶ РГИА, ф. 1405, оп. 87, д. 9921е, л. 16 об., 20 об.

⁶⁷ ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 11.

⁶⁸ ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 12—25 об.

⁶⁹ Подробнее см.: *Krest'iannikov E.A. Realizatsiia idei sud'i-sledovatel'ia v mirovoi iustitsii dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du Monde Russe. 2017. Vol. 58. № 4. P. 555—587; Krest'iannikov E.A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20. № 2. P. 315—344.*

Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К.Я. Флиге в 1830—1840-е гг.

Григорий Бибигов

**Gendarme staff officer and provincial administration:
K.Ya. Flige in the 1830s—1840s**

Grigory Bibikov

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870014462-9

В царствование Николая I жандармские штаб-офицеры были призваны наблюдать за деятельностью местной администрации и докладывать в столицу о злоупотреблениях и иных противоправных действиях чиновников. Отдельные аспекты взаимодействия жандармов и губернаторов уже рассматривались в историографии¹. Но до сих пор практически не изучалось его влияние на карьеру чинов «высшей полиции». Между тем, хотя «исследователи констатируют произвол в деятельности и страх перед жандармами, однако... жандармские штаб-офицеры сами были нередко беззащитны перед руководителями губерний»².

В конце 1826 г. первые губернные штаб-офицеры получили секретную инструкцию, предписывавшую обращать «внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления». В ней шеф жандармов А.Х. Бенкендорф наставлял своих подчинённых: «Прежде, нежели приступить к обнаруживанию встретившихся беспорядков, вы можете лично сноситься и даже предварять начальников и членов тех властей или судов или те лица, между коих замечены вами будут незаконные поступки, и тогда уже доносить мне, когда ваши домогательства будут тщетны»³.

© 2021 г. Г.Н. Бибигов

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ См.: *Ремнёв А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995; *Бикташева А.Н.* Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством: практики Казанской губернии 1826—1861 гг. // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2014. № 4. С. 110—114; *Романов В.В.* Надзор за состоянием и деятельностью института губернаторов — функция политической полиции Российской империи в 1826—1860 гг. // Правозащитная политика в современной России. К 20-летию Основного закона государства (сборник по материалам круглого стола и всероссийской научно-практической конференции). Ульяновск, 2014. С. 124—131; *Абакумов О.Ю.* Жандармы и губернные власти: становление системы контроля // Управление стратегическим развитием территорий. Сборник научных трудов. Саратов, 2016. С. 129—132.

² *Романов В.В.* Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826—1860 гг. (на материалах Поволжья). Дис. ... д-ра ист. наук. Ульяновск, 2008. С. 307.

³ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. М., 1997. С. 473—474.

Порядок взаимодействия жандармских чинов с губернской администрацией обсуждался на одном из первых заседаний Комитета 6 декабря 1826 г., призванного «обозреть все части управления и наметить правила к лучшему их устройству»⁴. Опасаясь, что из-за «неосновательных показаний... правитель-ство с трудом найдёт людей достойных для занятия губернаторских, даже и генерал-губернаторских мест», члены Комитета высказались за подчинение жандармских штаб-офицеров начальникам губерний, а «главного командира жандармов, заведующего высшею полицией», предложили «присоединить к Министерству внутренних дел в звании товарища министра». Но Николай I 26 января 1827 г. решил иначе: «Штаб-офицеры сии будут составлять род чиновников по особенным поручениям и не могут ни в каком случае полагать преграды в действиях местного губернского начальства, или в чём бы то ни было затруднять их, ибо сим жандармским начальникам не будет присвоено никакой власти, и обязанности их состоять должны в доставлении сведений сюда и губернаторам о том, что до них доходит или ими открыто будет»⁵. Подчинялись они по-прежнему исключительно своему шефу, который сохранил самостоятельное положение и зависел в своих действиях только от императора.

В дополнительной секретной инструкции, утверждённой в апреле 1827 г., штаб-офицерам указывалось «ни под каким видом не вмешиваться ни в какие действия и распоряжения присутственных мест и начальства как по гражданской, так и по военной части» и «избегать, напротив, всякого вида соучастия и влияния на производство дел и на меры, местными начальствами предпринимаемые». Более того, они должны были приобретать «благорасположение всех гг. начальников гражданских и военных» и «поставить себя на такую ногу, чтобы местные начальства вас уважали и принимали бы извещения ваши с признательностью». Поэтому, узнав «о каком-либо противозаконном поступке», они могли «предварить о том словесно или посредством записки, того начальника, до коего обстоятельство сие касаться будет»⁶. В целом же, по выражению Бенкендорфа, им следовало держаться, как посланникам «в иноземных державах: по возможности всё видеть, всё знать, и ни во что не вмешиваться»⁷.

Между тем поначалу эти инструкции официально оставались секретными и для губернских властей, которым не сообщалось, как именно взаимодействовать с жандармами⁸. Вскоре начались служебные столкновения⁹. 7 декабря 1827 г. управлявший МВД В.С. Ланской циркулярно уведомил губернаторов о необходимости внимательно относиться к донесениям жандармов и не разглашать их в обществе¹⁰. А Бенкендорф в 1828 г. напомнил своим подчинённым, что они обязаны «только уведомлять начальство о злоупотреблениях гражданских чи-

⁴ Кизеветтер А.А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 2006. С. 383.

⁵ Журналы Комитета, учреждённого Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 74. СПб., 1891. С. 45, 47.

⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 631, л. 51—51 об.

⁷ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 82.

⁸ Первая жандармская инструкция была сообщена губернаторам в 1835 г. Подробнее см.: Бибилов Г.Н. Отставка екатеринославского губернатора Н.М. Лонгинова (1836 г.) // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник материалов VI международной научно-практической школы-конференции молодых учёных. М., 2018. С. 121—128.

⁹ Романов В.В. Надзор за состоянием... С. 124—131.

¹⁰ Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь... С. 121.

новников, нимало не настаивая ни об исследовании сих злоупотреблений, ни о поступлении к прекращению оных по законам и не требуя уведомления о том, что по их сообщениям будет сделано, оставляя последнее на собственное распоряжение местного начальства»¹¹. Тогда же губернским штаб-офицерам было запрещено «входить в формальную или официальную переписку и сношения с местным начальством», обращаться к которому полагалось только устно или частными записками¹². Впоследствии эти предписания дополнялись новыми разъяснениями, и к началу 1840-х гг. составили, по словам гр. Бенкендорфа, «некоторый свод обязанностей жандармских офицеров, но свод и ныне ещё недостаточный, ибо ещё и теперь являются случаи, в которых тот или другой из моих подчинённых испрашивает моего разрешения»¹³.

Всё это отнюдь не упрощало контакты с губернской администрацией. Чтобы понять характер этих взаимоотношений, приходится всматриваться в судьбы конкретных лиц, в обстоятельства их назначений и перемещений, в детали возникавших конфликтов и в те способы, которыми они улаживались. Богатую пищу для размышлений даёт, в частности, биография Карла Яковлевича Флиге, состоявшего в 1830-х гг. штаб-офицером в Курской, Минской и Черниговской губерниях, а затем занимавшего пост подольского военного губернатора. До перевода в жандармское ведомство Флиге почти 30 лет отдал военной службе. Он родился в 1785 г. в Риге в немецкой лютеранской семье и, судя по формулярному списку, происходил из дворян Санкт-Петербургской губ., но недвижимого имения за собой и родителями не имел. После обучения в Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе¹⁴ Флиге в декабре 1801 г. поступил подпоручиком в Корпус инженеров, затем служил в артиллерии, участвовал в кампаниях 1805—1807 гг., за сражение при Фридланде получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». В июле 1812 г. его тяжело ранило ядром под Городечно, и до сентября 1813 г. он лечился в Киеве. Здесь Карл Яковлевич решил обосноваться и приобрёл дом на Крещатике. В 1816 г. капитан Флиге, будучи командиром лёгкой 52-й роты 26-й артиллерийской бригады, отправился на Кавказ, где провёл более десяти лет. В 1819 г. он оказался в составе Грузинской гренадерской бригады, а с июня 1826 г. командовал Навагинским пехотным полком, с которым действовал против персов и горцев. В 1826 г. за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах его наградили орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1828 г. Карл Яковлевич женился на дочери киевского врача М.Х. Бунге, но уже в следующем году она скончалась на Кавказе при родах (родившийся младенец Николай остался на воспитание в семействе Бунге)¹⁵. В 1829 г. Флиге был произведён в полковники, а в ноябре 1831 г. уволен «за ранами» с мундиром и пенсией, после чего поселился в Киеве¹⁶.

Однако вскоре отставной офицер почувствовал нужду в казённом жалованье и в феврале 1833 г. отправился в Петербург, где подал прошение об определении в Корпус жандармов. При этом Флиге действовал через дежурного штаб-офицера корпуса полковника Л.В. Дубельта, с которым его связывала

¹¹ Романов В.В. Местные органы политической полиции... С. 309.

¹² Там же.

¹³ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 6, д. 395, л. 80 об.—83.

¹⁴ С марта 1800 г. — Второй кадетский корпус.

¹⁵ Малій О.В. Маловідомі сторінки життєвого шляху Християна Бунге (1776—1857 рр.) // Український історичний журнал. 2009. № 2. С. 81. М.Х. Бунге — крестница М.М. Сперанского и сестра будущего министра финансов и председателя Комитета министров.

¹⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 782, л. 33—48.

совместная служба в Киеве и общие знакомства¹⁷. Леонтий Васильевич пользовался благосклонностью гр. Бенкендорфа и заметно влиял на перестановки в жандармском ведомстве. Тем не менее граф обратился к генералу А.П. Ермолову с просьбой «почтить уведомлением, с какой стороны был известен... штаб-офицер сей как по способностям его, так и по нравственным качествам». Ермолов ответил: «Отставного полковника Флиге знаю я не менее двадцати пяти лет, в разное время и довольно долго находился он под моим начальством и наконец в Отдельном Кавказском корпусе, где, по представлению моему, получил в командование пехотный полк, как офицер известный отличным в службе усердием, похвальною склонностью к порядку и испытанною нравственностью»¹⁸. В Инспекторском департаменте Военного министерства Флиге признали достойным к повышению чина. В середине июня 1833 г. он вновь прибыл в Петербург для испытания при Управлении корпуса. 24 июля Николай I одобрил доклад гр. Бенкендорфа об определении Флиге штаб-офицером в Архангельскую губ. Но тому хотелось служить ближе к Киеву¹⁹ и, видимо, при посредничестве Дубельта удалось добиться назначения в Курск. 1 сентября последовал соответствующий приказ, а 17 октября Карл Яковлевич прибыл к новому месту службы.

В «Отчёте о действиях чиновников Корпуса жандармов» за 1834 г. отмечены первые поручения Флиге, заслужившие одобрение начальства: он «разведывал о состоянии в Курской губернии градских и земских полиций, о почтовой гоньбе и злоупотреблениях по должностям службы». Тогда же «собранные уже по сим предметам сведения, оправдавшие таковое поручение, были представлены им... вновь назначенному губернатору» С.Ф. Паскевичу. Осенью Флиге обнаружил «большие беспорядки» при проведении дворянских выборов в губернском городе. Шеф жандармов уведомил о них министра внутренних дел Д.Н. Блудова, и тот «признал нужным, для отклонения на будущее время подобных отступлений от законов, предположить некоторые меры»²⁰.

В декабре 1834 г. министр императорского двора кн. П.М. Волконский просил гр. Бенкендорфа «по случаю... передачи в удельное управление всех казённых крестьян Симбирской губернии, назначить надёжного штаб-офицера Корпуса жандармов с тем, дабы он находился в сказанной губернии во всё время передачи в удел означенных крестьян»²¹. Характерно, что кн. Волконский сам указал на курского штаб-офицера, известного ему по армейской службе, и, как говорилось во всеподданнейшем докладе гр. Бенкендорфа, «сделал самый лучший выбор, ибо полковник Флиге, обладая умом просвещённым, отличает себя усердием к службе и отличными способностями»²². В январе 1835 г. он получил в Петербурге инструкции от шефа жандармов и вице-президента

¹⁷ С 1815 г. Дубельт служил в Киеве дежурным штаб-офицером 3-го пехотного корпуса, которым тогда командовал Н.Н. Раевский (Леонтий Васильевич Дубельт. Биографический очерк его и письма // Русская старина. 1888. № 11. С. 491; *Бокариус М.В., Лурье Ф.М.* Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. Т. VI. М., 1995. С. 106—110).

¹⁸ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 377, л. 6, 8.

¹⁹ В декабре 1831 г. Николай I принял решение, «чтобы штаб-офицеры Корпуса жандармов не были помещаемы в те губернии, в коих имеют свои имения, по примеру того, как сие соблюдается при назначении гражданских губернаторов» (Там же, д. 282, л. 1).

²⁰ ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 12.

²¹ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 9, д. 364, л. 1.

²² Там же, ф. 110, оп. 2, д. 511, л. 4.

Департамента уделов Л.А. Перовского: «Наблюдение с Вашей стороны должно обнимать распоряжения всех местных начальств гражданского ведомства, равно земской полиции и порознь всех чиновников, которые для передачи казённых крестьян употреблены будут»²³.

В феврале — начале марта Флиге дважды объехал Симбирскую губ., присутствуя при объявлении указа о переводе крестьян в удельное ведомство, дабы «в случае надобности быть истолкователем и блюстителем истины»²⁴. 16 марта 1835 г. он известил шефа жандармов, что «передача казённых крестьян в удельное ведомство окончена», а в рапорте кн. Волконскому предложил поручить дальнейшее наблюдение симбирскому жандармскому штаб-офицеру майору Э.И. Стогову, «которому известна местность того края и отношения многих лиц»²⁵. Князь передал записку гр. Бенкендорфу, но тот предпочёл оставить Флиге в Симбирске.

В марте 1835 г. симбирским гражданским губернатором стал действительный статский советник И.С. Жиркевич. Перед отъездом в губернию он представлялся гр. Бенкендорфу. «Я Вас прошу о двух вещах, — сказал ему шеф жандармов, — там теперь находятся моих два штаб-офицера, которых прошу принять под своё покровительство, и ещё — чтобы Вы обо всём экстренном и о различных недоразумениях, могущих случиться, были бы в прямых сношениях со мной»²⁶.

Недоразумения начались почти сразу. 19 апреля Флиге передал Жиркевичу просьбу удельного крестьянина, которого «по обыкновению обманул» один из членов рекрутского присутствия²⁷. 25 мая в частной записке жандарм просил «обратить на сего несчастного милостивое внимание и... почтить уведомлением, что по сему будет сделано и какое может ожидать сей крестьянин удовлетворение»²⁸. Жиркевич усмотрел в этом вмешательство в дела администрации и потребовал, чтобы Флиге обращался к нему не записками, а формальными отношениями. «А потому, — писал губернатор, — хотя я и не вижу прав, на коих Вы простым запросом по записке требуете от меня отчётности в моих действиях, но из личного уважения к Вам долгом поставляю на сей раз дать отзыв, что по записке Вашей 19 апреля я настоятельно тогда же предписал полицмейстеру поспешить доследованием изложенного по записке дела»²⁹. Флиге ничего не оставалось, как ответить: «Усматривая, что переписка со мною... Вам неприятна, и при том не желая и сам впредь получать подобных оскорбительных отзывов, я на основании правил штаб-офицера Корпуса жандармов прекращаю всякого рода переписки с Вашим превосходительством, а о могущих встретиться делах во всех отношениях буду относиться к... шефу жандармов»³⁰. Уже 27 мая он обратился к гр. Бенкендорфу: «Принимаю сме-

²³ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 9, д. 364, л. 5 об.

²⁴ Там же, л. 16—16 об.

²⁵ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 511, л. 13.

²⁶ *Жиркевич И.С.* Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789—1848. М., 2009. С. 302.

²⁷ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 9, д. 364, л. 24.

²⁸ Там же, л. 28.

²⁹ Там же, л. 29.

³⁰ Там же, л. 31. Как вспоминал Жиркевич, он «благодарил Флиге за первое со времени нашего знакомства приятное для меня извещение, ибо окончание этой корреспонденции много убавит у меня дела». Губернатор связывал самонадеянность жандармского полковника с излишне мягким управлением своего предшественника А.М. Загряжского, к которому Флиге «иногда относился с упрёками». По словам Жиркевича, «в одной записи он решился даже требовать, чтобы исправник

лость покорнейше просить вразумить симбирского гражданского губернатора, что я служу не по полицейской части и не имел другого права писать к нему, как форменною запискою, и вместе с тем испрашиваю позволения о могущих встретиться подобных делах относиться уже прямо к Вашему сиятельству»³¹. Вместе с формальным рапортом Флиге послал и частное письмо к Дубельту, жалуюсь на Жиркевича, который делал «разные каверзы и затруднения в... хodataйстве об удельных крестьянах». Как утверждал полковник, «не вступая в должность», губернатор «должен был всюду занимать, а следственно и многим властям и лицам должен был покориться», к тому же он поссорился «с управляющим удельною конторою, которого как богатого человека хотел прибрать к своим рукам, вероятно, из корыстолюбивых видов, но, быв остановлен мною, вознегодовал и теперь всё, что удельное, не имеет у него защиты!». Более того, начальник губернии, «сам, решительно не зная дел, действует умом своего секретаря [А.А.] Раева (бездельника)». Флиге уверял Дубельта: «Я всё сие пишу для того, дабы ты не полагал, что какая-либо личность мною руководит, я с ним и теперь знаком, часто бываем вместе и с улыбкою друг другу пожимаем руки!». Причём именно Дубельту предоставлялось решить: «Если найдёшь, что я дело пишу, то дай моей просьбе ход, ибо я не хочу действовать против воли твоей и без твоего совета»³².

Жиркевич, со своей стороны, передал письма Флиге на усмотрение Блудова, возмущаясь тем, что жандармские офицеры, «присваивая себе власть, требуют разных объяснений, не отношениями, а канцелярскими записками», являются к нему на приём в сюртуках вместо мундиров и нарушают служебные предписания³³. Но, переговорив с гр. Бенкендорфом, Блудов счёл нужным дать Жиркевичу «особый по сему предмету совет»: не обнаружив в записке Флиге «ничего противного формам (ибо офицерам Корпуса жандармов для записок даны особые формы), а равно и приличиям и учтивости», министр рекомендовал губернатору «отстранять и предупреждать всякий повод к недоразумениям, взаимному раздражению и пререканиям, иногда возникающим от маловажных в существе своём или даже и совершенно ничтожных случаев»³⁴.

В ноябре 1835 г. Флиге вернулся в Курск. Для него столкновение с Жиркевичем, по-видимому, не имело последствий. В ежегодном «Отчёте о действиях чиновников Корпуса жандармов» гр. Бенкендорф доложил императору, что «по засвидетельствованию генерал-адъютанта князя Волконского», Флиге и Стогов «ревностно содействовали к успешнейшему окончанию» перевода государственных крестьян в удельное ведомство³⁵. Флиге был пожалован орден Св. Владимира 3-й степени.

С 1832 г. основной формой отчётности губернских штаб-офицеров являлись полугодовые ведомости, содержавшие характеристику наиболее видных

Ставропольского уезда немедленно был бы сменён и отдан под суд, что Загрязский и выполнил, к сожалению. Это уже так возвысило Флиге в своём собственном мнении, что и ко мне он начал беспрестанно присылать записки с извещением о своих поездках, о неисправности мостов, дорог, по которым он ехал, о нескорой явке чиновников и разном подобном вздоре» (*Жиркевич И.С. Указ. соч.* С. 319—322).

³¹ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 9, д. 364, л. 24—25.

³² Там же, л. 26—27.

³³ Там же, л. 33.

³⁴ Там же, л. 34.

³⁵ Там же, ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 101.

чиновников местной администрации³⁶. В январе 1835 г. пост курского военного губернатора занял генерал-майор М.Н. Муравьёв. При его назначении гр. Бенкендорф передал ему отчёты Флиге за 1834 г., что указывало на особое доверие шефа жандармов³⁷. Вскоре Муравьёв сообщил графу, что «более двух месяцев со вниманием наблюдал и проверял справедливость сказанного; наконец, лично удостоверившись в том, вынужденным нашёлся конфиденциально сообщить господам министрам внутренних дел и юстиции моё мнение об некоторых главнейших чиновниках и просить о скорейшем увольнении оных»³⁸. В жандармском отчёте за 1835 г. первые шаги Муравьёва полностью одобрялись и особо отмечалось, как «все сословия Курской губернии радуются, что наконец дождались они начальника строгого, правдивого, неутомимого и беспристрастного», который, «вникая со всею строгостью в нравственные качества и способности каждого из чиновников... успел составить себе полное понятие о качествах, своекорыстии и усердии каждого»³⁹. 26 января 1836 г. по представлению губернатора Флиге был удостоен благодарности шефа жандармов «за отлично усердную службу и благонамеренные действия»⁴⁰.

Казалось, Муравьёв и Флиге наладили сотрудничество, однако 12 июня 1836 г. из-за конфликта с губернатором последовал перевод Флиге в Минск. Обстоятельства этого столкновения в документах не отразились, но уже 24 июня появился приказ гр. Бенкендорфа по Корпусу жандармов «Об обязанностях жандармских штаб-офицеров к губернскому начальству», напоминавший: «Не смотря ни на правила, изложенные в моих инструкциях, ни на многократные повторения главнейших из сих правил в приказах во вверенному мне корпусу, ни на мои личные наставления, я беспрерывно получаю донесения, что некоторые штаб-офицеры Корпуса жандармов продолжают официально вмешиваться в распоряжения гражданского начальства, делопроизводство судебных мест и разбирательство частных несогласий, вступают в переписку с разными лицами, даже заключают отношения свои требованием уведомления о тех распоряжениях, которые будут сделаны»⁴¹.

В Минске с января 1835 г. гражданским губернатором служил кн. С.И. Давыдов. Позже Флиге доносил в Петербург, что с первых же дней по прибытии в город заметил «нерасположение г. князя Давыдова к корпусу и чинам Корпуса жандармов, а потому держал себя от него всегда в отдалении и кроме обязанностей службы и приличной вежливости, отдаваемой как начальнику губернии

³⁶ Подробнее см.: *Матханова Н.П.* Губернаторские отчёты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века // *Источники по русской истории и литературе. Сер. Археография и источниковедение Сибири.* Вып. 19. Новосибирск, 2000. С. 204—236; *Бибииков Г.Н.* Полугодовые отчёты губернских жандармских штаб-офицеров: к характеристике источника // *Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов VI международной конференции молодых учёных и специалистов Clío—2016.* М., 2016. С. 55—58.

³⁷ В дальнейшем курский губернатор представлял некоторые бумаги Николаю I через гр. Бенкендорфа (ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 10, д. 185, л. 21—22). Вероятно, покровительство Муравьёву оказывал управляющий III отделением А.Н. Мордвинов, с которыми они воспитывались в одной семье.

³⁸ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 10, д. 185, л. 9.

³⁹ Там же, л. 1.

⁴⁰ Приказы по Корпусу жандармов за 1836 г. [Б.м., б.г.] (приказ № 6, без пагинации).

⁴¹ Там же (приказ № 39, без пагинации).

всякий праздник... не сближался с г-ном князем Давыдовым ни в каких отношениях, не только по службе, но даже и партикулярных»⁴².

Тем не менее в начале ноября 1837 г. полковник представил губернатору ряд служебных записок, вызвавших очередной скандал. В одной из них бывший правитель губернаторской канцелярии Л.О. Любвицкий обвинялся в использовании для поездок старой подорожной, «что в некотором отношении делает большое влияние, а при том никто не вправе с ложною подорожною разъезжать по губернии». Недовольство Флиге вызвало также промедление с размещением Минской жандармской команды в бывшем здании полицейской управы. «Прошло уже 20 дней, — указывал он губернатору 10 ноября, — а команда ещё не получила дома, о чём, как мне известно, поручик Михайлов по приказанию моему пять раз имел честь докладывать Вашему сиятельству, но без успеха!». 11 ноября Карл Яковлевич посетил больницу ордена госпиталитов, после чего написал минскому коменданту: «Я никогда, нигде не видал в таком горестном положении в тюрьмах арестантов, преступников, — я нашёл их почти голыми и босыми, и все в один голос и без малейшего моего вопроса начали приносить жалобы... Не имея права входить в распоряжение гражданского начальства, я делаю о сём моё представление и поставляю себе в обязанность, Вам, как коменданту города Минска, сделать сие известным, тем более потому, что богадельники мне объявили, что приносили о сём жалобы г-ну гражданскому губернатору»⁴³. Комендант передал данную записку кн. Давыдову.

14 ноября кн. Давыдов направил поступившие от Флиге бумаги виленскому генерал-губернатору кн. Н.А. Долгорукову. В сопроводительном рапорте он заявлял, что «притязания г. Флиге несправедливы, неосновательны и даже оскорбительны для звания начальника губернии», а «дерзкие выражения» показывают стремление «выказать совместничество» в управлении. Губернатор просил командировать в Минск чиновника по особым поручениям «как для осмотра богоугодных заведений, так и для удостоверения в действиях по помещению жандармской команды» и принять меры «к воздержанию сего штаб-офицера от той самонадеянности и неприличных рассуждений его в своих бумагах, какими каждая из них наполнена». Князь уже подумывал об отставке: «При подобном враждебном влиянии на дела губернии г. Флиге я не предвижу возможности при известных Вашему сиятельству трудах и деятельности быть полезным сему управлению и потому прошу Вас исходатайствовать мне увольнение от настоящей должности, если признаете уважительными действия г. Флиге, с которым совместная служба была бы сцеплением неприятной и бесполезной переписки, отнимающей время от дел важнейших по управлению губернией»⁴⁴.

Генерал-губернатор не счёл нужным вникать в подробности спора, представив его «справедливому вниманию и разрешению» шефа жандармов, которому и переслал полученные из Минска документы. Однако в сопроводительном письме 19 ноября он всё же поддержал притязания кн. Давыдова, признав, что отношения Флиге «к губернскому начальству нимало не соответствуют духу общей, от Вашего сиятельства данной, инструкции и клонятся к ослаблению гражданской власти... Настоящий случай показывает, что г. Флиге слишком увлёкся личными какими-либо неудовольствиями или, может быть, вообще

⁴² ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 717, л. 26.

⁴³ Там же, л. 6—7 об., 9—9 об.

⁴⁴ Там же, л. 8—11 об.

заносчивым своим нравом, рождающим распри, за которые, сколько известно, перемещён и из Курска»⁴⁵.

Бенкендорф также не стал требовать от полковника объяснений, но 20 декабря 1837 г. перевёл его в Симбирск на место Стогова. В тот же день граф сделал в письме к Флиге внушение: «Неуместные действия и характер излишне пылкий более нарушают достоинство жандармского штаб-офицера, которого первую отличительную чертою должны быть скромность и несамонадеянность... Если же после того, как Вы не поддержали согласия с гг. губернаторами в Курске и Минске, произойдут и в Симбирске между Вами и г. губернатором неудовольствия, то Вы заставите меня решительно полагать, что сии неудовольствия происходят собственно от Вас, а не от каких других обстоятельств; и поставите меня в неприятную необходимость удалить Вас из вверенного мне корпуса, в коем, до сего времени, Вы более следовали первым движениям Вашего пылкого характера, нежели той благоразумной умеренности и скромности, которая должна отличать хорошего жандармского чиновника»⁴⁶. Тогда же приказом по Корпусу Бенкендорф в очередной раз разъяснял подчинённым: «Дошло до моего сведения, что некоторые штаб-офицеры... продолжают относиться к гг. губернаторам записками, входят с ними в официальную переписку и даже иногда требуют уведомлений о исполнении, что не согласно ни с духом данных мною инструкций, ни с моими наставлениями... Представление к гг. начальникам губерний записок может быть допускаемо со стороны штаб-офицеров не иначе, как уже вследствие приобретённого последними от первых милостивого расположения и полной доверенности, и должны быть подаваемы только в таких случаях, когда на сие будет изъявлено согласие и позволение гг. губернаторов»⁴⁷.

Сам Флиге тем временем пребывал в недоумении. «До сведения моего дошло, — писал он Дубельту в конце декабря, — что князь Николай Андреевич Долгоруков жаловался его сиятельству Александру Христофоровичу на меня, в чём именно состоит его жалоба я не знаю, но догадаться немудрено, ибо всё, что несогласно с его мнением и идёт чрез жандармов, то всегда бывает нехорошо и несправедливо!». Флиге сетовал на то, что кн. Долгоруков, ценивший его службу в Грузии, «как скоро узнал, что я не слепо соглашаюсь с мнениями и действиями минского гражданского губернатора... тотчас меня разлюбил, и я сделался неугодным». Между тем полковник считал, что «князь Давыдов в полном смысле невежа и относительно ко мне и офицерам Корпуса жандармов показывает во всех отношениях всевозможную неделикатность»⁴⁸. Несмотря на приказ о переводе в Симбирск, 13 января 1838 г. Флиге отправил в Петербург очередной отчёт по Минской губ. Губернатор предстал в нём в карикатурном виде: «Прямую свою обязанностью мало занимается и в губернском прав-

⁴⁵ Там же, л. 3. В следующем письме кн. Долгоруков отозвался о Флиге как о человеке «честном и достойном, но у которого всегда был дурной характер» («un digne et galant homme mais qui était toujours d'un caractère fort désagréable» (ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 782, л. 27). Майор А.И. Ломачевский, сменивший в Минске Карла Яковлевича, позднее вспоминал: «Старик Флиге, как после удостоверился я, действительно любил вмешиваться в пустые дела, если они касались лиц, не заискивавших его благосклонного расположения, и готов был вступить за плута, который перед ним раболепствовал» (*Ломачевский А.И. Записки жандарма. Воспоминания с 1837 по 1843 год // Вестник Европы. 1872. № 3. С. 246*).

⁴⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 717, л. 13—14 об.

⁴⁷ Приказы по Корпусу жандармов за 1837 г. [Б.м., б.г.] (приказ № 60, без пагинации).

⁴⁸ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 717, л. 28—28 об.

лении, несмотря на строгие Высочайшие повеления и указы, редко бывает, предоставляя приближённым к себе лицам самоуправно и безнаказанно против правды и совести действовать; г. князь Давыдов в губернии не пользуется ни любовью, ни уважением, ни расположением, даже никто его не боится! Бесконечная неправда, которую он говорит в обыкновенном разговоре и делах серьёзных пишет, поставила его в глазах дворян и чиновников в самом неприятном положении, так что он повсеместно в губернии не имеет другого названия как *Князь не любо не слушай!* (здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в документе. — Г.Б.)⁴⁹.

Переписку с кн. Давыдовым о проволочках при размещении жандармской команды Флиге тогда же сообщил при рапорте начальнику IV (виленского) жандармского округа генерал-майору А.Ф. Дребушу. Начальники округов координировали взаимодействие III отделения Собственной е.и.в. канцелярии и штаба Корпуса жандармов с офицерами в губерниях. Ранее Дребуш служил губернатором в Минске и хорошо знал местную специфику. 20 декабря он обратился к Дубельту, обвинив в интригах кн. Давыдова, который «весьма не благоволит к жандармам, в особенности к полковнику Флиге, всячески старается у князя Николая Андреевича [Долгорукова] ему вредить, в чём, как последний разговор в Москве меня удостоверяет, он уже довольно успел». Дребуш просил Дубельта о поддержке: «Не вините Флиге, не выслушавши его оправданий, я Вас могу впредь уверить, что тут откроется одна дерзкая выдуманная ложь, точно такая же, как в настоящем деле, где ветхая конюшня, грозящая падением, без починки через год преобразовалась в твёрдое и способное строение». Своей неприязни к князю Дребуш не скрывал: «Не угодно ли будет спросить о губернаторе живущих в Минской губернии помещика, чиновника (в особенности земской полиции), купца, еврея, от первого до последнего, кто Вам попадётся, и Вы узнаете, кто таковы Давыдов, его жена и окружающие их... но рано или поздно откроются мерзкие дела, они все на мази». На обороте письма начальник округа чуть ли не умолял: «Браните, виноват, да только прочтите бумаги, и я уверен, что невинно отличнейший штаб-офицер не дастся в обиду»⁵⁰.

Письма Флиге и Дребуша читали в Петербурге в тот момент, когда решение о переводе Карла Яковлевича уже состоялось. Граф Бенкендорф распорядился не давать делу дальнейшего хода, посоветовал оставшемуся в Вильне генерал-майору, чтобы тот «милостивее смотрел на кн. Давыдова, ибо как Дребуш сам был минским губернатором, то всякая на Давыдова жалоба кажется личностью; впрочем, ежели имеет факты, то пусть представит, ибо то, о чём писал, не заслуживает такой обширной переписки»⁵¹. Копия с письма Дребуша к Дубельту по распоряжению шефа жандармов была передана кн. Долгорукову, что поставило начальника округа в неудобное положение. В конце февраля 1838 г. он уже оправдывался перед Дубельтом за то, что при «многотрудных занятиях» вовлёк его «неволью в эти дрызги». «Я никогда не жаловался на Давыдова, — уверял он, — писанное же мною, по убеждению сердца о благородных правилах полковника Флиге как начальник, я считал моею обязанностью, — Флиге может быть не любим, но не может быть не уважаем, а я весьма этим дорожу для голубого мундира»⁵².

⁴⁹ Там же, ф. 109, I экспедиция, оп. 12, д. 267е, л. 163.

⁵⁰ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 717, л. 15—16 об.

⁵¹ Там же, л. 28.

⁵² Там же, л. 40 об.

Получив от гр. Бенкендорфа выговор, Флиге направил ему рапорт, в котором утверждал, что «с гражданским губернатором никаких сношений не имел, ни частных, ни официальных, кроме о помещении Минской жандармской команды... решительно ни в какие его дела не входил и... потому ни в каком случае не мог быть препятствием к исполнению обязанности гражданского начальства». Напомнив про свои прежние ходатайства о переводе из Минска, полковник пытался объяснить возникшие у него затруднения: «В Симбирскую губернию я ехать не могу, ибо не переношу тамошнего климата... не желая быть удалённым из Корпуса жандармов с лишением чести, с которою неразлучно служил около 40 лет офицером, я прошу одной милости, когда уже я так невинно подпал гневу и нерасположению моего начальства, чтоб мне позволено было здесь в Минске подать прошение об увольнении меня от службы. Хотя я решительно никакого состояния не имею и существование моё зависит единственно только от одной службы, но я лучше готов погибнуть, чем видеть на себе пятно и дожидаться предложения оставить Корпус жандармов, где служить я поставлял себе всегда за особую честь»⁵³. Одновременно с рапортом он по обыкновению отправил письмо Дубельту, в котором сетовал на своё «самое неприятное и жалкое» положение и намекал на желание служить ближе к Киеву, где находился его дом и жили родственники. «Участь моя теперь зависит от Вас, Леонтий Васильевич, — взывал Карл Яковлевич, — и Вам я её вверяю, приказывайте, я с нетерпением буду ожидать Вашего ответа, буду считать дни и часы, не дайте мне невинно погибнуть, удаляя меня от Киева»⁵⁴.

Дубельт, видимо, переговорил с гр. Бенкендорфом и 13 января 1838 г. настойчиво убеждал Флиге отправиться на Волгу, «не в виде наказания, но, с одной стороны, в том внимании, что министр императорского двора генерал-адъютант князь Волконский желал, чтобы в Симбирске были Вы жандармским штаб-офицером, а с другой, и по той причине, что в Минске Вам самим, по начавшимся между Вами и тамошним гражданским губернатором неудовольствиям, было бы неприятно оставаться. Граф Александр Христофорович при сём случае отозвался также, что военный чиновник никогда не может полагать себя постоянным жителем где-либо и всегда должен ожидать перемещения из одного места в другое»⁵⁵. 20 января Дубельт вновь заверял полковника: «С перемещением Вашим Вы нисколько не теряете того отличного уважения, которым Вы всегда пользовались на службе в Корпусе жандармов»⁵⁶. Но Флиге продолжал хлопотать о переводе в другую губернию и 8 февраля получил назначение в Чернигов.

Между тем, согласно Положению о Корпусе жандармов 1836 г., губернские управления поручались офицерам «в чине от майора до полковника включительно»⁵⁷. Становясь генералами, многие жандармы покидали ведомство. Ещё П.А. Зайончковский обратил внимание на то, что при Николае I «среди губернаторов-генералов встречались изредка и жандармские офицеры»⁵⁸. Случалось,

⁵³ Там же, л. 33—33 об.

⁵⁴ Там же, л. 34.

⁵⁵ Там же, л. 36.

⁵⁶ Там же, л. 38.

⁵⁷ ПСЗ-П. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1836. № 9355. С середины 1840-х гг. некоторые жандармы, получив генеральский чин, продолжали возглавлять губернские управления.

⁵⁸ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 151. Так, жандармскими штаб-офицерами ранее служили С.В. Перфильев, А.Ф. Дейер и М.Н. Жемчужников — рязанский, харьковский и костромской губернаторы.

что штаб-офицеры сами направляли в Петербург прошения о назначении в губернаторы⁵⁹.

В декабре 1838 г. гр. Бенкендорф сообщил дежурному генералу Главного штаба П.А. Клейнмихелю: «Мною предположено ежегодно ходатайствовать о производстве в следующий чин старших полковников Корпуса жандармов, с одной стороны, в том внимании, чтобы младшие полковники других войск не обходили их в производстве, а с другой, дабы достойнейшие из подчинённых мне чиновников не оставались без заслуженной награды». В числе трёх штаб-офицеров, которые, получив генеральские эполеты, «по своей опытности и знаниям, приобретёнными ими долговременной службой, могут быть весьма хорошими начальниками губерний», граф указал и Флиге⁶⁰.

Конечно, Карл Яковлевич имел все основания претендовать на повышение по выслуге лет, но нельзя исключать, что гр. Бенкендорф решил таким способом избавиться от неуживчивого подчинённого. 26 марта 1839 г. по всеподданнейшему докладу военного министра кн. А.И. Чернышёва Флиге был произведён в генерал-майоры с отчислением из Корпуса жандармов. При этом Николай I осведомился у Бенкендорфа: «Не полагаете ли употребить его по вверенному Вам корпусу и, в таком случае, к какой именно должности?». Шеф жандармов ответил через военного министра, что Флиге «был всегда одним из лучших губернских жандармских штаб-офицеров и обладает многими отличными качествами», однако не подходит для роли начальника округа. Вместе с тем граф считал, что «по способностям своим он может быть очень хорошим военным губернатором»⁶¹. 10 апреля в ожидании вакансии Флиге причислили к МВД.

Карл Яковлевич воспринял случившееся с досадой. «Как ни благодарен я Вам за красное яичко, — писал он Дубельту 8 апреля 1839 г., — за внимание и расположение ко мне... но письмо Ваше от 26 марта и Высочайший приказ были и радости, и грусти мне причина! Что я буду делать с моим превосходительством, если Вы удалите меня из Корпуса жандармов; и не придётся ли мне снова желать возвратиться в первобытное состояние? Прошу Вас, почтеннейший Леонтий Васильевич, об одной и последней милости: доставить мне случай продолжать службу под начальством благодетельного и достойнейшего нашего шефа и Вашим покровительством, а иначе производство моё не принесёт мне никакой отрады... Вверяю Вам судьбу мою в полной надежде единственно на покровительство Ваше, и буду с нетерпением ожидать, что Вам угодно будет из меня сделать, только ради Бога не губернатора»⁶².

Однако Дубельт даже не стал беспокоить этой просьбой гр. Бенкендорфа и холодно ответил: «При всей искреннейшей готовности моей ходатайствовать об оставлении Вас в Корпусе жандармов я не нахожу возможности к перемене вышеупомянутого предназначения»⁶³. Это известие «удивило и огорчило» Флиге, который признавался: «Прослужа около 40 лет во фронте, я никогда не приговлял себя к гражданской службе и, не надеясь быть отличным губернатором,

⁵⁹ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 12, д. 166, л. 28.

⁶⁰ Там же, ф. 110, оп. 2, д. 782, л. 3.

⁶¹ Там же, л. 19—19 об.

⁶² Там же, л. 28—29. С марта 1839 г. Дубельт совмещал должности начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего III отделением Собственной е.и.в. канцелярии, его влияние в ведомстве заметно усилилось.

⁶³ Там же, л. 49.

не желал быть посредственным — каких видел много!». Тем не менее оставлять службу он не хотел и к тому же надеялся на поддержку бывшего начальника, которого просил о покровительстве «в случае какой-либо ошибки»⁶⁴. Со своей стороны, Дубельт передал ему слова гр. Бенкендорфа: «Хотя Вы объяснили... что никогда не приготавливали себя к гражданской службе и не надеетесь быть отличным губернатором, но Его сиятельство из сего самого объяснения, внушённого Вам скромностью и доказывающего, что Вы чужды самонадеянности, изволил отозваться, что Вы-то и будете отличным начальником губернии»⁶⁵.

12 мая 1839 г. Флиге сменил Муравьёва на посту курского губернатора, а в ноябре 1840 г. его перевели на ту же должность в Каменец-Подольский. При этих назначениях явно учитывался служебный опыт Флиге и его желание находиться поближе к Киеву. Но стоило Карлу Яковлевичу переехать в Юго-Западный край, как у него начались разногласия с киевским военным губернатором, подольским и волынским генерал-губернатором Д.Г. Бибиковым.

«Наказ» 1837 г. обязывал губернаторов отмечать среди местных чиновников «явное нерадение к службе», узнавать «о предосудительных с их стороны поступках, лихоимстве или ином злоупотреблении власти и доверенности начальства». Тех, кто подчинялся ему непосредственно, губернатор мог отрешать от должности своей властью, но о служащих других ведомств приходилось делать представления генерал-губернатору и министрам, «означая в своих донесениях, со всею возможною точностью и необходимою подробностью, как обстоятельства самого дела, так и подавший к началу оногo повод»⁶⁶.

В середине марта 1841 г. Флиге направил Бибикову отношение, в котором просил обратиться в министерства и добиться от них согласия на отставку управляющего губернской палатой государственных имуществ надворного советника С.Ф. Пятковского и советника казённой палаты коллежского советника Н.П. Крицкого, заподозренных губернатором в злоупотреблениях. Бибикова, похоже, смутила бездоказательность выдвинутых обвинений. «Хотя я уверен, что ни граф Канкрин, ни граф Киселёв не откажут в просьбе моей перевести этих чиновников или уволить их вовсе от службы, — отвечал генерал-губернатор, — но я не могу решиться ходатайствовать о сём, не имея о злоупотреблениях их никакого факта, почему покорнейше прошу Ваше превосходительство по известности Вам помянутых сведений постараться открыть какой-нибудь факт, обличающий их неблагонадёжность»⁶⁷.

Флиге смог привести лишь косвенные и весьма неубедительные свидетельства. Так, он утверждал, что Пятковский «отдачею имений в арендное содержание за весьма низкие цены, именно тем лицам, кому ему угодно, а не по извещению публики, достаточно даёт право сомневаться в чистоте его действий на пользу государственную». Крицкий же «при вступлении на службу в палату... не имел ничего, а теперь обладает имением в 300 душ!». Правда, губернатор уточнял, что, «сообщая... подобного рода сведения о чиновниках Критском и Пятковском», он «не имел в виду сделать им зло удалением вовсе от службы; но полагал бы справедливым: для ослабления силы их вредного влияния на

⁶⁴ Там же, л. 69.

⁶⁵ Там же, л. 72.

⁶⁶ ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10303.

⁶⁷ РГИА, ф. 1284, оп. 26, д. 56, л. 33.

службу, временем упроченного — перевести их под благовидным предлогом в другие соответственные званию их места»⁶⁸.

Бибикова подобные объяснения не устроили. «Жители здешних губерний так привыкли чернить чиновников клеветой, — полагал генерал-губернатор, — и сами чиновники так часто выдумывают разные сплетни друг на друга, что слухам верить можно только с большой осторожностью»⁶⁹. Тогда Флиге сообщил новые слухи о том, будто Крицкий «по еврейскому рекрутскому набору и в особенности по приёму рекрут с Винницкого общества виновен», а председатель казённой палаты действительный статский советник Ф.К. Гирс без него «не смеет шагу сделать и слова молвить, а этот злонамеренный дядько (так в тексте. — Г.Б.) действует в свою пользу»⁷⁰. Карл Яковлевич не верил в возможность привлечь к ответственности опытных дельцов, годами использовавших служебное положение в личных интересах, и высказывался весьма резко: «Метода взяток и сделок самых недобросовестных облечена хитростью и ловкостью деловых, как говорят, людей, в такую благовидную форму, что самая прозорливая честность не в силах проникнуть скрывающегося в ней зла. И потому остаётся одно — и сколько я могу судить по опыту — более или менее несомнительное средство, основывать заключение о злоупотреблениях чиновников на соображении общих о них отзывов людей благонамеренных, неукоризненной жизни и известных своею честностью и образом мыслей... Никогда не позволю себе представлять начальству донесения гадательно, привыкши всегда передавать всё то, что до меня доходит и в чём я в душе убеждён по обстоятельствам собственно мною соображённым». Однако Бибиков по-прежнему требовал доказательств: «Если имеете какие данные о злоупотреблениях... то приказать произвести о сём надлежащее исследование и о последующем меня уведомить»⁷¹. На этом переписка по данному поводу прекратилась.

В августе 1841 г. подольский губернатор побывал в Петербурге. Желая «переменить род службы», он безуспешно обращался к управлявшему МВД гр. А.Г. Строганову, гр. Клейнмихелю, Дубельту и гр. Бенкендорфу⁷².

По возвращении в Каменец-Подольский Флиге объехал вверенную ему губернию и провёл ревизию присутственных мест⁷³. 25 сентября 1841 г. он представил Бибикову список чиновников, которые «не должны бы оставаться на своих местах». Документ был составлен по образцу полугодовых жандармских отчётов и включал 16 фамилий с краткими отрицательными характеристиками. Так, отмечалось, что винницкий полицмейстер полковник А.Ф. Янковский

⁶⁸ Там же, л. 34—35.

⁶⁹ Там же, л. 42.

⁷⁰ Там же, л. 44—46.

⁷¹ Там же, л. 48.

⁷² Там же, л. 23.

⁷³ Тогда же он выявил и изобразил все «достопримечательные места по истории и преданиям... все древности и редкости, все старинные укрепленные места, замки, церкви, памятники и всё, что только могло быть любопытно» (ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 16, д. 1549, л. 2). См.: Атлас Подольской губернии. Историческое объяснение планов и рисунков атласа Подольской губернии, составленное губернатором К.Я. Флиге в 1842 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1843. Ч. II. С. 311—353). По мнению краеведов, «это издание стало началом официальных региональных исследований на Подолье» (*Сикора Э.Ф.* Лица Каменца-Подольского, или те, кто творил историю «Цветка на камне», кто оказывал влияние на его судьбу, а также те, кому повезло увидеть своими глазами это неповторимое чудо природы и творение человеческой фантазии. Харьков, 2010. С. 280). См. также рукопись «Исторические записки о Подольской губернии и народные песни и думы, собранные генерал-майором Флиге»: ОР РГБ, ф. 178, разд. I, д. 7659.

«слаб и совершенно беспечен по службе; будучи в полном смысле бестолков, управляется другими и ко всем убеждениям невнимателен». Один из частных приставов характеризовался как «горький пьяница», другой — как «совершенный дурак и по слухам дрянной». Указывалось также, что «судья уездного суда г. Виляновский безграмотный», а губернского стряпчего А.К. Недобыльского «как неблагонадёжного чиновника и вредного для службы следует уволить». Среди отзывов встречались такие, как «нетрезвый человек», «пустой болтун и взяточник», «старого покроя человек: в нём мало толку, а много зла», «старого покроя и пьяница» и т.п.⁷⁴

Бибиков вновь отказался вступать в объяснения с министерствами, опираясь на такие данные. 3 октября он уведомил Флиге: «Хотя я совершенно уверен в убеждении Вашем о бесполезности их в настоящих местах, но как, вероятно, при ревизии Вами губернии замечания об них сделаны были сообразно действиям их по службе, допущенным ими и в самих делах, то собственно для сведения моего, я покорнейше прошу Ваше превосходительство уведомить меня о тех случаях, или делах, послуживших Вам основанием к составлению об них изъяснённых в записке Вашей заключений, которые в настоящем весьма кратком изложении не дают вполне уразуметь бесполезность для службы сих чиновников»⁷⁵. Но Флиге, судя по всему, не видел необходимости в дополнительных разъяснениях. «Дела, в каком виде я их нашёл, — отвечал он генерал-губернатору 17 октября, — общие отзывы об этих чиновниках, подтверждённые собственными моими наблюдениями, послужили мне основанием к таковому заключению; а искреннее желание видеть эту часть в лучшем положении, нежели как она находится ныне, руководило меня при этом донесении»⁷⁶.

Тогда Бибиков потребовал более подробных сообщений «на счёт уездных стряпчих Подольской губернии с объяснением, в каком и у кого именно виде нашли Вы дела и каким образом Ваше наблюдение в короткое время Ваших свиданий со стряпчими подтвердило общее о них мнение». Генерал-губернатор настаивал: «Я желаю иметь, как уже и прежде писал к Вам, факты на то, когда говорят о чиновниках, что они дурны, ибо если они действительно дурны, то доказательств к тому всякому начальнику найти не трудно, не в пустом говоре, но в делах и действиях, по которым всегда безошибочно можно судить о чиновниках»⁷⁷. На этот раз Флиге не только отказался исполнять предписание, но и счёл его оскорбительным. «Прослужа слишком сорок лет и проходя много родов службы, — писал он, — мне ещё не случалось испытывать, чтобы от меня требовали фактовых доказательств того, что я доношу о своих подчинённых. Ныне будучи Высочайшею волею облечён в звание военного губернатора, я тем менее думал встретить подобного рода вопросы... Требуемых фактов я не умею представлять и даже не понимаю, какого рода факты от начальника губернии, кроме аттестации, можно требовать и могут быть представляемы? Если Вы находите, что чиновники эти хороши, пусть служат; но за беспорядки и злоупотребления впоследствии я уже не буду отвечать. Личностей у меня с моими подчинёнными быть не может, тем более что я из них многих даже почти лично не знаю, но суждение о них я определяю по делам, а не на пустом

⁷⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 26, д. 56, л. 49—51.

⁷⁵ Там же, л. 52.

⁷⁶ Там же, л. 54.

⁷⁷ Там же, л. 56.

говоре»⁷⁸. 7 ноября Бибиков просил избавить его «от такого рода возражений и переписки», сославшись на «Наказ» 1837 г., запрещавший начальнику губернии «давать движения напрасным, никакими доказательствами не подтверждаемым, доносам», и устанавливавший, что «изъявления чувства досады или иного подобного не может быть допусваемо в отношениях по делам службы»⁷⁹. Генерал-губернатор даже привёл выдержку из манифеста 25 июня 1811 г., напоминая, что «каждое лицо, состоящее в службе, обязано оказывать уважение к предпоставленному над ним высшему лицу, принимать от него приказания и исполнять их с точностью»⁸⁰.

В те же дни ревизию Подольской губ. проводил директор II департамента Министерства государственных имуществ действительный статский советник В.Е. Клоков, который удалил от должности управляющего палатой государственных имуществ Пятковского и с согласия Флиге временно предоставил освободившееся место подольскому вице-губернатору В.С. Нечаю. Бибиков сделал губернатору выговор и потребовал отменить назначение, поскольку «никто не может быть определён к двум или более должностям вдруг и занимать оные в одно и то же время, разве последует на то особое Высочайшее повеление»⁸¹.

На этом терпение начальника края иссякло. 8 ноября он переслал переписку с Флиге министру внутренних дел Л.А. Перовскому, ходатайствуя об увольнении губернатора. «С самого вступления генерала Флиге я заметил его не знающим порядка службы и губернского управления..., — докладывал Бибиков. — Сколько мог, несмотря на весьма неприятную с ним переписку, я старался направить его к надлежащей цели служения, полагая, что незнание губернии и привычка смотреть на вещи весьма легко были тому причиною, одним словом, я надеялся на исправление; но, к несчастью, всё это продолжается и поныне и особенно усилилось и дошло до дерзости со времени возвращения его из С[анкт-]Петербурга... Дальнейшее пребывание г. Флиге в Подольской губернии грозит мне строгою ответственностью пред государем императором, ибо в настоящем ходе дел в губернии я не могу ручаться, чтобы мне возможно было предупреждать все беспорядки и чтобы монаршая воля исполнялась так, как бы я желал и как того требует польза края и службы, а потому долгом поставляю всепокорнейше просить... повергнуть настоящее моё положение на всемилостивейшее воззрение государя императора, пусть царская правда решит, должен ли Флиге здесь оставаться?»⁸².

Бибиков стремился отделаться от неуживчивого и беспокойного губернатора, рассчитывая заменить его своим протеже. Перовский, ставший министром в сентябре 1841 г., активно усиливал надзор за губернаторами и добивался отстранения жандармов от дел местного управления. Увольнение Флиге, очевидно, было ему на руку. 27 ноября 1841 г. министр представил Николаю I доклад «Об увольнении генерал-майора Флиге от должности начальника Подольской губернии», в котором констатировал, что переписка генерал-губер-

⁷⁸ Там же, л. 57—58. При этом Флиге не вполне корректно называл своими подчинёнными уездных стряпчих, подчинявшихся губернскому прокурору, который формально не зависел от губернатора.

⁷⁹ См.: ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10303.

⁸⁰ РГИА, ф. 1284, оп. 26, д. 56, л. 60—62.

⁸¹ Там же, л. 56.

⁸² Там же, л. 72—75.

натора с Флиге «действительно доказывает, что сей последний по незнанию или по опрометчивости нередко допускает действия, совершенно неуместные и превышающие права, предоставленные ему законом»⁸³. 30 ноября Флиге был уволен от должности с мундиром и полным пенсионом.

Получив уведомление об отставке, Карл Яковлевич не терял надежды. «Прошу принять меня в своё покровительство, — писал он 22 декабря Перовскому, — указать мне вину мою и дать мне возможность оправдаться, и быть опять на службе, без которой, не имея решительно никакого состояния, я существовать не могу». «Не было ни одного дела, — уверял генерал-майор, — которое бы могло быть поводом к удалению меня от службы, и я совершенно теряюсь в отыскании причин»⁸⁴. Перовский напомнил ему про «возражения и замечания, противные правилам подчинённости», и «действия, неуместные и превышающие права, которые предоставлены были Вам законом», заверив, что «при сём случае оказано Вам всевозможное снисхождение, дающее право вновь искать службы в другом по усмотрению Вашему ведомстве»⁸⁵.

В этой ситуации Флиге мог рассчитывать лишь на поддержку прежнего жандармского начальства⁸⁶. 28 декабря он написал гр. Бенкендорфу: «Будучи в августе месяце в С[анкт-]Петербурге, я имел честь лично докладывать Вашему сиятельству, какие неприятности и неуважения я должен был переносить по службе от г. генерал-губернатора Бибикова, единственно за то, что назначение моё последовало без его согласия. С возвращением моим из С[анкт-]Петербурга г. Бибиков ещё более стал меня преследовать и напоследок он достиг того, что я уволен от службы». Генерал-майор искал у графа «защиты против несправедливости»: «Укажите мне мой проступок и дайте мне средство оправдаться пред государем, коему безукоризненно служил 40 лет. Я охотно предаю себя ему, ибо не чувствую за собою ничего и не способен сделать ничего предосудительного... Вся моя надежда теперь единственно на Вас и неужели я один буду так несчастлив, что не найду в Вас справедливого защитника?... Неужели я за это в преклонных летах и за долговременную службу должен бедствовать, не имея решительно никакого состояния и чувствуя себя способным служить, но только не губернатором, чего я никогда не желал и не искал»⁸⁷. Дубельту Флиге изложил свои пожелания более определённо: «Вы меня знаете с молодых лет... ожидаю отрады в моём горестном положении и не прошу губернаторского места и даже не желаю его, а прошу места коменданта, где бы я на старости мог приклонить голову»⁸⁸.

10 января 1842 г. гр. Бенкендорф решил узнать у министра внутренних дел подробности увольнения Флиге, которого характеризовал «как отличного и достойного во всех отношениях человека». Перовский ознакомил графа с перепиской Бибикова и Флиге, но она произвела на шефа жандармов двойственное впечатление. «Будучи убеждён в том, что после помянутой переписки министерство не могло ни сколько колебаться относительно удаления от губернаторской должности означенного генерала, я в то же время не могу не сознаться, —

⁸³ Там же, л. 3—4.

⁸⁴ Там же, л. 22—23.

⁸⁵ Там же, л. 28.

⁸⁶ Недаром, будучи курским и подольским губернатором, Флиге поддерживал переписку с Дубельтом (ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 16, д. 1549).

⁸⁷ Там же, оп. 17, д. 5, л. 2.

⁸⁸ Там же, л. 7—8.

отмечал гр. Александр Христофорович, — что та же самая переписка, с другой стороны, обнаруживает честного человека и чистоту его действий»⁸⁹.

Это мнение гр. Бенкендорф включил и в дополнение к ежегодному «Нравственно-политическому отчёту» III отделения Собственной е.и.в. канцелярии, который был подан Николаю I 2 февраля 1842 г.: «Шеф жандармов всегда охотно уступал в другие ведомства подчинённых ему чиновников, ими были новые их начальства довольны, и ежели один из выбывших из Корпуса жандармов чиновников в последнее время, генерал-майор Флиге, не был в состоянии приобрести доверенность и расположение генерал-лейтенанта Бибикова и лишился своего места, ибо дозволил себе писать к нему письма излишне смелые, но это событие не отнимает у него достоинство честного и усердного человека»⁹⁰. По указанию гр. Бенкендорфа в штабе Корпуса подготовили подробный доклад, освещающий действия Флиге в выгодном для него свете. В нём, в частности, упоминалось о том, что ещё летом 1841 г. генерал-майор собирался «просить об увольнении», и только убеждения шефа жандармов заставили его «пожертвовать для общей пользы личными отношениями». Признавая, что письма Флиге к Бибикову «написаны были слишком смело», в докладе хвалили «прямодушие его действий, честность и любовь к своему делу». Выяснилось также, что в пользу Флиге говорили «не только жители Каменец-Подольской губернии, но и тамошние помещики, постоянно в Петербурге живущие». Так, член Государственного совета генерал-адъютант гр. В.И. Красинский и обер-сенек сенатор гр. В.К. Браницкий «сетуют на удаление Флиге, который беспристрастными и благоразумными распоряжениями на пользу службы, честностью и постоянною заботливостью приобрёл общую любовь и доверие и... способствовал к прекращению в Подольской губернии лихоимства и самоуправия». «Зная с давних лет честную и деятельную службу сего генерала, — заключал гр. Бенкендорф, — и будучи убеждён, что он может быть ещё для оной весьма полезен, осмеливаюсь повергнуть на Всемилостивейшее воззрение... не благоугодно ли будет... соизволить мне войти с представлением об определении генерал-майора Флиге в Корпус жандармов»⁹¹. Переписанный набело, этот доклад так и не был представлен императору; Дубельт сделал на нём помету: «Оставить до некоторого времени». Вероятно, гр. Бенкендорф предпочёл предварительно обсудить просьбу Флиге в частной беседе с Николаем I.

В начале марта 1842 г. Карл Яковлевич напомнил о себе Дубельту. «Убивственное Ваше молчание в моём положении истинно убивственно, — сокрушался он. — Я прошу одного Вашего слова, от которого навсегда решена будет моя участь. Если Вы откажетесь быть моим покровителем, и я почему-либо не могу быть на службе и в особенности под начальством графа Александра Христофоровича и Вашим, то для меня всё кончено». Своё увольнение он теперь объяснял тем, что «не позволял фавориту Б[ибикова] ездить на себе верхом и грабить губернию, сам же Б[ибиков], как муж блаженный, ни в чём не виноват, кроме своей подписи»⁹². 15 марта Дубельт известил бывшего сослуживца: шеф жандар-

⁸⁹ РГИА, ф. 1284, оп. 26, д. 56, л. 24, 26, 29.

⁹⁰ «Россия под надзором»: отчёты III отделения. 1827—1869 гг. / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Шербакова. М., 2006. С. 271.

⁹¹ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 5, л. 9—12.

⁹² Там же, л. 14. В январе 1840 г. III отделение Собственной е.и.в. канцелярии завело дело «О лихоимстве состоящего при киевском военном губернаторе чиновником для особых поручений Писарева», на которого намекал Флиге. В деле имелось несколько доносов, а также нелест-

мов, «принимая искреннее участие» в его деле, старается ему помочь, но «весьма сожалеет, что ныне не представляется возможности определить Вас вновь в Корпус жандармов»⁹³. Через несколько месяцев Флиге скончался в Киеве⁹⁴.

История взаимоотношений К.Я. Флиге с губернаторами и генерал-губернаторами свидетельствует о том, что столкновениям чинов Корпуса жандармов с местными властями немало способствовала неопределённость служебного положения губернских штаб-офицеров, которым вменялось в обязанность выстраивать доверительные отношения с администрацией и одновременно негласно надзирать за её деятельностью. В случае же конфликта губернаторы имели возможность различными путями донести свои жалобы как до собственного, так и до жандармского начальства, а шеф жандармов далеко не всегда безоговорочно поддерживал подчинённых и мог, не вдаваясь в детали, прекратить возникшее противостояние, переведя штаб-офицера в другую губернию. В уязвимом положении оказывались и те жандармы, которые со временем попадали на губернаторские посты. Руководители МВД и генерал-губернаторы стремились избавиться от подчинённых, сохранявших лояльность к прежнему начальству, покровительство которого не гарантировало от увольнения. Да и привычные жандармские приёмы и методы зачастую не подходили для управления губерниями. Не случайно жандармы недолго задерживались в губернаторских должностях, а с середины 1840-х гг. занимали их всё реже.

ный отзыв о Писареве новороссийского генерал-губернатора гр. М.С. Воронцова. Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 146—148.

⁹³ ГА РФ, ф. 109, I экспедиция, оп. 17, д. 5, л. 15.

⁹⁴ На похоронах Флиге присутствовал и бывший симбирский штаб-офицер Стогов. Позднее в «Записках» он не пощадил Карла Яковлевича, которому будто бы «дела... не было, да и едва ли он способен был на дело. Он предполагал что-то начать, всё думал начать, но так ничего и не начал». Как полагал мемуарист, «Корпус жандармов избавился от него, сделал его подольским губернатором, где он был — калиф на час» (*Стогов Э.И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / Публ. Е.Н. Мухиной. М., 2003. С. 128). Сам Стогов покинул жандармскую службу в 1837 г. из-за конфликта с вице-президентом Департамента уделов Перовским. С 1838 г. Эразм Иванович управлял канцелярией киевского генерал-губернатора и, возможно, имел отношение к отставке Флиге.

Отчётная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820—1830-е гг.

Александр Леонтьев

Reports of the Special Corps of Gendarmes and the Organization of Imperial Russia's Secret Police of 1820s–1830s

Alexander Leontiev

*(National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870014825-8

В историографии не раз освещались различные аспекты организации и деятельности учреждений тайной полиции, созданных в начале царствования Николая I. При этом нередко III отделение Собственной е.и.в. канцелярии и Корпус жандармов рассматривались как части одного ведомства. Так, М.К. Лемке, к примеру, то и дело именовал жандармских штаб-офицеров чиновниками III отделения и наоборот¹. По словам И.М. Троицкого, «самое единство III отделения и жандармерии держалось только на личной унии шефа жандармов и начальника III отделения. Только в 1839 году должность начальника штаба Корпуса жандармов была соединена с должностью управляющего III отделением, и лишь в 1842 г. слились все жандармские части». Именно поэтому историк называл Л.В. Дубельта «творцом жандармской системы»².

В диссертации Т.Г. Деревниной, защищённой под руководством П.А. Зайончковского, Корпус жандармов характеризовался как «надзаконное учреждение», наделённое «особыми полномочиями», и исполнительный орган тайной полиции», под которой исследовательница, вслед за дореволюционным правоведом И.Т. Тарасовым, понимала «не столько известную сферу ведомства, сколько известную форму деятельности», связанную с использованием секретных агентов, анонимных доносов и т.п.³ Вместе с тем Деревнина полагала, что хотя в 1826 г. «не рассматривался вопрос о тесном взаимодействии III отделения и жандармерии, однако оно безусловно представлялось не только возможным, но и необходимым»⁴. Другой ученик П.А. Зайончковского — Н.П. Ерошкин, анализируя политическую систему самодержавия, уже прямо именовал Корпус жандармов исполнительным органом III отделения⁵. Впоследствии, благодаря его авторитету, данное представление прочно закрепилось

© 2021 г. А.А. Леонтьев

¹ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908. С. 27.

² Троицкий И.М. Третье отделение при Николае I: сыщики и провокаторы. СПб., 2015. С. 48. Первое издание книги вышло в 1930 г.

³ Деревнина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826—1855 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 62, 126.

⁴ Деревнина Т.Г. Из истории образования III отделения // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1973. № 4. С. 68.

⁵ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Российское самодержавие / Под ред. В.А. Муравьёва. М., 2006. С. 187; Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 159.

в научной литературе⁶. Разделяя его, учёные лишь изредка делали существенные оговорки. К примеру, по мнению С.А. Степанова и Ч.А. Рууда, «жандармские части превратились в исполнительные органы Третьего отделения», но и «само Третье отделение в известной степени было поглощено жандармерией»⁷. И только в 2009 г. Г.Н. Бибииков осторожно отметил, что рассмотрение Корпуса жандармов как «исполнительного органа» III отделения «представляется не совсем оправданным»⁸.

Действительно, ещё в 1831 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной е.и.в. канцелярии А.Х. Бенкендорф обращал внимание своих подчинённых на то, что «Корпус жандармов не разделяет никакой власти, ни от кого не отнимает её; он — вспомогательное средство для всех других частей. Он член всех управлений, он принадлежит всем министерствам»⁹. Не случайно жандармские офицеры служили «орудием» не только политического сыска, но и ревизирующих сенаторов или генерал-адъютантов, направленных в губернии с тем или иным поручением, губернаторов¹⁰. Собственно, замысел Бенкендорфа изначально предусматривал, что «гражданские и военные министры и даже частные лица встретят поддержку и помощь со стороны полиции, организованной в этом смысле»¹¹. Между тем для того, чтобы лучше понять, как в 1820—1830-е гг. выстраивались отношения разных структур, оказавшихся в подчинении Бенкендорфа, необходимо присмотреться к их отчётности, которая обычно лишь фрагментарно используется исследователями, предпочитающими обращаться преимущественно к «нравственно-политическим отчётам»¹², составляющим лишь часть обширного комплекса отчётной документации¹³.

Характерно, что III отделение и жандармское ведомство предоставляли годовую отчётность независимо друг от друга. Так, поначалу шеф ежегодно подписывал «Отчёт о действиях чиновников Корпуса жандармов за истекший N год» и «Отчёт о действиях жандармских нижних чинов в течение N года» (с 1831 г. их объединили в один), а также «Отчёт за N год Корпуса жандармов». Судя по пометкам Л.В. Дубельта, сохранившимся на титульных листах, император читал эти документы, как правило, в первой половине января.

«Отчёт о действиях чиновников» впервые был предоставлен в начале 1829 г. и охватывал период, прошедший с момента учреждения корпуса в 1827 г. В этом довольно объёмном тексте, не имевшем каких-либо разделов, кратко освещались наиболее важные занятия офицеров¹⁴. Впоследствии в отчётах стали выделяться отдельные сюжеты, но в целом их структура и характер не изменились. Например, в 1833 г. сообщалось, что «во всех возвращённых от Польши и белорусских губерниях военные губернаторы возлагали на офице-

⁶ Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1826—1855 гг. М., 2005. С. 130; Романов В.В. Политическая полиция Российской империи 1826—1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007. С. 98.

⁷ Степанов С.А., Рууд Ч.А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М., 1993. С. 46.

⁸ Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 209.

⁹ ГА РФ, ф. 110, оп. 2, д. 221, л. 69.

¹⁰ Там же, ф. 109, оп. 223, д. 1, л. 122 об., 143; Романов В.В. Политическая полиция... С. 416.

¹¹ Записка, поданная А.Х. Бенкендорфом в январе 1826 г. императору Николаю I // Русская старина. 1900. № 12. С. 616.

¹² Россия под надзором: отчёты III отделения, 1827—1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.

¹³ ГА РФ, ф. 109, оп. 221, 223.

¹⁴ Там же, оп. 223, д. 1, л. 42—60.

ров Корпуса жандармов разные поручения; подполковники Попов и Валькевич присутствовали в комиссиях для конфискации имений и определения степени вины участников бывшего в Польше мятежа; и первый много содействовал к поимке вооружённых эмиссаров Волловича с товарищами и имел наблюдение за действиями жителей Гродненской губернии. Валькевичу поручено было строго исследовать противозаконные поступки брацлавского страпчего Фаньковского, который ныне удалён от сей должности; и кроме сего имел он другие поручения и непрерывно доставлял военному губернатору секретные сведения»¹⁵. Любопытно, что акцент делался здесь не на методах и деталях, а на результативности действий. Изучив эти тексты, Деревнина справедливо отмечала, что «подавляющее большинство характеристик — это хвалебные оды всему личному составу Корпуса жандармов, “мудрой” системе комплектования, которая обеспечивала жандармскую организацию “достойными” во всех отношениях людьми»¹⁶. На этом фоне ярко выделялся лишь раздел об исключении из корпуса трёх провинившихся офицеров, помещённый в отчёт за 1837 г. Один из них обвинялся в «подложном производстве следствия», второму предложили выйти в отставку из-за возникшего подозрения в причастности к злоупотреблению должностью, третий не смог раскрыть и своевременно доставить сведения об изготовлении фальшивых актов в саратовском приказе общественного призрения — об этих нарушениях узнал военный губернатор, доложивший в МВД, и дело получило огласку¹⁷. В том же году в разделе о нижних чинах появилась таблица «Выключено из Корпуса жандармов». Тем самым демонстрировалось, что проступки среди служащих корпуса случаются редко и всегда строго наказываются. И «это, разумеется, не могло изменить общей картины “благополучия и процветания” Корпуса, описанию которой было уделено немало страниц»¹⁸.

С важнейшими жандармскими делами император к моменту чтения отчёта уже был знаком по всеподданнейшим докладам Бенкендорфа. Тем не менее напоминание о них в годовом отчёте позволяло представить усердие и достижения служащих в наиболее выгодном свете. Неудивительно, что по мере расширения штата количество характеристик действий штаб-офицеров неуклонно росло за счёт подробности их описания, сокращавшегося иногда до одной строки¹⁹. Видимо, начальство старалось никого не забыть и косвенно доказывало обоснованность роста численности своих подчинённых.

Одновременно без устали повторялось, что жандармы «больше и больше постигают благотворную цель учреждения корпуса», который, в свою очередь, «более и более приобретает доверенность начальников гражданских», тогда как его штаб-офицеры «приобретают всеобщее уважение и доверенность всех сословий»²⁰. В разделах о содействии жандармов проведению рекрутских наборов и ярмарок на протяжении десятилетия из года в год говорилось о том, что прикомандирование офицеров для надзора способствует решению правительственных задач. Уже в отчёте за 1831 г. отмечалось, что «приметно уменьши-

¹⁵ Там же, л. 233—234.

¹⁶ Деревнина Т.Г. III отделение и его место... С. 170.

¹⁷ ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 3, л. 107.

¹⁸ Деревнина Т.Г. III отделение и его место... С. 171.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 2. Согласно ведомости «О численном состоянии корпуса», количество штаб-офицеров в 1833—1837 гг. выросло с 88 до 95 (Там же, д. 1, л. 240; д. 2, л. 148).

²⁰ Там же, д. 2, л. 47 об., 188; д. 3, л. 47 об.

лись те злоупотребления, которые существовали при прежних наборах»²¹. А в 1836 г. казалось, что «почти уже совершенно искореняется зло, являвшееся до сего времени при сих государственных повинностях»²². Придумать тут что-то новое явно было проблематично, поэтому оценка действий чинов корпуса воспроизводилась практически без изменений, с небольшими стилистическими вариациями или дословно²³, пока в 1839 г. данный раздел не исчез из отчётов. В заключительной части сообщалось о благодарности, выраженной в связи с деятельностью жандармов их шефу губернаторами, министрами и другими высокопоставленными чиновниками, а также приводились свидетельства возрастающего авторитета офицеров корпуса в обществе.

Вместе с тем уникальные части «Отчёта о действиях чиновников», связанные с такими событиями, как холера и польский мятеж в 1830 г., неурожай 1833—1834 гг., отделение губернских и портовых команд от Корпуса внутренней стражи и линейных батальонов или комплектование команд лошадьми в 1836 г.²⁴ и т.п., постоянно теснили и разбивали уже сложившиеся разделы. Поэтому структуру отчётов 1829—1838 гг. всё же нельзя признать формулярной в строгом смысле слова.

Кем именно составлялись подписанные Бенкендорфом отчёты, неизвестно. Их могли готовить чиновники под руководством дежурного офицера, а позднее — начальника штаба корпуса Дубельта, имевшего все необходимые данные²⁵. Конкретные примеры и имена офицеров переносились из рапортов и писем начальников жандармских округов. О том, как это делалось, можно судить по сохранившемуся рапорту начальника I (Петербургского) округа генерал-майора Д.П. Полозова о действиях его подчинённых в 1835 г. Он был направлен шефу 10 декабря, затем практически весь его текст оказался по частям зачёркнут, а рядом с перечёркнутыми фрагментами карандашом ставились цифры. При сравнении данного документа с годовым отчётом за 1835 г. выясняется, что все вычеркнутые фразы почти дословно воспроизведены в разделе об отличившихся офицерах, а проставленные цифры соответствуют порядковому номеру, под которым упоминалось данное дело²⁶. В 1838 г. начальник IV (Виленского) округа генерал-майор А.Ф. фон Дребуш так подробно описал заслуги своих штаб-офицеров в представлении к наградам, что его характеристики чуть ли не буквально перенесли в отчёт корпуса за год²⁷. Иногда сведения черпались из веподданнейших докладов²⁸. В таких случаях соответствующие дела обычно не

²¹ Там же, д. 1, л. 150.

²² Там же, д. 2, л. 148 об.

²³ Там же, д. 3, л. 49—51; д. 2 (пагинация нечитаема).

²⁴ Там же, д. 1, л. 117; д. 2, л. 46.

²⁵ Кстати, столь же сложно установить и авторов «обозрений» III отделения. В конце 1820-х гг. их писал управляющий III отделением М.Я. фон Фок (*Деревнина Т.Г.* III отделение и его место... С. 19; *Сидорова М.В., Щербакова Е.И.* Предисловие // *Россия под надзором...* С. 10). После его смерти в 1831 г. структура «обзоров» изменилась. В дальнейшем, как показал, ссылаясь на сохранившийся черновик отчёта за 1843 г., Бибииков, «обозрения» (как и «нравственно-политические отчёты») «готовились при участии нескольких чиновников, после чего поступали к управляющему, который вносил значительные правки и дополнения». В результате, «как правило, первоначальный текст сильно сокращался», и тогда его уже «читал и дорабатывал» Бенкендорф (*Бибииков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика... С. 145).

²⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 3, д. 277, л. 2; ф. 109, оп. 223, д. 2, л. 95—110.

²⁷ Там же, ф. 110, оп. 3, д. 404, л. 7 об., 109; ф. 109, оп. 223, д. 3, л. 32.

²⁸ Там же, ф. 110, оп. 3, д. 404, л. 59.

излагались, а сопровождалась оговоркой, согласно которой о них «было в своё время, по мере важности оных, представляемо к высочайшему сведению»²⁹.

«Отчёт о действиях жандармских нижних чинов за N год» сводился к таблице, в которой приводились общие данные и кратко сообщалось об особо отличившихся. С 1831 г. эти сведения включались в отчёт «О действиях чиновников». «Отчёт за N год Корпуса жандармов» на деле состоял из двух скромных ведомостей: «о состоянии разных воинских чинов» (где указывалась их штатная численность) и «делопроизводство» (в ней отражался ход служебной переписки). С 1835 г. их также присоединили к основному тексту, после чего корпус предоставлял уже только один годовой отчёт, к которому «в особой папке» прилагались статистические таблицы, сообщавшие об иностранцах и происшествиях и имевшие вид «краткий», «общий» и «общий сравнительный», т.е. за несколько лет³⁰.

В III отделении годовых отчётов «о действиях» до 1838 г. не составлялось. Вместо этого император с 1828 г. ежегодно получал аналитические очерки с характеристикой общественного мнения, состояния правительственных учреждений и важнейших политических событий. В 1827—1831 гг. такие обозрения составлялись на французском языке под разными наименованиями: «Обозрение общественного мнения за 1827 г.» («Résumé sur l'opinion publique, pendant l'année 1827») в 1828 г., «Обозрение общественного мнения в 1828 г.» («Résumé sur l'opinion publique, en 1828») в 1829 г., «Картина общественного мнения в 1829 г.» («Tableau de l'opinion publique en 1829») в 1830 г. и аналогичный доклад за 1830 г. в 1831 г.³¹ Трудно сказать, почему они составлялись на французском языке. Фон Фок свои донесения для Бенкендорфа писал по-французски, но прежде, когда служил в Министерстве полиции, обращался к министру А.Д. Балашёву в основном по-русски³². Оба языка были ему хорошо знакомы, хотя ни один из них не являлся для него родным. С 1832 г. обзоры стали готовить по-русски под различными заголовками: «Обозрение происшествий и общественного мнения в 1831 году», «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1832 году» (этот вариант продержался до 1838 г.) или «Обозрение духа народного и разных частей государственного управления в 1838 году». В 1840 г. подаётся «Нравственно-политический отчёт за 1839 год». Это название сохранялось на протяжении 1840-х гг.³³

Перемены в системе отчётности проявились и в том, что в 1839 г., помимо «Обозрения», император впервые получил и «Отчёт занятиям III отделения С.Е.И.В.К. за 1838 год», составленный по примеру «Отчёта о действиях чиновников Корпуса жандармов», но имевший чёткую структуру и рубрикацию. О причинах установления новой формы отчётности можно только догадываться. Но так или иначе, оба учреждения высшей полиции, находившиеся в ведении гр. Бенкендорфа, подготовили два *симметричных* отчёта о своей деятель-

²⁹ Там же, ф. 109, оп. 223, д. 1, л. 54.

³⁰ Там же, д. 35—36.

³¹ Их перевод см.: Россия под надзором... С. 17—74.

³² Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М.Я. Фока А.Х. Бенкендорфу // Русская старина. 1881. № 9—11; Осведомительные письма: донесения помощника правителя Особенной канцелярии М.Я. фон Фока министру полиции А.Д. Балашову, апрель—август 1812 / Публ. С.Н. Искюля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: памяти Г.С. Кучеренко. Материалы и исследования. М., 2001. С. 244—359.

³³ Россия под надзором... С. 78—433.

ности в 1838 г.³⁴ А уже в следующем году их отчётность была объединена, точнее, в структуру отчёта III отделения отныне встраивались сведения о Корпусе жандармов, объём которых значительно уменьшился. Так, в 1840 г. из 91 листа лишь 6 были посвящены делам корпуса, а остальные — III отделению³⁵. Соединение отчётов наглядно свидетельствовало об институциональном сращивании двух прежде самостоятельных структур. И едва ли случайно это совпало с тем, что именно в 1839 г. Дубельт, оставаясь начальником штаба Корпуса жандармов, стал также управляющим III отделением. Рационализация годовой отчётности не могла бы быть произведена без подобного совмещения должностей и, скорее всего, её инициировал именно Дубельт³⁶.

Но верно ли относить «обозрения» к отчётной документации? Они имели форму эссе, лишённого отчётного шаблона, содержавшего общую характеристику общественного мнения, отдельных политических событий или явлений. Порою их стиль напоминал скорее художественную литературу: «Среди сих бедствий государь являлся всегда твёрдым, непоколебимым; качества сии вполне тогда были оценяемы; все видели и разумели, что его единственно присутствие сильно было останавливать дальнейшее развитие беспорядков, но не менее того залегла у многих на сердце грустная мысль, что царствование его не предназначено быть счастливым»³⁷. В отличие от отчётов Корпуса жандармов, «обозрения» подводили итог *по предметам ведения* III отделения за год, но не его *деятельности*. Не случайно в них вовсе не указывались служащие данного учреждения, тогда как «Отчёты о действиях чиновников Корпуса жандармов» до 1838 г. сообщали именно о конкретных офицерах. При этом даже когда в 1839 г. «обозрение» стало называться «отчётом», оно не претерпело каких-либо жанровых изменений.

Публикаторы «нравственно-политических обозрений», вслед за Деревниной, утверждают, что до 1839 г. «отчёты жандармского ведомства делились на два больших раздела»: «Отчёт о действиях чиновников» и «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления»³⁸. Но это неоправданно смешивает две структуры, стирая существовавшую между ними изначально дистанцию и предвосхищая их последующую эволюцию. Между тем эти два вида документов не являлись частями одного целого хотя бы потому, что Николай I, судя по пометам Дубельта, читал их в разные дни, в среднем с недельным интервалом, причём всегда начинал с «обозрений». Только с 1842 г. даты просмотра «нравственно-политических отчётов» и «отчётов о действиях» совпадают³⁹, и это позволяет предположить, что на стол императора они подавались одновременно. Тексты отчётов, представленных до 1840 г., скорее всего, совмещались друг с другом только в процессе их передачи в архив, который создавался в 1846—1847 гг.⁴⁰

³⁴ Любопытно, что именно в тот год граф в течение пяти месяцев сопровождал императрицу за границей, а в Петербурге его замещал Дубельт, под руководством которого и был создан формуляр сводного «отчёта о действиях» высшей полиции (ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 3, л. 58 об.—59).

³⁵ Там же, д. 5.

³⁶ Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Предисловие. С. 10.

³⁷ Россия под надзором... С. 140.

³⁸ Деревнина Т.Г. III отделение и его место... С. 19; Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Предисловие. С. 10.

³⁹ На «нравственно-политических отчётах» за 1839—1840 гг. дата просмотра не указана.

⁴⁰ Сидорова М.В. Архивы центральных органов политического розыска России XIX — начала XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 9.

При этом «обозрения» не затрагивали действия жандармских чинов, а в отчётах корпуса отсутствовали характерные для III отделения обобщения. К примеру, при освещении событий, связанных с польским восстанием 1830 г., в «обозрении» указывалось на три типа мнений, распространённых в русском обществе, говорилось о лояльности жителей западных губерний и т.п.⁴¹, тогда как в отчёте Корпуса жандармов сообщалось о том, что касалось его офицеров: о подполковнике Колчевском, создававшем тайную полицию на занятых территориях, о прикомандировании полковника М.Н. Жемчужникова к генерал-фельдмаршалу гр. И.И. Дибичу-Забалканскому, об организации нового жандармского округа под руководством генерал-майора С.И. Лесовского, и т.д.⁴² Таким образом, информация в этих документах излагалась по-разному и не дублировалась.

Не следует забывать, что, разрабатывая систему высшей полиции, Бенкендорф предлагал подчинить её будущему начальнику два учреждения — Министерство полиции и Корпус жандармов, причём наличие между ними ещё какой-либо связи не оговаривалось⁴³. Вероятно, в его понимании это были различные ведомства, которым предстояло *взаимодействовать* на основе не институционального *подчинения*, а разделения функций.

Обособленность этих структур заметна и в «движении бумаг» корпуса. До 1839 г. соответствующая таблица в его отчётах содержала пункт «дела, переданные в III отделение». В 1834 г. таковых насчитывалось 362 из 5 589 дел, производившихся в штабе корпуса, в 1835 г. — 247 из 5 110, в 1836 г. — 78 из 5 163, в 1837 г. — 311 из 4 854, в 1838 г. — 134 из 5 794. А ведь в том же 1838 г. в самом III отделении завели 12 381 дело⁴⁴. И это не вызывает удивления, если учесть, что далеко не все занятия корпуса были связаны с делами политической полиции, а губернские жандармские команды, т.е. обер-офицеры и нижние чины, исполняли обязанности, схожие с функциями общей полиции и внутренней стражи⁴⁵. Сказывалось и своеобразие организации высшей полиции, во главе которой стояло одно лицо, и дела, заведённые штаб-офицерами, могли миновать штаб корпуса, поскольку посылались на имя шефа жандармов, а затем передавались в ту или иную экспедицию III отделения.

Так или иначе, отчётность III отделения и Корпуса жандармов до 1839 г. была различна и по форме, и по содержанию, а наличие у них общего главного начальника отнюдь не превращало одно из этих учреждений в исполнительный орган другого. Годовые отчёты корпуса должны были убедить монарха в эффективности жандармского надзора. К 1839 г., когда его формирование было в целом завершено, необходимость подробно сообщать о действиях штаб-офицеров отпала, и сведения о них редуцировались до нескольких листов в составе сводного отчёта III отделения и Корпуса жандармов.

⁴¹ Россия под надзором... С. 70—71.

⁴² ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 1, л. 118.

⁴³ Записка, поданная А.Х. Бенкендорфом... С. 616.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 109, оп. 223, д. 2—3.

⁴⁵ Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика... С. 232.

У истоков отечественной статистики

Министр полиции А.Д. Балашёв и организация статистических исследований в России

Андрей Скрыдлов

**Minister of Police A.D. Balashev and organization of statistical studies
in Russia**

Andrey Skrydlov

*(S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg)*

DOI: 10.31857/S086956870014463-0

Эффективность государственного управления во многом зависит от полноты информации о процессах, протекающих в обществе. Причём наиболее остро потребность в достоверных статистических данных ощущается во время реформ. Ещё в петровскую эпоху в «Пунктах о кабинет-коллегиуме» А.А. Курбатова предлагалось, чтобы «всякие изо всех коллегий перечневые табели... содержались в том правлении, ради того, ежели царское величество... изволит чего спросить»¹. Не случайно уже в ходе преобразований начала царствования Александра I происходила институционализация статистики в Императорской Академии наук, российских университетах и центральных ведомствах. В 1802 г. для обработки поступающих из губерний данных при МВД образовали особое «сословие» из 10 дворян. 4 сентября 1804 г. министр гр. В.П. Кочубей циркулярно сообщил губернаторам, какой структуры следует придерживаться при составлении отчётов и по какой форме заполнять в них ведомости². Но местные чиновники не имели необходимой квалификации и, по признанию графа, полученный им результат не достиг «всего совершенства», а представленные ему выкладки оказались неполными и искажёнными. Манифест 25 июля 1810 г. выделял из МВД Министерство полиции, в обязанности которого вскоре перешёл анализ губернаторских отчётов и «донесений от мест... о числе родившихся, браком сочетавшихся и умерших... о продовольствии столиц и городов» и т.п.³

Первым учреждением, отвечавшим за сбор, систематизацию и обработку сведений о положении империи, стало Статистическое отделение Министерства полиции, созданное в 1811 г. по инициативе и при непосредственном участии министра — генерал-лейтенанта А.Д. Балашёва. Его роль в организации изучения России и её ресурсов редко привлекала внимание историков, кото-

© 2021 г. А.Ю. Скрыдлов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00407.

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Ч. 2. СПб., 1897. С. 47—48. Подробнее о проекте Курбатова см.: Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 306.

² Елисеєва И.И., Дмитриев А.Л. Очерки по истории государственной статистики России. СПб., 2016. С. 15—17.

³ ПСЗ-1. Т. 31. № 24307; № 24326.

рые либо ограничивались беглым освещением возникновения и деятельности Статистического отделения⁴, либо вовсе об этом не упоминали⁵. Отчасти это объяснялось тем, что значительная часть архива отделения погибла при пожаре в июле 1828 г.⁶ Однако сохранившиеся материалы (в том числе проекты и записки самого Балашёва) позволяют рассмотреть данный сюжет более подробно.

Представитель старинного, но небогатого дворянского рода, Балашёв ещё при Павле I, будучи комендантом Омской крепости и военным губернатором Ревеля, проявил интерес к устройству полицейской части. После воцарения Александра I он в 1804—1810 гг. последовательно занимал должности московского, затем петербургского обер-полицмейстера, военного губернатора столицы. Высоко оценивая его административные способности, император 23 июля 1810 г. назначил Александра Дмитриевича на министерский пост⁷.

Около года ушло на разработку документов, регламентировавших организационную структуру и функции нового ведомства. Согласно утверждённому 25 июня 1811 г. Учреждению Министерства полиции, в него входили три департамента (хозяйственной полиции, исполнительной полиции и медицинский) и две канцелярии — по общим и особым делам⁸. Проверка и обобщение губернаторских отчётов и данных «о числе родившихся и умерших, о происшествиях» возлагалась, наряду с другими обязанностями, на первое отделение Департамента полиции исполнительной⁹.

Между тем ещё 20 марта 1811 г. Балашёв писал А.Н. Астафьеву о том, что «в каждом благоустроенном государстве статистическая часть составляет один из самых важнейших предметов правления», и ему предстоит «употребить особенное... старание к восстановлению оной». Астафьеву поручалось, «присоединив к себе профессора Германа, принять в ведение... сведения, которые по статистической части Российской империи при Министерстве полиции относиться могут»¹⁰. Об этом в тот же день Александр Дмитриевич известил и экстраординарного академика и профессора Петербургского педагогического института К.Ф. Германа. В историографии в этих письмах порою видят создание Статистического отделения и даже утверждают, что 20 марта 1811 г. «нужно считать началом государственной статистики, поскольку последняя получила узаконенный государственный орган»¹¹. В действительности же в тот момент речь шла лишь о подготовке проекта. В 1823 г. в «Записке об учреждении статистической части при бывшем Министерстве полиции» Герман указывал: «Бывший г. министр полиции Балашёв, желая возобновить при сем министерстве статистическую часть, получившую уже начало своё в 1803 году при

⁴ *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. В 3 ч. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1859; Кн. 2. СПб., 1862; *Карпов В.Ю.* Министерство полиции в правоохранительной системе России (1810—1819). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Очерки по истории...; *Скрыдлов А.Ю.* На службе России: Александр Дмитриевич Балашёв (1770—1837). СПб., 2016. С. 93—96.

⁵ *Николаенко П.Д.* А.Д. Балашов — первый министр полиции России. СПб., 2016; *Киселёва Т.Ф.* Генерал Балашов Александр Дмитриевич: краеведческий очерк. СПб., 2012.

⁶ Об обстоятельствах и последствиях пожара см: РГИА, ф. 1286, оп. 4, 1828 г., д. 62, 904; ф. 1290, оп. 912, 1828 г., д. 9.

⁷ *Скрыдлов А.Ю.* На службе России... С. 45—67.

⁸ ПСЗ-I. Т. 31. № 24687.

⁹ *Варадинов Н.В.* Указ. соч. Ч. 2. Кн. 1. С. 23—24.

¹⁰ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 16.

¹¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. В 4 т. / Отв. сост. Д.И. Раскин. Т. 2. СПб., 2001. С. 49; *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Очерки по истории... С. 19.

Министерстве внутренних дел, предписал 20 марта 1811 года служившему при Министерстве полиции статскому советнику Астафьеву, приняв себе в помощь находящегося при сём же министерстве профессора Германа, исполнить следующее: 1) пополнив находившиеся по сему предмету в министерстве сведения, поставить на вид и те, кои найдутся нужными для усовершенствования оного; 2) составить подробный план статистической части, при сём министерстве составиться имеющейся»¹². Таким образом, образование специального статистического подразделения только намечалось.

Завершилось оно пять месяцев спустя, 23 августа, когда Балашёв, вероятно, по рекомендации Астафьева и Германа, предписал «отделить учёную часть статистическую от части исполнительной». Тем самым в основу организации был положен принцип двух отделений: научного («1) составление плана об устройстве статистической части; 2) извлечение сведений из полученных отчётов губернаторских и отчётов, посылаемых чиновниками по сей части; 3) составление замечаний на каждый отчёт или статистическое сведение») и административного («1) составление предписаний начальникам губерний на основании принятого плана... 2) рассматриваться в оном будут неудобства и препятствия, которые встретят начальники губерний в исполнении статистических требований... 3) составляться будут инструкции и наставления чиновникам, по сему предмету в разные губернии рассылаемые»)¹³. А поскольку Учреждение 25 июня 1811 г. не предусматривало обособления (и собственного штата) статистической части, её выделение носило характер эксперимента и регулировалось исключительно внутренними распоряжениями¹⁴. Формально оба её руководителя, Астафьев и Герман, состояли при общей канцелярии. Однако в конце 1811 г. Астафьев покинул ведомство, и в адрес-календаре появилась несогласованная запись: «Статистической части начальники отделений: кол[лежский] сов[етник] Карл Фёдорович Герман, Императорской Академии наук экстраордин[арный] академик и Педагогического института профессор»¹⁵. 19 января 1812 г. Балашёв приказал «по случаю выбытия из Министерства полиции г. Астафьева... всем чиновникам исполнительного отделения находиться в распоряжении начальника учёного отделения»¹⁶. Так Герман стал руководителем первого в России учреждения, заведовавшего статистикой¹⁷.

Уроженец Данцига, получивший образование в Гёттингенском университете — центре немецкой камералистики, по приглашению камергера (и будущего министра финансов) Д.А. Гурьева Герман в 1795 г. перебрался в Россию для воспитания его детей. Одновременно он преподавал историю, географию и статистику в Морском кадетском корпусе. Нехватка квалифицированных кадров в учебных заведениях способствовала стремительной курьере талантлив-

¹² РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ Позднее Балашёв использовал схожие методы на посту генерал-губернатора пяти центральных губерний. Подробнее см.: *Любезников О.А., Скрыдлов А.Ю.* Н.Н. Новосильцов и А.Д. Балашёв: разработка и реализация преобразований в системе местного управления при императоре Александре I // *Клио*. 2012. № 12. С. 108—115.

¹⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. Ч. 1. СПб., 1812. С. 574.

¹⁶ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 13.

¹⁷ Жалованье начальнику отделения по высочайшему повелению выплачивалось сверх штата министерства и составляло 2 тыс. руб. в год (Там же, л. 45). Балашёв также испросил у императора разрешение употребить на нужды статистиков часть доходов из Конторы адресов.

вого учёного: в 1798 г. он получил место ректора Академической гимназии, в 1805 г. был избран адъюнктом Санкт-Петербургской Академии наук, а в 1806 г. занял кафедру статистики в Педагогическом институте¹⁸.

Известность в научном сообществе и правящих кругах Герману принёс выпускавшийся им в 1806—1807 гг. «Статистический журнал» — первое в России периодическое издание, посвящённое статистике и политической экономии. Профессор опубликовал в нём начало своей «Теории статистики» и доказывал необходимость использовать опыт европейских государств. Тем временем «Статистическое общество (La Société de Statistique) было учреждено в Париже 1803 года (так в тексте. — А.С.)... Сверх сего находится с некоторого времени Bureau de Statistique при Министерстве внутренних дел; подобное же Статистическое бюро учреждено в Берлине с 1805 года»¹⁹. По мнению Германа, «только одно общество учёных людей из всякого отделения наук, под смотрением и покровительством правительства, которое бы им доставило все материалы, к сему предмету принадлежащие, и дало бы во всём свободу... может доставить статистику, которая была бы, без сомнения, прекраснейшим памятником мудрого правления»²⁰. К числу подписчиков журнала принадлежало немало видных сановников того времени — графы В.П. Кочубей и А.С. Строганов, Н.Н. Новосильцов, А.С. Шишков и др.²¹ Не исключено, что и Балашёв был знаком с его содержанием. К 1811 г. Герман уже являлся экстраординарным академиком по классу статистики и пользовался репутацией крупнейшего в столице специалиста в данной области. До приглашения в Министерство полиции он «занимался собиранием и составлением статистических сведений» для МВД²².

Поручив учёному руководство Статистическим отделением, Балашёв предоставил ему возможность самостоятельно наметить программу действий и распределить обязанности между сотрудниками.

Свои соображения Герман изложил в записке, направленной министру 28 августа 1811 г. Сам он собирался взяться за «сочинение плана об устройстве статистической части», «извлечение статистических материалов из всех известных сего рода сведений, получаемых от губернаторов», и анализ отчётов, поступивших до 1811 г., возлагал на чиновников Якоба, Корнеева и Дюфура²³.

Результативность работы, как полагал Герман, во многом зависела от её распорядка и условий. Балашёв лично занимался поиском необходимой литературы. Так, напоминая канцлеру гр. Н.П. Румянцеву о том, как тот, управляя внешней торговлей, принёс «величайшую пользу статистике Российской империи, приказав собрать самые важные сведения касательно настоящего положе-

¹⁸ Там же, ф. 1343, оп. 51, д. 454, л. 143. Подробнее о Германе см.: *Дмитриев А.Л.* Карл Фёдорович Герман: статистик и экономист (к 250-летию со дня рождения) // Вестник СПбГУ. Экономика. Т. 33. 2017. Вып. 3. С. 433—451; *Скрыдлов А.Ю.* Академик К.Ф. Герман: на пересечении науки и государственной службы (к 250-летию со дня рождения учёного) // Социология науки и технологий. 2017. № 1. С. 16—27.

¹⁹ Статистический журнал. 1806. Т. I. Ч. 1. С. 17—19.

²⁰ Там же. С. 26—27.

²¹ Там же. С. 265—268.

²² РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 3.

²³ Там же, л. 21. Все они официально числились в различных подразделениях министерства. В частности, А.М. Дюфур служил чиновником по особым поручениям (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1813. Ч. 1. СПб., 1813. С. 611).

ния азиатских народов», Александр Дмитриевич просил передать ему на время эти материалы²⁴. Когда министр передал в Статистическое отделение библиотеку, подаренную МВД бароном Б.Б. Кампенгаузеном, Герман просил отвести для неё и архива «отдельное место от исполнительной части, дабы можно было ответственность за каждый беспорядок и утрату». Профессор напоминал генералу, что «труд учёных требует спокойствия и уединения, и, следовательно, невозможно его производить в тех комнатах, где собираются все чиновники». Поэтому он считал целесообразным разрешить своим сотрудникам «заниматься дома», назначив присутственный день, «в который все чиновники обязательны будут собираться по учёной части для отдачи начальнику отделения отчёта в своих занятиях в течение недели и принятия от него новых поручений». При этом, разумеется, предполагалось, что начальник отделения «ответствует за прилежание» подчинённых²⁵.

Работа новой структуры постепенно совершенствовалась. К марту 1812 г. был подготовлен проект, закреплявший её положение при Общей канцелярии министерства и предусматривавший создание двух столов — о состоянии государственного хозяйства и о состоянии государственного устройства. Недостаток профессионально подготовленных служащих предлагалось восполнить, образовав при отделении «сословие молодых людей, желающих посвятить себя российской статистике, служа без жалования». Оставаясь профессором Педагогического института, Герман мог привлекать к работе своих учеников, рассчитывая, что после подобной практики «отличные своими способностями и прилежанием» студенты будут определены «на штатные вакансии сего отделения»²⁶. 15 мая 1812 г. Герман напомнил министру о необходимости «устроить исполнительную часть при Статистическом отделении, которая бы заведовала всеми сношениями, относящимися до статистики, и содержала в порядке дела». Создание исполнительного стола задумывалось ещё в августе 1811 г., но затем задержалось, и Герман сетовал на то, что канцелярские производства находятся «в разных руках и останавливают успехи учёных занятий». 30 июля Балашёв утвердил рапорт Германа и проект инструкции исполнительному столу²⁷. В последующие годы возникали новые подразделения, и к 1817 г. отделение включало «следующие части и столы: учёный, ревизионный, исполнительный, депо карт, а также библиотеку». Учёный стол занимался подготовкой статистических работ, ревизионный отвечал за корректность подсчётов и цифр и «обязан был ревизовать только в отношении нумерическом как работы учёного стола, так и сами документы, в отделение поступающие от разных мест и лиц, доставляя таким образом работам учёного стола достаточно большую степень точности». В особом «депо» хранились поступавшие карты и атласы, а также составлялись новые, на которые наносились статистические данные²⁸.

В январе 1812 г. 25 сравнительных таблиц, 2 общие табели и 41 статистическая таблица были представлены Александру I и «служили поводом к всемилоостивейшему награждению чиновников статистического отделения и к рескрипту... в коем предназначалось более обширности статистическим заня-

²⁴ ГА РФ, ф. 917, оп. 1, д. 634, л. 1.

²⁵ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 21—21 об.

²⁶ *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Очерки по истории... С. 20; РГИА, ф. 1284, оп. 1, кн. 33, д. 298, л. 224.

²⁷ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 22—24.

²⁸ Там же, ф. 1290, оп. 1, д. 9, л. 11—11 об., 15 об.

тиям»²⁹. Всего к 15 мая 1812 г., по донесению Германа, «учёный стол окончил 41 сравнительную табель и 43 статистические таблицы». Кроме того, была «окончена вчерне статистическая карта Московской губернии и начата черчением начисто». Особо отмечалось, что «собрание планов и видов городов Ярославской губернии ещё продолжается»³⁰.

Между тем 28 марта 1812 г. император повелел Балашёву следовать вместе с ним в армию для исполнения особых поручений в качестве генерал-аdjутанта, передав дела Министерства полиции главнокомандующему войсками в Петербурге генералу от инфантерии С.К. Вязьмитинову. Формально сохраняя звание министра, Александр Дмитриевич больше не управлял своим ведомством, за исключением статистической части, оставшейся под его контролем³¹. В 1813—1814 гг., сопровождая царя, он участвовал в Заграничных походах, затем выполнял дипломатические поручения в Европе. Статистическое отделение, выведенное из непосредственного подчинения Вязьмитинову, оказалось в непрестом положении. Позднее Герман признавал, что «с 1813 года началось его падение, ибо ожидаемого законного устройства [оно] не получило». С 1813 по 1818 г. было подготовлено лишь 25 таблиц и 2 общие табели, которые «также представлены государю императору в 1818 году, а чиновникам статистического отделения равномерно последовали денежные и другие награждения». В целом отделение занималось преимущественно «составлением разных сведений для видов правительства» и «текущими делами по приказанию начальства». Герман с сожалением наблюдал, как «чиновники, мало-помалу, выходят из отделения», и констатировал, что «в отделении находятся ныне налицо только три чиновника, но которые беспрестанно заняты одной текущей частью»³².

По возвращении в Россию в 1816 г. Балашёв по-прежнему состоял в Свите, заседал в Государственном совете, однако так и не получил приказа вернуться к исполнению обязанностей министра. В 1830-е гг. генерал-аdjутант вспоминал о том, как на одной из аудиенций у императора в январе 1816 г. «упомянул о статистической части, продолжать ли её? Г[осударь] отвечал, непременно, потому что я от неё со временем ожидаю большой пользы»³³. В октябре 1816 г. Балашёв потребовал от Германа отчёт о работе отделения с указанием исследований, проведённых по каждой из губерний, срока их начала и завершения³⁴. 18 июня 1817 г. Александр Дмитриевич утвердил новый «Образ канцелярского производства дел», регламентировавший порядок поступления, движения, производства и отправления бумаг в отделении, проведение ревизий и подготовку отчётов³⁵. 9 августа министр провёл ещё одну реорганизацию: в отделении, помимо уже действовавшего учёного стола, появились счётная и чертёжная части, к которым прикреплялись четыре чиновника, а также регистратура (с единственным служащим). Обязанности каждого подразделения были детализированы. Учёный стол предназначался «для составления описаний и записок; здесь излагаются сведения о свойстве и качестве, и излагаются в двойном порядке: в порядке мест и в порядке предметов». В центре его вни-

²⁹ Там же, л. 15—15 об.

³⁰ Там же, ф. 1286, оп. 2, 1812 г., д. 311, л. 4.

³¹ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. С. 2.

³² РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 9, л. 11—11 об., 15 об.

³³ Научно-исторический архив СПбИИ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 217, л. 84.

³⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 23.

³⁵ Там же, л. 26—28.

мания должно было находиться «хозяйство Российского государства, населённость и естественные пособия земли» или же изучение «земли и пространства, населения оной и промышленности». Счётная часть создавалась «для составления табелей и исчислений, указанных политической арифметикой; здесь излагаются сведения о количестве и также в двойном порядке: мест и предметов». В чертёжной следовало готовить статистические карты, на которых «живописуются для взора сведения вообще о свойстве и количестве». Регистратура учреждалась «для связи дел» и наблюдения за «движением канцелярских бумаг». Общее руководство, как и раньше, предоставлялось Герману, получившему право привлекать к исследованиям сторонних специалистов. Ожидалось, что их сможет усилить и «некоторое число чиновников», которые состояли бы под непосредственным руководством министра. Допускались командировки для составления статистических описаний губерний. Сотрудникам учёной и счётной частей разрешалось работать дома, а чертёжная и регистратура размещались в здании министерства³⁶.

Данный порядок работы Статистического отделения продержался около полутора лет. 1 ноября 1819 г. Балашёв был назначен генерал-губернатором Тульской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской и Орловской губерний. Одновременно с этим Министерство полиции ликвидировалось, а его функции и структуры передавались МВД. Статистическое отделение, управлявшееся на основании личных распоряжений Балашёва, вновь оказалось в неопределённом положении.

Пытаясь сохранить своё детище, Александр Дмитриевич внёс 17 ноября в Комитет министров записку «О статистическом учреждении», в котором доказывал необходимость его существования как самостоятельного ведомства, подчинённого Комитету министров, и утверждал, что «заведение сие принесёт со временем немаловажную услугу государству и пользу службе в великой надобности в статистических сведениях для всякого государственного чиновника». По словам генерал-адъютанта, «правительства всех почти стран признали нужду в средоточии собирания, поверки и приведения в общие и сравнительные таблицы как официальных сведений, так и всех издаваемых сочинений по предметам статистики. Без сего способа... правительства не будут иметь никогда надлежащего познания о настоящем состоянии народа». Напротив, «доставление способов каждому занимающемуся, а в особенности государственному чиновнику, получать основания не гадательно принятые, но извлечённые из сведений, по возможности, полных, проверенных», представлялось делом «большой важности и общегосударственного значения». Учреждение, которое несло бы ответственность за то, что «выданное им сведение есть лучшее и достовернейшее из всех возможных», включало три отделения (учёное, счётное и чертёжное) во главе с директором, надзор же за его деятельностью поручался главному попечителю из «государственных сановников». Очевидно, что директором Балашёв видел Германа, а попечителем — себя. Вместе с тем при новой структуре намечалось создать Статистическое общество — научно-просветительскую организацию, которая могла бы объединить профессиональных статистиков (на правах действительных членов, комиссионеров и корреспон-

³⁶ Там же, л. 28 об.—29 об., 36 об.

дентов), завести собственную библиотеку, издавать научные труды и журнал. Расходы на такое учреждение Балашёв оценивал в 60 тыс. руб. в год³⁷.

Проект рассматривался на заседании Комитета министров, но не нашёл поддержки у его членов, решивших, что статистическое отделение «по общему порядку государственного управления не может само по себе составлять никакой отдельной части» и должно быть передано МВД, «[ак] к[ак] такое учреждение по роду занятий принадлежит ближе всего этому ведомству». Александр I утвердил это мнение³⁸. 18 декабря Балашёв сообщил Герману: «По высочайшему его императорского величества указу, в 4 день ноября Правительственному Сенату данному, быв назначен генерал-губернатором пяти губерний, обязан я в скором времени отправиться из столицы к новому своему назначению. О статистическом учреждении... должно последовать особенное постановление. Вследствие чего я признаю нужным отменить все звания, которые Вам и прочим статистическим чиновникам по роду занятий были мной присвоены, и потому с нынешнего времени... именоваться своими чинами»³⁹.

В объединённом под началом гр. Кочубея МВД Статистическое отделение несколько лет существовало при канцелярии министра, не получив каких-либо новых инструкций. В 1823 г. его включили в состав Департамента полиции исполнительной. 15 ноября 1827 г. Комитет министров рассмотрел представление управлявшего МВД В.С. Ланского о штатах министерства. В соответствии с ним Статистическое отделение как самостоятельное подразделение предлагалось упразднить, а его функции передать первому отделению Департамента полиции исполнительной. Комитет одобрил новые штаты, но Николай I их отклонил. Тем не менее отделению долго грозила ликвидация, и только в 1834 г. по инициативе министра Д.Н. Блудова оно получило прочную организацию⁴⁰.

Со своей стороны, Балашёв в январе 1820 г. отправился во вверенное ему генерал-губернаторство, где ему предстояло заняться выяснением возможностей и способов преобразования местного управления. При этом в отчёте о проведённой им ревизии отмечалось: «Объезжая и осматривая города и уезды, я желал узнать всё в подробности, всё расспрашивал, обо всём хотел навеститься; но к удивлению моему чиновники сии весьма мало могли удовлетворить любопытству моему, так, например, городничие и капитан-исправники не знали ни числа жителей своего города или уезда, ни количества земли под оными, ни числа дел неоконченных, ни количества недоимок, ни цен на припасы, ни числа арестантов в тюремных замках и проч.»⁴¹. Несмотря на низкий уровень образования губернских служащих, за первый же год своего управления Балашёву удалось собрать обширный материал, систематизированный, по

³⁷ *Варадинов Н.В.* Указ. соч. Ч. 2. Кн. 2. С. 316—319. К идее создания Статистического общества позже вернулся министр внутренних дел Л.А. Перовский. Рассчитывая на помощь учёных в подготовке статистического описания России, он в 1845 г. содействовал созданию Российского географического общества, представив императору соответствующий доклад. Характерно, что первоначально в докладе и проекте устава данное общество называлось «географо-статистическим». Подробнее см.: *Скрыдлов А.Ю.* Из истории создания отделения статистики Русского географического общества — первого научного объединения статистиков в России // *Социология науки и технологий.* 2019. № 2. С. 7—21.

³⁸ *Варадинов Н.В.* Указ. соч. Ч. 2. Кн. 2. С. 319.

³⁹ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 37.

⁴⁰ См.: Высочайше утверждённые правила для статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях // ПСЗ-II. Т. 9. Отд. II. СПб., 1835. № 7684.

⁴¹ РГИА, ф. 1167, оп. 1, д. 140, л. 49 об.—50.

его распоряжению, в виде таблиц с необходимыми пояснениями. «Статистическая таблица губерний, состоящих под главным управлением г[осподина] генерал-губернатора А.Д. Балашёва за 1821 год», очевидно, появилась уже в 1822 г. и была направлена императору вместе с отчётом⁴². Её дополняли «Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерал-адъютанта Балашёва», содержавшие основные сведения о каждой из пяти губерний генерал-губернаторства (численность городского и сельского населения с распределением по сословиям, площадь территории и пахотной земли, её средняя урожайность, количество заводов и фабрик, оборот капитала в оптовой, лавочной и ярмарочной торговле и т.д.)⁴³. Очевидно, Балашёв придавал большое значение результатам своих статистических изысканий, поскольку в 1823 г. он опубликовал таблицу и «Краткие записки» отдельным изданием⁴⁴.

Сбор данных продолжался на протяжении всего пребывания Балашёва на посту генерал-губернатора. Подводя итог своей шестилетней деятельности, 11 декабря 1826 г. Александр Дмитриевич подал Николаю I подробное донесение, к которому приложил 16 таблиц, демонстрировавших изменение различных количественных показателей по каждой губернии. Тем самым статистика использовалась им для подтверждения эффективности проводимых реформ. Несмотря на это, в 1828 г. генерал-губернаторство было упразднено. Балашёв остался членом Государственного совета, однако состояние его здоровья ухудшалось, а деятельность носила всё более эпизодический характер. В 1834 г. он покинул государственную службу и через три года скончался.

Первый биограф Балашёва Д.И. Мацкевич писал, что «статистика была его любимым предметом и занятием»⁴⁵. Сам генерал признавался в письме к Герману: «Со времени назначения моего в звание министра полиции не переставал я заботиться об установлении статистической части Российского государства»⁴⁶. И среди многих его инициатив это начинание оказалось едва ли не самым жизнеспособным. Созданное им Министерство полиции прекратило существование в 1819 г., эксперименты в сфере местного управления были свёрнуты Николаем I, но первый в России орган административной статистики уцелел и получил в дальнейшем развитие. Балашёв понимал, насколько важно для власти иметь точные сведения о состоянии страны, и упорно искал наиболее рациональную форму организации его изучения. В своих проектах он впервые указал на необходимость автономии статистического ведомства в системе государственного управления, а на практике охотно привлекал учёных к руководству научными изысканиями, предоставляя своим сотрудникам широкую самостоятельность. Вместе с тем ограниченность ресурсов казны Балашёв рассчитывал компенсировать силами общества, объединяющего заинтересованных в развитии статистики лиц. Многие из этих принципов в дальнейшем были реализованы и показали свою эффективность.

⁴² Там же, ф. 1409, оп. 1, д. 3629.

⁴³ Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства при Александре I. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 145—147.

⁴⁴ Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерал-адъютанта Балашёва. М., 1823.

⁴⁵ М[ацкевич] Д.[И.] О жизни и государственных заслугах А.Д. Балашёва. СПб., 1847. С. 16.

⁴⁶ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 35—35 об.

Ярославский губернский статистический комитет во второй половине XIX в.

Юрий Иерусалимский, Герман Харитонов

Yaroslavl Provincial Statistic Committee in the second half of the 19th century

Yuriy Iyerusalimskiy, German Kharitonov
(both — P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870014464-1

Развитие государственной статистики в России не раз освещалось как до-революционными учёными¹, так и советскими исследователями². Но при этом основное внимание уделялось функционированию столичных статистических учреждений МВД, тогда как деятельность губернских комитетов характеризовалась схематично, а иногда и уничижительно³. Интерес к их трудам возник только в конце 1980-х гг.⁴ Появившиеся с тех пор работы позволили лучше понять роль местных органов в общей системе государственной статистики империи⁵, особенности наиболее важных изданий, подготовленных ими⁶, а также

© 2021 г. Ю.Ю. Иерусалимский, Г.П. Харитонов

¹ См., в частности: *Герман К.Ф.* Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства. СПб., 1817; *Герман К.Ф.* Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819; *Ободовский Л.Г.* Теория статистики в настоящем состоянии с присовокуплением краткой истории статистики. М., 1839; *Срезневский И.И.* Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно. Харьков, 1839; *Журавский Д.П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. М., 1846; *Вернадский И.В.* Исторический очерк практической статистики. М., 1855; *Огородников Е.* Настоящее устройство местных административно-статистических учреждений в России // Журнал Министерства внутренних дел. 1861. № 12; *Бунге Н.Х.* Курс статистики. Киев, 1865; *Ходский Л.В.* Основания теории и техники статистики. СПб., 1896; *Голубев П.Л.* О необходимости издания свода погубернских историко-статистических сведений по России за реформенный период времени. СПб., 1899; *Степанов В.В.* Статистика. СПб., 1902; *Кауфман А.А.* Теория и методы статистики. М., 1912; *Каблуков Н.Л.* Статистика. М., 1915.

² *Птуха М.В.* Очерки по истории отечественной статистики. М., 1945; *Гозулов А.И.* История отечественной статистики. М., 1957; *Гозулов А.И.* Очерки истории отечественной статистики. М., 1972; *Дружинин Н.К.* Хрестоматия по истории русской статистики. М., 1963; *Плошко Б.Г., Елисеева И.И.* История статистики. М., 1990.

³ См., например: *Ежов А.И.* Государственная статистика, её развитие и организация // История советской государственной статистики. Сборник статей. М., 1960. С. 52.

⁴ *Комарова И.И.* Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987.

⁵ История российской государственной статистики. М., 1996; Энциклопедия статистических публикаций X—XX вв. М., 2001; *Елисеева И.И.* К истории образования органов государственной статистики в России // Вопросы статистики. 2002. № 5. С. 58—59; *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* История российской государственной статистики: 1811—2011. М., 2013; *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Очерки по истории государственной статистики России. СПб., 2016.

⁶ *Шпак А.И.* Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х — начало 1880-х годов) // Книга. Исследования и материалы. Вып. 53. М., 1986. С. 160—167; *Бердинских В.А.* Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860—1890-х годов. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994; *Бердинских В.А.* Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003; *Балацкая Н.М., Раздорский А.И.* Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1836—1917). Предварительный

специфику отдельных регионов⁷. Вместе с тем до сих пор она отражена крайне неравномерно. В частности, статистикам Ярославской губ. посвящены лишь краткие юбилейные очерки⁸.

Региональные органы государственной статистики — губернские статистические комитеты появились в России в начале 1835 г. Они создавались на основании «Правил для статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях», утверждённых Николаем I 20 декабря 1834 г. Согласно этим Правилам, в губернском статистическом комитете состояли: председатель (действующий губернатор), производитель работ, члены-корреспонденты и непрременные члены — руководители местных учреждений разных ведомств⁹. Наиболее многочисленны были члены-корреспонденты. Поскольку Правила 1834 г. не предполагали казённого финансирования статистических работ, комитеты не имели постоянного штата¹⁰. Даже производители работ, на которых ложились основные заботы по организации деятельности комитетов, не получали за свой труд денежного вознаграждения.

Развитие статистики в России в целом соответствовало тем тенденциям, которые наметились в то время в Европе. В 1834 г. в Лондоне возникло Королевское статистическое общество, вскоре открылись его провинциальные отделения. С 1832 г. государственная статистическая служба действовала в Королевстве обеих Сицилий, а затем подобные структуры стали распространяться и в других итальянских государствах. Активно занимались статистическим описанием провинций сформированный в 1834 г. во Франции Комитет исторических и научных работ и образованная в 1844 г. в Испании комиссия по памятникам¹¹. Подобные исследования не только давали наиболее точные данные о

список. СПб., 1994; *Балацкая Н.М., Раздорский А.И.* Памятные книжки губерний и областей Российской империи: сводный каталог-репертуар. СПб., 2008.

⁷ *Старчикова Н.Е.* Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй четверти XIX — начале XX века. На примере Пензенской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004; *Захарова И.М.* Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Первушкин В.И.* Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007; *Скопа В.А.* История развития статистических служб Томской губернии в 1835—1919 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007; *Скопа В.А.* История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX — начале XX века. Барнаул, 2015; *Буторин М.В.* Архангельская статистика: прошлое и настоящее. М.; Архангельск, 2009; *Лебедев С.В.* Астраханский губернский статистический комитет: опыт хозяйственной и научно-просветительской деятельности: 1836—1918 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2009; *Парамонова И.Ю.* История тульской статистики. Тула, 2010; *Бондарева Г.А.* Становление статистики в российской провинции: середина XIX столетия — 1917 г. (на примере Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012; *Тазиева М.Р.* Органы государственной статистики на Тереке во второй половине XIX — первой четверти XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2012; *Сираева З.В.* История деятельности Уфимского (Оренбургского) губернского статистического комитета в 30-е годы XIX — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2017.

⁸ *Парамонов Н.И., Плигина И.М.* 165 лет Ярославской статистике // Вопросы статистики. 2004. № 4. С. 78—80; *Ваганов В.А.* Государственной статистике Ярославской области — 175 лет // Вопросы статистики. 2010. № 6; С. 82—84; *Ваганов В.А., Завьялов Ф.Н.* 180 лет ярославской статистике // Вопросы статистики. 2015. № 9. С. 84—88.

⁹ ПСЗ-II. Т. 9. Отд. 2. СПб., 1835. № 7684. С. 280—283.

¹⁰ Там же. С. 282.

¹¹ *Smith-Peter S.* Imagining Russian regions. Subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia. Leiden; Boston, 2018. P. 65.

стране, но и помогали лучше понять как специфику отдельных регионов, так и сущность общенациональных явлений и процессов.

Ярославский губернский статистический комитет (ЯГСК) был создан в апреле 1835 г., однако до 1854 г. практически бездействовал, существуя только на бумаге¹². И в этом отношении он ничем не отличался от других губернских статистических комитетов 1830—1850-х гг.¹³ Их состав, задачи и методы работы регламентировались в 17 коротких пунктах Правил 1834 г., 9 из которых касались исключительно утверждения членов. Между тем об отчётности, методике сбора данных, организации деятельности говорилось лишь в самых общих чертах. Тон Правил был мягок, они не требовали обязательного исполнения, не предусматривали санкций за нарушение, но обращали внимание на добровольность работ и личную заинтересованность их участников. Это объяснялось желанием правительства придать комитетам такую форму, которая представляла бы собой нечто среднее между научным обществом и государственным учреждением: объединяла широкий круг энтузиастов из разных сословий, не требовала выплаты им жалованья и дополнительного финансирования, но оставалась подотчётной и зависимой от местной власти¹⁴. Как показала практика, такой подход в первые десятилетия не оправдывал ожиданий.

Циркуляр министра внутренних дел Д.Г. Бибикова «О должном направлении действий губернского статистического комитета» 30 декабря 1853 г. разрешил выплачивать из комитетских средств жалование производителю работ и двум его помощникам (что, впрочем, не давало им прав государственной службы), а также временно нанимать необходимое число писцов¹⁵. Лишь после этого ЯГСК превратился в постоянно действующий орган и важный научно-просветительский краеведческий центр губернии.

26 декабря 1860 г. вышло новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», регулировавшее их состав, деятельность, способы финансирования и отчётности вплоть до упразднения в 1918 г. Оно отменяло Правила 1834 г. и циркуляр 1853 г., хотя и заимствовало некоторые их нормы. Главной целью комитетов признавалось «исправное содержание местной административной статистики, а именно: в установлении, по каждой губернии... правильнейших способов собирания по требованиям правительства и указаниям Центрального статистического комитета МВД, точных статистических сведений»¹⁶. Всестороннее описание губерний, считавшееся ранее основным занятием, теперь признавалось необязательным¹⁷.

Наивысший подъём деятельности ЯГСК пришёлся на 1860—1870-е гг., когда не только исправно составлялись ежегодные отчёты о состоянии губернии

¹² РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 78, л. 1—4.

¹³ Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830—1890-е гг.). М., 2011. С. 75.

¹⁴ Первушкин В.И. Роль губернских статистических комитетов в формировании научных знаний в российской провинции // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы V международной научно-практической конференции к 110-летию Витебской учёной архивной комиссии. Витебск, 2019. С. 76—80.

¹⁵ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 193, л. 69—72 об.; Государственный архив Ярославской области (далее — ГА ЯО), ф. 642, оп. 1, д. 22367, л. 4—6.

¹⁶ ПСЗ-II. Т. 35. Отд. 2. СПб., 1860. № 36453. С. 506.

¹⁷ Это отражало изменения, произошедшие в статистической науке, отказавшейся от преобладавшего в первой половине XIX в. описательного метода и перешедшей к анализу числовых показателей. Подробнее см.: Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики. С. 95—96.

для МВД, но и активно проводились исторические, археологические, этнографические, географические и геологические исследования, отразившиеся в многочисленных изданиях¹⁸. С конца 1870-х гг. начался постепенный спад, выразившийся в полном прекращении «необязательных работ», т.е. научно-исследовательских и краеведческих изысканий. К работе ЯГСК перестали привлекаться его члены, а штатные сотрудники занимались исключительно составлением ежегодных ведомостей и выполнением циркулярных распоряжений министерства.

По Положению 1860 г. прежних производителей работ заменили секретари. МВД рекомендовало выбирать на эту должность лиц, имеющих учёные степени или окончивших курс высших учебных заведений. Секретарь комитета приравнивался к правителю канцелярии губернатора и старшим секретарям губернских правлений и имел чин коллежского асессора. Ему поручалось следить за получением статистических сведений, заниматься их проверкой и обработкой, составлять таблицы и ведомости, вести переписку и финансовую отчётность, а также хранить в исправности все дела и материалы комитета¹⁹. 8 апреля 1861 г. С.С. Ланской циркулярно разъяснял, что секретарь «должен быть... душою действий комитета, как в обязательных, так и в необязательных работах»²⁰, и рекомендовал назначать на этот пост профессоров, учителей гимназий, редакторов неофициальной части губернских ведомостей и т.п.

В Ярославле секретарями являлись преимущественно молодые преподаватели статистики или финансового права Демидовского юридического лицея²¹. Впрочем, образованность и учёная степень секретаря отнюдь не гарантировала успешную деятельность комитета. Наоборот, в лицее зачастую преподавали уроженцы других регионов, не являвшиеся знатоками Ярославского края, тогда как подавляющую часть научных работ комитета составляли именно краеведческие исследования.

Положением 1860 г. упразднялось звание члена-корреспондента, а члены комитета, помимо непрременных, делились на действительных и почётных. Все они обладали правом голоса на общих заседаниях. В действительные члены избирались лица любого звания, преимущественно проживающие в губернии, «могущие своими познаниями... принести пользу комитету и изъявившие готовность участвовать в занятиях его своими статистическими трудами»²². В циркуляре министра внутренних дел особо оговаривалось, что «в звание должны быть приглашаемы... только лица, которые по любви к науке, по участию в общественных интересах и по образованию своему, могут трудами своими принести действительную пользу статистике»²³. Действительные члены, согласно Положению, обязаны были участвовать в сборе, обработке и проверке

¹⁸ Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов. С. 85—96; Бердинских В.А. Уездные историки... С. 87.

¹⁹ ПСЗ-II. Т. 35. Отд. 2. № 36453. С. 504—512.

²⁰ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22562, л. 4.

²¹ Производителем работ ЯГСК в 1835—1841 гг. являлся Ф.И. Москвин, затем должность долго оставалась вакантной, пока в 1854 г. её не занял Н.Н. Клириков, оставшийся на этом посту до 1861 г. В дальнейшем секретарями ЯГСК состояли А.Е. Львов (1861—1862), А.К. Фогель (1862—1871), А.Т. Бернадский (1871—1873), А.С. Посников (1873—1877), Я.А. Ушаков (1877—1883), М.А. Липинский (1883—1892), П.Ф. Беседкин (1892), А.Р. Свирщевский (1892—1905), С.Н. Беллерт (1905—1906), А.П. Морозов (1906—1911) и К.И. Успенский (1911—1918).

²² ПСЗ-II. Т. 35. Отд. 2. № 36453. С. 507.

²³ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22562, л. 3 об.

сведений, составлении описаний и проведении научных исследований. Звание почётного члена могли получить только известные учёные, лица, пользующиеся особым авторитетом и изъявившие готовность вносить значительные денежные пожертвования²⁴.

В состав действительных членов ЯГСК в 1861 г. были избраны 38 человек. Помимо чиновников и дворян, среди них оказалось 8 врачей, 6 купцов, 6 преподавателей Демидовского лицея и ярославской гимназии, 2 священника²⁵. По умолчанию ими числились также уездные предводители дворянства, мировые посредники, уездные исправники, а позднее — председатели уездных земских управ²⁶. Впоследствии членами комитета стали два крестьянина: писатель-самоучка, краевед и этнограф А.Я. Артынов²⁷ и поэт, прозаик, фольклорист и земский деятель С.Я. Дерунов²⁸.

Направления деятельности губернских статистических комитетов были разнообразны. Положение 1860 г. закрепило возникшее в 1850-е гг. их деление на «обязательные» (сбор и обработка сведений для статистических таблиц, утверждённых МВД, исполнение министерских запросов и распоряжений) и «необязательные» работы, охватывавшие всю остальную исследовательскую и издательскую деятельность²⁹.

Правила 1834 г. не давали чётких указаний о присылке отчётности из губерний в Статистический комитет МВД³⁰. Отсутствовали и какие-либо таблицы для собираемых сведений. Единственным методическим пособием являлся «План статистических работ МВД» 1835 г., содержащий перечень предметов, рекомендованных к изучению на местах³¹. Впрочем, из-за бездействия ЯГСК никаких описаний в 1835—1853 гг. не производилось. Лишь в начале 1854 г. вместе с библиковским циркуляром ЯГСК получил разработанные в МВД унифицированные статистические таблицы. Изначально в министерстве предполагали ввести 88 форм отчётности для губернских комитетов, однако затем их число сократили до 77, отказавшись от тех таблиц, которые могли заполняться по другим данным³². Оставшиеся были распределены по разделам «Местность» (4 таблицы), «Население» (39), «Образование и нравственность» (12), «Хозяйство и промышленность» (12) и «Действия управления» (9). Основное внимание уделялось сведениям о жителях губернии и их сословной принадлежности. При этом указывались источники полученной информации. Большая часть материала, согласно министерским распоряжениям, собиралась городской и земской полицией, консисторией, казённой палатой и губернским правлением³³.

В разделе «Местность» учитывались земельные и лесные ресурсы, отмечалась их принадлежность отдельным сословиям и ведомствам. Данные составлялись преимущественно из губернской чертёжной, а также из епархии,

²⁴ ПСЗ-II. Т. 35. Отд. 2. № 36453. С. 507.

²⁵ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22584, л. 23—26. Малочисленность представителей духовенства и в дальнейшем отличала ЯГСК от большинства губернских статистических комитетов, где самой массовой социальной группой были сельские священники (*Бердинских В.А.* Уездные историки... С. 60).

²⁶ Ярославский календарь на 1872 год. Ярославль, 1872. С. 80.

²⁷ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22663, л. 197.

²⁸ РГАЛИ, ф. 507, оп. 1, д. 156, л. 5.

²⁹ ПСЗ-II. Т. 35. Отд. 2. № 36453. С. 506.

³⁰ Там же. Т. 9. Отд. 2. СПб., 1835. № 7684. С. 280—283.

³¹ План статистических работ Министерства внутренних дел. СПб., 1835.

³² РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 193, л. 16—17, 58.

³³ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22367, л. 7—8.

от городских дум, палаты государственных имуществ. Они сравнительно редко подвергались существенным изменениям, и в таблицах за разные годы по большей части совпадали³⁴.

Самым объёмным являлся отдел «Население», где указывалась численность проживавших в губернии и уездах, городах и станах дворян, клириков и монашествующих, горожан, почётных граждан, купцов, мещан, цеховых, рабочих, сельских обывателей (казённых, удельных, владельческих), разночинцев, военных, находящихся на действительной службе и в отставке, бессрочноотпускных, лиц, не имевших определённого звания, иностранцев, евреев и кочевников³⁵. Сюда же по непонятным причинам включили таблицу о количестве городских зданий. В отдельном подразделе прослеживалось движение народонаселения. В нём приводились разнообразные сведения о родившихся, умерших и сочетавшихся браком. Так, в табели «О родившихся» фиксировались законно- и незаконнорожденные, двойни, тройни, четверни и мертворождённые. В ведомости «Об умерших» требовалось не только установить общее число скончавшихся по губернии, городам и уездам, но и показать распределение смертности по месяцам, с указанием половозрастного состава. Здесь же имелись таблицы о перемещении дворян и о переходе в другие сословия крестьян и мещан. Заполнение многочисленных таблиц данного раздела было наиболее трудоёмким и требовало участия чиновников всех ведомств, опиравшихся на собственные источники. В результате возникали расхождения в однородных данных, и порою цифры в разных ведомостях не соответствовали друг другу³⁶. А для того, чтобы итоги совпадали, нередко приходилось прибегать к их подгонке, делать приписки и т.п., что заметно снижало качество и достоверность общей картины.

О том, в каком состоянии находятся «Образование и нравственность», должно было свидетельствовать количество церквей, библиотек, учебных и питейных заведений, численность учащихся, беглых, бродяг, дезертиров, осуждённых (с разбивкой по сословиям и преступлениям), самоубийц (с указанием сословия и возраста). Рубрика завершалась тремя табелями о долгах помещиков и заложенных имениях³⁷. Информацией об этом делились служащие Министерства народного просвещения, канцелярии губернатора, губернского правления, казённой палаты и приказа общественного призрения, епархиальное и военное начальство, судебные инстанции, городская и земская полиция и становые приставы, позднее — земские управы и т.д.

Экономическое развитие губернии нашло отражение в разделе «Хозяйство и промышленность», содержавшем данные о посевных площадях и урожае, сборе зерна и картофеля, скотоводстве и рыболовстве, среднем заработке на сельских работах, а также о фабриках и заводах, ремесленниках, развитии винокурения и производства пива, о судоходстве, торговых свидетельствах и билетах, гостиных дворах, магазинах и лавках, несостоятельных купцах. Тут статистики использовали материалы земской и городской полиции и становых приставов³⁸.

³⁴ Там же, л. 9—11.

³⁵ Там же, л. 11—24.

³⁶ Там же, л. 37—39.

³⁷ Там же, л. 24—29.

³⁸ Там же, л. 29—33.

Последний раздел («Действия управления») позволял судить о численности чиновников, деятельности благотворительных заведений. Здесь же систематизировались сведения о казённых доходах и расходах, хлебных запасах и капиталах для народного продовольствия, о выданных паспортах, почтовых станциях, винных, соляных и провиантских магазинах. Их представляли из казённой палаты, городской и земской полиции, комиссии народного продовольствия, уездных казначейств и городских дум³⁹.

В целом эти таблицы содержали обширную программу обследования губернии, а их появление стало важным этапом в становлении российской статистики. Вместе с тем существенно изменилось и положение губернских комитетов. Министерский циркуляр предписывал им отныне ежегодно не позднее 1 марта направлять в Петербург пакет с заполненными таблицами. Как правило, данные с мест поступали в комитет в декабре—январе, и на их сведение и проверку оставалось не более полутора месяцев. Но это положительно сказалось на регулярном функционировании статистических учреждений даже в отдалённых губерниях⁴⁰.

Непосредственным подсчётом и сбором первичных сведений комитет не занимался. В его обязанности входило лишь истребование их от ведомств и должностных лиц губернии, а также проверка, систематизация и обобщение полученной информации в таблицах. Эта работа ложилась на секретаря комитета и его помощников (счётчиков), а также на нанимавшихся дополнительно писцов. Действительные и почётные члены ЯГСК чаще всего не имели к ней прямого отношения.

Первый отчёт из Ярославля отослали в Статистический комитет МВД 28 февраля 1855 г. Из 77 таблиц были заполнены 68, про оставшиеся девять говорилось, что они не присланы из-за отсутствия в губернии соответствующих объектов, требовавших описания. Среди них оказались таблицы, отражавшие численность рабочих (№ 16), владельческих крестьян свободного состояния (№ 20), сельских вольных людей (№ 23), бессрочноотпускных (№ 27 и 28), инородцев (№ 31), евреев (№ 32), кочующего населения (№ 33), публичных казённых и общественных библиотек (№ 48)⁴¹. Разумеется, некоторые социальные группы не удалось обнаружить лишь потому, что их учёт не был налажен.

Статистический комитет МВД при предварительном осмотре признал статистические таблицы по Ярославской губ. за 1854 г. удовлетворительными, однако сделал ряд замечаний. Так, в численность населения были включены войска, постоянно квартировавшие в губернии, а стоимость капиталов купцов указывалась не по уездам, а в целом по губернии. В дальнейшем в Статистическом комитете МВД обнаружили ещё больше ошибок, о чём сразу же сообщили в ЯГСК, заставив полностью исправить восемь таблиц. Но в следующие два года ситуация повторилась: в отчётах вновь оказались многочисленные погрешности⁴².

³⁹ Там же.

⁴⁰ См., в частности: *Скопа В.А.* История статистических учреждений Западной Сибири... С. 218.

⁴¹ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 257, л. 1—1 об.

⁴² Там же, л. 4, 13, 24; ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22367, л. 37—45.

Со схожими трудностями при заполнении таблиц сталкивалось подавляющее большинство губернских статистических комитетов⁴³. Постепенно в руководстве МВД осознали невозможность ежегодного качественного выполнения на местах обширных статистических обследований по существующим формам. В 1857 г. Статистический комитет значительно сократил их количество и упростил оставшиеся 13 таблиц⁴⁴. Тем не менее они охватывали все важнейшие сферы жизни губернии: численность жителей по сословиям и вероисповеданиям, сведения о браках, рождениях и смертях, о посевах и урожае зерновых культур и картофеля, скотоводстве, торговле, количестве зданий и храмов в городах, данные о заводах, фабриках и ремесленниках. Согласно пояснительной записке, собранный материал следовало систематизировать по кварталам и станам, по городам и уездам и, наконец, по губернии в целом. Особо напоминалось о необходимости указывать источники информации. Для предотвращения ошибок из Петербурга прислали не только сами формы, но и образцы их заполнения⁴⁵.

В 1858 г. Статистический комитет был преобразован в Центральный статистический комитет (ЦСК) при МВД. Через год он ещё более упростил сбор сведений, отказавшись от двух таблиц (о числе населённых местностей и о посевах, а также сборах хлеба и картофеля). Кроме того, срок представления отчётов перенесли с 1 марта на 1 мая, что позволило увеличить время на обработку информации в губерниях⁴⁶. Всё это способствовало улучшению качества поступающих в ЦСК материалов и позволило ему должным образом рассчитывать единые показатели по всей империи.

Помимо подготовки таблиц, ЯГСК должен был выполнять циркулярные распоряжения МВД. 28 декабря 1854 г. министр поручил губернским статистическим комитетам через местных чиновников проверить, исправить и дополнить высланные из Петербурга списки поселений, городов, посадов и местечек. На основании этого циркуляра в Ярославле началось описание городов и уездов, с указанием находящихся в них помещичьих земельных дач и обозначением владельцев, размеров и численности приписанных к ним крестьян. Необходимая для этого информация извлекалась из документов и планов генерального межевания, предоставленных губернской чертёжной. В дальнейшем её предполагалось дополнять и использовать при ежегодном определении размеров частных владений⁴⁷. Однако исполнение задуманного затянулось, поскольку в губернии не оказалось свободных землемеров. В 1859 г. из МВД напомнили о необходимости исполнения циркуляра. Тогда в ЯГСК решили сведения, полученные от городской и земской полиции, сверить с документами прежних лет из губернской чертёжной и консистории, а также с материалами X ревизии. При этом обнаружилось множество расхождений в названиях сёл, их количестве и численности жителей. Предпочтение в итоге отдали донесениям земских исправников — они и легли в основу окончательного списка населённых местностей губернии, направленного в конце ноября 1859 г. в МВД⁴⁸. В том же году по указанию МВД ЯГСК передал имевшиеся у него данные о

⁴³ *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* Правительственная статистика России в конце XIX — начале XX в.: проблемы и реформы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. Т. 35. 2019. Вып. 1. С. 116.

⁴⁴ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 291.

⁴⁵ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22367, л. 100—102, 106—110.

⁴⁶ Там же, д. 22544, л. 150.

⁴⁷ Там же, д. 22369, л. 87, 109.

⁴⁸ РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 215, л. 130—132.

состоянии губернии в Департамент Генерального штаба для подготовки нового издания «Военно-статистического обозрения Российской империи»⁴⁹.

Изменения, вызванные введением Положения 1860 г., не коснулись методов работы статистиков. Обязательные ежегодные отчёты по-прежнему составлялись по 11 таблицам, формы которых просуществовали с некоторыми изменениями до 1912 г. При этом задача комитета сводилась лишь к обработке и группировке информации, полученной от полиции. Впрочем, ЯГСК периодически по собственной инициативе руководствовался более обширной программой. Например, в 1867 г. в комитете имелись статистические сведения по 38, а в 1884 г. — по 19 предметам⁵⁰.

ЦСК также часто запрашивал дополнительные данные о различных отраслях промышленности, транспорте и путях сообщения, заработной плате рабочих, несчастных случаях на производстве, использовании детского труда, кустарных и отхожих промыслах, урожайности сельскохозяйственных культур, количестве скота, деятельности учебных и благотворительных заведений, библиотек и т.п.⁵¹ Получив соответствующий циркуляр, ЯГСК вступал в переписку с местными полицейскими управлениями, а потом на основе их донесений формировал ведомость по всей губернии.

Конечно, такая система, почти не менявшаяся в провинции на протяжении десятилетий, вызывала нарекания как со стороны правительства, так и в самих комитетах, пытавшихся улучшить качество своей статистики. В 1867 г. А.К. Фогель, занимавший на протяжении десяти лет пост секретаря ЯГСК, составил отчёт, в котором на основе своего опыта подробно раскрыл недостатки существующей практики, отметив, что полицейские чины часто выполняли запросы комитета невнимательно, а то и вовсе халатно, погрешность в итоговых ведомостях достигала порой 10%⁵².

Изменить ситуацию, по мнению Фогеля, можно было, лишь отказавшись от содействия полиции. Более надёжным и эффективным оказался сбор информации с помощью местных жителей, испытанный в ходе переписи городского населения, организованной комитетом в 1862 г. Однако это требовало оплаты труда и командировочных расходов частных лиц, на что у ЯГСК средств не имелось. Отсутствие дополнительного финансирования препятствовало созданию уездных отделений комитета, которые, по замыслу Фогеля, состояли бы в каждом уезде из одного или нескольких человек, наделённых правом самостоятельно проводить сбор сведений или обращаться с требованиями об их предоставлении в местные учреждения. ЯГСК даже направил соответствующее предложение в ЦСК, прося выделить деньги на его реализацию, но поддержки не получил⁵³.

Другим способом уточнения полицейских данных служили самостоятельные исследования, проводившиеся губернскими комитетами по собственным программам. В 1860-х гг. в России широкое распространение получили город-

⁴⁹ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22544, л. 47.

⁵⁰ РГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 227, л. 267; Отчёт о деятельности Ярославского губернского статистического комитета за 1866 и 1867 годы. Ярославль, 1869. С. 5.

⁵¹ РГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 294, л. 354—358. Количество таких запросов особенно возросло на рубеже 1880—1890-х гг.

⁵² Отчёт о деятельности... С. 6.

⁵³ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22663, л. 132.

ские переписи населения, вызванные бурным ростом городов после отмены крепостного права⁵⁴.

В Ярославской губ. инициатором такой переписи в 1862 г. выступил секретарь ЯГСК, профессор политической экономии, статистики и наук о торговле Демидовского лицея А.Е. Львов. Изначально он желал придать ей общегубернский характер, однако при обсуждении разработанного им проекта обследования комитет решил опробовать новую методику только в городах, не затрагивая сельскую местность. Для точного определения числа жителей перепись сделали однодневной, т.е. в бланки заносились сведения на 20 декабря 1862 г. Но это вовсе не означало, что её рассчитывали провести за один день. Львов подготовил специальный формуляр, включив в него вопросы о возрасте, сословии, вероисповедании, роде занятий и грамотности. Переписные листы разослали в полицейские части, где их следовало распределить между квартальными надзирателями, которые за несколько дней до 20 декабря обязаны были раздать бланки всем домовладельцам и съёмщикам жилья, а также в больницах, тюрьмах, на фабриках и заводах. Затем они заполнялись владельцем или съёмщиком дома на всех проживающих в нём лиц и возвращались квартальным надзирателям, которые их проверяли и в случае недостатка информации самостоятельно дополняли⁵⁵.

Тем самым бремя проверки переписных листов легло бы на квартальных надзирателей, но против этого выступил помощник председателя комитета Е.И. Якушкин (в то время — управляющий Ярославской палатой государственных имуществ, а позднее — Ярославской казённой палатой⁵⁶), напомнивший, что полицейские чины и так перегружены массой служебных обязанностей. Согласившись с ним, ЯГСК разделил обработку первичных данных между действительными членами⁵⁷. При этом они сталкивались с курьёзными записями. Так, в одном из листов в графе «Занятие» вместо профессии указывалось: «Ездим в гости и клуб». В другом в графе «Возраст» приводился рост всех членов семьи, включая детей. Несмотря на то что перепись провели во всех уездных городах и губернском центре, получить итоговые результаты ЯГСК смог только по Ростову, Любиму, Данилову, Мологе и Рыбинску. Однако даже этот материал не был официально опубликован, поскольку цифры жителей, полученные при переписи, значительно расходились с теми, которые имелись в комитете. Так, по Ростову разница достигала 3 224 человек, по Данилову — 2 689, по Любиму — 2 050⁵⁸. Причём это могло объясняться как тем, что удалось обследовать не все домовладения, так и ошибками прежних лет.

Наиболее точно оказалась исследована Молога. А.А. Фенютин, отвечавший за неё в комитете, для достижения максимальной достоверности самостоятельно провёл дообследование домов, пропущенных квартальными надзирателями при переписи. Всего он выявил в городе 1 765 мужчин и 2 303 женщины, тогда как полиция насчитывала 1 614 и 2 112 соответственно, т.е. не учла всего 342 человека (или почти каждого 12-го жителя). Поэтому в ЯГСК признали,

⁵⁴ В 1862—1917 гг. в империи прошло 106 переписей в 69 городах, причём 79 из них — в 1869—1889 гг. (Гозулов А.И. История отечественной статистики. С. 28—29).

⁵⁵ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22571, л. 70—77.

⁵⁶ Подробнее о нём см.: Равич Л.М. Евгений Иванович Якушкин (1826—1905). Л., 1989; *Иерусалимский Ю.Ю.* Ярославский край в пореформенный период (60—90-е гг. XIX в.) // История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX в. Ярославль, 2000. 161—162.

⁵⁷ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22571, л. 77—79.

⁵⁸ Там же, д. 22584, л. 10—11.

что «полицейские сведения, как не представляющие большой разности со сведениями А.А. Фенютина, можно считать приблизительно верными»⁵⁹.

Опыт 1862 г. доказал как эффективность, так и затратность привлечения частных лиц к проведению статистических обследований. Поэтому в последующие годы городские переписи населения в губернии уже не устраивались, хотя ЯГСК дважды безуспешно пытался их организовать (в 1884 и 1889 гг.)⁶⁰. Но даже эти неудачи способствовали развитию знаний и навыков местных статистиков, что проявилось уже при Всеобщей переписи населения в 1897 г.

Большое значение в губернских статистических комитетах придавали взаимодействию с коллегами из других регионов. К середине XIX в. ими уже осознавалось, что без унификации методик в разных губерниях невозможно получить достоверные и сопоставимые данные по всей империи. Для сближения подходов и координации усилий широко применялся обмен изданиями, начавшийся ещё в 1850-х гг., а в 1860-е ставший регулярным⁶¹. «Памятные книжки» и иные исследования рассылались в другие комитеты безвозмездно⁶². С 1862 г. комитеты обменивались также оттисками протоколов своих заседаний и статьями, публиковавшимися в губернских ведомостях⁶³. Правда, со временем это делалось всё медленнее и всё чаще зависело от энтузиазма статистиков того или иного комитета.

Однако знакомство с публикациями не могло заменить живого общения, и в 1860-х гг. всё острее ощущалась потребность в обсуждении проблем, связанных с развитием статистики, на региональных, всероссийских и международных съездах⁶⁴. В 1863 г. секретарь Самарского комитета Леонтьев предложил ЯГСК совместно просить ЦСК о разрешении провести Волжский статистический съезд в Казани или Самаре⁶⁵. В Ярославле сочли это «не только полезным, но даже необходимым», о чём и сообщили в ЦСК⁶⁶. Однако министр внутренних дел П.А. Валуев решил «образование подобных съездов отложить до более благоприятного времени, когда... определится учёная деятельность статистических комитетов и яснее обозначатся те вопросы, которые потребуют совокупного изыскания нескольких комитетов»⁶⁷.

После статистического съезда, состоявшегося в 1865 г. в Одессе по инициативе Бессарабского комитета с разрешения новороссийского генерал-губернатора П.Е. Коцебу, ЯГСК вновь подал ходатайство о проведении как региональных, так и всероссийских совещаний статистиков. Секретарь комитета Фогель утверждал, что «съезды возвысили бы дух в деятелях, которые бы знали, что трудятся не за мёртвыми цифрами, зависящими часто от произвола отдельных лиц»⁶⁸. В 1869 г., когда МВД возглавлял уже А.Е. Тимашев, на очередное прошение ЯГСК последовал ответ: «Центральный статистический комитет считает, что не представляется необходимости в каких-либо частных съездах секретарей комитета». Но в том же письме ЦСК уведомлял, что по случаю

⁵⁹ Там же, л. 12–13.

⁶⁰ РГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 227, л. 271 об.

⁶¹ Бердинских В.А. Уездные историки... С. 186.

⁶² ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22663, л. 165.

⁶³ Там же, д. 22571, л. 60.

⁶⁴ Елисеева И.И., Дмитриев А.Л. История российской государственной статистики... С. 44.

⁶⁵ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22585, л. 2–5.

⁶⁶ Там же, д. 22583, л. 43.

⁶⁷ Там же, л. 71.

⁶⁸ Отчёт о деятельности... С. 9.

введения новой формы отчёта совещание секретарей комитетов в ближайшее время могут вызвать в столицу⁶⁹.

Их собрали (правда, лишь из губерний Европейской части России) 20 мая 1870 г. в Петербурге, в зале консерватории. Организатором съезда выступил известный географ, директор ЦСК П.П. Семёнов-Тян-Шанский. ЯГСК представлял Фогель⁷⁰. Собравшиеся впервые обсудили возможность осуществления Всероссийской переписи населения, рассмотрели разработанные в ЦСК методики обследований, одобрили основополагающие принципы российской статистики и не реализованный впоследствии проект реорганизации губернских статистических комитетов в отделы ЦСК, что уравнило бы их в правах с другими местными учреждениями⁷¹. Съезд стал важной вехой в развитии отечественной статистики, несмотря на то, что многие его решения не воплотились в жизнь, а сам он так и остался единственным мероприятием подобного масштаба в империи⁷².

Через два года Петербург принял Восьмую сессию Международного статистического конгресса, в которой, помимо российских статистиков, участвовали 200 иностранных делегатов, в том числе всемирно известные учёные А. Кетле (Бельгия), В. Фарр (Англия), Ц. Корренти (Италия) и Е. Лавассёр (Франция), избранные вице-председателями. Председательствовал на конгрессе Семёнов-Тян-Шанский. Особое внимание на сессии уделялось методике, демографической статистике, организации и проведению всеобщих переписей, единообразному толкованию статистических показателей⁷³. Фогель прибыл на неё уже в качестве действительного члена, а не секретаря ЯГСК⁷⁴.

В 1880-х гг. в связи с увеличением циркулярных запросов МВД и значительным сокращением краеведческой деятельности губернские комитеты, как отмечали современники, «перейдя к полному в научном отношении бездействию, превратились в канцелярию, занимающуюся чисто механической работою»⁷⁵. Это было связано как с изменением их функций, сузившихся до решения конкретных практических задач, так и с низким качеством собираемых ими данных, устаревшей методикой, отсутствием уездных отделений и необходимых денежных средств, крайне малочисленным штатом и слабой материальной базой. Наблюдая за ЯГСК, ярославский краевед И.А. Тихомиров сетовал в начале XX в.: «От светлого прошлого комитета сохранилось уже давно одно воспоминание, а сам он представляет какое-то непонятное междометие чиновничьего уклада, существующее лишь по недоразумению и по забывости»⁷⁶.

Вместе с тем постепенно возрастала роль земской статистики, существовавшей параллельно с правительственной и почти не стеснённой какими-либо

⁶⁹ ГА ЯО, ф. 642, оп. 1, д. 22663, л. 154.

⁷⁰ Там же, л. 211.

⁷¹ Сборник в память первого русского статистического съезда 1870 г. СПб., 1872. С. 29. Подробнее см.: *Адан-Семёнов А.И.* Семёнов-Тян-Шанский. М., 1965. С. 216—217.

⁷² *Елисеева И.И., Дмитриев А.Л.* История российской государственной статистики... С. 41.

⁷³ *Скопа В.А.* Международный статистический конгресс 1872 года: выработка научного подхода к инструктивно-методическому обеспечению статистических кампаний // *Успехи современной науки и образования.* 2017. Т. 7. № 2. С. 27—29.

⁷⁴ ГА ЯО, ф. 79, оп. 7, д. 1978, л. 12; *Лествицын В.И.* Депутат на статистический конгресс // *Ярославские губернские ведомости.* Часть неофиц. 1872. № 26.

⁷⁵ *Экономический журнал.* 1885. № 9. С. 4.

⁷⁶ *Тихомиров И.А.* Граждане Ярославля. Из записок ярославского старожила. Ярославль, 1998. С. 87.

циркулярами и инструкциями. По пути совершенствования теории и методики она шагнула гораздо дальше: программы земских статистических обследований были значительно шире, а качество получаемой информации выше. Однако земства интересовались исключительно предметами, входившими в их компетенцию: народным образованием, здравоохранением, местным хозяйством. А ценнейшие данные, которыми они располагали, не всегда имели научную значимость в силу их разбросанности, несопоставимости и одновременности, а также разнообразия способов описания⁷⁷. Сказывалось и отсутствие центрального органа, способного свести показатели отдельных губерний в общеимперские.

Деятели земской статистики с 1880-х гг. активно критиковали неэффективность губернских статистических комитетов (финансировавшихся из земских сборов) и добивались передачи их функций земству. В частности, предлагалось возложить на земские статистические бюро обязанность предоставлять необходимую правительственным учреждениям информацию⁷⁸. Сочувствовали этому и некоторые деятели губернских комитетов. Однако в правительственных сферах в начале XX в. предпочли приступить к подготовке реформы системы государственной статистики. Товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский признавал: «Никто не отрицает, что статистические учреждения наши устарели, что силы и средства их недостаточны, что цели своей они не достигают, и все согласны в том, что учреждения эти необходимо перестроить, расширить, усилить»⁷⁹. Впрочем, административные проволочки и финансовые трудности, а затем и ухудшение международной и внутрисполитической обстановки помешали завершению задуманных преобразований.

⁷⁷ Елисеева И.И., Дмитриев А.Л. История российской государственной статистики... С. 59—62.

⁷⁸ К вопросу о соединении земской статистики с казённой // Экономический журнал. 1886. № 1. С. 52—55.

⁷⁹ Государственный совет. Стенографические отчёты. 1910—1911 годы: Сессия 6. СПб., 1911. С. 374—375.

Ялтинская конференция 1945 г. через призму кулинарной дипломатии

Владимир Невежин

Yalta conference of 1945 through the prism of culinary diplomacy

Vladimir Nevezhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014465-2

События, связанные с проходившей 4–11 февраля 1945 г. Ялтинской (Крымской) конференцией «Большой тройки» лидеров держав антигитлеровской коалиции, в достаточной степени освещены как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Введены в оборот архивные документы, мемуары, дневники, переписка, материалы периодической печати, дающие возможность судить об атмосфере, царившей на саммите, о тех поистине судьбоносных для послевоенной Европы и для всего мира решениях, которые были на нём приняты.

В меньшей степени, но всё же затрагивался исследователями вопрос о применявшейся советской стороной во время конференции кулинарной дипломатии. Имеется в виду новое направление в изучении истории внешней политики, рассматривающее национальную кухню как своеобразный инструмент межкультурной коммуникации, имеющий целью влияние на действия, мысли и настроения политиков, дипломатов и лидеров других стран. С. Чапл-Сокол, который ввёл в научный оборот это определение, указывал на «возможность использования пищевых продуктов и блюд в качестве инструмента для создания межкультурного понимания в надежде на улучшение взаимодействия и сотрудничества»¹. Украинский дипломат А.С. Слипченко предпринял попытку раскрыть роль кулинарии как мощного средства воздействия на межгосударственные политические переговоры, призванного обеспечить успех той или иной стороны. На многочисленных исторических примерах он показал, как именно складывались обычаи дипломатических застолий и каким образом в практике «гастро-дипломатии» отражались национальные особенности и личные пристрастия лидеров разных времён и народов. В качестве одного из наглядных примеров Слипченко выделил Ялтинскую конференцию. «По значимости её решений для судеб человечества», «по объёму усилий, приложенных для её организации, в том числе — по удельному весу её “банкетного” компонента», она значительно превзошла не только прежние, «но и многие последующие международные

© 2021 г. В.А. Невежин

Автор выражает благодарность за информационную помощь профессорам Дж. Робертсу, Д. Бранденбергеру и Ю.В. Сушко.

¹ Цит. по: *Циватый В.Г.* Гастрономическая дипломатия и дипломатическая гурманистика: еда в политико-дипломатическом диалоге культур (институциональный аспект) // История еды и традиции питания народов мира. Материалы III международного симпозиума. М., 2017. С. 424.

мероприятия подобного рода»². Сюжет о «банкетном» компоненте этой конференции освещался и в работах профессиональных историков³.

Однако методы кулинарной дипломатии не исчерпываются одним лишь использованием пищевых продуктов и блюд для поиска взаимопонимания в ходе разного рода официальных визитов и международных конференций. Не менее значима возможность неформального общения представителей сторон в ходе застолий. Общение на них облегчалось тем, что хозяевам и гостям предлагались обильные яства и алкогольные напитки.

Цель данной статьи — показать на примере Ялтинской конференции, каким образом советская сторона использовала обе формы кулинарной дипломатии. Уделено внимание особенностям организации повседневного питания, а также меню обедов (банкетов), которые последовательно устраивали Ф.Д. Рузвельт, И.В. Сталин и У. Черчилль. Рассмотрено содержание тостов и здравиц, произносившихся на них. Уточнён состав присутствовавших. Наконец, представлены наблюдения о специфике поведения хозяев и гостей.

Источниковую базу статьи составили ранее не известные архивные материалы⁴, а также документальные публикации⁵, дневниковые записи⁶, мемуары⁷, газетные отчёты⁸ о конференции.

Основным форматом работы конференции являлись заседания глав правительств, а вспомогательным — совещания глав внешнеполитических ведомств, на которых обсуждались вопросы, сформулированные лидерами СССР, США и Великобритании. Всего состоялось восемь заседаний глав правительств и семь совещаний глав МИД и НКВД. Помимо этого, 4 февраля, ещё до формального открытия саммита, имели место беседы Сталина с Черчиллем и Рузвельтом, В.М. Молотова — с послом США в СССР А. Гарриманом и министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. Наконец, 8 февраля Сталин беседовал с Рузвельтом, а 10 февраля — с Черчиллем и Иденом. Общение официальных членов делегаций имело место и в ходе застолий в узком кругу. Они устраивались последовательно Рузвельтом (4 февраля), Сталиным (8 февраля) и Черчиллем (10 февраля).

Для организации конференции предпринимались беспрецедентные меры. Производилось восстановление и совершенствование инфраструктуры, облегчавшей доступ к месту её проведения (аэродрома в Саки, грунтовых и шоссейных дорог), налаживалась специальная связь, готовились помещения для

² Слипченко А.С. Дипломатическая кухня. Киев, 2015. С. 241.

³ Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира. Симферополь, 2005; Батлер С. Сталин и Рузвельт: великое партнёрство. М., 2017.

⁴ Материалы интернет-публикации «СССР и союзники. Документы архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции» (URL: agk.mid.ru).

⁵ На дипломатических фронтах. 1941—1945. М., 2020; Невежин В.А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003; Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы. М., 2015; Foreign relations of the United States (далее — FRUS). Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, 1945.

⁶ Brooke A. War diaries, 1939—1945. L., 2002; Cadogan A. The diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945. L., 1971.

⁷ Громыко А.А. Памятное. Изд. 2, испр. и доп. М., 1990; Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1975; Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947; Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5, 6. М., 1991; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1, 2. М., 1958; Birse A.H. Memoirs of an interpreter. N.Y., 1967; Bohlen Ch. Witness to history. 1929—1969. N.Y., 1973; Stettinius E. Roosevelt and the Russians: the Yalta Conference. N.Y., 1949.

⁸ Kansas City Star. 1945. March 15.

размещения участников. Безопасность делегаций обеспечивали значительные воинские контингенты, боевая авиация и корабли, система ПВО, многочисленные сотрудники органов внутренних дел⁹. Приказом НКВД СССР № 0028 от 8 января 1945 г. «О специальных мероприятиях по Крыму» на полуостров направлялись сотрудники государственной охраны и связи, специалисты, рабочие, обслуживающий персонал, транспортировались стройматериалы, электро- и сантехническое оборудование, мебель, посуда, постельные принадлежности, предметы первой необходимости и хозяйственного обихода.

Особое место в ряду организационных мероприятий отводилось снабжению продовольствием. Ответственность за обеспечение хозяйственного обслуживания объектов, где намечалась работа конференции (сервировка, создание необходимых запасов продовольствия на месте, исследование, организация столовых, буфетов и кухонь, оборудование их необходимым инвентарём и наём обслуживающего персонала), возлагалась на комиссара госбезопасности А.Я. Егнаташвили¹⁰. Была создана центральная снабженческая база, где содержались коровы, телята, овцы, птица и другая живность. Помимо этого, на каждом из спецобъектов оборудовались складские помещения с холодильными камерами, а также столовые, буфеты, кухни. Было завезено 830 кг колбас, 510 кг сливочного масла, 445 кг сыра различных сортов, 508 кг паюсной икры, более 1 т мяса, 916 кг сельдей, 431 кг рыбных изделий, 6 300 кг овощей, 800 банок консервов, 4 500 яиц. В изобилии имелись сладости, консервированные фрукты: 755 кг шоколадных конфет и других кондитерских изделий, 480 банок сгущённого молока, 280 кг варенья, 3 тыс. банок консервированного компота, а также 150 коробок кофе и 30 кг чая. Велась заготовка говядины, битой птицы, кабанов, джейранов, живых индеек и свиней, молочных битых и живых телят. Два дня спустя после начала конференции в Ялту дополнительно подвезли 200 кг осетрины, 150 кг копчёных свиных окороков и севрюги, 150 кг ветчины, 5 кавказских живых баранов. Специально построенная пекарня была готова к выпечке свежего хлеба. Наладили и подвоз живой рыбы с местных рыболовецких предприятий¹¹.

Для обеспечения питания участников конференции направили «повара-переводчика» Д.Г. Гогиберидзе, специалиста по ресторанному делу, который владел искусством метрдотеля и официанта. Он много лет проработал в Англии и Франции, а также в Тифлисе, Батуми, Баку, Одессе, Киеве, Крыму, а в 1945 г. занимал должность директора ресторана гостиницы «Метрополь»¹². Вместе с ним прибыли квалифицированные повара. Обслуживающий персонал набрали в столице, а частично — прямо на месте. Официантками на время определили медсестёр из крымских госпиталей, которых срочно обучили правилам раскладки столовых приборов и блюд¹³.

Спиртное в период работы конференции буквально лилось рекой. По сведениям корреспондента агентства «Ассошиэйтед пресс» Д. Корделла, принимающая сторона выставила порядка 14 тыс. бутылок алкогольных напитков¹⁴.

⁹ Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года... Гл. 5, 6; Государственная охрана и специальная связь в годы Великой Отечественной войны. М., 2020. Гл. 1, 2.

¹⁰ Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года... С. 47—50.

¹¹ Слипченко А.С. Дипломатическая кухня. С. 242; Государственная охрана и специальная связь... С. 270.

¹² Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года... С. 179.

¹³ Государственная охрана и специальная связь... С. 270—272.

¹⁴ Kansas City Star. 1945. March 15.

Прекрасно информированный американский репортёр оказался недалёк от истины. Водки завезли 5 132 бутылки, коньяка — 2 190, шампанского — 3 320, сухих кахетинских вин — 4 300, крымских — 1 042. Помимо этого, имелось 6 200 бутылок минеральной воды «Боржоми» и 6 300 бутылок пива¹⁵. По подсчётам американских журналистов, за время работы конференции только водки было выпито 1 400 бутылок, притом что она, «естественно, не была единственным напитком в Крыму»¹⁶.

Персональная ответственность за охрану объектов специального назначения на время подготовки и проведения межсоюзнической конференции в Ялте возлагалась на первого заместителя наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглова. Егнаташвили стал его заместителем по хозяйственному обеспечению¹⁷. Вопросами организации питания также занимался первый заместитель начальника 6-го управления НКГБ Н.С. Власик, отвечавший за охрану Сталина¹⁸.

Активная деятельность по подготовке конференции развернулась в Москве, Вашингтоне и Лондоне уже с первых дней 1945 г. По поручению Молотова его старший помощник Б.Ф. Подчероб «набросал» записку, которую озаглавил «Мероприятия по НКВД СССР». 12 января документ направили заместителю наркома А.Я. Вышинскому (на первой странице было напечатано кодовое слово «Аргонавт», обозначавшее мероприятие). Согласно этому проекту постоянными представителями при Рузвельте и Черчилле назначались сотрудники наркомата Д.С. Чувахин (заместитель заведующего отделом США) и К.Е. Зинченко (заместитель заведующего отделом печати). В Ялту командировался заведующий протокольным отделом Ф.Ф. Молочков «с задачей помочь в подготовке здания для конференции», а именно: обеспечить залы заседаний и комнаты для членов делегаций союзных стран, решить вопросы налаживания связи и работы буфета¹⁹. Он уже участвовал в организации встреч и проводов представителей стран антигитлеровской коалиции в ходе их многочисленных визитов на высшем и высоком уровне, в том числе на две Московские межсоюзнические конференции (1941, 1943)²⁰. Теперь ему поручалось «в двухдневный срок подготовить и представить на утверждение тов. Молотова программу встречи и проводов Рузвельта и Черчилля», в которую входили выставление почётного караула и исполнение гимнов союзных держав, и составить список встречающихся²¹. Молотов утвердил «Мероприятия» с небольшими добавлениями.

Советская делегация на конференции в Ялте состояла из 9 человек. Партийно-государственное руководство представляли Сталин и Молотов. От высшего командного состава присутствовали нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал А.И. Антонов и начальник штаба ВВС маршал авиации С.А. Худяков. Остальные представляли внешнеполитическое ведомство: заместители наркома И.М. Майский и А.Я. Вышинский, послы в Великобритании (Ф.Т. Гусев) и США (А.А. Громы-

¹⁵ Государственная охрана и специальная связь... С. 274.

¹⁶ Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года... С. 204.

¹⁷ Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. М., 2010. С. 224.

¹⁸ Государственная охрана и специальная связь... С. 276.

¹⁹ АВП РФ, ф. 06, оп. 7а, п. 57, д. 1, л. 2.

²⁰ Подробнее см.: Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. Дипломатические приёмы 1939—1945 гг. М., 2020.

²¹ АВП РФ, ф. 06, оп. 7а, п. 57, д. 1, л. 2.

ко)²². В свою очередь, в союзных державах для поездки в Ялту намечались высокопоставленные сотрудники, эксперты военных и военно-морских ведомств, крупные дипломаты, технический и вспомогательный персонал. 28 января советская сторона получила список участников «Конференции “Аргонавт”» от США, на следующий день поступил список британской делегации²³. Всего в обоих документах упоминались фамилии нескольких сотен человек.

Отличительной особенностью саммита явилось то, что в качестве делегатов на нём присутствовали три женщины. Фамилия первой, дочери Рузвельта Анны Беттингер, встречается в документе, озаглавленном «Персонал “Аргонавта”» (14 января 1945 г.), который представлял собой предварительный список американской делегации²⁴. О том, что она приедет в Ялту, Гарриман сообщил Молотову во время аудиенции 20 января²⁵. В окончательном списке Беттингер упомянута как «личный секретарь президента»²⁶. Второй стала дочь Гарримана Кэтлин. Супруга посла во время его пребывания с дипломатической миссией в Москве оставалась в США, а дочь находилась с отцом²⁷, вошла в состав американского посольства и получила дипломатический паспорт²⁸. Она быстро освоилась в Москве, в частности преуспела в изучении русского языка²⁹. В списке американских участников Кэтлин числилась в составе группы посла США в СССР³⁰. В ночь с 21 на 22 января она вместе с отцом отправилась в путь на поезде, который следовал по маршруту Москва—Симферополь³¹. Третьей иностранкой стала дочь Черчилля Сара Оливер, фигурировавшая в числе делегатов как офицер (командир отделения)³². Ранее она присутствовала на межсоюзнической конференции в Тегеране (1943).

Сталин определил для проживания советской делегации Юсуповский дворец в посёлке Кореиз. Первоначально здесь находилась дача «Розовый дом», принадлежавшая кн. А.С. Голицыной. В 1867 г. дачу приобрёл гр. Ф.Н. Сумароков-Эльстон. В 1909 г. архитектор Н.П. Краснов перестроил в ней дворец, владельцем которого стал гр. Ф.Ф. Сумароков-Эльстон (младший), получивший в 1914 г. титул князя Юсупова. В 1919 г. дворец национализировали, а позднее превратили в дом отдыха НКВД. Для размещения американской делегации предложили Ливадийский «Белый дворец», построенный по распоряжению Николая II в стиле итальянского Ренессанса (1909—1911 гг., архитектор — Н.П. Краснов) и являвшийся летней резиденцией императора и его семьи. В распоряжение делегации Великобритании предоставили Воронцовский дворец в Алушке, у подножия горы Ай-Петри. Он строился с 1828 по 1848 г. как летняя резиденция генерал-губернатора Новороссийского края гр. М.С. Во-

²² *Юрченко С.В.* Ялтинская конференция 1945 года... С. 95.

²³ АВП РФ, ф. 06, оп. 7а, п. 57, д. 3, л. 91—99, 101—111.

²⁴ Там же, л. 39, 43.

²⁵ Там же, д. 1, л. 11.

²⁶ Там же, л. 91.

²⁷ *Печатнов О.В.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 113.

²⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 7а, п. 57, д. 3, л. 67.

²⁹ *Печатнов О.В.* Сталин, Рузвельт, Трумэн... С. 126.

³⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 7а, п. 57, д. 3, л. 54, 59, 66, 67, 98.

³¹ График поездки А. и К. Гарриман по маршруту Москва—Крым—Мальта—Крым: Library of Congress, Manuscript Division, Averell Harriman Papers (далее — LC, АНР), container (далее — с.) 176, chronological file (далее — cf.) January 22 — February 12, 1943.

³² АВП РФ, ф. 06, оп. 7а, п. 57, д. 3, л. 6.

ронцова по проекту английского архитектора Э. Блора в неомавританском стиле. После революции дворец национализировали и превратили в музей.

При размещении делегаций учитывались не только соображения безопасности. Резиденции союзных держав располагались в 15 км друг от друга. Таким образом, у них было мало возможностей для прямых контактов и предварительного согласования обсуждавшихся вопросов и проблем, что облегчало работу советской делегации.

Буквально с первых минут пребывания на крымской земле союзники ощутили на себе (в прямом и переносном смысле) гостеприимство устроителей, выразившееся прежде всего в обильном угощении. Сразу после приземления на аэродроме Саки, где выстроились почётный караул и военный оркестр, гостей препроводили во вместительные палатки, внутри которых стояли щедро накрытые столы: бутылки водки, коньяка, шампанского; тарелки с икрой, копчёной осетриной и сёмгой, сыром, варёными яйцами, чёрным и белым хлебом. Общую картину необычного для американцев и англичан изобилия дополнял горячий сладкий чай (с лимоном) в стаканах³³. По окончании церемонии встречи делегаций Черчилль посетил одну из палаток, где не без удовольствия отведал русской икры и водки³⁴. Впоследствии, во время работы конференции, в каждом помещении, где проживали представители союзных держав, на столе неизменно стояли графины с водкой, бутылки с вином, шампанским, минеральной водой, вазы с фруктами³⁵.

В конце первого дня работы саммита, 4 февраля в 20:30, Рузвельт устроил в Ливадийском дворце обед, на который пригласил Сталина и Черчилля. От США, помимо президента, присутствовали А. Гарриман, государственный секретарь Э. Стеттиниус, начальник Управления экономической стабилизации Д. Бирнс и начальник Восточно-Европейского отдела Государственного департамента Ч. Болен. Британских гостей представляли А. Иден, посол Великобритании в СССР А. Керр и второй секретарь посольства, переводчик А. Бирс; советских — Сталин, Молотов, Громыко, Вышинский и переводчик В.Н. Павлов. Таким образом, всего на застолье присутствовали 14 человек³⁶. С.В. Юрченко утверждал, что «хозяйкой» приёма выступила К. Гарриман³⁷, однако в списке участников, представленном Боленом³⁸, и в его мемуарах³⁹ дочь посла не упомянута. Гостям предложили обед из нескольких блюд: американских (салат из жареных цыплят, жареная говядина с макаронами) и русских (бульон, осетрина и овощная солянка)⁴⁰. Биограф американского президента Р. Шервуд сообщал, что пищу готовили филиппинские повара, но продукты использовались «исключительно русские»⁴¹. Согласно отчёту Болена, меню выглядело так: икра, хлеб, масло, консоме⁴², осетрина с помидорами, говядина с макаронами,

³³ *Stettinius E. Roosevelt and the Russians...* P. 125.

³⁴ *Кузнецов Н.Г. Курсом к победе.* С. 443.

³⁵ Великая Победа. Т. 14. Умиротворение Европы. М., 2015. С. 72.

³⁶ *FRUS. Conferences at Malta and Yalta.* P. 589.

³⁷ *Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года...* С. 200.

³⁸ *FRUS. Conferences at Malta and Yalta.* P. 589.

³⁹ *Bohlen Ch. Witness to history...* P. 131.

⁴⁰ *Батлер С. Сталин и Рузвельт...* С. 437.

⁴¹ *Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца.* Т. 2. С. 569.

⁴² Консоме — осветлённый бульон (из куриного или говяжьего мяса).

пирожные, чай, кофе, фрукты. Из алкогольных напитков предлагались водка, пять различных сортов вина и шампанское⁴³.

За полчаса до окончания обеда неожиданно развернулась импровизированная дискуссия об ответственности и правах великих держав и малых государств на международной арене. Её содержание хорошо известно⁴⁴. Интерес представляет реакция участников застолья на высказывания Сталина, Черчилля и Рузвельта. Так, Вышинский, в полном соответствии со сталинской мыслью, доверительно заявил Болену: великие державы никогда не согласятся на право малых стран судить об их действиях. В ответ на замечание о необходимости учитывать мнение простых американцев он заявил, что народ должен научиться повиноваться своим лидерам. Болен ответил: если «господин Вышинский» посетит Соединённые Штаты, он желал бы, чтобы тот пообещал рассказать об этом американскому народу. Вышинский сказал, что с радостью это сделает⁴⁵. Черчилль провозгласил тост «за пролетариев всего мира», подкрепив его образной шуткой, смысл которой сводился к тому, что орёл не должен мешать птичкам петь, его также не должно заботить, по какой причине они поют⁴⁶.

Следующий приём устроил Сталин — в Юсуповском дворце 8 февраля в 21:00⁴⁷. В мемуарной и исследовательской литературе содержатся различные, порой противоречивые сведения о персональном и количественном составе участников данного застолья. Так, начальник британского Генштаба фельдмаршал А. Брук в дневниковой записи отметил, что «забыл включить» фамилии «трёх американских начальников штабов, которые, конечно, были там»⁴⁸. Юрченко же писал: «Американские начальники штабов — в том числе генерал Маршалл и адмирал Кинг — и другие военные советники на обед приглашены не были. Объяснений советской стороны не последовало»⁴⁹.

Как представляется, «объяснение» можно обнаружить в переписке К. Гарриман. Из её письма, направленного 16 февраля сестре Мэри, следовало, что устроители обеда пригласили на него по 10 человек с американской и с английской сторон. Вместо начальников штабов Рузвельт включил в список своего политического соратника адвоката Э. Флинна, а также К. Гарриман и А. Беттингер: посещение дамами обеда у Сталина предрешило отсутствие на нём начальников штабов. Это обстоятельство смутило Кэтлин, она попросила Анну «ради всего святого внести изменения в список участников» и вычеркнуть из него свою фамилию. Такая же просьба последовала со стороны её отца, однако Рузвельт остался при своём мнении. «Видит Бог, я не хотела явиться камнем преткновения ни при каком из вариантов (состава приглашённых на банкет. — В.Н.)», — восклицала Кэтлин⁵⁰.

⁴³ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 553; *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс... Т. 2. С. 569; *Батлер С.* Сталин и Рузвельт... С. 437.

⁴⁴ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 589—590; *Юрченко С.В.* Ялтинская конференция 1945 года... С. 202—203; *Батлер С.* Сталин и Рузвельт... С. 438—439.

⁴⁵ *Батлер С.* Сталин и Рузвельт... С. 439.

⁴⁶ *Bohlen Ch.* Witness to history... P. 181—182; *Батлер С.* Сталин и Рузвельт... С. 439; *Юрченко С.В.* Ялтинская конференция 1945 года... С. 203.

⁴⁷ По другим сведениям, обед начался в 20:45 и закончился после 1:00 9 февраля (*Brooke A.* War diaries... P. 659—660).

⁴⁸ *Brooke A.* War diaries... P. 660.

⁴⁹ *Юрченко С.В.* Ялтинская конференция 1945 года... С. 254.

⁵⁰ Kathleen to Mary (LC, АНП, с. 177, cf. February 16, 1945).

Юрченко писал, что в состав американской делегации также вошли Стеттинуус, Бирнс, Болен, Г. Гопкинс и начальник штаба Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами США адмирал У. Леги⁵¹. На деле Гопкинс отсутствовал, поскольку чувствовал себя плохо⁵².

В моём распоряжении имеются два документа — советский⁵³ и американский⁵⁴ списки гостей. В соответствии с ними с советской стороны прибыли 11 человек: официальный состав делегации на конференции, а также нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия и переводчик В.Н. Павлов. Наконец, Великобританию представляли Черчилль, Иден, Керр, Оливер, Бирс, Брук, а также первый заместитель Идена А. Кадоган, командующий войсками союзников на Средиземноморском театре военных действий фельдмаршал Р. Александер, начальник личного штаба Черчилля Т. Исмей, первый лорд Адмиралтейства Э. Каннингем и начальник штаба ВВС Ч. Портал. Всего на застолье собрался 31 человек.

Из числа присутствовавших на банкете представителей партийно-государственной номенклатуры завсегдастыми сталинских застолий можно назвать Молотова и Берия. Они располагались за одним столом с «вождём» и на больших кремлёвских приёмах, и на обедах и ужинах в узком кругу («симпозионах»), и на дипломатических приёмах⁵⁵. Молотов побывал на всех обедах в честь союзников по антигитлеровской коалиции с участием Сталина, проводившихся в Екатерининском зале Большого Кремлёвского дворца, начиная с 1 октября 1941 г. Довольно часто в них участвовал и Берия. Периодически приглашались также Вышинский, Кузнецов и Антонов⁵⁶.

Для главы американской делегации Рузвельта эта встреча со Сталиным стала второй и, как оказалось, последней. До этого они общались, среди прочего, на банкетах, которые имели место на Тегеранской конференции. Что касается Гарримана, то он по долгу службы имел богатый опыт общения со Сталиным на застольях, прежде всего дипломатических приёмах в Кремле⁵⁷. Его дочь Кэтлин уже спустя месяц после приезда в Москву стала посещать многолюдные мероприятия, которые периодически организовывала советская сторона. Она присутствовала на грандиозном банкете, устроенном Молотовым в 1943 г. по случаю годовщины революции и собравшем свыше 500 представителей партийно-государственной номенклатуры, дипкорпуса, высокопоставленных военных, деятелей литературы и искусства⁵⁸, посетила с отцом концерт в Большом театре 14 октября 1944 г. по случаю второго официального визита Черчилля. На следующий день после него посол сообщал в телеграмме Рузвельту: «Во время продолжительного антракта Сталин устроил скромный ужин для Черчилля, Идена и Брука, включая Кэтлин и меня. Он добродушно подшучивал над всеми нами. Кэтлин была единственной женщиной в официальной ложе и за ужином»⁵⁹. Сама она так описала этот импровизированный ужин в

⁵¹ Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года... С. 253—254.

⁵² Там же. С. 120.

⁵³ АВП РФ, ф. 06, оп. 7а, п. 58, д. 10, л. 11.

⁵⁴ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 797.

⁵⁵ Подробнее см.: Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1—3. М., 2019—2020.

⁵⁶ Правда. 1941. 2 октября; Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. С. 233, 236.

⁵⁷ Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3.

⁵⁸ Печатнов О.В. Сталин, Рузвельт, Трумэн... С. 166.; Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. С. 186.

⁵⁹ FRUS. 1944. Europe. Vol. IV. Washington, 1944. P. 1018.

письме на имя невестки британского премьер-министра Памелы: «Между двумя актами мы направились на ужин с рассадкой, на котором председательствовал Молотов. За столом находилось человек 12, и для меня всё это было так волнующе»⁶⁰. Что касается Беттингер, Бирнса, Леги, Стеттиниуса и Флинна, то приём 8 февраля 1945 г. явился для них первым опытом общения с советским лидером за обеденным столом.

Глава британской делегации Черчилль в 1942—1944 гг. неоднократно приглашался Сталиным на застолья (это происходило в Москве и Тегеране), а во время визита в СССР в октябре 1944 г. и сам пригласил его на ужин в британское посольство⁶¹. На дипломатических приёмах в Кремле бывали Иден, Керр, Кадоган, Брук, Бирс. Дочь премьер-министра Сара до Ялты присутствовала на застолье с участием Сталина лишь один раз — 29 ноября 1943 г. в Тегеране, на ужине по случаю 69-летия отца.

Поскольку в числе приглашённых оказались дочери Рузвельта, Черчилля и Гарримана, президент США в шутку назвал застолье «семейной вечеринкой». Оно состоялось в огромном зале, где находился соразмерный помещению накрытый стол, отделанный в мавританском стиле. Роскошный интерьер дополняли два тропических растения (очевидно, пальмы) и камин. Флинн позднее привёл «статистику» вечера: 30 гостей, 20 перемен блюд и 45 тостов⁶². К сожалению, я не располагаю меню мероприятия. В газетном отчёте Корделла отмечалось, что предлагались те же блюда и напитки, что и на обеде, устроенном Рузвельтом, а также цветная капуста — «особый деликатес», поскольку «свежие зелёные овощи можно видеть на столе у русских нечасто». Алкогольными напитками явились водка и пять видов вина⁶³. Скорее всего, участники обеда пили и шампанское. 9 февраля Кадоган писал жене, что Черчилль находится в хорошем настроении и в больших количествах употребляет «кавказское шампанское»⁶⁴.

Сын американского президента Э. Рузвельт, по всей вероятности, со ссылкой на информацию сестры, писал, что во время обеда «отец дипломатично, но вполне искренне похвалил советское шампанское; хозяин с гордостью ответил ему, что это шампанское производится у него на родине — в Грузии»⁶⁵. Свидетельства интереса Рузвельта-старшего к советскому шампанскому обнаруживаются и в других источниках. 13 января 1945 г. состоялась беседа заведующего 2-м Европейским отделом НКВД К.В. Новикова с Гарриманом и первым секретарём посольства Великобритании Кроствейтом, в ходе которой обсуждались детали организации грядущей встречи «Большой тройки». Посол заявил, что имеет пару поручений от президента, которые не может выполнить без содействия советского дипломата. В частности, Рузвельт хотел бы купить «некоторое количество прекрасного русского шампанского, необходимого ему для угощения тов. Сталина и Черчилля», когда они приедут к нему в гости. Для этой цели могло потребоваться три ящика. Кроствейт «рассмеялся и заявил, что этого явно недостаточно», поскольку президенту США «придётся

⁶⁰ Цит. по: Никонов В.А. Молотов: наше дело правое. Кн. 2. М., 2016. С. 180.

⁶¹ Подробнее см.: Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 2, 3.

⁶² Kathleen to Mary (АНР, LC, с. 177, cf. February 16, 1945). Адмирал Леги насчитал только 38 тостов (Батлер С. Сталин и Рузвельт... С. 484).

⁶³ Kansas City Star. 1945. March 15.

⁶⁴ Cadogan A. The diaries of Sir Alexander Cadogan... P. 707.

⁶⁵ Рузвельт Э. Его глазами. С. 238.

распростаться с одним ящиком при первом же посещении» его Черчиллем и «посоветовал купить побольше». В итоге Гарриман оставил Новикову заявку на 60 бутылок⁶⁶.

Болен подчеркнул сердечную атмосферу банкета и то, что Сталин находился в хорошем, даже в приподнятом настроении⁶⁷. О том, что он был просто в ударе, сообщали и другие свидетели⁶⁸. Например, К. Гарриман писала сестре, что советский лидер, выступая в роли радушного хозяина, выглядел потрясающе. Согласно советской традиции, он сидел посреди «длинного-предлинного стола». По правую руку от него располагался Рузвельт, слева — Черчилль. Молотов, Иден и Стеттиниус заняли места за столом напротив. Присутствие женщин на вечере создало для протокольного отдела НКВД проблему из-за неясности порядка рассадки за столом. Гости гадали, где именно займут места Беттингер и Оливер. В результате обе расположились в самом конце той стороны стола, где сидел Сталин, а дочь Гарримана — напротив дочери Черчилля. По свидетельству Кэтлин, время от времени Сталин, откинувшись назад, улыбался, «словно добрый дедушка», что произвело на неё особое впечатление. Он часто вставал для очередного тоста и неожиданно назвал себя «болтливым стариком»⁶⁹.

Многочисленные тосты на банкете оказались рутинными: за вооружённые силы союзных государств, за представителей их командования, за сотрудничество держав⁷⁰. Ключевыми стали здравицы Сталина и Черчилля, основное содержание которых зафиксировано в нескольких источниках: записи, сохранившейся в личном архиве Черчилля⁷¹ и воспроизведённой также в его мемуарах⁷², и отчёте, представленном Боленом⁷³, содержание которого дополняет письмо К. Гарриман сестре⁷⁴. Согласно Болену, первую здравицу провозгласил Сталин в честь премьера Британии⁷⁵. Однако из английской записи⁷⁶ и из мемуаров Черчилля⁷⁷ следует, что первым тост произнёс он.

Скорее всего, присутствие на дипломатических приёмах, которые советский лидер давал в его честь в Кремле, а также «дружеские ужины» на кремлёвской квартире Сталина и в Большом театре (1942, 1944) в какой-то степени

⁶⁶ *Ревякин А.В.* Ялтинская конференция: дипломатия и политика // История Великой Победы. Т. 3. Война и дипломатия. М., 2020. С. 386. Названный автор даёт некорректную ссылку на документ, в котором упоминается беседа Новикова с Гарриманом и Кроствейтом, не приводя номера фонда (АВП РФ, ф. Референтура по Англию (sic! — В.Н.), оп. 29, д. 61, л. 39; *Ревякин А.В.* Ялтинская конференция... С. 499, прим. 33). Правильная ссылка такова: АВП РФ, ф. 069 (Референтура по Великобритании), оп. 29, д. 61, л. 39. Ревякин отмечал, что ему не удалось точно установить дату беседы. Между тем из отчёта Новикова Молотову следует, что она происходила 13 января 1945 г. (АВП РФ, ф. 069, оп. 29, д. 61, л. 36, 40).

⁶⁷ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 797.

⁶⁸ *Батлер С.* Сталин и Рузвельт... С. 485.

⁶⁹ *Roberts G.* The wartime correspondence of Kathleen Harriman // *Harriman Magazine*. 2015. № 1. P. 20. В британской записи содержания одного из тостов Сталина зафиксировано следующее признание: «Я говорю как старик, поэтому говорю так много» (Цит. по: *Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников: документы и материалы.* М., 2015. С. 740).

⁷⁰ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 797.

⁷¹ *Путь к Великой Победе...* С. 740—741.

⁷² *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. С. 430—432.

⁷³ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 797—799.

⁷⁴ Kathleen to Mary (LC, АНР, с. 177, cf. February 16, 1945).

⁷⁵ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 797.

⁷⁶ *Путь к Великой Победе...* С. 740.

⁷⁷ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... С. 429.

способствовали приобщению Черчилля к культуре сталинского застолья, представлявшей собой синтез русской и грузинской трапезы с изобилием здравиц. Так или иначе, тост он адресовал Сталину как партнёру по антигитлеровской коалиции⁷⁸. К. Гарриман сочла застольные речи советского лидера «значительнее простых банальностей». Вначале он поднял бокал за Черчилля как великого лидера, который встал у руля, когда Англия оказалась без союзников⁷⁹. Затем обратился к Рузвельту. В ответной здравнице американский президент, в частности, отметил, что ощущает семейную атмосферу застолья, и аналогичным образом желал бы охарактеризовать отношения между тремя странами⁸⁰. В заключение Сталин предложил выпить за крепость боевого союза великих держав⁸¹. В ответ на это Черчилль заявил, что представляет союзников стоящими на вершине горы, откуда они взирают на открывающиеся перед ними в будущем большие возможности⁸².

Тосты произносили и другие участники обеда. Громыко провозгласил здравицу за Гарримана. В ответ американский посол отдал дань уважения Вышинскому и Майскому, подняв бокал за «людей, с которыми он работал в Москве»⁸³. Бирнс предложил выпить «за простых людей всего мира»⁸⁴.

В посмертном, исправленном и дополненном, издании мемуаров Громыко содержится эпизод, отсутствовавший в первом издании. Заметив среди присутствовавших Берия, американский президент осведомился, кто этот господин. Сталин ответил: «Это же наш Гиммлер. Это — Берия». Реальность данной сцены представляется сомнительной. Во всяком случае, мне не удалось найти подтверждения в других источниках. Вызывает сомнение и следующее утверждение: «В тот вечер Берия, и без того малоразговорчивый, молчал, держался скованно. Зарубежные гости, которые находились у нас на виду, его как бы не замечали»⁸⁵. На деле он вызвал большой интерес. К. Гарриман отмечала, что с любопытством рассматривала главу НКВД, которого так хотела увидеть ранее: «Он маленький и полный, с толстыми линзами, придающими ему злобный вид, но вполне доброжелательный». Должность, по мнению Кэтлин, делала его страшным человеком; к тому же он входил в состав Государственного комитета обороны. В свою очередь «Арчи» Керр провозгласил тост за того, кто охранял «тела» участников конференции. В этой здравнице Кэтлин усмотрела «непристойный оттенок», а Черчилль подошёл к послу, погрозил пальцем и сказал: «Будь осторожен» (иными словами, «заткнись»). Берия не произнёс на обеде ни одного тоста.

Сталин, помимо прочего, поднял бокал за присутствовавших дам, затем подошёл и чокнулся с каждой из них, что К. Гарриман расценила как «весьма милый жест». Ещё по дороге на вечер отец сообщил, что «цена билета на обед» для неё — тост на русском языке. Удобный момент представился во время

⁷⁸ Там же; FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 797—798.

⁷⁹ Путь к Великой Победе... С. 741; *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... С. 429; FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 797—798; Kathleen to Mary, February 9, 1945 (LC, AHP, c. 176, cf. February 4—10, 1945).

⁸⁰ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 798.

⁸¹ Путь к Великой Победе... С. 741; *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина... С. 429; FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 798.

⁸² FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 798—799.

⁸³ Kathleen to Mary, February 9, 1945 (LC, AHP, c. 176, cf. February 4—10, 1945).

⁸⁴ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 799.

⁸⁵ *Громыко А.А.* Памятное. С. 241.

паузы, возникшей из-за того, что ни Беттингер, ни Оливер «никак не могли сладить с третьим мясным блюдом». Тут Гарриман наклонился к дочери и велел ей подняться. Болен пытался объяснить, что именно нужно говорить, вернее, как выразить то, что она желала сказать. В свою очередь, Антонов, сидевший по другую сторону, предложил свои варианты. «Боже, как я была напугана», — признавала Кэтлин. В результате она от имени присутствовавших на обеде дам предложила выпить за хозяев, которые обеспечили комфорт гостям. Лишь увидев разрушения, совершённые немцами в Крыму, Кэтлин поняла, как много сделано организаторами конференции.

По свидетельству Бирса, в разгар застолья Сталин неожиданно произнёс благодарственный тост за переводчиков. По его словам, лидеры союзных держав в очередной раз собрались вместе, беседовали, ели, пили, в общем наслаждались жизнью. Тем временем переводчикам (Бирс, Болен и Павлов) приходилось «работать, и их работа нелегка»: они не имеют времени ни поесть, ни выпить, поскольку переводят сказанное лидерами, полагающимися на них, «чтобы передать свои идеи друг другу». Затем он обошёл вокруг стола, чокаясь с каждым из них. Тут Черчилль поднял бокал и воскликнул: «Переводчики всего мира, объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своей аудитории!». «Пародия на коммунистический лозунг» настолько «задела сталинское чувство юмора», что он смеялся в течение нескольких минут⁸⁶. Правда, Болен в мемуарах утверждал, что это он сам подхватил сталинский тост, перефразировав строку из «Манифеста Коммунистической партии»: «Переводчики всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих хозяев!»⁸⁷. Однако эта версия представляется сомнительной. Во-первых, она не подтверждается другими участниками обеда. Во-вторых, в практике дипломатических приёмов тех лет случаев произнесения тостов переводчиками не наблюдалось.

В целом, как отмечала Гарриман, обед оказался спланирован удачно. Никто не был пьян; присутствующие приятно проводили время и, в общем, всё прошло очень хорошо⁸⁸.

Последним приём устроил Черчилль — 10 февраля в 21:00 в Воронцовском дворце. Он прошёл в ограниченном кругу, от каждой державы присутствовали лишь по три человека: Черчилль, Иден и Бирс от организаторов; Рузвельт, Стеттиниус и Болен от американцев; Сталин, Молотов и Павлов — с советской стороны⁸⁹.

По утверждению С. Батлер, этот ужин «был тщательно продуман и поражае множеством блюд»: «Икра, пироги, лосось, заливная осетрина, мясо куропатки, колбасы, молочный поросёнок с хреном и волованы⁹⁰ из дичи — в качестве первого блюда; куриный бульон и куриный суп-крем — на второе; белорыбица в соусе “шампань” и запечённая кефаль — на третье; шашлык из баранины, мясо горного козла и плов с бараниной — в качестве четвёртого блюда; жаркое из индейки, жаркое из перепёлки, жаркое из куропатки с зелёным горошком — на пятое; мороженое, фрукты, птифуры, обжаренный миндаль и кофе подавались в завершение ужина»⁹¹. А.С. Слипченко писал, что меню обеда сохрани-

⁸⁶ *Birse A.H.* Memoirs of an interpreter. P. 184—185.

⁸⁷ *Bohlen Ch.* Witness to history... P. 182. Цит. по: *Батлер С.* Сталин и Рузвельт... С. 485.

⁸⁸ *Kathleen to Mary* (LC, AHP, c. 176, cf. February 16, 1945).

⁸⁹ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 921.

⁹⁰ Волован — выпечка небольшого размера с несладкой начинкой.

⁹¹ Цит. по: *Батлер С.* Сталин и Рузвельт... С. 506.

лось и было следующим: «Икра, пирожки, белая и красная рыба — лососина и шемая⁹², солёная сельдь, заливная осетрина, ассорти швейцарских сыров, колбаса, молочный поросёнок с хреном, волованы с дичью, бульон из дичи, куриное консоме, белорыбица (каспийская нельма), жареная кефаль под шампанским, шашлык из баранины, дикий козёл “из степей”... плов из баранины, жареная индейка, жареные рябчики, жареная куропатка с зелёным горошком, мороженое, миндальное печенье, кофе»⁹³. Наконец, С.В. Юрченко утверждал, что гостям подавались «икра, пирожки, белая и красная копчёная рыба, копчёная сельдь, заливная осетрина, швейцарский сыр, дичь, колбасы, молочный поросёнок с хреном, бульон из дичи, крем из цыплят, сиг в шампанском соусе, запечённая кефаль, шашлык из барашка, “дикая козочка из степей”, плов, жареная индейка, перепела, зелёный горошек, мороженое, фрукты, десерты, жареный миндаль и кофе»⁹⁴.

В приведённых перечнях столько нестыковок и неточностей, что необходимо обратиться к первоисточнику: меню (на английском языке) с автографами участников⁹⁵. Застолье состояло из четырёх частей: закуски (холодные и горячие), первые блюда, вторые блюда, десерт. Холодные закуски — икра, пирожки, белая и красная рыба (лосось или сёмга), шамая, сельдь солёная, заливная осетрина, швейцарский сыр, молочный поросёнок с хреном. В качестве горячей закуски подавались волованы с дичью. На первое предлагались бульон из дичи и куриный суп. Вторые блюда отличались разнообразием, будучи приготовлены из рыбы, мяса и птицы. Рыбные блюда составляли стерлядь в шампанском («White Fish, Champagne Sauce») и жареная кефаль; мясные — шашлык из молодой баранины, «дикая степная коза (дикий степной козёл)»⁹⁶, плов из молодой баранины. Вдобавок предлагались жареные индейки (а не жаркое, как писала Батлер), перепёлки и куропатки с зелёным горошком. На десерт — мороженое, фрукты, птифур⁹⁷, жареный миндаль и кофе.

В целом, список угощений схож с меню дипломатических приёмов в Большом Кремлёвском дворце в честь союзников по антигитлеровской коалиции, проводившихся в 1941—1945 гг.⁹⁸ Можно предположить, что к приготовлению блюд «приложили руку» (в прямом и в переносном смысле) специалисты-повара Особой кремлёвской кухни. Что касается жареной кефали и экзотического второго блюда из «дикого степного козла», их можно отнести к числу крымских «домашних заготовок».

Во время застолья лидеры союзных держав в очередной (и, как оказалось, последний в этом составе) раз обменялись тостами⁹⁹, исполненными взаимного уважения. Так, Черчилль поднял бокал за «великого Сталина», а тот в ответ предложил выпить за «самого мужественного из всех премьер-министров в мире», рождающегося лишь раз в столетие. В другой здравице он выразил

⁹² Шемая (шамая) — рыба из семейства карповых.

⁹³ Цит. по: Слипченко А.С. Дипломатическая кухня. С. 244—245.

⁹⁴ Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года... С. 288.

⁹⁵ На дипломатических фронтах. 1941—1945. М., 2020. С. 238.

⁹⁶ Слипченко прокомментировал название этого блюда так: «Трудно сказать, что это было на самом деле. Неужели “поохотились” в Аскания-Нова?» (Слипченко А.С. Дипломатическая кухня. С. 245). Можно предположить, что «дикий степной козёл» — не что иное, как джейран.

⁹⁷ Птифур — ассорти из печенья или пирожных небольшого размера.

⁹⁸ Неvejeин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 3. С. 310—318, 537—554.

⁹⁹ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 921—925; Батлер С. Сталин и Рузвельт... С. 506—508; Юрченко С.В. Ялтинская конференция 1945 года... С. 289—290.

надежду, что союзники не будут обманывать друг друга. Позднее исследователи задавались вопросом: «Не намекал ли Сталин, что обмануть его всё равно не удастся?»¹⁰⁰. Рузвельт предложил своеобразный тост за Черчилля, который, по его мнению, «больше полезен Англии, когда не находится у власти, а просто заставляет людей думать»¹⁰¹. В данном случае задуматься пришлось тостуемому, которому предстояло испытание очередных выборов.

Необходимо отметить, что некоторых членов американской и английской делегаций изобилие предлагавшихся яств и алкогольных напитков раздражало. Вероятнее всего, им показался чуждым застольный обычай принимающей стороны. Брук жаловался, что обед 8 февраля сопровождался серией тостов, в результате чего большинство блюд остыло ещё до того, «как можно было сесть и попробовать их съесть»¹⁰². Болен записал, что 12 февраля, во время визита американской делегации на борт вспомогательного судна ВМФ США «Катоктин», пришвартованного на военно-морской базе в Севастополе, им предложили перекусить: «Команда корабля накрыла... вкуснейший ужин со стейком, который явился... настоящим наслаждением после восьми дней русской стряпни»¹⁰³. Другой член американской делегации Л. Кьютер так характеризовал повседневное меню конференции: «В качестве первого блюда за утренним завтраком подавался средних размеров бокал крымского коньяка. За коньяком и вступительными тостами следовали повторные угощения икрой с водкой. После них подавались холодные закуски с белым вином, под конец сервировались крымские яблоки с многочисленными бокалами довольно сладкого крымского шампанского, последним блюдом был стакан горячего чая, к которому подавался коньяк. И это был лишь завтрак! Как мог кто-либо, с желудком, полным всего этого, принимать разумные или логические решения в вопросах жизненных интересов Соединённых Штатов?»¹⁰⁴.

Подобные отклики интересно сопоставить со свидетельствами другого рода. Так, 9 февраля 1945 г. Чувахин сообщал Вышинскому, что к нему обратился второй секретарь посольства США в Москве Э. Пэйдж, который передал пожелание Рузвельта, Стеттиниуса, Гопкинса и Бирнса «получить небольшое количество икры, шампанского, папирос, вин и водки», а также добавил, что «[на] “подарки” рассчитывают и многие другие члены американской делегации, хотя все понимают, что сделать это, видимо, будет трудно (курсив мой. — В.Н.)». От себя Пэйдж предложил дать «второстепенным членам» делегации «сувениры»: водку и папиросы, «если нет ничего другого»¹⁰⁵. Хозяева отреагировали немедленно; при отъезде из Ливадийского дворца (11 февраля) американцам были вручены подарочные наборы «от Советского правительства»: «водка, несколько различных видов вина, шампанское, икра, масло, апельсины и мандарины»¹⁰⁶.

Итак, устроители предприняли значительные усилия для организации кулинарной стороны конференции в Ялте. Питание участников оказалось обеспече-

¹⁰⁰ Цит. по: Печатнов В.О., Артизов А.Н. «Союз, рождённый в огне сражений» // Сталин, Черчилль, Рузвельт: совместная борьба с нацизмом. Каталог историко-документальной выставки. М., 2020. С. 44.

¹⁰¹ Цит. по: Батлер С. Сталин и Рузвельт... С. 507.

¹⁰² Brooke A. War diaries... P. 660.

¹⁰³ Цит. по: FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 560.

¹⁰⁴ Цит. по: Великая Победа. Т. 14. С. 71.

¹⁰⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 7а, п. 58, д. 10, л. 12.

¹⁰⁶ FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 558.

но на высшем уровне, предлагались изысканное меню, изобилие алкогольных напитков. Неожиданным следствием этого стал своеобразный культурный шок, испытанный некоторыми представителями союзных держав (хотя отрицательная реакция проявлялась главным образом в личной переписке, дневниках и воспоминаниях). Однако в дни саммита такое гостеприимство способствовало созданию тёплой, доверительной атмосферы общения. На обедах провозглашались многочисленные здравицы, в которых звучали слова уважения по отношению друг к другу, выражалась уверенность в сплочённости антигитлеровской коалиции как боевого союза, высказывалась надежда на взаимное сотрудничество в послевоенный период. Остаётся лишь пожалеть, что уже осенью 1945 г. эти надежды перечеркнуло фактическое начало холодной войны.

Амнистия 1953 г. и первые опыты по пересмотру практик социального контроля в СССР

Елена Зубкова

Amnesty of 1953 and the first experiments in the revision of social control practices in the USSR

Elena Zubkova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870014466-3

При изучении «советского проекта» и феномена советского вообще к числу наиболее дискуссионных относятся вопросы, связанные с формированием, эволюцией и функционированием советского общества. Оно складывалось под влиянием историко-культурной традиции и актуальных вызовов времени. Вместе с тем его можно рассматривать как проект — результат политического и социального конструирования. В качестве механизма воплощения проекта в жизнь выступал социальный контроль. В первую очередь он проявлялся в разделении общества на «своих» и «чужих», «нужных» и «лишних». К числу «изгоев» принадлежали люди, маркированные как «преступники»: совершившие преступления (реальные или мнимые) и на время изолированные от общества. Борьба с преступностью, прежде всего уголовной, представляла собой одну из разновидностей социального контроля и способ поддержания порядка¹.

После 1953 г. в государственной политике в сфере борьбы с преступностью и правонарушениями обозначились новые тенденции: смягчился режим, начался интенсивный процесс нормотворчества, политика изоляции маргиналов сменялась стремлением инкорпорировать их в социум, значительная часть функций по поддержанию общественного порядка переводилась в зону ответственности «общественности». Однако либерализация уголовной политики носила прерывистый и нередко обратимый характер, что объяснялось влиянием инерции предшествующей традиции, основанной на репрессиях и изоляции. Кроме того, инициаторам перемен пришлось столкнуться с криминальным вызовом — массовыми беспорядками и ростом хулиганских проявлений.

Пересмотр норм и практик социального контроля шёл в контексте перемен в стране и явился реакцией на проблему преступности и состояние репрессивной системы, в первую очередь её тюремно-лагерного сегмента (положение осуждённых/заключённых). Он развивался поэтапно и, хотя не имел чётко выраженной динамики, характеризовался спецификой в сфере нормотворчества, идеологического сопровождения и политики по отношению к людям, совершившим уголовные преступления и прочие правонарушения.

© 2021 г. Е.Ю. Зубкова

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00442а.

¹ *Гилинский Я.И.* Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 42—58.

Сталинская репрессивная система, которая создавалась и рассматривалась как механизм обеспечения политической стабильности, разрастаясь, сама становилась угрозой социальному порядку. В силу этого её трансформация оказалась неизбежной, началась ещё при жизни Сталина, но на качественно иной уровень вышла после его смерти. 26 марта 1953 г. министр внутренних дел СССР Л.П. Берия направил в Президиум ЦК КПСС записку, в которой указывалось: «В настоящее время в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2 526 402 человека заключённых, из них: осуждённых на срок до 5 лет — 590 000, от 5 до 10 лет — 1 216 000, от 10 до 20 лет — 573 000 и свыше 20 лет — 188 000 человек... Содержание большого количества заключённых в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осуждённых за преступления, не представляющие серьёзной опасности для общества, в том числе женщин, подростков, престарелых и больных людей, не вызывается государственной необходимостью»².

Существенную часть лагерного контингента составляли люди, привлечённые за незначительные, с точки зрения министра, правонарушения: самовольный уход с работы, должностные и хозяйственные преступления, мелкие кражи, хулиганство, мелкую спекуляцию. ГУЛАГ заметно пополнился после принятия указов 1947 г., ужесточивших уголовную ответственность за хищения государственного и общественного имущества, кражи личной собственности граждан³. На 1 января 1953 г. из общего количества заключённых за указанные преступления в лагерях содержались 1 241 919 человек. Срок от 5 до 10 лет за должностные, хозяйственные и воинские преступления получили 300 тыс. человек (в их числе председатели и бригадиры колхозов, инженеры, руководители предприятий). Весомую долю контингента составляли женщины — 438 788 человек, из них 6 286 беременных и 35 505 с детьми в возрасте до 2 лет. У многих дети в возрасте до 10 лет находились в детских домах или в семьях родственников. 238 тыс. мужчин и женщин пребывали в возрасте старше 50 лет. В возрасте до 18 лет насчитывался 31 181 заключённый, подавляющее большинство из них отбывали наказание за мелкие кражи и хулиганство. Около 198 тыс. человек страдали тяжёлыми и неизлечимыми болезнями, являясь совершенно нетрудоспособными⁴.

Криминологи и психологи (зарубежные, а когда-то и отечественные) настаивали, что длительное лишение свободы не только не решает проблему

² Лаврентий Берия. 1953 г. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.П. Наумов, Ю.В. Сигачёв. М., 1999. С. 19.

³ Указ Президиума Верховного совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» вышел 4 июня 1947 г. Кража личного имущества каралась заключением в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) на срок от 5 до 6 лет; кража, совершённая повторно или воровской шайкой, — от 6 до 10 лет; разбой — от 10 до 15 лет с конфискацией имущества; разбой, соединённый с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, с угрозой смерти или тяжкими телесными повреждениями, — от 15 до 20 лет с конфискацией имущества. В тот же день был принят указ «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Кража, присвоение, растрата или полное хищение государственного имущества карались заключением в ИТЛ на 7—10 лет, иногда с конфискацией имущества; хищение государственного имущества, совершаемое повторно или организованной группой, а также в крупных размерах, — от 10 до 25 лет с конфискацией имущества; кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества — от 5 до 8 лет с конфискацией или без конфискации имущества; хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно или организованной группой, — от 8 до 20 лет с конфискацией.

⁴ Лаврентий Берия... С. 19—21.

сокращения преступности и не выполняет «исправительно-воспитательную» функцию, но ведёт к дальнейшей криминализации общества, а также к десоциализации личности⁵. Берия, вряд ли знакомый с исследованиями учёных, фактически встал на их точку зрения: «Известно, что заключение в лагерь, связанное с отрывом на продолжительное время от семьи, от привычных бытовых условий и занятий, ставит осуждённых, их родственников и близких людей в очень тяжёлое положение, часто разрушает семью, крайне отрицательно сказывается на всей их последующей жизни». Исходя из этого, а также со ссылкой на то, что «большинство из этих заключённых хорошо ведёт себя в лагерях, добросовестно относится к труду и может вернуться к честной трудовой жизни», министр предложил провести широкую амнистию, почти наполовину сократив население ГУЛАГа⁶.

Ещё одна инициатива Берии предполагала более решительные шаги в направлении либерализации системы наказаний. Ранее ежегодно осуждались свыше 1,5 млн человек, в том числе до 650 тыс. на различные сроки лишения свободы, причём значительная часть — за преступления, не представлявшие большой опасности для общества и государства. Теперь же ставилась задача пересмотра законодательства: «Если этого не сделать, через 1—2 года общее количество заключённых опять достигнет 2,5—3 млн человек»⁷.

Министр вряд ли руководствовался соображениями гуманизма. Будучи человеком информированным, он действовал как прагматик. По его поручению началась работа по подготовке проектов двух указов — «Об освобождении от наказания некоторых категорий осуждённых» и «О некоторых изменениях уголовного законодательства». Уже 18 марта оба документа были представлены Берии министерствами юстиции (К.П. Горшениным) и внутренних дел (С.Н. Кругловым) и Генеральной прокуратурой СССР (Г.Н. Сафоновым)⁸. Первый воплотился в указе Президиума Верховного совета СССР «Об амнистии» (принят 27 марта), второй так и остался «на бумаге»: вероятно, его идеи тогда показались слишком радикальными.

Среди выдвинутых в проектах предложений — сокращение числа судимостей и смягчение приговоров (прежде всего за счёт ограничения применения уголовной ответственности в виде лишения свободы и заключения в ИТЛ) и, как следствие, «значительное уменьшение лагерного контингента». Планировалось привлечь к уголовной ответственности на 520 тыс. человек меньше, или на 33% по сравнению с уровнем 1952 г. Достичь этого предполагалось отменой наказаний рабочих и служащих за прогулы (на 150 тыс.), колхозников — за невыработку минимума трудовой (140 тыс.), женщин — за производство аборта (65 тыс.), а также за изготовление самогона без цели сбыта (25 тыс.) и за «самоуправство» (50 тыс.). Уголовная ответственность за «незначительные хулиганские действия» и некоторые должностные правонарушения заменялась на административную. Так, в случае хулиганских действий, совершённых впервые и «не носящих злобного характера», виновный наказывался штрафом в 300 руб. В результате планировалось, что по этим двум категориям судимость должна сократиться на 30 тыс. и 60 тыс. человек соответственно. Результатом

⁵ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 425—426.

⁶ Лаврентий Берия... С. 20.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 2231, л. 69—70.

этих изменений уголовного законодательства виделось ежегодное сокращение числа осуждённых и заключённых в лагеря на 300—350 тыс. человек (или до 50%), в том числе на 250—300 тыс. в связи с заменой заключения в лагерь на срок ниже 3 лет другими мерами наказания⁹.

Несмотря на секретный характер проектов, вопросы либерализации системы наказаний стали предметом острых споров среди юристов, чиновников, журналистов, которые продлились до принятия «Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик» в 1958 г. Стимулировало дискуссии и положение принятого указа «Об амнистии»: «Признать необходимым пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления»¹⁰.

Проведение амнистии явилось первым знаковым актом нового руководства, сигналом, что страна возвращается к «нормальной» жизни. Об этом свидетельствует риторика указа: «В результате упрочения советского общественного и государственного строя, повышения благосостояния и культурного уровня населения, роста сознательности граждан, их честного отношения к выполнению своего общественного долга укрепились законность и социалистический правопорядок, а также — значительно сократилась преступность в стране. Президиум Верховного Совета СССР считает, что в этих условиях не вызывается необходимостью дальнейшее содержание в местах заключения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой опасности для государства»¹¹. Скоро выяснилось, что заявление о сокращении преступности несколько более оптимистично, нежели состояние криминогенной ситуации (не говоря уже о том, что амнистия привела к резкому её ухудшению). Однако благодаря этому акту из лагерей вышли сотни тысяч людей, не имевших никакого отношения к уголовному миру.

Всего амнистия коснулась более 1 млн человек. Из мест заключения и от других мер наказания освобождались граждане, осуждённые на срок до 5 лет включительно. Независимо от срока наказания на свободу вышли осуждённые за ряд должностных, хозяйственных и воинских преступлений, женщины, имеющие детей в возрасте до 10 лет, и беременные, несовершеннолетние в возрасте до 18 лет, мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет, а также страдавшие тяжёлыми неизлечимыми недугами. Получившим свыше 5 лет лишения свободы время заключения сокращалось наполовину. Амнистия не касалась лиц, осуждённых на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения, бандитизм и умышленное убийство.

Объявление амнистии 28 марта вызвало в обществе противоречивую реакцию. В тот же день появились два анонимных письма, адресованных К.Е. Ворошилову. «В народе» именно он считался главным «отцом» амнистии, поскольку указ вышел за его подписью как председателя президиума Верховного совета СССР. Автор первого письма писал: «Утро 28-III-1953 года в Сталинабаде пасмурно и дождливо. По временам идёт снег. Но улицы полны народом. На лицах улыбки, в глазах радость. Крепкие рукопожатия, возгласы поздрав-

⁹ Там же, л. 70—73.

¹⁰ Правда. 1953. 28 марта.

¹¹ Там же.

лений. И кажется, что нет никакого дождя, снега и серой пелены на небе, а сияет солнце на голубом небосводе и лучи его отблеском отражаются на лицах. В чём дело? Почему такое торжество? Вот некоторые возгласы и отрывки бесед: “Ай да Клим!” — “Широкий размах!” — “Клим рубит с плеча...” — “Как и под Царицыным...” — “Кто мог ожидать, а?” — “Выпьем за Клима!” — “Он ещё не так рубанёт!” — “Мало ли у нас нелепых законов?” — “Пересмотрит!” — “Клим наш!” — “Наш Клим!”. И где ни пойдёшь, куда не повернёшься, везде слышится: “Клим, Клим, Клим...” Что за фамильярность? Почему не официально — “товарищ Ворошилов”? Или с уважением: “Климент Ефремович”? Но стоит только услышать с какой теплотой и лаской произносится это короткое, многозначное имя, как мгновенно этот вопрос застревает в горле и на глаза навёртывается непрошенная влага. И эти глаза... многомиллионные пары глаз с непередаваемой благодарностью обращаются к портрету и смотрят на строгое лицо с тонкими губами и проникновенным взглядом, окаймлённое сединой. “Докажем, что ты прав, наш Клим... Ведь уже нет почти ни одной советской семьи, из которой кто-нибудь не сидит в тюрьме за... что? Пачка папирос, коробка спичек, кило мяса... Пять лет, семь, десять!... Враг народа, лишение гражданства, поражение в правах!... Клим! Ты всё знаешь, наш Клим!”¹².

Противоположные чувства владели автором другого письма: «После сообщения об амнистии большинство честных людей очень недовольны, Вы заинтересуйтесь, почему, — во-первых, потому что Вы её опубликовали почти сразу после смерти нашего гения Сталина. Неужели это было большой необходимостью сделать это сейчас, когда слёзы советских людей не высохли от такой утраты, у народа впечатление, что наш родной Сталин, за которым люди шли на смерть не задумываясь, был жесток и слишком с людьми, которые совершали преступление. Все преступники — есть враги, с ними надо быть жестокими. Да есть люди, которые попали за малое преступление и отбывают срок наказания. Так нужно больше внимание обратить на судебную-следственную работу и не привлекать всех по шаблону. Надо обратить особое внимание на работу органов милиции, которая не борется с преступлением, а только создаёт видимость... Каждому советскому человеку отрадно бы было, если бы у нас в нашем государстве не было тюрем и лагерей, но ведь это невозможно пока, и такая амнистия, как опубликованная сегодня, может принести немало ущерба и жертв как государству, так и частным гражданам... При новой разработке уголовного кодекса нужно беспощадно наказывать убийц и бандитов, крупных растратчиков, такое желание всех честных граждан Советского Союза. Не давать им никакой пощады, ждать от них сознательности нет пока никакого основания»¹³.

Данное письмо заслуживает внимания по нескольким причинам. Оно, безусловно, отразило мнение внушительной части населения, что подтверждает последующая массовая негативная реакция на амнистию. Опасения автора носят своего рода прогностический характер, поскольку освобождение из лагерей ещё не началось. Апелляция к имени Сталина свидетельствует, что акт осуждался не только с моральной точки зрения — как оскорбление памяти недавно ушедшего вождя, — но и как разрыв с прошлым опытом обращения с осуждёнными. Очевидно, что намерение нового руководства страны через акт амнистии вернуть к нормальной жизни исключённых из общества людей (в том чис-

¹² ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 58, д. 130, л. 24.

¹³ Там же, д. 129, л. 107.

ле с криминальным прошлым) противоречило настроениям самого общества, по крайней мере, значительной его части. Этот конфликт интересов, который вскоре заявил о себе не только в формате отношений «общество—власть», но и на разных уровнях властной вертикали, стал одним из главных препятствий на пути изменения норм и практик социального контроля (особенно это касалось одной из основ идентификации — деления на «своих» и «чужих»). Для многих граждан СССР «преступник это враг», которого необходимо беспощадно наказывать и изолировать от общества. При этом сама категория «преступного» поведения оставалась весьма расплывчатой. Её главным критерием служило не содержание содеянного, а сам факт наказания (расхожее мнение: «невинных у нас не сажают», «нет дыма без огня» и т.д.). Культивируемая десятилетиями система стигматизации, маркирования «наших» и «врагов» обладала сильной инерцией, преодолеть которую до конца так и не удалось.

Вместе с тем это лишь одна причина нежелания сограждан и власть предержащих пересмотреть отношение к аутсайдерам, как и к социальным девиациям и людям с отклоняющимся от принятых в обществе норм поведения вообще. Ситуация, сложившаяся в результате амнистии, вовсе не способствовала формированию атмосферы общественной толерантности. Не будет преувеличением сказать, что освобождённые из лагерей уголовники устроили в стране настоящий беспредел. Беспорядки начались уже в пути следования эшелонов с ними. С мест поступали тревожные сигналы: «Амурский обком сообщил, что амнистированными, следующими эшелоном № 701, произведено ограбление буфетов и перронных лавок на шести железнодорожных станциях. Оперативные группы, сопровождавшие эшелоны, будучи запуганными, во многих случаях бездействуют. На станции Михайло-Чесноковская 20 мая большая группа амнистированных разогнала милицию и в течение двух с половиной часов держала станцию в своих руках»¹⁴. Однако больше беспокоились из-за разгула уголовников простые граждане, которые обращались с жалобами в ЦК КПСС, Верховный совет СССР, лично к советским руководителям.

Писем было так много, что МВД пришлось организовать их проверку и расследовать упомянутые случаи бесчинств. Результаты министр Круглов через несколько месяцев доложил Ворошилову. Большинство фактов подтвердились. Так, в анонимном письме из Ульяновска сообщалось, что уголовники захватили райком партии и ограбили его сотрудников. «Это ограбление действительно имело место. 19 мая 1953 г. освобождённый по амнистии Прокудин, будучи пьяным, зашёл в здание райкома КПСС и в одной из комнат отобрал у четырёх работников райкома, в том числе и секретаря райкома, наручные часы, оборвал телефонный провод и скрылся. Через 1,5 часа работниками милиции преступник был задержан и 20 июня 1954 г. осуждён к 15 годам заключения в ИТЛ»¹⁵.

Особенно сложная криминогенная обстановка складывалась в удалённых районах, где находилось большое количество лагерных пунктов. Освобождённые часто оседали на местах, не желая или не имея возможности выехать оттуда. Такое положение фиксировалось, например, в Восточно-Сахалинском районе Сахалинской обл., где в первые месяцы после амнистии резко вырос уровень преступности¹⁶. В Норильске в течение октября—ноября 1953 г. было зарегистрировано 294 уголовных преступления, а в первой декаде декабря —

¹⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 15, д. 402, л. 89.

¹⁵ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 85с, д. 250, л. 44.

¹⁶ Там же, ф. Р-9415, оп. 3, д. 254, л. 125.

61, в том числе 3 убийства, 19 разбоев и 27 краж. В Дудинке только с 2 по 8 декабря совершено 5 убийств. В посёлке и порту Певек Красноярского края во втором и третьем кварталах 1953 г. — 201 преступление, в том числе 26 случаев бандитизма и разбоев, 23 убийства и 6 изнасилований. По сообщению правоохранительных и партийных органов, «уголовно-преступный элемент терроризировал население, убийства носят характер истязания, убитых граждан никто не хочет опознавать, боясь мести, свидетелями по делам почти никто не идёт, за исключением военнослужащих, а это привело к тому, что убийства раскрываются только в том случае, если преступник задержан на месте»¹⁷.

По данным прокуратуры СССР, начиная со второго квартала 1953 г. рост преступности (убийств, разбойных нападений, краж и хулиганств, мошенничества) наблюдался «почти повсеместно», и в сентябре «тенденции к их уменьшению всё ещё не наметилось». «Как установлено, большое число особо опасных преступлений совершается лицами, освобождёнными из мест заключения по амнистии. Они вовлекают в свою преступную деятельность неустойчивые элементы, особенно из числа молодёжи»¹⁸. За год по всем видам уголовных преступлений было зарегистрировано 320 835 преступлений (без данных транспортных органов милиции), притом что в 1952 г. — 246 850, а в 1954 г. — 265 082¹⁹. В связи с усложнением криминогенной ситуации Президиум ЦК КПСС 2 июля одобрил проект указа Президиума Верховного совета СССР «О неприменении амнистии к лицам, осуждённым за разбой, к ворам-рецидивистам и злостным хулиганам». Лица, освобождённые на основании указа от 27 марта, если они нигде не работали, отправлялись обратно в лагеря на срок, оставшийся к моменту освобождения по амнистии²⁰.

Негативные последствия амнистии, как это ни покажется парадоксальным, имели и положительный эффект. Оказавшись во многом «неожиданными» (во всяком случае, в таких масштабах), они показали, что ни властные структуры, ни правоохранительные органы не владеют ситуацией в достаточной мере, чтобы оперативно реагировать на неё, а тем более прогнозировать. Это заставило всерьёз заняться проблемой преступности. До того не существовало даже чёткой, единой системы учёта уголовных правонарушений. Как признавался заместитель Генерального прокурора СССР Г.Н. Новиков, многие из них вообще оставались незарегистрированными²¹. Не менее остро стоял вопрос о состоянии системы, отвечающей за контроль над преступностью (милиция, прокуратура, судебные органы): она очевидно нуждалась в реформировании. Наконец, чтобы решить проблему преступности, её необходимо было изучать — как это делалось в 1920-х гг. В 1953 г. задача возрождения отечественной криминологии и девиантологии ещё не казалась актуальной, но она заявила о себе вскоре, когда исчерпали себя методы административного и политико-идеологического реагирования на ситуацию. Криминальный след амнистии привлёк внимание к феномену профессиональной, организованной преступности. Раньше она не выделялась из общего криминала, а само это понятие не употреблялось. Даже

¹⁷ На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945—1960-е гг. Документы / Сост. Е.Ю. Зубкова, Т.Ю. Жукова. М., 2010. С. 150.

¹⁸ Там же. С. 144—145, 148.

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 273, л. 194—210.

²⁰ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т. 1. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000. С. 382.

²¹ На «краю» советского общества... С. 149.

в ведомственном лексиконе предпочитали подменять явление эксцессами: говорили об «уголовниках-рецидивистах», «ворах-рецидивистах»²².

Первым опытом такого рода стало создание в 1955 г. в составе МВД СССР Специального бюро, вскоре преобразованного в Научно-исследовательский отдел (упразднён в 1959 г.). Назначенный в 1956 г. министром внутренних дел Н.П. Дудоров поручил сотрудникам отдела возобновить исследования уголовной преступности, причём непосредственно «на месте» (в лагерях). Предполагалось собирать документальную базу и социологический материал, в том числе беседуя с заключёнными. Эту задачу выполняли пришедшие в отдел молодые юристы Ю.Б. Утевский и А.М. Яковлев. В 1957 г. последний провёл большое исследование в Восточно-Уральском ИТЛ (Востураллаге), в созданную им социологическую базу попали 800 рецидивистов. Позже материал послужил основой для докторской диссертации²³ — первой за 30 лет²⁴.

Криминальный социум, объединявшийся пространством вынужденного совместного существования — лагерем, после выхода на свободу распался. Часть освобождённых стремилась интегрироваться в нормальную жизнь, другие продолжали жить по «воровским законам», в собственном мире со своими нормами и правилами. Они принесли с собой субкультуру, которая оказалась привлекательной, «заразительной» для части общества, особенно молодёжи²⁵, которую привлекала своей «неправильностью» в советских условиях тотальных предписаний. Как вспоминает музыкант А.С. Козлов, «образ “урки” вызывал не только страх, но и особое чувство уважения. В дворовой жизни среди мальчишек среднего возраста считался модным этакий симбиоз урки и приблатнённого матросика»²⁶. Брюки «клёш», тельняшка, кепка с обрезанным козырьком, татуировка и имитация металлической фикса — с помощью этих несложных ухищрений мальчишки стремились создать независимый, как им казалось, образ. Популярны были и блатные песни — своеобразный гибрид тюремного фольклора и городского романса: «Медленно и постепенно они просачивались с Дальнего Востока и с Дальнего Севера, они вспыхивали в вокзальных буфетах узловых станций. Указ об амнистии напевал их сквозь зубы. Как пикеты наступающей армии, отдельные песни мотались вокруг небольших городов, их такт отстукивали дачные электрички, и, наконец, на плечах реабилитированной 58-й статьи они вошли в город. Их запела интеллигенция»²⁷.

27 августа 1953 г. Совет министров СССР принял секретное постановление № 2283-930с «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью». В нём отмечалось, что органы Министерства внутренних дел «не принимают эффективных мер к охране общественного порядка и слабо ведут работу по борьбе с преступностью», часть уголовников-рецидивистов после выхода на свободу возобновили свою деятельность. Наме-

²² О проблеме профессиональной преступности в 1950—1960-х гг., её состоянии и первых опытах изучения подробнее см.: *Elie M. Banditen und Juristen im Tauwetter GULAG-Reform, kriminelle Gegenkultur und kriminologische Expertise // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2009. Н. 4. S. 492—512.*

²³ *Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964.*

²⁴ *Elie M. Banditen und Juristen... С. 497—499.*

²⁵ О влиянии криминальной субкультуры на общество см.: *Добсон М. Холодное лето Хрущёва. Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М., 2014. С. 123—149.*

²⁶ *Козлов А. «Козёл на саксе» — и так всю жизнь... М., 1998. С. 56.*

²⁷ *Даниэль Ю. Говорит Москва. М., 1991. С. 100.*

чался комплекс мер, направленных на улучшение работы милиции по предупреждению и раскрытию преступлений (в первую очередь, особо тяжких), усиление борьбы с «антиобщественными элементами» (в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР от 23 июля 1951 г.). Советы министров союзных и автономных республик должны были к 10 сентября обеспечить трудоустройство всех освобождённых по амнистии. Нетрудоустроенные инвалиды и престарелые граждане, не имевшие родственников, направлялись в дома престарелых и инвалидов. Руководители предприятий и профсоюзные органы обязывались организовать обучение амнистированных и затем использовать их по специальности. Руководители предприятий получили право в течение трёх месяцев выплачивать амнистированным, проходившим профессиональное обучение, стипендию в размере 400 руб.²⁸

В порядке надзора за исполнением постановления Генеральный прокурор СССР 31 августа издал приказ № 225с, предписывавший прокурорам республик, краёв, областей и районов провести ряд мероприятий, в том числе «в недельный срок разобраться с состоянием преступности, разработать и провести необходимые мероприятия, направленные на усиление борьбы с уголовной преступностью, обратив при этом особое внимание на активизацию и повышение эффективности борьбы с такими преступлениями, как убийства, разбойные нападения, кражи и хулиганство»²⁹. Однако эта задача была невыполнима изначально. Вскоре выяснилось, что и меры, направленные на качественное улучшение деятельности правоохранительных органов, могут быть реализованы лишь отчасти: аппарат милиции и прокуратуры, ведавший оперативной разработкой, дознанием и следствием, оказался просто не готов к такому объёму работы — прежде всего в силу своей малочисленности, недостаточной квалификации, а также межведомственных конфликтов³⁰.

Всплеск криминальной активности — не единственная проблема, связанная с амнистией. Другой проблемой — и гораздо более важной, затрагивавшей основную массу освобождённых, — явилась адаптация: возможности и условия возвращения к нормальной жизни, трудоустройство, жильё и (далеко не в последнюю очередь) отношение окружения, т.е. готовность социума принять «включить» бывших «исключённых». Трудности с поиском работы, когда человек оказывался «не у дел» и без прописки, безусловно, являлись и фактором риска криминального рецидива³¹.

В июне 1953 г., спустя два месяца после проведения амнистии, в разных городах и областях остались нетрудоустроенными от 25 до 40% амнистированных³². По состоянию на 10 сентября, по сообщениям региональных управлений милиции, процент трудоустроенных поднялся до 88. Только в некоторых регионах он отставал: в Грузинской ССР, Краснодарском крае — 60%, в Лат-

²⁸ ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 12, д. 231/2, л. 104—105.

²⁹ Там же, ф. Р-8131, оп. 32, д. 2386, л. 1—7.

³⁰ На «краю» советского общества... С. 150.

³¹ Тема реинтеграции бывших заключённых достаточно подробно разработана в научной литературе. См., например: *Adler N. The Gulag survivor: beyond the Soviet System. Routledge, 2017; Elie M. Policies concerning amnestied and rehabilitated former Gulag prisoners in the Novosibirsk oblast, 1953—1960 // Cahiers du Monde Russe. 2006. № 1. P. 327—347; Elie M. Rehabilitation in the Soviet Union, 1953—1964: a policy unachieved // De-Stalinising Eastern Europe. L., 2015. P. 25—45; Sprau M. Kolyma nach dem GULAG: Entstalinisierung im Magadaner Gebiet 1953—1960. Berlin; Boston, 2018.*

³² РГАНИ, ф. 5, оп. 15, д. 402, л. 46—47.

вийской и Молдавской ССР, Великолукской обл. — 70%³³. Возможности получения работы во многом определялись позицией местных органов власти и руководителей предприятий. В ряде мест, особенно там, где не хватало людей, бывших «сидельцев» принимали охотно. Так, Томский обком КПСС высказал готовность принять 5 тыс. семей в колхозы и 1 100 семей — на предприятия местной промышленности. Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР поддержало ходатайство обкома и предложило предоставить переселяемым льготы, в том числе бесплатный проезд, провоз имущества до двух тонн на семью и провоз скота; единовременное пособие по 800 руб. на главу семьи и по 300 руб. на каждого члена семьи; списание в местах выхода семей недоимок по сельскохозяйственному налогу и обязательным поставкам сельхозпродукции, а в местах вселения — освобождение от уплаты налога и обязательных поставок (кроме молока) сроком на два года; кредит на строительство жилья 10 тыс. руб. и 1 500 руб. — на покупку коровы. Эти предложения находились в русле принятого 7 апреля 1953 г. распоряжения Совета министров СССР, которое предоставило ряду министерств право при заключении трудовых договоров с амнистированными для работы на предприятиях и стройках выплачивать единовременное безвозвратное пособие в размере 150 и 300 руб. при заключении договора на 1 год и в двойном размере при заключении договора на 2 года. Кроме того, разрешалось выдавать ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере 10 тыс. руб. и на хозяйственное обзаведение — до 2—3 тыс. руб.³⁴

Однако, несмотря на принятые на самом высоком уровне решения и рекомендации, местные органы власти не спешили их выполнять — особенно в первые месяцы. Это обуславливалось прежде всего устойчиво подозрительным отношением ко всем людям с лагерным и тюремным прошлым. Сознание не могло смириться с мыслью, что «изгои» способны стать «правильными» гражданами³⁵. Перекодировка «чужих» в «своих» давалась с большим трудом. Ещё меньше к такого рода повороту, точнее работе, оказалось готово общество — те самые «правильные» граждане. Безусловно, и здесь сказывалась привычка мыслить в сформированной ещё в сталинские годы парадигме: человек, побывавший на «зоне», независимо от характера совершённого им преступления, воспринимался как потенциальный уголовник. Криминальный разбой, устроенный частью амнистированных, работал на закрепление этого стереотипа.

Любопытно, что в письмах-откликах на результаты амнистии очень редко встречались сочувственные высказывания (исключение — отношение к осуждённым по политическим статьям, но в 1953 г. таковых среди вышедших на свободу было относительно немного). В основном преобладали алармистские настроения, большую долю составляли коллективные жалобы. Колхозники из Ростовской обл. писали: «С момента прихода по амнистии бывших заключённых мы не знаем покоя в своей мирной жизни и труде. За период 30-летнего существования нашего колхоза не было ничего подобного, за последнее время нападают и грабят почтовых работников, колхозников, везущих продукты на

³³ ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 233, л. 225.

³⁴ Там же, ф. Р-5446, оп. 87, д. 1511, л. 67—69.

³⁵ О тех же проблемах, но применительно к довоенному периоду, размышляет Г. Алексопулос. Ей же принадлежит терминология — деление советского социума на «сталинских изгоев» и «правильных граждан»: *Alexopoulos G. Stalin's outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926—1936. Ithaca; L., 2003.*

рынок, грабят магазины и зверски убили сторожа-колхозницу, которая трудилась в колхозе более 25 лет... Всё это навело большую панику на колхозников, которые из-за боязни не выходят на ночные работы по животноводству, на охрану складов, перестали посещать культурные учреждения и с 7 часов вечера по две семьи собираются в одну комнату на ночлег, потому что грабёж и убийства производятся не отдельными личностями, а целыми группами в 8—10 человек, вооружённых огнестрельным оружием». Им вторили рабочие монтажного управления № 5 треста «Нефтезаводмонтаж» Куйбышевской обл.: «Не считаясь с силами, работая по 10—16 часов, мы строим крупный нефтеперерабатывающий завод, но мы не имеем отдыха по Сталинской Конституции. Среди нас есть люди, которые весь век пытаются прожить паразитами. Вечером мы не имеем права выйти на улицу, пойти в кино или другие культурные учреждения, до того развит в нашем молодом городе Новокуйбышевске грабёж, насилия. К амнистированным примкнула неорганизованная молодёжь. Отдельные дома нашего города внешне начинают походить на тюрьмы — в окнах появляются решётки. В чём дело? Почему мы не можем в нашей стране строящегося коммунизма свободно работать, отдыхать, учиться?»³⁶.

Нередко письма напоминали «страшилки» и основывались в основном на слухах. Вместе с тем проверки МВД показывали, что «значительное количество фактов, сообщаемых в письмах трудящихся, соответствует действительности». Размышляя о причинах разгула криминала, граждане видели одну из главных в недостатках системы наказания преступников и требовали «суровых мер». Для убедительности они ссылались не только на последствия амнистии, присутствовало стремление политизировать уголовные преступления, перекалфицировать их в терроризм. Речь шла не только о грабежах и убийствах, даже хулиганство маркировалось как «политический бандитизм». Звучали и утверждения о влиянии зарубежной агентуры. «Наличие случаев убийств и хулиганства без видимых причин и без ограблений, производимых организованными шайками, заставляют думать о диверсионном характере этих убийств, т.е. об участии врагов извне», — таково было мнение научных работников из Ленинграда. С ними солидаризовался инженер из Красноярска: «Я не вижу разницы между диверсантом, который взорвал театр или сжёг библиотеку, и бандитом, грабителем, который, убивая и грабя честных тружеников, не даёт им возможности посещать вечером эти учреждения, т.е. использовать их. Мне не понятно, почему мы не называем таких людей врагами народа и почему мы не судим их и не расправляемся с ними, как с врагами народа? Не исключена возможность того, что шайки этих грабителей специально создаются врагами народа именно из политических соображений, чтобы запугать честных людей, парализовать работу вечерних культурно-просветительских учреждений и вызвать недовольство в народе». Преподаватель Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта также полагал, что цель действий зарубежной агентуры по активизации криминала — создание чувства недовольства среди населения и подрыв обороноспособности государства. Поэтому «самое время выполнить указание Великого Ленина, который говорил, что нет разницы для Советской власти между хулиганами, бандитами и капиталистами»³⁷.

Всё это, конечно, недвусмысленная апелляция к риторике и практикам 1930-х гг. Именно в эти годы происходила политизация преступности, кото-

³⁶ На «краю» советского общества... С. 157—158.

³⁷ Там же. С. 162—163.

рая стала рассматриваться в контексте классовой борьбы. Руководитель НКВД Г.Г. Ягода в 1935 г. настаивал, что хулиган, бандит, грабитель это «настоящий контрреволюционер»³⁸. Такая логика требовала соответствующего наказания виновных. Поэтому граждане выступали за ужесточение ответственности, вплоть до смертной казни³⁹. Высказывались и экзотические суждения, например, высылать преступников «на острова», где бы они жили в полной изоляции. Эта странная идея, отражавшая не столько решение проблемы, сколько отсутствие такового, нашла неожиданное продолжение в научной фантастике. И.А. Ефремов в романе «Туманность Андромеды» придумал Остров Забвения, ставший «убежищем для тех, кого не увлекала уже напряжённая деятельность Большого Мира, кому не хотелось работать наравне со всеми», т.е. для изгоев «правильного» общества⁴⁰.

В общем, граждане пока не готовы были принять идеи либерализации и гуманизации уголовного законодательства, реинтеграции людей, совершивших преступления, но уже отбывших наказание за это. Речь в письмах шла в основном о наиболее опасных преступлениях, но в сознании людей часто не существовало грани между грабителем и хулиганом, между уголовником-рецидивистом и человеком, первый раз преступившим закон. Между тем высказывавшиеся за «суровые» законы — это та самая «общественность», которую скоро призвали бороться с преступностью и заниматься поддержанием социального порядка, но совершенно другими методами. Эти методы начали обсуждаться в ходе разработки нового уголовного законодательства и реформирования системы социального контроля в целом. В процессе дискуссий обнаружилось, что общество оказалось гораздо более консервативным, чем профессиональные круги и руководство страны.

³⁸ *Ширер Д.* Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924—1953 гг. М., 2014. С. 34—40.

³⁹ На «краю» советского общества... С. 163—164.

⁴⁰ *Ефремов И.А.* Туманность Андромеды. М., 1958.

Криптографическая служба Российской Федерации: история создания и развития в XX в. (к 100-летию образования)

Василий Христофоров, Юлия Гусева

**The centenary of the Cryptographic service of the Russian Federation:
creation and development during the 20th century**

*Vasily Khristoforov (Russian State University for the Humanities;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow),
Yulia Guseva (Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870014467-4

Национальная безопасность напрямую зависит от многих факторов, среди которых важнейшей традиционно считается степень боеготовности и боеспособности вооружённых сил. В XXI в. всё большее значение приобретает также комплексная системная защита информации, составляющей государственную тайну. Возрастание роли криптографической службы¹ связано с активным внедрением разветвлённых систем связи, современных технологий обработки информации, широким использованием новейшей техники. В этих условиях проблема защиты информации как никогда актуальна, так как информационное противоборство становится одним из ключевых элементов локальной и глобальной политической повестки.

Академическая актуальность нашего исследования связана с изучением истории становления российской криптографии как части научно-технической политики СССР. В более узком смысле данная тема позволяет рассмотреть историю шифровального дела, вопросы защиты информации и обеспечения информационной безопасности, сотрудничества на этом поприще представителей научно-технической элиты страны и специалистов органов госбезопасности, взаимодействия подразделений, занимавшихся дешифровкой сообщений иностранных государств, и контрразведки.

Научные и научно-популярные издания, посвящённые истории криптографии в России, немногочисленны, но заслуживают внимания. Среди них особый интерес представляет книга Т.А. Соболевой — первое монографическое исследование на эту тему². Среди исследователей необходимо также отметить Л.С. Бутырского, Ю.И. Гольева, Д.А. Ларина, Е.А. Тришина, Г.П. Шанкина и др.³ Книга Б.Ю. Анина, много лет проработавшего в КГБ СССР, посвящена

© 2021 г. В.С. Христофоров, Ю.Н. Гусева

¹ Под криптографической службой понимается совокупность общегосударственных и ведомственных органов, осуществляющих разработку и эксплуатацию шифровых средств для передачи секретной информации по каналам связи, а также добывание информации путём её перехвата, дешифровки и анализа.

² Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М., 2002.

³ Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин Е.А., Шанкин Г.П. Криптография. Страницы истории тайных операций. М., 2008; Бутырский Л., Ларин Д., Шанкин Г. Криптографический фронт Великой Отечественной. М., 2012; Ларин Д. Криптографическая служба России. Очерки истории. М., 2017; Ларин Д.А. Организация шифрованной связи во время конференций лидеров союзных государств

истории мирового радиоэлектронного шпионажа — разновидности шпионской деятельности, заключающейся в получении секретной информации из каналов связи. В ней содержится масса неизвестных фактов об операциях спецслужб иностранных государств и о работе КГБ⁴. В книгах А. Клепова⁵ и Г.А. Куренкова⁶ рассматриваются разносторонние вопросы защиты информации, в том числе вопросы её шифрования в партийных организациях. В книге М. Малиновской и Л. Эйтингона показано противоборство советских и американских спецслужб в сфере криптографии⁷.

В следующую группу входят труды, посвящённые вкладу научных и научно-исследовательских организаций СССР в победу в Великой Отечественной войне⁸, а также исследования о политических репрессиях среди научных работников⁹ и инженерно-технического персонала, изучению организации труда заключённых (конструкторов, инженеров, учёных и вольнонаёмных специалистов) в системе спецслужб в 1930—1950-х гг.¹⁰ Деятельность Особых технических бюро ОГПУ—НКВД—МВД СССР, 4-го спецотдела НКВД, а также различного рода спецтюрем-«шарашек», в которых использовался принудительный труд репрессированных, исследовали С.П. Стрекопытов¹¹, М.Ю. Моруков¹², А.И. Кокурин¹³ и др.¹⁴

Указанные научные и научно-популярные работы позволяют составить общее представление об истории криптографической службы в России в 1921—

в 1943—1945 годах // Великая Победа: в 15 т. / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. Т. XIV. Не стереть из памяти. М., 2015. С. 273—278.

⁴ Анин Б.Ю. Радиоэлектронный шпионаж. М., 2000.

⁵ Клепов А. Шифраторы и радиоразведка. Щит и меч информационного мира. Т. 1. Записки криптографа. М., 2015.

⁶ Куренков Г.А. От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП(б)—ВКП(б). 1918—1941. М., 2015.

⁷ Малиновская М., Эйтингон Л. На предельной высоте. О парашютистке и разведчице Музе Малиновской и генерале государственной безопасности Науме (Леониде) Эйтингоне. Великие Луки, 2009. С. 171—174.

⁸ Академическая наука — фронту. К 70-летию победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 / Сост. В.И. Васильев, А.А. Маковский; под ред. В.Е. Фортова. М., 2015; Вклад в Победу научно-исследовательских организаций СССР 1941—1945. Сборник документов. Т. 1: Эвакуация 1941—1942 / Сост. Л.Ю. Покровская, В.Н. Парамонов, О.Н. Солдатова, М.К. Сурина. Самара, 2016.

⁹ Репрессированная наука (библиографический указатель литературы за 1988—2008 гг.) / Сост. О.В. Кузьмина, И.Л. Сабельникова, О.Н. Солдатова, Е.Л. Храмова. Самара, 2009. С. 449—619.

¹⁰ Солдатова О.Н. Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности советского государства (1917—1956 гг.). Самара, 2013; Солдатова О.Н. Деятельность репрессированных учёных и изобретателей в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Телескоп: научный альманах. Самара, 2005. С. 178—182.

¹¹ Стрекопытов С.П. История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX — XX вв.). Учебное пособие. М., 2002. С. 248—266.

¹² Моруков М.Ю. Особое техническое бюро // МВД России: энциклопедия. М., 2002. С. 371—374; Моруков М.Ю. Особые технические бюро ОГПУ—НКВД—МВД СССР // Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 2001. С. 127—134.

¹³ Кокурин А.И. Организация и деятельность 4 спецотдела НКВД—МВД СССР (1939—1953 гг.) // Телескоп. Самара, 2008. С. 47—68.

¹⁴ Зимин В.А. Репрессированные учёные-связисты (по документам филиала РГАНТД) // Телескоп. Самара, 2008. С. 33—39; Христоворов В.С. Тюремно-морская «одиссея» инженера Н. Лапина // Там же. С. 135—146; Парамонов Р.Н. «Шарашки» как уникальный институт советского общества // Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Материалы всероссийской конференции. Самара, 2009. С. 183—193.

1991 г., проанализировать основные направления разработки и производства специальной и шифровальной техники.

Большинство документов по данной проблематике сохраняют актуальность и потому находятся на секретном хранении до 2044 г. Наше исследование базируется на комплексе рассекреченных документов государственных и ведомственных архивов: ГА РФ, РГАСПИ, Центрального архива ФСБ России и архивов УФСБ по Архангельской, Курской и Орловской областям, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Документы ГА РФ позволяют реконструировать процесс создания Спецотдела при ВЧК, установить его основных сотрудников, исследовать причины межведомственной конкуренции и т.д. Документы ведомственных архивов (ФСБ и Минобороны) свидетельствуют, сколь важное значение придавалось шифровальному делу, какое влияние имели органы госбезопасности на другие структуры и ведомства в процессе организации и деятельности криптографической службы, как взаимодействовали шифровальные службы различных ведомств.

Среди публикаций источников обратим внимание на сборник «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» в 6 томах и 11 книгах, документы которого свидетельствуют, что радиоконтрразведка и дешифровальная служба НКВД с первых дней войны вели перехват и контроль переписки частей и соединений германских и японских вооружённых сил и разведывательных органов¹⁵. В документах содержатся сведения об обнаружении радиостанций противника и отправке оперативно-розыскных групп для их деактивации, об использовании в радиоиграх захваченных агентов-радиостанций противника¹⁶. Опубликованные в сборнике «Курская битва глазами Лубянки» документы спецслужб свидетельствуют, что в период сражения дешифровальщики успешно вскрывали сообщения немецкого разведотдела армейской группы¹⁷. В 4—5 томах многотомного издания «Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны» опубликованы документы об использовании труда заключённых специалистов, а также об улучшении работы радиопромышленности, форсировании оснащения армии радиоустановками по обнаружению самолётов, приёмопередающими радиостанциями. Кроме того, несомненный интерес представляют материалы о совершенствовании системы подготовки кадров¹⁸. Важное значение имеют постановления ГКО об обеспечении войск средствами связи, о плане производства и поставках основных средств связи для Главного управления связи Красной армии, о восстановлении и развитии заводов электровакуумной промышленности наркомата электропромышленности¹⁹. Некоторые документы

¹⁵ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 6. Победа (1 января — 9 мая 1945 г.) / Сост. В.П. Ямпольский, И.К. Белик, В.И. Кочанов, О.Б. Мозохин, Е.В. Шумилова, О.М. Тупицын. М., 2014.

¹⁶ Архив УФСБ России по Архангельской области, д. 259, л. 14; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 245—246; Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 429—430.

¹⁷ ЦА ФСБ России, ф. 40, оп. 24, д. 6, л. 258—258 об.; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. М., 2003. С. 307.

¹⁸ Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 — июнь 1941): сборник документов / Под ред. А.К. Соколова. Т. 4. М., 2015. С. 238—240, 254—255, 271, 302, 323—326, 409—410, 562—565.

¹⁹ Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—1942). Т. 5. М., 2020. С. 145—146, 270—272, 602—609.

о кадрах КГБ при Совете министров (СМ) СССР и результатах проведения операций по негласному копированию шифрбллокнотов посольств иностранных государств опубликованы в сборнике «Политбюро и органы государственной безопасности»²⁰.

Наконец, важную информацию предоставляют источники личного происхождения. О Марфинской лаборатории («Марфинской шарашке»), созданной в Отделе оперативной техники МГБ СССР с целью разработки аппаратуры засекречивания телефонных переговоров гарантированной стойкости, писали в воспоминаниях А.И. Солженицын²¹, Л.З. Копелев²², Д.М. Панин²³, К.Ф. Калачёв²⁴. Бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков дал подробную оценку деятельности шифровальных и дешифровальных подразделений ведомства²⁵. Генерал-майор В.Н. Удилов, длительное время работавший на руководящих должностях в контрразведке, рассказал об уникальных операциях советских спецслужб по проникновению в иностранные посольства и снятию копий с их шифрбллокнотов, что позволяло читать переписку дипломатических представительств и разведок²⁶.

Становление криптографической службы Советской России. События 1917 г. парализовали работу имперской школы криптографии, погребённой под обломками государственного аппарата. Специалисты оказались по разные стороны баррикад: значительная их часть присоединилась к Белому движению, усилив его позиции. Ими широко использовались традиции и техническая база шифровальной службы, многие важные документы Временного правительства, документация командующих фронтами царской армии, шифры и коды. Создавались также новые коды, использовались буквенно-слоговые равнозначные таблицы замены. В распоряжении Белого движения были не только опытные кадры, но и значительная часть средств радиоперехвата, с помощью которых дешифровывались радиограммы между командованием Красной армии об операциях на Восточном и Туркестанском фронтах, переговорах в Брест-Литовске, работе ВЧК. Определённую поддержку оказывали зарубежные правительства и спецслужбы. Особенной активностью в этом направлении отличалась британская разведка. Часть опытных криптографов царской России, эмигрировавших в Лондон, привлекалась к работе по вскрытию советских шифров. В результате англичане провели операцию по перехвату дипломатической переписки делегации РСФСР с немцами о заключении мира в Брест-Литовске, в 1920 г. дешифровали значительную часть советско-английских торговых переговоров. В августе 1920 г. через газету «The Times» англичане фактически признали факт перехвата и чтения советских дипломатических депеш²⁷.

Пришедшие к власти бывшие революционеры-подпольщики прекрасно осознавали необходимость защиты партийных и государственных секретов. Для этого требовалось фактически заново построить систему технической передачи

²⁰ Политбюро и органы государственной безопасности. Сборник документов / Сост. О.Б. Мо-
зохин. М., 2017. С. 728, 738—745.

²¹ Солженицын А.И. В круге первом. М., 1990.

²² Копелев Л.З. Утоли мои печали. М., 1991.

²³ Панин Д.М. Лубянка—Экибастуз. Лагерные записки. М., 1990.

²⁴ Калачёв К.Ф. В круге третьем (Воспоминания и размышления о работе Марфинской лабо-
ратории в 1948—1951 гг.). М., 1999.

²⁵ Крючков В.А. Личное дело: в 2 ч. Ч. 1. М., 1996.

²⁶ Удилов В.Н. Записки контрразведчика (Взгляд изнутри). М., 1994.

²⁷ Куренков Г.А. От конспирации к секретности... С. 119—120.

и защиты информации, приступить к созданию специальной техники, шифров, кодов и организации шифрработы на государственном уровне. В условиях Гражданской войны эта задача оказалась невыполнимой: требовались новые структуры, кадры и подходы. Решение отказаться от дореволюционных шифров не принесло желаемого результата. 20 августа 1920 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин направил В.И. Ленину записку, в которой обращал внимание на то, что советская система шифрования известна многим эмигрантам (бывшим царским чиновникам и военным), и это приводит к утечке информации. Почти все сообщения Красной армии и советской дипломатии, зашифрованные при помощи таблиц «Республика», «Москва» и «Секунда», успешно читались не только «белыми», но и иностранными государствами (Великобритания, Польша, Швеция). Даже новые, более стойкие шифры («Пулемёт», «Агитатор», «Советский») не повысили сохранность информации²⁸.

В первые годы советской власти шифровальное дело развивалось весьма хаотично: единой структуры, отвечавшей за сохранение важной информации, не существовало. Так, в августе 1920 г. появилось Шифрбюро Секретариата ЦК РКП(б) из семи человек, созданное для секретной переписки с партийными органами и зарубежными коммунистическими партиями, но оно плохо справлялось с поставленными задачами. 28 января 1921 г. при ВЧК был организован Специальный отдел, занимавшийся шифровальной и дешифровальной работой, однако это не решало вопроса защиты информации. Требовалось принятие организационных и административных решений и реорганизация государственного аппарата.

Впервые вопрос о подразделении, которое бы занялось такой работой во всероссийском масштабе, обсуждался на заседании СНК 12 апреля того же года. В итоге решили «поручить начальнику Шифровального отдела ВЧК принять меры к осуществлению надзора, контроля и руководства шифровальным делом в Республике и представить в Малый Совет соответствующий проект постановления, согласовав его с наиболее заинтересованными ведомствами в первую голову». Дальнейшие дискуссии выявили столкновение интересов ВЧК и наркомата юстиции, потребовалась череда согласований межведомственных позиций. 22 апреля, выполняя поручение правительства, начальник шифровального отдела ВЧК Г.И. Бокий направил в Малый Совнарком четыре экземпляра проекта постановления об образовании при ВЧК «Специального отдела». Заседание Малого СНК состоялось 25 апреля, однако решение принято не было, так как Бокий, понадеявшись на авторитет ВЧК и чрезвычайную важность обсуждаемого вопроса, не согласовал текст документа с заинтересованными ведомствами (иностранных и внутренних дел). Лишь 5 мая по итогам слушания вопроса СНК постановил: «1. Организовать при ВЧК «Специальный отдел», начальником которого мог быть только член Коллегии ВЧК. 2. Специальный отдел при ВЧК объединяет все шифровальные органы РСФСР, контролирует и направляет всю деятельность таких органов. 3. Все распоряжения и циркуляры Специального отдела при ВЧК по всем вопросам шифровального и расшифровального дела являются обязательными к исполнению всеми ведомствами РСФСР»²⁹.

Так было положено начало созданию советской криптографической службы. Её задачами стали: изучение шифров и выработка рекомендаций по повыше-

²⁸ Ларин Д. Красные и белые шифры // ФСБ: за и против. 2017. № 6. С. 53—55.

²⁹ ГА РФ, ф. 130, оп. 5, д. 87, л. 191—196.

нию их стойкости, разработка системы шифров и составление кодов различных ведомств; разработка специальных кодов для наркоматов внешней торговли, иностранных дел и штаба Красной армии, обследование шифрорганов; разработка инструкций, циркуляров и указаний для шифрорганов и контроль за их работой; организация подготовки и переподготовки специалистов-криптографов, дешифровка переписки иностранных государств и перлюстрация дипломатической почты. Работа Спецотдела изначально проходила в тесном взаимодействии с ЦК РКП(б) и его секретными подразделениями. Практически с первых дней ЦК уделял особое внимание организации шифровальной службы, повышению её статуса в системе спецслужб. В дальнейшем именно это позволяло отделу длительное время избегать постоянных реорганизаций, характерных для советского аппарата.

В своей работе отдел использовал опыт Российской империи и иностранных государств. Его сотрудники во второй половине 1921 — начале 1922 г. проанализировали 95 различных готовых шифрсистем, из которых только 36 признали криптографически стойкими и рекомендовали для использования в военном, внешнеполитическом и внешнеторговом ведомствах. На основе этого анализа и особенностей шифрпереписки в наркоматах и ведомствах создавались новые шифры (буквенные и буквенно-слоговые) и коды (алфавитные и неалфавитные). Их использовали в повседневной работе, в частности, малым кодом активно пользовалась советская делегация на Генуэзской конференции. Отдел постепенно расширял возможности и масштабы шифровального дела, контролировал деятельность шифрорганов РСФСР. В полномочных представительствах (ПП) ГПУ—ОГПУ создавались спецотделения, положения о которых утвердил приказ № 242/96 от 9 декабря 1927 г. Их основными задачами являлись: организация секретного и шифровального делопроизводства во всех учреждениях, расположенных на территории ПП ОГПУ как местного, так и союзного значения; разработка шифров и обеспечение ими всех учреждений на территории ПП, за исключением тех, которые пользовались шифром, установленным Спецотделом; контроль за порядком ведения и хранения мобилизационных и шифровальных материалов; учёт лиц, ведавших секретной перепиской в советских учреждениях³⁰.

Подготовка криптографов началась на шифровальном отделении курсов ВЧК (срок обучения 2—6 месяцев, руководитель В.Д. Цибилов). Среди преподавателей были как «царские» специалисты (И.А. Зыбин, В.И. Кривош-Неманич (Кирпичников)), так и советские. Кадры готовились не только для Спецотдела, но и для шифровальных отделений ЦК ВКП(б) и наркоматов, а также дипломатических и торговых представительств СССР за границей. В январе 1931 г. начали работу объединённые дешифровальные курсы по подготовке криптографов дипломатического и военного направлений с ежегодным выпуском 25 человек, годом позже — Центральные курсы по подготовке дешифровальщиков при дешифровально-разведывательной службе (ДРС) штаба РККА. Подготовка кадров для вскрытия дипломатической шифрпереписки до 1940 г. также проводилась на краткосрочных курсах при 7-м отделе (шифровальная работа) НКВД СССР. Большое значение имели учебные пособия и сборники, которые разрабатывались Спецотделом, а также преподавателями специальных учебных

³⁰ Спецтехника на защите государства (История становления и развития спецслужб и их технического обеспечения). М., 2004. С. 11.

заведений³¹. Однако краткосрочные курсы не могли удовлетворить потребность в специалистах ни в количественном, ни в качественном отношении³².

Несмотря на усилия по предотвращению утечки информации, спецслужбы иностранных государств перехватывали секретную информацию, циркулировавшую по каналам шифрсвязи. Так, к примеру, для англичан большой интерес представляла переписка советского правительства и дипломатов с Ближним Востоком и организациями в Великобритании. Её перехват и чтение в Лондоне продолжались до конца мая 1927 г. Затем правительственный комитет опубликовал избранные места из неё, чтобы оправдать разрыв дипотношений с СССР. После этого порядок изменили: отныне шифрование и расшифровка секретных сообщений велось путём применения одноразовых шифрблоков. В итоге вплоть до середины 1940-х гг. английские криптоаналитики не могли дешифровать советскую дипломатическую переписку³³. С середины 1920-х гг. стали также применяться коды с гаммированием, использующиеся до настоящего времени в качестве резервных средств шифрования. В 1927 г. на вооружение Спецотдела поступили разработанные П.Н. Куксенко (выдающимся радиоспециалистом, работавшим в НИИ связи РККА) устройства многократного приёма для радиостанций.

Тем временем центральный аппарат ОГПУ начал подвергаться реорганизации. С 1 декабря 1929 г. в его структуре находились Спецотдел (начальник Боккий) и Центральное шифровальное бюро (начальник В.М. Колосов). В 1936—1941 гг. происходили новые структурные трансформации, в ходе которых менялись составы и наименования отделов, занимавшихся шифровальным делом, а также изготовлением оперативной техники. После разделения ведомства в феврале 1941 г. в структуре НКВД осталось Особое техническое бюро (начальник В.А. Кравченко), а также появилось 6-е отделение (ведение шифрованной переписки; начальник А.А. Солодянников). В новообразованный наркомат государственной безопасности «ушли» два отдела: 4-й (опертехника, начальник Е.П. Лапшин) и 5-й (шифровальный, начальник А.И. Копытцев).

При содействии и помощи Спецотдела создавалась армейская дешифровально-разведывательная служба. Долгое время она находилась в его оперативном подчинении. Лишь в 1939 г., после постановления Комитета обороны при СНК от 4 июля и приказа наркомата обороны (НКО) от 16 июля, началась организация ДРС при 5-м управлении Разведывательного управления Генерального штаба РККА. Впрочем, службы НКВД и ДРС, их подразделения на местах поддерживали тесное взаимодействие в работе, добыче информации, подготовке кадров.

В 1929—1930 гг. при отделах и ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе независимо друг от друга появились отдельные радиолоборатории. В соответствии с циркуляром ВСНХ и ОГПУ от 15 мая 1930 г. в их работе использовались специалисты, арестованные за «контрреволюционную деятельность».

³¹ Там же. С. 14, 35.

³² 50 лет Институту криптографии, связи и информатики (Исторический очерк) / Отв. ред. Б.А. Погорелов. М., 1999. С. 12.

³³ Куренков Г.А. Организация защиты информации в структурах РКП(б)—ВКП(б) 1918—1941 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 20; Лайнер Л. «Венона». Самая секретная операция американских спецслужб. М., 2003. С. 262.

Эту дату можно считать днём рождения «шарашек»³⁴. Разработкой секретной телефонии занимались будущие академики В.А. Котельников и А.Л. Минц, профессора К.П. Егоров, В.К. Виторский. Точкой отсчёта стал 1930 г., когда к работе в наркомате почт и телеграфа приступил Котельников. В 1938—1939 гг. в ЦНИИ наркомата связи под его руководством появились две лаборатории — по засекречиванию телеграфной и телефонной информации. К концу 1930-х гг. секретной телефонией занимались уже несколько предприятий: НИИ наркомсвязи, НИИСТ Красной армии, завод им. Коминтерна, завод «Красная Заря» (Ленинград), НИИ связи и телемеханики Военно-морского флота, НИИ № 20 наркомата электропромышленности, а также лаборатории НКВД³⁵. В 1938 г. создана Центральная лаборатория оперативной техники (ЦЛОТ) в составе двух отделений³⁶.

С начала 1930-х гг. в 8-м управлении Генштаба РККА велась работа по созданию шифровальной аппаратуры. Одной из них стала громоздкая и не очень надёжная ШМВ-1 (шифрмашина И.П. Волоска). Она работала по принципу наложения гаммы (случайной последовательности знаков) на комбинацию знаков открытого текста, что в итоге создавало неразборчивую криптограмму, взломать которую по тем временам было практически невозможно. В 1934 г. разработали и запустили в производство шифрмашину В-4. В 1939 г. инженер Н.М. Шарыгин провёл серьёзную модернизацию В-4, создав по сути новый аппарат — М-100 «Спектр». В нём реализован шифр гаммирования, заключающийся в непосредственном наложении на знаки открытого текста знаков гаммы, наперфорированных на бумажную ленту по двузначному коду. М-100 активно использовалась во время боевых действий в районе Халхин-Гола (1939) и советско-финляндской войны (1939—1940)³⁷. Через некоторое время создали более совершенную машину М-101, а к 1941 г. — К-37 (шифровальный аппарат для среднего звена), работавшую на многоалфавитном шифровании и частично заменившую применявшийся в армии командирский код.

До начала Великой Отечественной войны шифраппаратуру изготавлил 69-й отдел завода № 209 наркомата судостроительной промышленности, в котором числились около 160 рабочих и инженерно-технических работников (из них 8 конструкторов) и около 100 единиц станков. Им проектировалась и изготавливалась аппаратура кодирования телеграфных сообщений для Генштаба и Главного управления связи РККА: С-308 для аппарата Бодо, С-309 для советского телеграфа СТ-35, С-307 (полевая шифрующая приставка к телеграфному аппарату с питанием от аккумулятора), С-306 для присоединения к классическому аппарату Морзе (питание от сети), К-37 (компактный аппарат, работающий на многоалфавитном шифровании), 1001 (шифрмашина правительственной связи), СТ-35 (ленточный стартостопный³⁸ телеграф).

³⁴ В сентябре 1938 г. в структуре НКВД для использования заключённых, имевших специальные технические знания, при выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ был создан Отдел особых конструкторских бюро (4-й спецотдел).

³⁵ *Калачёв К.Ф.* В круге третьем...

³⁶ Спецтехника на защите государства... С. 39.

³⁷ Шифровальная техника Советского Союза. Русские «Энигмы». Ч. 5 (URL: <https://topwar.ru/151854-shifrovalnaja-tehnika-sovetskogo-sojuza-russkie-jenigmy-chast-5.html>).

³⁸ Название принципа работы появилось из-за того, что механизмы передатчика и приёмника пускались в ход одновременно при передаче каждого знака телеграммы, после чего останавливались. При передаче следующего знака они запускались вновь. Пуск в ход это «старт», остановка — «стоп».

Активные меры по развитию системы защиты информации, развитию науки и техники, а также деятельность политической и научно-технической разведки по добычанию научно-технической информации заложили фундамент системы шифрования и дешифрования. Однако всё же ощущалось отставание разработок от уровня Англии, Германии, США, связанное прежде всего с тем, что в советских структурах не имелось высококвалифицированных математиков³⁹.

Советская криптография в период Великой Отечественной войны. Война явилась серьёзным испытанием для подразделений шифрования и дешифрования, обеспечения правительственной связи и защиты информации. Особое внимание уделялось сокрытию мероприятий Генерального штаба Красной армии и Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) по планированию, подготовке и ведению стратегических операций. Эффективность этой деятельности, её влияние на ход и исход событий на фронтах во многом зависели от оперативности разведки, полноты, достоверности и своевременности получения информации.

Соответствующие подразделения НКВД и ГРУ обеспечивали Ставку, Генштаб, командование фронтов безопасной связью и важной информацией о намерениях противника. В структуре НКВД работали спецотделы: 2-й (оперативной техники, начальник Е.П. Лапшин), 4-й (особое техническое бюро, ВЧ-связь, начальник В.А. Кравченко), 5-й (шифровальный, начальник И.Г. Шевелев). 3 ноября 1942 г. на базе 5-го спецотдела было создано 5-е (шифровальное) управление НКВД. В состав 4-го спецотдела вошли три радиолaborатории (со штатом 356 человек и всем лабораторным оборудованием), созданные ещё в 1929—1931 гг. для обеспечения оперативной и специальной техникой подразделений органов безопасности⁴⁰: в пос. Кучино, занимавшаяся разработкой и изготовлением радиопеленгаторных, радиоприёмных и звукозаписывающих устройств (210 человек); в Москве (на ул. Спиридоновка), занимавшаяся разработкой и изготовлением агентурных приёмопередающих станций и аппаратурой для спецслужб литер «Н» и «М» (110 человек); в Ленинграде (эвакуированная в Свердловск), занимавшаяся той же тематикой, что и предыдущие (36 человек). Их вскоре объединили в единую Центральную радиолaborаторию (ЦРЛ) (7-е отделение 4-го спецотдела НКВД, начальник Ф.Ф. Железов). С 1941 г. в ней работал талантливый инженер Л.С. Термен.

Для подготовки криптографов в августе 1940 г. при 7-м отделе ГУГБ НКВД была создана одногодичная криптографическая школа особого назначения, после начала войны переведённая в Уфу. В 1942 г. на базе школы и 3-го учебного отделения Высшей школы Генштаба организована Специальная школа 5-го управления НКВД с 10-месячным сроком обучения. Кроме того, появились четыре школы по подготовке радиоспециалистов: в Ленинграде (на 1 200 человек), Москве, Горьком и Воронеже (на 1 тыс. человек каждая). В армии вводился запрет на использование связистов не по специальности. Командирам частей и соединений предписывалось в 5-дневный срок вернуть квалифицированных связистов (инженеры, техники, радисты-слухачи и операторы, телеграфисты, работавшие на аппаратах Бодо, СТ-35 и др.) в профильные части.

В октябре 1941 г. лабораторию Котельникова эвакуировали в Уфу, значительную часть документации и макетов уничтожили. В 1941—1946 гг. лаборатория несколько раз реорганизовывалась, передавалась в различные ведомства,

³⁹ 50 лет Институту криптографии, связи и информатики... С. 14.

⁴⁰ Спецтехника на защите государства... С. 60.

что оказывало негативное влияние на её работу. Несмотря на это, по итогам 1942 г. за разработку новой аппаратуры связи руководителя и инженеров наградили Сталинской премией.

Для объединения усилий шифровальных и дешифровальных подразделений армии и органов госбезопасности в ноябре 1942 г. на основе 5-го спецотдела НКВД и дешифровальной службы⁴¹ военной разведки Красной армии организовали 5-е управление (шифровально-дешифровальное) НКВД. Из НКО туда перевели опытных криптографов М.С. Одноробова, Н.В. Пишенина, В.С. Полина, Г.И. Пондопуло, М.И. Соколова, А.Ф. Яценко и др.

Накануне и в годы войны важнейшим средством связи являлись телеграфные аппараты Бодо⁴², допускались переговоры и телеграммы открытым текстом, но с применением при этом кодированных карт и таблиц позывных. Первые дни и недели ведения боевых действий показали, что управление войсками ведётся неудовлетворительно, работа связи организована плохо, телефонная связь ненадёжна. В огромном потоке документов, часто не имевших оперативного значения, тонули важнейшие приказы, директивы и распоряжения, с большим опозданием (на 8—10 часов) попадавшие в подчинённые штабы, что зачастую приводило к срыву намеченных операций. 23 июля 1941 г. вышел приказ НКО № 0243 «Об улучшении работы связи в Красной армии»⁴³, в соответствии с которым командирам и комиссарам частей и соединений, военным советам армий и фронтов предписывалось немедленно обеспечить полное использование радиосредств для управления войсками с обязательным соблюдением секретности передачи данных. Однако первое время части и соединения РККА, ВМФ, НКВД и НКГБ не имели достаточного количества радиостанций, телефонных и телеграфных аппаратов⁴⁴. Постановление ГКО от 9 августа 1941 г. «Об обеспечении Красной армии средствами связи» дало соответствующие поручения ряду наркоматов⁴⁵. Однако и эти меры не смогли решить проблему⁴⁶. Поэтому постановлениями ГКО в 1942 г. регулярно регламентировались следующие вопросы: организация правительственной высокочастотной связи между Москвой и штабами фронтов, производство аппаратуры ВЧ-связи, войсковых радиостанций, телеграфных аппаратов Бодо и автоматики Бодо, производство и поставки средств и имущества связи для различных ведомств, 5-го (шифро-

⁴¹ С 23 ноября 1942 г., согласно приказу НКО СССР № 00222 о реорганизации ГРУ Генштаба Красной армии, дешифровальная служба военной разведки и восемь отдельных радиодивизионов особого назначения передавались в состав НКВД.

⁴² Бодо — телеграфный аппарат, изобретённый в 1872 г. французом Ж.Э. Бодо. Аппарат позволял по одной линии вести передачу нескольких телеграмм одновременно, причём получение данных происходило уже не в виде точек и тире (до того все подобные системы базировались на азбуке Морзе), а в виде букв латинского и русского (после тщательной доработки отечественными специалистами) языка. Аппарат Бодо и другие созданные по его принципу устройства получили название стартстопных. В 1940-х гг. в СССР использовались аппарат Бодо и буквопечатающее устройство типа 2БД-41 двукратного телеграфирования.

⁴³ ЦА МО РФ, ф. 4, оп. 11, д. 65, л. 165—169.

⁴⁴ Так, обеспеченность радиосетей Генштаба аппаратами Бодо составляла 69%, СТ-35 — 35%, телефонными аппаратами — 47% (Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 5. Ч. 1. С. 61).

⁴⁵ Там же. С. 145—146.

⁴⁶ На 1 декабря 1941 г., когда шла битва за Москву, войска связи Западного фронта были обеспечены телефонным кабелем на 36%, аппаратами СТ-35 — на 35—58% и Бодо — на 85% (Там же. С. 61).

вального) управления НКВД⁴⁷. В 1943 г. ГКО обращал внимание на необходимость обеспечения высококачественными проводами для ВЧ-связи Ставки со штабами фронтов и армий⁴⁸. Тогда же неоднократно принимались постановления об оснащении радиоаппаратурой и имуществом связи 5-го (шифровального) управления НКГБ⁴⁹.

В 1942 г. сотрудники подразделений дешифровальной службы ГРУ вскрыли основные немецкие и японские системы общевойсковых, политических и дипломатических шифров, а также 75 шифров немецкой разведки и воинских соединений противника. В результате удалось прочитать более 50 тыс. телеграмм противника, что позволило установить места дислокации свыше 100 штабов соединений и раскрыть нумерацию 200 отдельных батальонов и других частей германской армии. В период Сталинградской битвы удалось получить информацию о составе группировки германских войск (6-й полевой и 4-й танковой армий), действовавших перед Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами. В числе трофеев битвы оказались 696 радиостанций и 933 телефонных аппарата противника, коды 6-й полевой армии, а также три шифратора «Enigma». Советские контрразведчики выявили среди военнопленных несколько разведчиков и шифровальщиков, которых привлекли к сотрудничеству. Вступление РККА в 1944 г. на территорию иностранных государств потребовало дополнительных усилий по обеспечению маскировки и затруднению прослушивания оперативных телефонных разговоров штабов фронтов, армий и корпусов. На территории, занятой советскими войсками, устанавливался контроль за телеграфно-телефонной линией, радио и почтовой связью⁵⁰.

К началу войны в ЦНИИС наркомата связи разработали и изготовили несколько образцов аппаратуры засекречивания телефонных переговоров, основанной на частотно-временных преобразованиях речевого сигнала. В лаборатории Котельникова к концу 1941 г. изготовили и испытали лабораторные макеты отдельных основных узлов аппаратуры «Соболь-П»: частотных перестановок с инверсией спектра, временных перестановок, шифратора на базе трансмиттера и пятирядной перфорированной телеграфной ленты, а также макет генератора, создающего гамму управления перестановками частотных полос и временных отрезков⁵¹. Совершенствование шифровальной техники привело к созданию электрической машины предварительного шифрования М-150 (1945), на основе которой были созданы машины М-152, М-153, М-161 для министерств иностранных дел и внешней торговли СССР. В общей сложности на линиях связи между Ставкой и командующими фронтами и армий использовались более 2 тыс. аппаратов засекречивания.

Наряду с разработкой шифровальной аппаратуры велось совершенствование и средств связи. Так, в течение 1941—1942 гг. под руководством Термена разработана серия радиопередатчиков «Белка», «Набла», «Марс», «Тюлень», которые активно использовались в оперативных подразделениях и войсках НКВД, а также в партизанских отрядах. Различные варианты радиостанций —

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 24, л. 45—46, 93—103; д. 33, л. 27—42; д. 45, л. 169—196; д. 52, л. 52—55; д. 61, л. 108—134; д. 64, л. 25—33; д. 65, л. 80—82; д. 73, л. 54—55; д. 80, л. 8—39.

⁴⁸ Там же, д. 85, л. 46—63; д. 127, л. 149—152.

⁴⁹ Там же, д. 121, л. 143—144; д. 212, л. 5—8.

⁵⁰ Там же, д. 214, л. 123—128; д. 301, л. 114—115; д. 324, л. 121; д. 397, л. 140—145; д. 387, л. 89—90.

⁵¹ *Калачёв К.Ф.* В круге третьем...

чемоданный, десантный, унифицированный — оказались настолько надёжны и удобны, что их заказывали Центральный штаб партизанского движения, ГРУ⁵². Новое направление оперативной связи появилось в ЦРЛ — система «Интеграл» для городской радиотелефонной связи из легковой автомашины и радиостанция «Стрела» с дальностью связи до 3 тыс. км для связи правительственных поездов с Москвой. Эта аппаратура обеспечила высоконадёжную радиосвязь во время проведения Тегеранской конференции и в оперативных поездках на Северный Кавказ. Виднейшие советские военачальники высоко оценивали работу правительственной связи.

Таким образом, нападение Германии на Советский Союз стимулировало развитие шифровальной и специальной техники, средств правительственной связи и новых технологий. Для этого были объединены усилия шифровальных и дешифровальных подразделений РККА и отечественных органов госбезопасности, а также представителей шифровальной службы НКВД—НКГБ и коллективов разработчиков аппаратуры шифрования. По окончании войны в целях использования передового опыта радиотехнической и электропромышленности Германии и Австрии и для создания современной производственной базы на советских заводах, занимавшихся изготовлением шифровальной аппаратуры и радиостанций, по программе репарации с предприятий, научно-исследовательских институтов и складов вывозились оборудование связи, образцы новейшей радиотехнической аппаратуры, материалы, технические архивы и библиотеки⁵³. Так, в соответствии с постановлениями ГКО 1945 г. из Германии вывезли: на завод № 672 — оборудование по производству телеграфной аппаратуры с немецкого телеграфного завода фирмы «Лоренц» (Кюстрин); оборудование по производству телеграфной аппаратуры с завода «Верне Верке Т» фирмы «Сименс Гальске» в Берлине (Хозельхорст) (498 ед.); на завод № 697 — оборудование по производству аппаратуры дальней связи с телефонного и приборостроительного заводов в Берлине (Сименсштадт); на завод № 203 — оборудование по производству танковых и пехотных радиостанций с завода концерна «АЕГ-Саксен Верке» в районе г. Дрездена (Нидрезедлиц); на завод № 210 — оборудование по производству радиоаппаратуры с завода фирмы «АЭГ» (Берлин)⁵⁴.

Шифровальное дело в 1950—2000-х гг. Во второй половине 1940-х гг. Сталин предпринял ряд мер, направленных на ослабление влияния ведомства госбезопасности. Первым шагом стало выделение в мае 1947 г. из структуры МГБ политической разведки, объединение её с военной разведкой⁵⁵ и образование на их основе самостоятельного ведомства — Комитета информации при СМ СССР (1947—1949, в 1949—1951 — Комитет информации при МИД СССР)⁵⁶. Осенью 1949 г. из ведения МГБ изъята шифровально-дешифровальная служба. 19 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о коренной перестройке Специальной (шифровальной) службы МГБ СССР и создании Главного управления специальной службы (ГУСС) при ЦК ВКП(б), в состав

⁵² РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 165, л. 29—39; ГА РФ, ф. 9401, оп. 3, д. 93, л. 66—99; Спецтехника на защите государства... С. 60—62.

⁵³ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 378, л. 10, 112; д. 401, л. 144—146; д. 406, л. 44—45; д. 414, л. 74—76; д. 421, л. 27—30; и др.

⁵⁴ См.: Тихонов С.Г. Оборонные предприятия СССР и России. Т. 1—2. М., 2010.

⁵⁵ В 1949 г. военная разведка вернулась в систему Минобороны.

⁵⁶ В 1951 г. разведывательная работа из МИД была возвращена в МГБ.

которого вошли бывшие 6-е управление МГБ и ДРС Генштаба. ГУСС заложило основы исследований и теории проектирования шифровальных систем широкого профиля, способствовало развитию экспериментальной и производственной базы для выпуска аппаратуры засекречивания: появились новые идеи и методики, давшие значительный эффект при дешифровании дисковых шифраторов с использованием как специализированных ЭВМ, так и ЭВМ общего назначения.

После смерти Сталина задачи развития шифровального и дешифровального дела замкнул на себя КГБ. В его структуре появились: в 1954 г. — 8-е главное управление (шифрование и дешифрование), в 1973 г. — 16-е управление (радиоэлектронная разведка и радиоперехват). В 1959 г. на базе 2-го (применение оперативной техники), 3-го (изготовление средств тайнописи, экспертиза документов), 4-го (радиоконтрразведка), 5-го (изготовление оперативной техники) и 6-го (перлюстрация почтовой и телеграфной корреспонденции) спецотделов создали Оперативно-техническое управление (ОТУ), которое просуществовало вплоть до расформирования КГБ в конце 1991 г. Оно являлось головным подразделением по проектированию, разработке, производству и эксплуатации специальных технических средств. В нём сосредоточивались достижения научной мысли, высочайших технологий, уникальные технические решения. ОТУ внимательно присматривалось к новинкам в области создания специальной техники за рубежом и стремилось использовать всё наиболее ценное. Среди его продукции было сравнительно немного технических средств, разработывавшихся и производившихся большими партиями, сериями. Часто они представляли собой единичные изделия, предназначенные для решения строго определённых оперативных задач. Продукция этого управления носила сугубо секретный характер. Утечка информации приводила к тому, что противник разрабатывал меры противодействия и тем самым лишал эффективности технические возможности КГБ. В то же время ОТУ делилось своими новинками с гражданскими отраслями промышленности, не требуя ничего взамен: коммерческой практики в те времена не существовало. Без его изделий ни разведка, ни контрразведка, ни другие подразделения Комитета, ни пограничные войска не могли решать стоявшие перед ними задачи⁵⁷.

26 апреля 1967 г. коллегия КГБ приняла решение «О внедрении электронных вычислительных машин для механизации и автоматизации аналитической работы в системе КГБ». Началось создание автоматизированной системы информационного обеспечения (АСИО) органов и войск КГБ, а также формирование в оперативных подразделениях группы разработки и группы управления разработками задач. Для решения указанных проблем в 1969 г. в ОТУ создали специальный Научно-исследовательский институт (НИИАИ). Началось построение, проектирование и исследование автоматизированных систем КГБ, а также изучение и применение математических методов в информационно-аналитической работе⁵⁸.

20 ноября 1967 г. 2-й отдел ОТУ выделили в самостоятельный 12-й отдел КГБ (прослушивание телефонов и помещений). Речь идёт о слуховом техническом контроле, используемом органами госбезопасности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. О работе этого отдела ходило много домыслов, его работу преподносили как «тотальный контроль» органов госбез-

⁵⁷ Крючков В.А. Личное дело. Ч. 1. С. 343.

⁵⁸ См.: 50 лет Институту криптографии, связи и информатики... С. 66—67.

опасности над советскими гражданами и иностранцами. Однако технические возможности отдела в конце 1980-х гг. ограничивались контролем одновременно не более 2 тыс. абонентов.

Необходимо обратить внимание на организованное взаимодействие сотрудников 2-го и 8-го главных и 16-го управлений КГБ. Так, посты радиоэлектронной разведки⁵⁹ 16-го управления за рубежом фиксировали и обрабатывали не только «открытые» сообщения, но и шифровки иностранных внешнеполитических ведомств и разведок. Криптографы 8-го ГУ взломали многие используемые иностранными дипломатическими ведомствами шифросистемы. В годовом отчете КГБ, адресованном Н.С. Хрущёву и датированном началом 1961 г., говорится, что в 1960 г. управление расшифровало 209 тыс. дипломатических телеграмм, посланных представителями 51 государства. В структуры ЦК (главным образом, несомненно, в международный отдел) переданы не менее 133 200 перехваченных телеграмм. К 1967 г. КГБ смог раскрыть 152 шифра, использовавшихся 72 странами⁶⁰. Подразделения, занимавшиеся дешифровкой сообщений иностранных государств, активно использовали результаты деятельности советских контрразведывательных подразделений, которые проникали в шифровальные комнаты иностранных посольств, вскрывали там сейфы и добывали секретные документы, в том числе снимали копии с шифрблокнотов посольских резидентур⁶¹.

Перед советскими контрразведчиками ставились задачи по добыванию шифров разведок США, стран, входивших в НАТО, Франции, Японии, Китая и Израиля. Например, генерал В.Н. Удилов, работавший заместителем начальника 2-го ГУ КГБ, подробно описывает, как в 1960-х гг. контрразведчики при содействии болгарских коллег проводили уникальные операции по проникновению в посольство Италии в Софии и снятию копий с шифрблокнотов «Калабрия» и «Сардиния», одна из систем которых обслуживала отдел информации НАТО⁶². Итоги работы контрразведки изложены в докладе, направленном в ЦК КПСС в мае 1968 г. КГБ смог добыть шифры семи капиталистических стран, а также внедрил радиотехнику прослушивания на 36 объектах, представляющих интерес для разведки. Его работники добыли шифры и коды 11 посольств капиталистических стран, что позволило дешифровать их переписку. Специальная служба КГБ осуществляла перехват шифрованной переписки более 2 тыс. действующих радиостанций из 115 стран мира. Радиоконтрразведывательные подразделения разрабатывали 24 радицентра разведывательных органов капиталистических стран, которые обеспечивали связь со 108 агентурными точками.

Всего в 1967 г. вскрыто 11 шифрсистем, дешифровано более 188 тыс. телеграмм. Криптографами КГБ создано для министерств и ведомств Советского Союза 217 кодов и других средств ручного шифрования, изготовлено более 1,2 млн ключевых и перешифровальных блокнотов, около 30 тыс. экземпляров

⁵⁹ Подробнее о постах радиоразведки за рубежом см.: Структура центрального аппарата КГБ СССР (URL: <https://bezpekaivp.com/struktura-tsentralnogo-apparata-kgb-sssr/>).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Во время одной из таких тайных операций, проникнув в шифровальную комнату и вскрыв сейфы, сотрудники КГБ увидели, что блокноты имеют спецзащиту от постороннего вскрытия — особую вышивку по краям. Взяв один, они вернулись в резидентуру, где в течение дня учились делать такую же вышивку. На следующую ночь пришлось снова пробираться в посольство, вскрывать блокноты, копировать содержимое и сшивать их заново (*Удилов В.Н.* Записки контрразведчика... С. 93, 112—114).

⁶² Там же. С. 96—99.

кодов и кодовых таблиц и более 305 тыс. экземпляров других спецдокументов⁶³. По утверждению агента британской разведки, бывшего сотрудника 16-го управления КГБ СССР В.Б. Макарова, с 1980 по 1986 г. в число европейских государств, дипломатическая переписка которых расшифровывалась с той или иной частотой, входили Греция, Дания, Италия, Финляндия, Франция, ФРГ, Швеция и Швейцария. Ежедневно подборку наиболее интересных сообщений читали Л.И. Брежнев и несколько членов Политбюро, а также начальники 1-го и 2-го управлений КГБ. По оценкам отдельных западных экспертов, Москва частично или полностью могла читать дипломатическую переписку примерно 70 стран мира⁶⁴.

8-е ГУ КГБ осуществляло шифрованную переписку центра с местными органами, а также разведки с зарубежными резидентурами. Оно располагало технической и научной базой, отработанной системой шифрсвязи, которая полностью гарантировала секретность и бесперебойную круглосуточную работу на любом удалении от центра. Получить доступ к шифрованной переписке можно только агентурным путём. Особенно тяжёл труд радистов и шифровальщиков за рубежом. Один, два, максимум три человека обеспечивали связь с центром в любое время суток на любой удалённости. Условия работы были нелёгкими, а жизнь — полной неудобств и лишений из-за необходимости соблюдения строгого режима, поскольку к шифровальщикам иностранные разведки проявляли повышенный интерес⁶⁵.

21 июня 1973 г. из состава 8-го ГУ выделилось самостоятельное 16-е управление (электронная разведка, радиоперехват и дешифровка), обладавшее наибольшим интеллектуальным потенциалом для решения технических и научных задач. Оно занималось съёмом открытой и закрытой информации, решало сложнейшие задачи по проникновению в интересующие Советский Союз объекты других стран. На счету специалистов управления немало изобретений высочайшего уровня. В нём работали крупные специалисты, составлявшие гордость советской науки и техники. Подразделение имело широкие связи с промышленностью, научными учреждениями, использовало их потенциал и помогало последним решать научно-технические задачи. Это было одно из подразделений Комитета, искавших оптимальные пути к разгадке научно-технических головоломок для обеспечения безопасности СССР в условиях холодной войны⁶⁶. В подчинении у начальника управления находились посты радиоэлектронной разведки КГБ, размещённые за рубежом. Большинство из них находились на территории дипломатических миссий и подчинялись резидентам внешней разведки. Основная задача таких постов заключалась в перехвате с помощью специальных технических средств сообщений, передававшихся по закрытым каналам местной связи. Все добытые таким образом данные сотрудники постов радиоэлектронной разведки передавали в управление, которое занималось их дальнейшей обработкой. Посты радиоэлектронной разведки работали в связке с 16-м отделом 1-го ГУ КГБ, который специализировался на вербовке иностранных шифровальщиков и проникновении в шифровальные органы⁶⁷.

⁶³ Политбюро и органы государственной безопасности. С. 738—749.

⁶⁴ См.: Структура центрального аппарата КГБ СССР.

⁶⁵ Крючков В.А. Личное дело. Ч. 1. С. 337.

⁶⁶ Там же. С. 337—338.

⁶⁷ Структура центрального аппарата КГБ СССР.

Конечно, для столь напряжённой работы требовались квалифицированные кадры. 10 сентября 1946 г. приказом МВД СССР в составе 4-го спецотдела организовывалась лаборатория специальной техники. Для её укомплектования подобрали 15 высококвалифицированных специалистов из числа арестованных (спецконтингент). Они проектировали оборудование, размещение отраслевых лабораторий в главном корпусе, разрабатывали вопросы, связанные с тематикой основных работ по оснащению органов и войск МВД спецаппаратурой. Рабочей площадкой для лаборатории стали переданные ей здания и территория Марфинской детской колонии (Ростокинский район Москвы)⁶⁸. В историографии лаборатория получила наименование «Марфинская шарашка». Для ремонтно-строительных работ отобрали 150 человек из числа военнопленных и интернированных немецких специалистов. Они также использовались для разбора архивов берлинских лабораторий «Philips»⁶⁹. Для подготовки к установке в цехах лаборатории и в помещениях отраслевых лабораторий производственного оборудования сформировали техническую группу из 10 вольнонаёмных техников и механиков. В главном корпусе на время выполнения ремонтных работ организовали лагерь заключённых строителей численностью 450—500 человек⁷⁰. На строительные работы МВД израсходовало 2 млн руб., в 1947 г. в лабораторию из Германии завезли часть лабораторного и производственного оборудования.

Однако в результате межведомственной борьбы 21 января 1948 г. СМ СССР принял постановление, в соответствии с которым Марфинская лаборатория со всем оборудованием, измерительной техникой, хозяйственным инвентарём, наличным составом сотрудников и заключённых передавалась в ведение МГБ (Отдел оперативной техники)⁷¹. Уже в конце 1948 г. специалисты Марфинской лаборатории создали систему шифрования импульсов речи. Разработку шифраторов для таких систем, которые могли производиться только криптографическими методами, могли вести только специалисты-криптографы, однако таковых в лаборатории не оказалось. В связи с этим в марте 1949 г. на временную работу туда перевели И.Я. Верченко, Н.А. Тюрина и Л. Дайчика, работавших над конструированием и оценкой стойкости шифраторов⁷².

Одновременно с созданием ГУСС в октябре 1949 г. при нём создали Школу криптографов. Это был первый и единственный в СССР вуз такого профиля⁷³. В ней велись теоретическое обучение и практические занятия с использованием телеграфных аппаратов Бодо и СТ-35, трофейной машины «Enigma» и шифровальной приставки «Wegner», а также отечественных шифрмашин. Кроме того, для обеспечения специалистами по разработке и производству специальной аппаратуры на всесоюзном уровне готовились инженерные кадры в высших и средних специальных учебных заведениях. На старших курсах втузов формировались группы подготовки специалистов по шифрующей, засекречивающей

⁶⁸ ГА РФ, ф. Р-9401с, оп. 1, д. 761, л. 204.

⁶⁹ Об использовании немецких специалистов в Марфинской лаборатории см.: *Конелев Л.З.* Утоли мои печали. Гл. 1: Марфинская шарашка.

⁷⁰ ГА РФ, ф. Р-9401сч, оп. 1сч, д. 2706, л. 316—317.

⁷¹ Там же, ф. Р-5446, оп. Зас, д. 68, л. 70—71.

⁷² *Калачёв К.Ф.* В круге третьем...

⁷³ В 1953 г. школу преобразовали в Высшую школу криптографов 8-го управления МВД СССР, в 1954 г. — в Высшую школу криптографов 8-го Главного управления КГБ при СМ СССР, в 1960 г. — в факультет специальных технических служб Высшей школы КГБ, в мае 1962 г. — в Технический факультет Высшей школы КГБ. С 1992 г. это Институт криптографии, связи и информатики.

и маскирующей аппаратуре для министерств промышленности средств связи и госбезопасности⁷⁴. Для этого были разработаны фундаментальные учебники криптографии⁷⁵.

С учётом возрастающего использования достижений науки и техники в деятельности разведок ведущих иностранных государств руководство КГБ принимало меры по укреплению кадрами своих оперативно-технических служб. В 1961—1962 гг. в них приняли на работу почти 2 тыс. специалистов из различных областей знания. Большая группа сотрудников без отрыва от работы проходила обучение в высших и средних технических учебных заведениях, заочных аспирантурах и на различных курсах повышения квалификации. В январе 1963 г. в оперативно-технических службах КГБ работало 36 кандидатов наук, свыше 1 500 инженеров, математиков и других высококвалифицированных специалистов⁷⁶.

В 1950—1960-х гг. развитие подразделений шифрования и дешифрования, создание и использование оперативной техники и правительственной связи вышло на новый уровень. Усовершенствовались технические средства, выпускалось новое оборудование, разрабатывались новые методики. В Марфинской лаборатории разработали телефонную шифровальную аппаратуру гарантированной стойкости (АГС) М-803-5 и временной стойкости мозаичного типа на временных и частотных перестановках отрезков речевой информации (АВС) М-503-2. Она обеспечила защиту переданной информации на некоторый интервал времени, в течение которого противник мог осуществить восстановление шифрованной информации за счёт подбора перетасованных в соответствии с работой шифратора отрезков телефонной информации, что обеспечило защиту большого количества внутрисоюзных линий связи. В 1950-х гг. указанные типы аппаратуры доработали и приспособили для различных условий применения: АГС — «Ландыш», «Восток», С-32, М-32, П-32, «Лагуна», «АВС-Алмаз», «Лиана», «Сирень», «Прибой».

Первые типы аппаратов предварительного шифрования (АПШ) строились в виде дисковых шифрмашин, реализующих шифр колонной замены знаков алфавита: М-125 («Фиалка»); М-130 («Коралл»); М-131 («Гвоздика»). В 1950-х гг. разработаны типы аппаратуры для различных условий применения. В числе засекречивающей аппаратуры с реализацией шифра колонной замены: М-13, ТС-25, ТС-26, Т-201, Т-202. Синхронная засекречивающая телеграфная аппаратура с оригинальной конструкцией дисков для быстрой смены ключей: Т-204 и Т-205. Фототелеграф: «Рулон» и «Старт». В 1961 г. завершена разработка электронной телеграфной аппаратуры шифрования Т-206, ставшей родоначальником класса такого рода устройств, действующего до настоящего времени. В дальнейшем в связи с изменением элементной базы разработана аппаратура М-208. Различные виды аппаратуры модифицировались для различных условий применения: радиослуховая (Т-620, Т-225, Т-600 и Т-228); электронная автоматизированная аппаратура шифрования и передачи телеграфной информации и команд боевого управления с полуавтономным шифратором для связи

⁷⁴ В 1949/50 учебном году в таких группах подготовлено 10 специалистов, а начиная с 1951 г. — 30 специалистов ежегодно.

⁷⁵ Учебник криптографии. Ч. 1. *Соколов М.И.* Курс раскрытия шифров замены, гаммирования и перестановки. М., 1954; Ч. 2. Курс раскрытия кодированных текстов и их усложнений / Под ред. Б.А. Аронского. М., 1954.

⁷⁶ Политбюро и органы государственной безопасности. С. 728.

с береговыми командными пунктами, надводными и подводными кораблями с учётом мер радиоэлектронной борьбы (Т-605). Для защиты командно-программной, телеметрической и специальной информации в 1960—1970-х гг. использовалась шифровальная аппаратура космических радиолиний: «Ветер», «Грим», «Дуб», «Муравей-М».

В 1970-е гг. началось активное применение интегральных микросхем (ИМС), что подтолкнуло разработку нового поколения АПШ с криптографическими алгоритмами «Уран» и «Фиалка», отличавшейся меньшей массой и энергопотреблением шифратора при одновременном увеличении функциональных возможностей и надёжности. Шло массовое перевооружение министерств и ведомств, использующих АПШ, аппаратурой нового поколения: М-171, М-201, М-21, М-205 (аппаратура типа «Уран», М-424(М), М-425 («Фиалка-5»), а также М-125 («Фиалка-3»). Телеграфная аппаратура шифрования строилась на интегральных микросхемах средней степени интеграции, отличавшихся меньшими габаритами и стоимостью. В 1980-х гг. на смену ИМС малой и средней степени интеграции стали поступать большие интегральные схемы частотного применения, что позволило усилить тематические качества АПШ, расширило его функциональные возможности и повысило потребительские качества. В эксплуатацию введена новая перспективная криптографическая схема — аппаратура М-204М («Стратегия-2М»).

В конце августа 1991 г. началась коренная реорганизация советских спецслужб, существенным образом затронувшая и структуры, занимавшиеся вопросами организации правительственной связи, шифрованием, дешифрованием, радиоразведкой. 29 августа на базе Управления правительственной связи, 8-го ГУ и 16-го управления КГБ был создан Комитет правительственной связи при Президенте СССР (председатель А.В. Старовойтов). После образования на основе бывших подразделений шифрования, дешифрования и правительственной связи КГБ Федерального агентства правительственной связи и информации (ФАПСИ) при Президенте РФ вопросами шифровальной и специальной связи в контрразведке занималось Управление шифровальной и специальной связи ФСК—ФСБ России (1993—2003). Указом президента № 308 от 11 марта 2003 г. «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» ФАПСИ было упразднено, все его функции, личный состав, техника и имущество распределялись между ФСБ, Службой внешней разведки и Службой специальной связи и информации при Федеральной службе охраны. В структуре ФСБ появились Управление специальной связи Научно-технической службы и Центр безопасности связи, которые в 2007 г. объединились в Центр защиты информации и специальной связи (8-й Центр) ФСБ.

Тем временем в 1990-х гг. состоялся переход с микросхем на жёсткой логике на микропроцессорную элементную базу. Это позволило существенно уменьшить габариты и вес аппаратуры, размещать её непосредственно у абонентов. На её основе для работы в стационарной сети и сети подвижной радиосвязи создан комплекс аппаратуры линейного и абонентского шифрования «Разбег», обеспечивавший высоконадёжное шифрование и высококачественное преобразование речи. В качестве речепреобразующего устройства использовался вокодер с линейным предсказанием. Тем временем бурное развитие информационных технологий в автоматизированных системах управления и связи вызвало необходимость сопряжения АПШ со средствами автомати-

зации (ПЭВМ, локальные сети), а также с каналообразующей аппаратурой. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. появилась аппаратура М-207 («Артист»), М-280 («Юрист»), М-427 и М-428 («Дервиш»), М-227 («Засека-АКШ»), М-229 («Шпага»), которая применяется на линиях связи в настоящее время, а также миниатюрные АПШ, предназначенные для эксплуатации оперативными сотрудниками силовых ведомств (ФСБ, ГРУ) вне помещений шифровальных органов. Изготовлением спецтехники в 1993—2004 гг. занималось Управление научно-технического обеспечения ФСК—ФСБ, с 2004 г. — Центр специальной техники ФСБ, имеющий большое будущее при одном условии — вбирать отечественный и зарубежный опыт, находиться в поиске научных и технических решений всякий раз на более высоком уровне.

Подводя итоги, отметим, что история становления и развития отечественных специализированных криптографических структур, обеспечения их кадрами и техникой демонстрирует тесную взаимосвязь с тенденциями развития органов госбезопасности и направлениями государственной научно-технической политики. Созданный для обеспечения режима секретности в реализации линии партии Специальный отдел при ВЧК сохранял привязку к аппарату «боевого отряда партии», успешно отбивая атаки в межведомственных боях. Однако попытки выстроить слаженно работающую структуру часто наталкивались на кадровые проблемы и технические сложности, не позволявшие показывать высокие результаты. 1930-е гг. и период Великой Отечественной стали для развития криптографической службы переломными: привлечение талантливых специалистов из числа репрессированной технической интеллигенции, определённые успехи советской разведки и контрразведки в деле перехвата шифров и радиogramм, ознакомление с зарубежными технологиями после победы в войне сыграли значительную роль в преодолении ресурсных проблем. Всё это создало предпосылки для дальнейшего интенсивного развития отрасли в 1950—1970-х гг.

При этом пример Марфинской лаборатории МВД показывает, что органы государственной безопасности не являлись монополистами в вопросах организации научно-технической деятельности в области криптографии. Напротив, послевоенный период явно демонстрирует их подчинённую роль по отношению к ЦК партии. Успешное окончание войны и послевоенные репрессии не привели к значительному расширению влияния МГБ. Межведомственная конкуренция, ярко проявившаяся в истории с «шарашкой», оставалась одной из ключевых характеристик работы советского государственного аппарата.

Зинаида Перегудова

Полиция и «либерализм» в Российской империи в 1880—1905 гг.*

Zinaida Peregudova

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Police and «liberalism» in the Russian Empire during 1880—1905

DOI: 10.31857/S086956870014483-2

В последние годы исследователи всё чаще проявляют интерес к политической полиции Российской империи: выходят новые работы, защищаются диссертации, посвящённые различным аспектам политического сыска — не только деятельности соответствующих учреждений, но и тем, кто в них служил, и, в частности, их подготовке, взглядам, интересам, контактам с обществом¹. К их числу принадлежит и оригинальная монография Л.В. Ульяновой, написанная на основе кандидатской диссертации, защищённой ещё в 2009 г. под руководством профессора Л.Г. Захаровой. В ней демонстрируется нетрадиционный подход к изучению истории охранительного ведомства в годы правления Александра III и в первое десятилетие царствования Николая II (до 17 октября 1905 г.): анализируя архивные материалы, прежде всего переписку служащих политической полиции, автор показывает их представления о либералах и либерализме.

Стоит отметить, что данный курс имеет и сильные, и слабые стороны. Сосредоточенность на комплексной реконструкции неизвестных ранее черт мировоззрения полицейских чинов позволяет лучше понять идейный облик той структуры, которая была

призвана «охранять» самодержавие. Это важно и продуктивно для изучения как политической полиции, так и правительственного аппарата империи в целом. При этом автор приходит к парадоксальному выводу, который не вписывается в сложившийся в историографии образ деятелей политической полиции как «охранителей», придававших своей службе исключительно карательно-репрессивную направленность. Ульянова на протяжении всей книги доказывает, что руководители сыска достаточно взвешенно воспринимали общественное движение и даже испытывали определённую симпатию к «либерализму», который, правда, понимали по-своему — совсем не так, как его трактовали тогда публицисты, а позднее историки. Авторская аргументация логически выстроена и опирается на достаточно обширную источниковую базу. Однако обоснование столь смелого концептуального построения требует дальнейшего погружения в архивные фонды как Департамента полиции, так и других учреждений и отдельных высокопоставленных лиц.

И едва ли тут могут помочь концепции европейских социологов и историков-антропологов (П. Бурдьё, К. Гинзбург), к которым часто прибегает Ульянова: их применимость к

* *Ульянова Л.В.* Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880—1905. СПб.: Алетей, 2020. 358 с.

данной тематике весьма сомнительна, а использование социологических методов и соответствующих терминов (габитус, коммуникативное поле, модерн) скорее мешает восприятию собранного автором конкретно-исторического материала.

Исследование Ульяновой состоит из введения, четырёх глав и заключения. Его открывает подробный историографический обзор и развёрнутая характеристика источников — большого комплекса делопроизводственной переписки Департамента полиции, хранящейся в ГА РФ (ф. 102). Кроме того, в монографии вводятся в научный оборот документы из Архива ЦГИАМ (ГА РФ, ф. 4888), к которым Ульянова обратилась одна из первых, ещё во время подготовки кандидатской диссертации. Но, к сожалению, практически не охваченными остались фонды местных полицейских учреждений (охранных отделений, губернских жандармских управлений), в том числе и находящиеся в ГА РФ. Следует учесть, что если материалы, связанные, к примеру, со студенческим или рабочим движением, объединялись в Департаменте полиции в специальные дела, то сведения об отдельных лицах либеральных взглядов в рассматриваемый период никак не группировались и выявление их в описях требовало больших усилий (в заголовках редко указывались идейные предпочтения). Непросто было найти и достаточно точное и корректное определение самих понятий: либералы, оппозиция, либеральное и оппозиционное движение и т.п. Тем не менее Ульяновой удалось составить репрезентативную базу данных, скрупулёзно систематизировав все обнаруженные в делопроизводственной переписке случаи употребления слова «либерал» и производных от него. Это позволило построить графики, отражающие особенности полицейской

лексики, включая нюансы, характерные для представителей разных структур, а также периоды повышенного (или, наоборот, угасающего) внимания сотрудников сыска к «либерализму». Это стало несомненным достоинством работы.

В первой главе книги («Политическая полиция: структура, полномочия, люди») рассматриваются особенности организации сыска. Опираясь на имеющуюся историографию, исследовательница знакомит читателей с нормативно-правовыми актами, регулировавшими его деятельность, с численностью, компетенцией и формальными взаимоотношениями различных подразделений, а также с общим образовательным уровнем и профессиональной специализацией их служащих. Освещая эти аспекты, Ульянова делает интересные наблюдения по поводу административных и судебных способов ведения «политических дел», о применимости понятия «политические преступления» к подпольной деятельности, о задачах, решавшихся при издании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г. (с. 65—69) и др. Она удачно выделяет в системе сыска три социально-профессиональные группы — служивших в Департаменте полиции, охранных отделениях и губернских жандармских управлениях (ГЖУ). Различия в их подходах, суждениях и оценках прослеживаются во всех главах книги. В частности, Ульянова убедительно показывает, что сотрудники ГЖУ и охранных отделений, имевшие в основном военное образование, «не грешили» либерализмом и обычно отзывались о либералах более жёстко и непримиримо.

Употребление понятия «либерализм» в полицейских документах анализируется Ульяновой в двух главах. Во второй главе («Что такое “либе-

рализм”? Неотрефлексированные образы делопроизводственной переписки) по беглым упоминаниям, сделанным порою мимоходом, без пояснений и «рефлексии», автор пытается раскрыть, какой смысл вкладывали в это слово в полиции, как её чины воспринимали организационные, профессиональные, социальные параметры «либерализма», его связь с революционными идеологиями, соотношение с конституционализмом и радикализмом, с оппозицией и т.п. Постепенно из этих представлений выстраивается целая картина.

Отдельный параграф Ульянова посвятила количественному анализу выявленных ею в материалах сыска упоминаний слова «либерал» и его слов-попутчиков (идеи, направление, деятель, группа, кружок, партия и т.д.). Подсчёты сделаны по годам, по структурам (Департамент полиции, охранные отделения, Заграничная агентура, губернские жандармские управления), а также совокупно по годам и структурам. В результате выясняется, к примеру, что ГЖУ писали о «либерализме» с момента появления «либеральных идей», тогда как в охранных отделениях и Департаменте полиции данный термин использовали преимущественно для характеристики той или иной организации (партии, кружка, лагеря и т.п.). Сопровождающие текст графики заметно облегчают его восприятие.

В центре третьей главы («Почему он популярен? Ресурсная база “либерализма” как предмет анализа политической полиции») оказывается отношение служащих сыска (точнее — различных его институций) к наличию в публичном пространстве либеральных «игроков», к их возможностям, «легальной политике» и популярности. Ульянова впервые в историографии комплексно описывает восприятие полицейскими чинами того, что при-

нято называть «оппозицией». То, что в Департаменте полиции видели разницу между «революционным» и «общественным» движением, известно давно. Но ещё никто не указывал на то, что именно «легальность» являлась главным критерием при оценке отдельных лиц, неформальных кружков и официально разрешённых властями объединений (в том числе и считавшихся «либеральными») и от неё во многом зависело то или иное регулирование или пресечение их деятельности со стороны МВД.

В четвёртой главе («Технология работы политического сыска с “либералами”») как раз разбираются меры, применявшиеся против «оппозиции», — негласное наблюдение, перлюстрация, внедрение секретной агентуры, личные контакты, административное и судебное преследование. Их рассмотрение предваряет небольшой обзор организации делопроизводства в Департаменте полиции в 1880-е гг. (с. 237—240). В нём, в частности, отмечены трудности, возникающие в случае непонимания внутренней логики комплектования дел — когда и по каким поводам они заводились, в чём состояла разница между видами подшивавшихся в них документов, какую функцию исполняли справки об отдельных лицах, с которых обычно начиналось их наполнение. Впрочем, так формировались дела только в первые годы. Впоследствии набор документов в деле и методы его формирования менялись.

Пожалуй, слабее всего выглядит параграф «“Карательно-репрессивный” функционал политического сыска и “либералы”». В нём приведено явно недостаточно примеров прекращения Департаментом полиции деятельности общественных организаций и выпуска периодических изданий, хотя указано около 50 случаев, когда власть стесняла или преследовала

видных представителей не только оппозиции, но и «легального пространства в целом». Не хватает и подсчёта численности судебных дел, заведённых против либералов по инициативе полиции, а также общего количества административных наказаний, наложенных на них по решению Особого совещания. Правда, отсутствие такого рода подсчётов отчасти объясняется размытостью самого термина «либерализм». Не всегда корректно приводятся в книге и наименования архивных фондов. Так, автор периодически пишет про «архив Департамента полиции», подразумевая фонд, в котором находится и архив этого государственного учреждения.

В целом, взгляды, идейные симпатии и антипатии жандармских офицеров и чиновников Департамента полиции нуждаются ещё в дальнейшем изучении. Трудно, к примеру, согласиться с мнением автора, будто руководящее звено политического сыска не только не противилось принятию Манифеста 17 октября 1905 г.,

но и психологически давно было готово к превращению самодержавия в конституционную монархию (с. 318). Столь смелые утверждения нуждаются в более развёрнутом и убедительном обосновании.

В то же время Л.В. Ульянова впервые в историографии провела комплексный, фундированный анализ представлений полицейских чинов о либерализме. В научный оборот введено большое количество новых источников, что является важным шагом вперёд в изучении правительственного аппарата Российской империи конца XIX — начала XX в.

Примечание

¹ *Лаврёнова А.М.* Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880—1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018; *Медведев С.В.* Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018; *Страхов Л.В., Перегудов А.В.* Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж, 2019; *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913—1917 гг. М., 2020; и др.

* * *

Анна Лаврёнова

Либеральное слово и полицейское дело*

Anna Lavryonova

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Liberal words and the police's deals

DOI: 10.31857/S086956870014484-3

В беседе с народоволкой П.С. Ивановской инспектор Санкт-Петербургского охранного отделения подполковник Г.П. Судейкин говорил: «Во главе русского прогресса теперь революционеры и жандармы! Они скачут верхами рысью, за ними на почтовых едут либералы, тянутся на долгих простые обы-

ватели, а сзади пешком идут мужики»¹. И хотя знаменитый сыщик скорее выдавал желаемое за действительное, но уж точно не отводил либералам главенствующую роль в борьбе, развернувшейся тогда на просторах империи. И, вероятно, в этом он был отнюдь не одинок. Во всяком случае, в доку-

* *Ульянова Л.В.* Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880—1905. СПб.: Алетей, 2020. 358 с.

ментах политической полиции упоминания о чём-либо либеральном столь разрозненны и бессистемны, что выявление их превращает исследователя в старателя, вынужденного перемыывать один обзор губернского жандармского управления (ГЖУ) за другим. Поэтому объём работы, проделанной Л.В. Ульяновой в ходе исследования отношения полицейских чинов к либеральному движению, впечатляет: одно дело — препарировать сочные тексты П.И. Рачковского и Л.А. Ратаева, совсем другое — следить за мыслью какого-нибудь заурядного начальника ГЖУ из сонного провинциального городка, улавливая редкие, обронённые им по наитию, высказывания о смутно знакомом ему предмете. К тому же решение поставленной задачи потребовало применения новых для полицейской тематики методов: в частности, к контент-анализу исследователи дореволюционного сыска ранее не прибегали.

Книга написана специалистом для специалистов: даже несмотря на наличие в ней подробного очерка истории «карательного» ведомства и характеристики различных его составных частей, неподготовленному читателю едва ли удастся без труда погрузиться в чтение. Специфическое, в духе «старой школы», оформление сносок на фонд Департамента полиции только подчёркивает элитарный дух монографии². По сравнению с диссертацией, защищённой более 10 лет назад³, она выглядит более полнокровной: многочисленные «охранители» и либералы упоминаются в ней как хорошие знакомые автора, о них сообщаются не только необходимые сведения, но даже малоизвестные биографические детали, что заслуживает всяческого одобрения. Полагаю, работа бы только выиграла, будь в её составе именной указатель.

Вместе с тем добросовестное, тщательно вычитанное и со вкусом издан-

ное исследование Ульяновой практически лишено опечаток⁴ и технических огрехов, что в наше время является большой редкостью. К достоинствам работы надо отнести и неизменно внимательное и точное обращение с терминами. Так, слово «провокация» используется исключительно в своём прямом и узком смысле (с. 263), а некорректное применительно к дореволюционной полиции выражение «спецслужбы» не употребляется вовсе.

Один из принципиальных выводов Ульяновой состоит в том, что взгляды жандармских офицеров не отличались реакционностью, как принято считать, а чиновникам Департамента полиции импонировало скорее «умеренно-либерально-консервативное славянофильство» (с. 190).

Действительно, либеральные воззрения представителей судебного ведомства (а именно выходцы из него составляли большинство среди чиновников Департамента полиции), а также их сочувствие к обвиняемым, даже после 1905 г., не раз вызывали жалобы жандармских офицеров. Так, докладывая о конфликте прокурора Екатеринбургского окружного суда Б.О. Козицына, не пожелавшего привлечь к ответственности агитатора, с чинами Пермского ГЖУ, губернатор писал: «Настоящий случай такого отношения прокурорской власти к участникам революционной агитации во вверенной мне губернии является не единичным. Прокурорский надзор слишком явно не желает оказывать содействия делу борьбы с революционной пропагандой»⁵. Начальник Рижского охранного отделения подполковник Н.И. Балабин заявлял, что прокурор городского суда Благовещенский — «кадет, и даже левее по своим политическим убеждениям»⁶.

О каких-либо громких признаниях жандармов в сочувствии либералам до 1917 г. говорить не приходится⁷.

Февральская революция и разочарование действиями старого правительства многим развязали языки. В частности, бывший помощник начальника Владимирского ГЖУ А.И. Будогосский уже демонстрировал симпатии к конституционно-демократическому строю и заявлял, что «был за последнее время тоже в числе недовольных существовавшим режимом и невольно полевел»⁸.

На первый взгляд, нет ничего странного в том, что чины охранных отделений и Департамента полиции, принадлежавшие к образованному обществу, в той или иной мере разделяли его вкусы и увлечения. Но есть один существенный нюанс, который всё же стоит упомянуть. Если чины политической полиции и разделяли какие-то из либеральных воззрений, то в значительном числе случаев либералами их можно назвать лишь в том же смысле, в котором писал упомянутый в работе Ульяновой кн. В.П. Мещерский: «Огромное большинство русских людей... признают себя обязанными быть либералами и практиковать свой либерализм, но из них самая минимальная доля действительно либеральна» (с. 194). Ко многим, записанным таким образом в либералы, вполне применима характеристика, данная бывшим начальником Воронежского ГЖУ полковником Н.В. Васильевым (жандармом-философом, по выражению З.И. Перегудовой⁹) своему поднадзорному — вел. кн. Николаю Константиновичу, проживавшему в ссылке в Балаклаве: «Средневековый деспот-феодал по своим убеждениям, взглядам и вкусам, великий князь в душе менее всего склонен к либеральным тенденциям, но внешний, показной либерализм на словах, в виде порицания существующего строя, ему необходим, ибо это... вызывает к его положению интерес известной части общества, всегда готовой отнестись

сочувственно к “пострадавшему за убеждения”»¹⁰.

Служившие в полиции чиновники разделяли свойственную их социальной среде веру в прогресс, рациональное мышление и прочие плоды просвещения, однако зачастую, независимо от формулировок, употреблявшихся ими в деловой переписке, их поведение и отношение к политическому преступнику, да и к обычному обывателю, зависело прежде всего от его общественного положения, сословного происхождения и достатка. Образ действий чинов Корпуса жандармов в этом мало чем отличался от поведения частных приставов. И в полицейских участках, и в жандармских управлениях с рабочими и вообще с плохо одетыми людьми обращались грубо, не стесняясь непечатной ругани и рукоприкладства. В то же время перед «хорошо одетыми господами» там «ходили на задних лапках, предлагали стул и говорили “вы”». «Вследствие этого грубо-оскорбительного обращения, — вспоминал А.С. Шаповалов, — я и жандармов стал относить к той же категории фараонов, к которой причисляли в Питере рабочие всех полицейских»¹¹. По свидетельству А.И. Спиридовича, не лучше обстояло дело и в судебном ведомстве: если «арест какого-либо рабочего не обращал внимания прокурора, то арест интеллигентного человека и, в частности, студента всегда влѣк за собою справку прокуратуры по телефону: за что и почему»¹².

Вопиющее неравенство между членами «общества» и выходцами из народа сохранялось и на службе: унтер-офицеров их начальники могли использовать как личную прислугу, приказывая возить дрова, ремонтировать постройки и проч.¹³ Свообразные порядки существовали в Х павильоне Варшавской крепости. В его коридорах висели краткие выдержки

из инструкции, напоминая, чтобы нижние чины Варшавского жандармского дивизиона говорили заключённым «Вы». За нарушение по неосторожности этого правила полагалось пять суток карцера, куда сажали и провинившихся заключённых. Однако тех часто отпускали уже через сутки, поскольку они усиленно стучали в двери. Между тем провинившихся жандармов держали там до конца срока на хлебе и воде¹⁴. Случаи применения зуботычин в качестве воспитательной меры по отношению к провинившимся филёрам не скрывали даже мемуаристы¹⁵.

Таким образом, между офицером и поднадзорным из образованных, будь он либералом или социалистом, разница оказывалась порой куда меньшей, чем между офицером и подчинёнными ему нижними чинами. Вполне вероятно, что и либеральные заявления чинов политического сыска были обусловлены преимущественно не общностью их взглядов, а единой для всех образованных подданных царя культурной средой. Хотя и относительная мировоззренческая близость отнюдь не гарантировала на практике от притеснений: оппозиции полицией при самодержавии, а полицейских чинов — либералами, пришедшими к власти весной 1917 г.

Ульянова выделяет три категории полицейских служащих — чиновников Департамента полиции («законников»), жандармских офицеров — начальников ГЖУ и бывших секретных сотрудников (с. 90—91). Жандармским офицерам охраны в книге уделено немало внимания, но они не выделены в отдельную группу, а присоединены к Департаменту. Многочисленные железнодорожные жандармы остались за рамками исследования, и поделом: они всегда стояли особняком и делали вид, будто департаментские циркуляры писаны не для них¹⁶. Впрочем,

по своим личным характеристикам их руководящий состав мало чем отличался от начальников ГЖУ, разве что им больше повезло при распределении должностей: служба на железной дороге оплачивалась лучше, а те, кто менял армейский мундир на жандармский, чаще всего иными соображениями и не руководствовались¹⁷. С другой стороны, позиции железнодорожных жандармов также не лишены интереса, поскольку среди них встречались любопытные типы (как П.П. Заварзин или С.Н. Мясов), а их социальные контакты были весьма обширны.

Стоит отметить, что автор лишь упоминает об агентах наружного наблюдения, филёрах (с. 64—65), но никак не анализирует их позиции и высказывания. Очевидно, здесь сказывается скудость источниковой базы. Между тем и филёры имели свои политические пристрастия и далеко не всегда оставались бессловесны. Так, например, известны свидетельства филёра-ренегата Евгения Зайцева. Будучи агентом Санкт-Петербургского охранного отделения, он был в начале января 1907 г. арестован по делу группы террористов-экспроприаторов, в октябре решением Санкт-Петербургского военно-окружного суда освобождён, но вскоре вновь арестован по распоряжению своего бывшего начальника генерал-майора А.В. Герасимова. А в мае 1908 г. в нескольких газетах практически одновременно стали выходить его «мемуары», наделавшие много шума в обществе. Незадолго до этого Зайцев отправил несколько откровенных писем своему адвокату Цитрону, который нуждался в материале для защиты. Зайцев утверждал, что не давал права их публиковать, но ловкий помощник присяжного поверенного, а по совместительству — постоянный сотрудник газеты «Волжско-Камская речь» разослал филёрские откровения по

редакциям, которые с радостью принялись их тиражировать¹⁸. В 1917 г. Зайцев собственноручно воспроизвёл свои мемуары, и они оказались в распоряжении П.Е. Щёголева¹⁹. В них описывалась тяжкая, но вполне обыденная трудовая доля выходца из крестьян. Но любопытнее всего именно рассуждения о филёрской службе: «Я в то время не понимал, что это такое за охранное отделение. Я понимал как сыскное (сыскная полиция), которая наблюдает за уголовными преступниками, я совершенно не знал, что такое “политический”, даже слово политика было совершенно чуждо моему понятию. Мне никогда не забыть моих дней в роли агента, так как, по моему понятию в то время, должна полиция следить только за ворами и убийцами. Поэтому меня поразило то обстоятельство, что... приходится наблюдать исключительно за студентами, курсистами и инженерами, т.е. за интеллигентами — учёными людьми. Я часто ставил сам себе вопрос: неужели они, эти учёные, таковы. Ответы были: да, может быть, и опять задумывался и говорил — нет. Этого не может быть. Тут что-то особенное, непонятное для меня»²⁰. Конечно, Зайцев был недостаточно развит, чтобы оперировать теми терминами, которые ищет Ульянова, но и он имел склонность к интеллектуальным занятиям: «Помню, на Пасху была какая-то народ[ная] лотерея. Товарищ по службе выиграл книжку Грибоедова “Горе от ума”, в которой ничего не понял и отдал мне, это было для [меня] подарком. Это чудное сочинение мне сказало о многом. Помню, как я старался доказать величину и смысл этого автора. Но мой коллега никак не мог согласиться со мной. Много было подобных случаев. Что невольно является то, что подобн[ые] типы лишены мысли или не хотят задуматься»²¹. Характерно, что для Зайцева отслежива-

емые им представители образованного общества были столь же недостижаемо высоки, как и его собственное начальство, которое, в свою очередь, видело в нём обычного мужика. «И когда я был арестован, — вспоминал он, — привезён в охр[анное отделение]... я так был избит, что недели две не мог кушать сухого хлеба и был закован в кандалы по распоряжению Герасимова. Бил собственноручно Герасимов»²². В целом же, следует признать, что жандармские унтер-офицеры и агенты наружного наблюдения, несмотря на свою многочисленность, до сих пор остаются для историков «тёмной материей», поскольку дошедшие до нас сведения об их мотивации и вкусах чаще всего весьма отрывочны.

Ульянова не раз отмечает различия в том, как «либеральное» воспринималось и оценивалось чиновниками Департамента полиции и жандармскими офицерами. При этом следует учесть, что начальники ГЖУ — «любители “повинтить” с представителями местного общества в клубе или по квартирам мирных обывателей»²³, политическим розыском «фактически... серьёзно и не занимались»²⁴. С.Е. Виссарионов, служивший в конце XIX — начале XX в. по судебному ведомству, а в 1908 г. ставший вице-директором Департамента полиции МВД, считал значительную их часть совершенно непригодной для полицейской деятельности. Ему казалось, что «они не только не могут никем и ничем руководить, но сами нуждаются в руководстве и помощи»²⁵. Начальники ГЖУ, вышедшие из армейской среды и порою разбиравшиеся в «политике» не лучше, чем их бывшие товарищи по полку, вопреки инструкциям, нередко не имели серьёзной агентуры, а в докладах лишь фиксировали публичные выступления «либералов» из местного земства, которые представлялись значимыми на фоне бедной событиями

губернской жизни (с. 205). Сказывалась и ограниченность круга общения жандармов. Так, уже после революции 1905 г. помощник начальника Нижегородского ГЖУ подполковник П.П. Осипов жаловался на то, что из четырёх клубов, существовавших в городе, офицеры могли посещать только чиновничье «Общественное собрание», тогда как «Коммерческий» клуб, наиболее интеллигентный, состоял преимущественно «из кадет», в остальных же преобладали ещё более радикальные настроения²⁶.

По мнению Ульяновой, профессиональный интерес сотрудники сыска проявляли лишь к социалистам и радикальным либералам, тогда как «умеренный либерализм воспринимался в политической полиции как норма и был позиционирован в политическом пространстве рядом с консерватизмом»²⁷. Возможно, «на словах», в переписке это было и так, однако на практике наблюдение устанавливалось в зависимости от поведения, связей и намерений конкретных людей, каких бы взглядов они ни придерживались. А для чиновников, ведавших перлюстрацией, неприкосновенными оставались всего две персоны — глава МВД и император²⁸.

В основной части книги Л.В. Ульянова не выражает симпатий ни к полицейским чинам, ни к либералам. Но в Заключении она приводит обширную и пронзительную цитату из донесения Л.А. Ратаева, фактически солидаризируясь с его оценками. Возможно, именно глубокое погружение в заботы деятелей сыска позволило автору сделать печальный, но совершенно точный вывод: покуда власть заигрывала с обществом, политическая полиция, связанная присягой, оказывалась в изоляции. Позднее, фактически преданная престолу и отвергнутая обществом, она и погибла.

Примечания

¹ *Ивановская П.С.* В боевой организации. Воспоминания. М. 1928. С. 142.

² Даже профессиональные историки не всегда верно воспроизводят «департаментские» шифры, предпочитая выбрасывать из них номер делопроизводства и год. Ульянова же поступает наоборот: даже без номера описи шифр корректен.

³ *Ульянова Л.В.* Политическая полиция и либеральное движение, 1880 — октябрь 1905 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁴ На 350 страницах удалось обнаружить всего две опечатки (с. 39 и 175).

⁵ ГА РФ, ф. 110, оп. 4, д. 1623, л. 14.

⁶ Там же, оп. 6, д. 1695, л. 1—2 об.

⁷ Характерно, что А.П. Мартынов нередко употреблял слово «либерал» в качестве ругательства в отношении своих «заклятых коллег» по Саратову — полковника Микеладзе и подполковника Джакели, однако их «либерализм» проявлялся скорее в безалаберности, нежели в убеждениях.

⁸ ГА РФ, ф. 504, оп. 1, д. 483, л. 1.

⁹ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880—1917 гг.). М., 2000. С. 111, 112.

¹⁰ ГА РФ, ф. 617, оп. 1, д. 8, л. 59.

¹¹ *Шаповалов А.С.* Путь молодого рабочего. М., 1923. С. 43—45.

¹² *Спиридович А.И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 164.

¹³ ГА РФ, ф. 110, оп. 6, д. 3163, л. 12—15.

¹⁴ Там же, д. 2240, л. 8—9 об.

¹⁵ *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 53.

¹⁶ *Лаврёнова А.М.* Жандармско-полицейские управления железных дорог и дознания по политическим делам: история одного мезальянса // Проблемы организации и функционирования государственного аппарата в России. Материалы научной конференции студентов и аспирантов кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ. М., 2014. С. 11—17.

¹⁷ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка: воспоминания руководителей политического сыска / Публ. З.И. Перегудовой. Т. 1. М., 2004. С. 58; *Поляков А.М.* Записки жандармского офицера // Жандармы России. М.; СПб., 2002. С. 486—487.

¹⁸ Волжско-Камская речь. 1908. 19 мая, 3, 9, 16 июня; Южные ведомости. 1908. 29 мая, 5, 7, 13 июня. Письма Зайцева подверглись при публикации небольшой редакторской правке и несколько отличались друг от друга.

¹⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 314, д. 569, л. 1—10.

²⁰ Волжско-Камская речь. 1908. 3 июня.

²¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 314, д. 569, л. 2—3.

²² Там же.

²³ Мартынов А.П. Указ. соч. С. 136.

²⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 111.

²⁵ Политическая полиция Российской империи между реформами: От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Сост. Е.И. Щербакова. М.; СПб., 2015. С. 225.

²⁶ ГА РФ, ф. 110, оп. 6, д. 2310, л. 10—11.

²⁷ Ульянова Л.В. Служащие политической полиции о либералах: место либерализма в легальном политическом пространстве (1880—1905 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 18.

²⁸ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880—1917). М., 2013. С. 292—293.

* * *

Кирилл Соловьёв

Политический сыск и либеральное движение*

Kirill Soloviev

(National Research University Higher School of Economics; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Political investigation and the Liberal movement

DOI: 10.31857/S086956870014485-4

Политический сыск и либеральное движение обычно не изучаются в тесной связке друг с другом. Конечно, исследователь русского либерализма не может пройти мимо материалов Департамента полиции: наблюдательные сотрудники этого учреждения неустанно собирали значительный по объёму и уникальный по информативности материал. Но чаще всего эти источники рассматриваются не сами по себе, а как «окно» в полулегальный мир либеральной оппозиции рубежа XIX—XX вв. В монографии Л.В. Ульяновой — не совсем так. Ей скорее интересен не наблюдаемый, а наблюдатель и характерная для него «оптика». Это взгляд тех, кто охранял порядок, поддерживал *status quo*, представлял государственную власть, отделявшую «благонадёжных» от «неблагонамеренных».

Кому же было доверено это право? Как считает Ульянова, руководство МВД и Департамента полиции было тесно связано с обществом и в известной мере разделяло настроения,

а порой и идеалы, бытовавшие среди родственников и знакомых. Исследовательница указывает, в частности, на А.А. Лопухина, Д.Н. Любимова, кн. С.Д. Урусова... Этот перечень можно продолжить. По мысли автора книги, высшие полицейские чины пользовались интеллектуальными клише, получившими широкое распространение в публике. Кроме того, многие высокопоставленные чиновники МВД имели юридическое образование, которое определённым образом «программировало» их действия, приучая к особой логике, представлениям о причинно-следственных связях, структуре знания.

Учитывая множество обстоятельств — специфику функционирования Департамента полиции, социокультурные особенности его чиновников, принципы сбора ими информации и т.д., Ульянова исследует, каким был категориальный аппарат сотрудников сыска? Как они воспринимали «либерализм» и «либералов»?

* Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880—1905. СПб.: Алетей, 2020. 358 с.

Неудивительно, что в результате исследования выясняется: полицейские чины оценивали либерализм преимущественно как деструктивную силу, тесным образом связанную с революционерами. Пожалуй, интереснее другое. Ульянова отмечает чрезмерно широкое применение понятия «либерализм» в делопроизводстве Департамента полиции. В 1890-е гг. его служащие писали о «либеральных партиях», о «либеральной печати», о «либеральном земстве», о «либеральных» общественных организациях, «либеральном большинстве» в дворянских собраниях, «либерализме» судейских чинов, прокуратуры, офицерства, чиновничества. Читая эти документы, может возникнуть ощущение, что речь идёт о могущественном политическом течении, успешно мобилизовавшем все ресурсы общества.

Примечательно, что деятели политического сыска видели важнейшее преимущество либералов в их активности в публичном пространстве, где они будто бы контролировали прессу, общественные организации, органы самоуправления, были хорошо известны современникам и даже популярны, оказывая влияние на умы своих читателей и слушателей.

Эти представления дают «ключ» к тому, что считалось «либерализмом» в Департаменте полиции. Речь шла не об идеологии: о ней чиновники МВД в своих донесениях не рассуждали. До 1905 г. не было и либеральной партии, несмотря на то, что жандармы рапортовали о её существовании. Было нечто другое, а именно — расширявшаяся публичная сфера, которая по тем или иным причинам вступала в столкновение с правительственными агентами. Её составляли люди разных взглядов. Так, среди авторов «Русского богатства» либералы почти не встречались. Более того, среди обществу едва ли не преобладали те,

кого можно назвать неопределившимися и даже весьма аполитичными. Однако всё же было то, что их объединяло. Они преимущественно находились в легальном (или полулегальном) поле, дорожили теми формами общественной деятельности, которые предоставляло законодательство, и очень рассчитывали на то, что со временем их возможности будут расширяться. Разумеется, всякое ущемление уже имевшихся прав воспринималось крайне болезненно и вызывало ответную реакцию.

При этом следует согласиться с Ульяновой: жёстких границ, отделявших правительство от общественности, не существовало. Это не значит, что они вовсе отсутствовали. Принадлежность к бюрократии подразумевала особую роль, но отнюдь не отменяла близость социального опыта, круга чтения и общения. Например, многие сановники являлись гласными земских собраний, а в прошлом — предводителями дворянства: это и И.Л. Горемыкин, и А.С. Ермолов, и кн. М.И. Хилков, и кн. Л.Д. Вяземский, и Е.И. Ламанский, и Д.М. Сольский, и М.Н. Любошинский, а также многие другие.

С другой стороны, земцы, предводители дворянства регулярно назначались на высокие административные посты. По подсчётам Б.Б. Веселовского, в первой половине 1890-х гг. девять земских деятелей (гласных, членов управ, предводителей дворянства) стали губернаторами или вице-губернаторами. Во второй половине 1890-х гг. таких назначений оказалось меньше (лишь А.Ф. Трепов занял губернаторский пост, ещё одного земца сделали вице-губернатором). Но уже в начале 1900-х гг. их число возросло больше прежнего: из земства вышли 17 губернаторов и вице-губернаторов (в том числе С.Н. Гербель, А.Д. Зиновьев, А.А. Ладыженский, В.Ф. Лауниц,

А.Б. Нейгардт и др.). В 1904 г. эта тенденция сошла на нет и вновь напомнила о себе в 1906 г. и т.д.¹

Опыт государственной службы имели многие видные общественные деятели (М.М. Алексеенко, А.А. Корнилов, Н.Н. Кутлер, В.Д. Набоков, В.А. Оболенский, Н.А. Хомяков, С.И. Шидловский и др.). Впоследствии среди депутатов Государственной думы всех созывов оказалось немало бывших чиновников².

Но это вовсе не означало, что бюрократия в России конца XIX — начала XX в. была либеральна. Бюрократия — это не просто совокупность чиновников с некоторой суммой свойств, качеств и навыков. Это ещё и определённые алгоритмы, стиль поведения, формировавшиеся вследствие управленческой и законотворческой техники того времени. Поступая на службу в то или иное ведомство, молодой чиновник учился правилам «внутреннего распорядка»³. Иными словами, бюрократия — это система, которая так или иначе подчиняет себе всех, кто в неё вовлечён. Она не может быть идеологически окрашена, так как перед ней стоят задачи технологического, а не политического свойства. Бюрократ мог придерживаться либеральных взглядов, мог быть их принципиальным противником. В своих симпатиях он определялся вместе с соседями, которые заседали, например, в земских учреждениях. В этом расхождении не было бы ничего драматического, если бы любая «политика», помимо правительственной, не табуировалась бы в Российской империи до 1905 г. Бюрократический аппарат как носитель особых уникальных управленческих навыков всегда более или менее стабилен и не меняется после каждой избирательной кампании. Наличие у чиновника тех или иных убеждений не снимает вопрос о его профессионализме или, напротив, некомпетент-

ности. Если же он под влиянием настроений перестаёт справляться с возложенными на него задачами, то сам становится фактором нестабильности. В условиях политического выбора 1905 г. бюрократия на разных этажах управленческой вертикали оказалась дезориентирована, что способствовало эскалации напряжённости.

Между тем существовало ли «либеральное общество» или оно только мерещилось чиновникам Департамента полиции? Если говорить об идейной доктрине, неоднократно охарактеризованной в литературе⁴, то русское общество рубежа XIX—XX вв. не могло быть либеральным. В нём едва намечалась идеологическая дифференциация, и расклад сил, сложившийся к 1906 г., не был изначально предопределён. Либерализм не вызывал в России начала XX в. резонансных дискуссий. Среди студенческой молодёжи и на заседаниях Вольного экономического общества марксисты с народниками спорили о социализме⁵. В 1890-е гг. будущий редактор журнала «Освобождение» П.Б. Струве являлся, пожалуй, самым известным русским марксистом, один из будущих лидеров Конституционно-демократической партии кн. Д.И. Шаховской размышлял о своём понимании социализма⁶, И.И. Петрункевич и Ф.И. Родичев в своей деятельности ориентировались на пример А.И. Герцена. П.И. Новгородцеву социализм казался идеалом для общественной мысли всех направлений. Он воспринимался как «путеводная звезда», недостижимая утопия, на которую, однако, каждый так или иначе вынужден ориентироваться⁷. В 1903 г. на съезде только складывавшегося «Союза Освобождения», представлявшего широкую коалицию оппозиционных сил⁸, декларировался социальный демократизм будущей конституционной партии⁹.

В октябре 1905 г., когда уже завершилось её формирование, В.А. Маклаков сомневался в необходимости политической программы, полагая, что не следует отгораживаться от возможных леворадикальных союзников, в условиях, когда на выборах в Думу столкнутся только две силы: прогрессивная и черносотенная¹⁰. Предложение не было принято и, видимо, даже не обсуждалось, но Маклаков точно улавливал «музыку времени». В январе 1908 г., читая в Нью-Йорке лекцию о конституционном движении и государстве в России, П.Н. Милюков утверждал что собственно революция началась только осенью 1905 г., а до того в стране разворачивалось общенациональное движение, включавшее как конституционалистов, так и социалистов. Все они требовали Реформы, т.е. конституции, и лишь после «падения самодержавия», по словам Милюкова, «революционные элементы движения, увлечённые... победой 17 октября, уверили сами себя, что мир стоит накануне социального переворота и что Россия должна дать сигнал на него... Таким образом, революционное движение сначала отделилось от движения конституционного. Революционная фаза, во всяком случае, была коротка... Она началась с октябрьской победы. Она пришла к своему заключению с декабрьским поражением вооружённого восстания в Москве»¹¹.

Это единое общественное движение, проявлявшееся преимущественно в легальных или полуполициальных формах и до поры, по сути, не отделявшееся от революционного, и ассоциировалось у полицейских чинов с «либерализмом». Участники политического процесса с разных сторон подходили к

одной и той же проблеме. Они видели, как общественная жизнь приобретала иные формы, как возникали новые центры притяжения публики, которую сплачивало не идейное единство, а нечто другое — совместная работа в земстве, кампании в печати, вечера в салоне, занятия в кружках, журфиксы, банкеты и др. Об этом «либерализме» и докладывали чиновники Департамента полиции, причём их внимание к данному явлению не кажется случайным или чрезмерным.

Примечания

¹ *Веселовский Б.Б.* История земства. Т. 3. СПб., 1911. С. 587—589.

² В I Думе их насчитывалось 40 (из 497 депутатов), во II — 34 (из 491 депутата), в III — 86 (из 486 депутатов), в IV — 107 (из 442 депутатов). Как правило, они присоединялись к фракциям октябристов (62), кадетов (39), умеренно-правых и националистов (38), правых (16), мирнообновленцев и прогрессистов (10); в остальных состояло ещё 30 человек. См.: Государственная дума Российской империи, 1906—1917. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008.

³ *Соловьёв К.А.* Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 50—55.

⁴ *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 88—108.

⁵ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 101—102; *Пайнс Р.* Стрелки: Биография. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 216.

⁶ *Шаховской Д.И.* Избранные статьи и письма, 1881—1895. М., 2002. С. 303—305.

⁷ ОР РГБ, ф. 376, к. 6, д. 33, л. 16; *Новгородцев П.И.* Избранные труды. М., 2010. С. 374.

⁸ *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия... С. 18—19.

⁹ Либеральное движение в России. 1902—1905 гг. М., 2001. С. 38—39.

¹⁰ ГА РФ, ф. 523, оп. 1, д. 34, л. 20; Либеральное движение в России... С. 433.

¹¹ ГА РФ, ф. 593, оп. 1, д. 26, л. 15—16.

Юрий Овченко

Рец. на: С.В. Медведев. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М.: Русский фонд образования и науки, 2018. 384 с., ил.

Yuriy Ovchenko
(Moscow, Russia)

Rec. ad op.: S.V. Medvedev. Eksperiment Zubatova. Legalizatsiya rabocheho dvizheniya v pervye gody XX v. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870014486-5

Книга молодого российского учёного С.В. Медведева вносит существенный вклад в изучение проблем, связанных с борьбой политической полиции против революционного движения. Автор попытался проанализировать деятельность Московского охранного отделения (МОО), направленную на создание подконтрольных рабочих обществ, а также различные факторы, благоприятствовавшие или, наоборот, препятствовавшие реализации «инициатив» С.В. Зубатова. При этом отмечены «успешные или ошибочные решения авторов эксперимента», «недоверие правительственных чиновников к легализации рабочего движения, её кратковременность и зависимость от “главного архитектора идей”», учитываются протестные выступления рабочих, экономическое положение страны, восприятие Департамента полиции, московской охранки и губернских жандармских управлений (ГЖУ) в обществе (с. 6–7). В революционной среде «зубатовщина» рассматривалась как «полицейский социализм» и одно из проявлений реакционной политики самодержавия. Термин «легализация рабочего движения», используемый Медведевым, свидетельствует о более объективном отношении к данному явлению. Вместе с тем, вслед за многими исследователями, автор употребляет и выражение «политический сыск», хотя в документах полиции, как правило,

отличали «сыск» по уголовным делам от «розыска» политических преступников, осуществлявшегося розыскными и охранными отделениями.

В кратком обзоре литературы и источников вполне объективно характеризуются как «исследования о политике и методах Московского охранного отделения по решению рабочего вопроса», так и труды, посвящённые истории и структуре органов российской полиции (с. 8). Глубоко изучив сделанное предшественниками, Медведев справедливо указывает на «довольно стандартный для оппозиционно настроенных авторов набор штампов» (с. 9), которыми приходилось пользоваться вплоть до 1990-х гг., рассуждая с «классовых и разоблачительских» позиций и всецело опираясь на ленинские оценки (с. 11). Неудивительно, что «советские историки практически не исследовали другие новаторские идеи одиозного начальника Московского охранного отделения» (с. 23). На этом фоне особое внимание заслуженно уделяется Б.П. Козьмину, подготовившему в 1928 г. «первую публикацию документов из личного архива С.В. Зубатова». Конечно, и на ней лежала печать времени, но собранные им материалы позволяли делать более взвешенные выводы. Несколько недооценивает автор значение статей А.П. Корелина (с. 17), не только рассмотревшего устройство зубатовских организаций,

но и показавшего «зубатовщину» как «идеологическую диверсию» и базу для выявления и «разработки» революционеров.

При освещении историографии «российского периода» автор признаёт «наиболее основательным исследованием» по истории полиции труд З.И. Перегудовой «Политический сыск России (1880—1917)». Но, к сожалению, Медведев упустил из виду, что в данной монографии «создание московской школы филёров» (с. 27) отнесено к более позднему времени и связано с курсами, организованными в 1907 г., или «евстраткиной школой», как их называл А.И. Спиридович. Соглашаясь с Перегудовой, Медведев считает, что «Зубатова можно по праву назвать создателем политического сыска предреволюционной России» (с. 28). Между тем «техника розыска» или, говоря современным языком, «оперативно-розыскная деятельность» начала складываться ещё в начале 1880-х гг. в результате реформы гр. М.Т. Лорис-Меликова. Секретной агентуре и наружному наблюдению особое значение придавал уже подполковник Г.П. Судейкин. Зубатов развил эти традиции. Причём он выдвинулся не только благодаря своим незаурядным способностям, но и потому, что Москва стала связующим звеном между периферийными революционными кружками. Внедрив здесь своих агентов, Зубатов получил возможность контролировать эти связи и превратить МОО в ведущий розыскной орган империи. Разумеется, ему приходилось «лицемерить» и «лукавить», но это — обычная практика агентурной работы. Полемизируя с О.А. Кононовой, Медведев указывает на отказ правительства от легализации рабочего движения и утверждает, что «продолжение эксперимента после Первой революции в России было невозможно» (с. 36). Однако такое пред-

положение нуждается в дополнительной аргументации, поскольку очевидно, что вместо зубатовских легальных организаций полиция использовала в тех или иных случаях агентов в политических партиях и фракциях, сталкивая своих противников между собой. Не забывает исследователь и о зарубежных учёных, признавая, что «ценность их трудов заключается в оригинальной для середины XX столетия интерпретации эксперимента С.В. Зубатова, попытке преодолеть общеизвестные стереотипы и фактические ошибки» (с. 41).

В своих выводах Медведев опирается на изучение законодательных актов, делопроизводственных материалов, документов личного происхождения и публикаций, появившихся в периодической печати. Благодаря тщательному анализу этих источников он уточняет сложившиеся представления о взаимоотношениях Зубатова с Л.А. Ратаевым, Д.Ф. Треповым и кн. П.Д. Святополк-Мирским, показывает значение для розыска «анонимных доносов» обывателей (с. 46), пишет про приверженность Зубатова политике попечения о народных массах и констатирует, что легализация рабочих обществ «должна была существенно облегчить выявление политически неблагонадёжных элементов на фабриках и заводах» (с. 52). Однако легализация, конечно же, не сводилась к внедрению секретных сотрудников в рабочую среду. Агентура всё же средство, а не цель. И с её помощью Зубатов не только выявлял противников власти, но и пытался управлять массами.

В монографии созданы портреты секретных сотрудников охранного отделения и соратников Зубатова, а также его эмиссаров или «агентов влияния», занимавшихся как легализацией, так и осведомительной деятельностью (М.А. Афанасьева, Ф.А. Слепова,

Н.Т. Красивского, П.П. Емелина, Ф. Игнатьева). Медведев раскрывает мотивы, приводившие их в охранку, выявляет отношение к ним полицейских чиновников, революционеров и представителей интеллигенции. Не менее ярко представлены такие единомышленники и помощники Зубатова, как служивший в Минске жандармский полковник Н.В. Васильев, который «нестандартно и неформально подходил к управлению ГЖУ» (с. 84), чиновник особых поручений А.И. Войлошников, принимавший активное участие в создании легальной рабочей организации в Москве и ставший, по словам Медведева, «вторым я» начальника МОО, а также Е.П. Медников, руководивший службой филёров. Но в целом подготовку и расстановку кадров Медведев считает слабой стороной «политики Зубатова», который, якобы, основывался «исключительно на своём чутье и умении разбираться в людях», хотя они не раз давали серьёзные сбои (с. 259). Однако историк не учитывает, что в тех конкретных условиях, в которых приходилось действовать Зубатову, у него не было особого выбора.

Автор сообщает о «глубоком проникновении политической полиции и её агентов в университетскую среду за несколько лет до Первой революции в России». С самого начала своего существования охранка бдительно наблюдала за учащейся молодёжью. В 1884 г. в МОО насчитывалось 14 секретных сотрудников, действовавших в учебных заведениях. Медведев заявляет, будто «атмосфера всеобщей подозрительности и страха, недоверия и презрения к полиции заставляла профессуру и студентов объединяться и принимать меры против распространения секретных агентов полиции в аудиториях». Но это ничем не подтверждается. Нельзя согласиться и с тем, что «многочис-

ленные аресты студентов значительно усложняли работу агентов Зубатова в университетах, краеугольным камнем которой были негласный надзор и осведомительская деятельность» (с. 64). Аресты как раз являлись способом реализации данных агентуры, а «негласный надзор» служил лишь средством осведомления и разработки. Можно только сожалеть о том, что исследователь не останавливается на «технике розыска» охранки, хотя рассматривает даже отдельные недостатки полицейского надзора за тюремными учреждениями.

Наиболее основательно в книге прослеживается «легализация рабочего движения в 1901—1902 гг.». По замыслу Зубатова, грамотные рабочие, объединённые в «общества взаимопомощи», должны были защищать свои права перед владельцами заводов и «аргументированно дискутировать» с фабричной инспекцией, чувствуя поддержку полицейского начальства. А поскольку основная масса трудящихся не была подготовлена к восприятию экономических учений, для неё устраивались общеобразовательные чтения, распространялись популярные издания и т.д. Но те, кто вступал в общества взаимопомощи, хотя и тянулись к просвещению, ожидали прежде всего решения своих насущных проблем. Отсутствие же заметных изменений в их положении неизбежно дискредитировало эти организации и вело к кризису в их деятельности и отношениях с должностными лицами и административными структурами. Рассказывая о просветительских усилиях И.Х. Озерова, А.Э. Вормса, В.Э. Дэна и противоречиях между Треповым и Зубатовым, Медведев констатирует, что свободное обсуждение рабочими на совещаниях своих жизненных проблем позволяло выяснить их образ мыслей. В этом заключалась полицейская сущность легализации.

Для руководства всеми обществами взаимопомощи был создан Совет рабочих механического производства. В него провели агентуру, сделав полностью управляемым (с. 124).

Однако правительство не понимало или не хотело понимать затеи Зубатова, видимо, опасаясь недовольства фабрикантов, которые всё настойчивее противостояли легализации. Союзников МОО пришлось искать в Минске, где преобладали кустарно-ремесленная промышленность и мелкая торговля и проживало множество ремесленников, кустарей, приказчиков и рабочих небольших предприятий, часто находившихся под влиянием «Бунда». В противовес ему Зубатов поддержал создание Независимой еврейской рабочей партии (НЕРП), инициировал агитацию среди сионистов. А его ближайшие помощники — М.В. Вильбушевич, Ю. Волин, А. Чемерисский — развернули бурную деятельность по созданию легальных рабочих организаций, разрешённых губернатором кн. Н.Н. Трубецким под влиянием Зубатова и получивших поддержку у начальника ГЖУ Васильева. Временные успехи НЕРП способствовали обострению партийной борьбы и расколу революционного движения, вызвав, впрочем, заметное оживление в этих кругах. При этом ремесленные советы и правления ферейнов (союзов) осуществляли негласный надзор за рабочими, информируя жандармов об их настроениях (с. 148). Тем не менее «объединение торгово-промышленных кругов города, опасавшихся самоуправления рабочих ферейнов» (с. 156), и различия во взглядах начальника ГЖУ и генерал-губернатора помешали развитию «эксперимента». Местные власти не дали разрешения на деятельность московских агентов, не имевших к тому же возможности публично бороться с агитацией революционеров. Сказывались и непро-

работанность программы НЕРП, и неосведомлённость Зубатова о нюансах и специфике еврейского рабочего движения, и недостаток контроля из центра, и отсутствие в Минске элементов экономической взаимопомощи — касс, потребительских лавок и т.д. (с. 157).

Попытки «легализации» в других городах оказались ещё более неудачны. Медведев связывает это с отсутствием «высокопрофессиональных кадров органов полиции, оказывающих серьёзную поддержку легальным рабочим обществам на этапе становления и развития», с малочисленностью пролетариата и прочными позициями революционных групп. В итоге малообразованные работники небольших городов гораздо охотнее воспринимали теории разрушения государственного порядка и созидания социальной справедливости (с. 159).

Немалую роль играло и соперничество МВД и Министерства финансов, обострявшее трения между полицией и фабричной инспекцией на местах. В Москве выход из создавшегося положения Трепов и вел. кн. Сергей Александрович видели по-разному. Обер-полицеймейстер категорично считал, что полиции следует обособиться и действовать, игнорируя фабричную инспекцию. Великий князь явно надеялся достичь соглашения на межведомственном совещании, созванном 13 июня 1901 г. Но и впоследствии фабричная инспекция противодействовала зубатовским организациям, защищая интересы капиталистов, а полиция, жандармы и губернаторы, критикуя инспекторов и заявляя об их бесполезности, оставались ограничены «бюрократической волокитой и законодательными преградами» (с. 184).

Медведев впервые проанализировал освещение деятельности легальных рабочих организаций в периодической печати. С согласия властей о ней регулярно писали «Московские

ведомости», «Новое время», «Русские ведомости», «Русское слово», «Торгово-промышленная газета» и др. Кн. В.П. Мещерский после громкого «дела Гужона» стремился «успокоить взбудораженное легализацией рабочего движения фабрично-заводское управление» (с. 198). Ещё ранее своеобразной попыткой оказать публичную поддержку зубатовским обществам стала крайне оптимистичная статья Л.А. Тихомирова о кассе взаимопомощи и её перспективах. По словам Медведева, звучавшие в ней «фантастические» заявления должны были вызвать «ироническую улыбку у фабрикантов и недоумение у рабочих» (с. 189—190). Между тем в условиях того времени подобные кассы не трудно было бы превратить в стачечные фонды, а затем и в источник финансирования революционного подполья, чего не могли не понимать их создатели (с. 192). О рабочем движении писали и активные участники его легализации. Так, Слепов рассуждал о необходимости повышения интеллектуального уровня и развития самосознания трудящихся, но не касался многочисленных проблем, с которыми сталкивались общества взаимопомощи (с. 198—199). Тем самым в подцензурной печати зачастило рисовалась радужная картина взаимопонимания между трудящимися и хозяевами, тогда как «Искра» предупреждала о «скором и неизбежном конфликте фабрикантов с членами обществ взаимопомощи» (с. 200). Нелегальная пресса резко осуждала «полицейский социализм» и разоблачала его активистов и идеологов.

Автор книги считает, что «по реакции газет можно выявить изменение отношения чиновничье-бюрократического аппарата к легальным рабочим организациям — от заинтересованного до равнодушного» (с. 200). Не случайно газетная кампания поначалу убеждала рабочих в том, что прави-

тельство решило взять под контроль их взаимоотношения с предпринимателями. Но её быстро свернули, как только выяснилась неосновательность этих надежд (с. 201—202).

В монографии раскрывается и теоретическая база легализации. Характерно, что один из её идеологов, Тихомиров, ратовавший за «народную интеллигенцию», наряду с образованием признавал необходимым и «улучшение нравственного облика рабочих, более глубокое их воцерковление», поскольку, по его мнению, «оскудение религиозности в различных слоях общества было... одной из причин успешной деятельности революционеров» (с. 205). Ожидалось, что решению данной задачи будут способствовать общеобразовательные чтения, внушающие уважение к нравственным ценностям, истории родной страны и существующей власти (с. 217). Вместе с тем, как утверждает Медведев, «публикация и официальное одобрение записки Л.А. Тихомирова было началом конца полицейских рабочих обществ» (с. 237). Почему так случилось и в чём это выразилось, исследователь, к сожалению, не поясняет.

Говоря о кризисе зубатовского «эксперимента», Медведев связывает его с тем, что рабочие, несмотря на выделенные им субсидии, так и не дождались реальной помощи от власти, а половинчатые меры полиции и местной администрации встречали противодействие со стороны Министерства финансов и революционеров. Проблема состояла и в том, что «по своей сути деятельность рабочих обществ взаимопомощи была востребована властью, но по форме устраивать её не могла» (с. 246). Весьма любопытно, как на этом фоне развивались взаимоотношения Зубатова со священником Г. Гапоном. Медведев справедливо не смешивает их организации в единое целое. Гапон стремился к самостоя-

тельности и избавлялся от московских зубатовцев. Зубатов так и не смог поставить под контроль ни гапоновскую организацию, ни самого Гапона, который, несмотря на авантюризм и самомнение, пользовался поддержкой петербургских властей и проводил самостоятельную политику в рабочей среде.

Между тем, как пишет Медведев, «после провала агентурной деятельности независимцев в мелких городах» Зубатов обратил внимание на Одессу (с. 261). Правда, не совсем понятно, что подразумевал автор, говоря об «агентурной деятельности» независимцев. В охранке этот термин обозначал разработку революционеров и их партийных структур и групп, но тут речь идёт скорее о деятельности доверенных лиц или эмиссаров Зубатова, которые, будучи осведомителями, занимались пропагандой и организацией рабочих обществ. Исследователь характеризует М. Когана, М. Вильбушевича, Ю. Волина, Г. Шаевича, проводивших легализацию, и отмечает, что на первых порах независимцы имели успех. Тем не менее рабочее движение постепенно всё больше попадало под влияние социал-демократов. Вследствие «неприкрытой лесты Шаевича в адрес Зубатова» глава Особого отдела Департамента полиции, по мнению историка, оказался «под влиянием своего агента» (с. 265). Такое предположение не кажется убедительным, поскольку Зубатов был достаточно опытен и самостоятелен в своих отношениях с агентурой и прекрасно понимал, чем может обернуться излишняя доверчивость или высокомерие. Едва ли именно этим следует объяснять «особенности реализации принципов С.В. Зубатова в Одессе».

Если «в Москве и Минске общества взаимопомощи боролись за улучшение материального положения рабочих, то в Одессе, наоборот, эконо-

номические требования трудящихся были лишь поводом для проведения забастовок». Зубатов планировал добиться заметной идеологической поддержки легального движения, выпускаемая тематические журналы и газеты, но ни печатного органа, ни массовых публичных чтений город так и не увидел. Шаевич жаловался на безденежье и происки врагов, но выделявшиеся ему средства тратил «на организацию широкого забастовочного движения», сообщая в Петербург «не всю или значительно приукрашенную информацию о происходящем». Но ведь тут не было ничего нового: в донесениях агентов всегда содержались сведения, которые не удавалось проверить без «перекрёстной агентуры». Автор уверен, что «Зубатов, явно переоценивая организационные возможности своих учеников, не задумывался о последствиях их деятельности на окраинах страны» (с. 266—267). Но следует учесть, что Особый отдел находился в столице и его возможности направлять и контролировать деятельность Шаевича были весьма ограничены. Тем временем он вёл двойную игру, а Независимая рабочая партия с каждым месяцем всё больше превращалась в «центр стачечного движения» с правами легальной организации и летом 1903 г. строила в Одессе баррикады вместе с социал-демократами. Устроенная ею забастовка на заводе Росселя имела «свойства спланированной акции, направленной на дестабилизацию обстановки в городе» (с. 267—268). В свою очередь провал «легализации» в Одессе вызвал недовольство В.К. Плеве, а «личность Г.И. Шаевича, его усилия, направленные на эскалацию конфликта между фабрикантами и рабочими, явились одной из многочисленных причин забастовочного взрыва 1903 г., предопределившего увольнение С.В. Зубатова и ликвидацию его организаций» (с. 274).

В завершающей главе говорится об оценке Зубатова современниками. Медведев учитывает, что отношение к легализации рабочего движения во многом зависело от социального положения и рода деятельности мемуариста, его личных контактов с Зубатовым, времени, когда создавались воспоминания. За редким исключением, по мнению автора, отзывы о «зубатовщине» не отличались глубиной анализа, продуманностью и беспристрастностью. Высокопоставленные мемуаристы, как, например, министр финансов С.Ю. Витте или начальник Земского отдела МВД В.И. Гурко, зачастую плохо представляли действительные мотивы зубатовской политики. А из тех, кто принимал в ней непосредственное участие, подробные записки оставил только профессор Озеров. Неудивительно, что тот же Витте высказывался о легализации «довольно примитивно» и скупое, не придавая особого значения «наивному и простому предприятию, не способному достичь заявленных целей». Гурко же и вовсе утверждал, что «система Зубатова была фантастична и могла лишь привести к печальным последствиям» (с. 290). Признавая необходимость улучшения положения рабочих, он тем не менее считал, что «допущение зубатовщины было крупной ошибкой Плеве, стоившей ему самому жизни» (с. 292). Жандармские офицеры А.И. Спиридович, П.П. Заварзин и А.Т. Васильев, напротив, оценивали действия Зубатова весьма высоко. Даже А.В. Герасимов, не сочувствовавший экспериментам в рабочей среде, отдавал ему должное как розыскнику (с. 283). Резко критиковали Зубатова жандарм «старой школы» В.Д. Новицкий, руководивший киевским ГЖУ, но, как отмечает Медведев, едва ли соответствовавший этой должности (с. 285), и помощник начальника МОО Л.П. Меньшиков, ставший после эмиграции во Фран-

цию в 1909 г. разоблачителем тайн русской полиции. Тем не менее, несмотря на диаметрально противоположные суждения, исследователь видит в них «признание важной роли эксперимента С.В. Зубатова для России первых лет XX века» (с. 286).

В последнем параграфе Медведев подробно рассматривает записку об обстоятельствах увольнения Зубатова, которому предшествовало его вмешательство в борьбу между Витте и Плеве. Исследователь полагает, что «наивность талантливого сыщика можно объяснить его неискушенностью в вопросах сложной дипломатической игры». Более того, «скорее это была даже не наивность, а отчаянная попытка человека, имеющего неопровержимые доказательства распространения революционных сил, найти влиятельного сановника, способного приостановить этот процесс» (с. 300). Зубатова всё же трудно заподозрить в наивности, профессионализм сыщика обязывал быть осторожным и просчитывать свои действия. Однако самоуверенность могла толкнуть его на авантюру. В итоге, как сообщал в начале 1906 г. М.М. Стасюлевичу сам Зубатов, Плеве выслал его «в 24 часа из Петербурга в Москву, а через два месяца и из последней, запретив проживать в столичных губерниях» (с. 297). Затем, как пишет Медведев, Сергей Васильевич перебрался «во Владимир, где проживал с женой и сыном Николаем» (с. 56). Действительно, подав прошение об отставке, он решил поселиться в доме Тарасова недалеко от Золотых ворот (здание сохранилось). Но семья лишь периодически его навещала: поскольку сын учился в Московском университете, частые визиты, а тем более совместное проживание были невозможны.

В Заключении исследователь констатирует, что «эксперименту Зубатова» препятствовали и чиновники Ми-

нистерства финансов и МВД, и начальники ГЖУ, и революционеры, и фабриканты, и сами рабочие, быстро разочаровавшиеся в возможностях легальных обществ. Немногочисленные сторонники легализации остались в меньшинстве, а их деятельность оказалась парализована. Вместе с тем росла «массовая ненависть к человеку, чьи побуждения были искренними, а действия — своевременными и обоснованными» (с. 301).

Особо нужно отметить приложение «Анонимные доносы в московское охранное отделение». Медведев признаёт их «ценнейшим источником для изучения истории России дореволюционного периода» (с. 308). Анонимки не только демонстрировали наличие верноподданнических чувств, но и являлись средством сведения счетов, а для революционеров иногда и способом дезинформации. Их проверка возлагалась обычно на нижних чинов общей полиции, уровень образования и профессиональной подготовки которых оставлял желать лучшего. Впрочем, и те, кто писал анонимки,

были, как правило, малограмотны. Автор систематизировал материал 1902—1904 и 1907—1911 гг., выделив «доносы на представителей различных социальных страт», «доносы на представителей различных национальностей», «доносы на студентов», «сведения счетов и недовольство полицией», «угрозы в адрес высокопоставленных лиц и членов царской фамилии». По существу данное приложение представляет собой первую попытку самостоятельного анализа доносов как важной составной части осведомления, о которой только упоминалось в других исследованиях.

В целом, исследование С.В. Медведева содержит немало новых сведений и оценок и является существенным вкладом в историографию спецслужб России, внутренней политики самодержавия и общественной жизни начала XX в. Ему удалось показать всю сложность той обстановки, в которой приходилось действовать С.В. Зубатову при попытке легализации рабочего движения.

Любовь Ульянова

Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой мировой войны*

Lyubov Ulianova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Political investigation and the Russian army on the eve and during the First World War

DOI: 10.31857/S086956870014487-6

Монография В.В. Хутарева-Гарнишевского представляет собой обширное фундаментальное исследование истории российского политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, вплоть до Февральской

революции. Автору удалось собрать и проанализировать разнообразный архивный материал, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот, и осветить как институциональное положение политической

* *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913—1917 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. 648 с.

полицейской в системе власти, так и внутреннюю эволюцию «охранительного» ведомства — то, какие преобразования и с какими целями осуществляли его руководители, какие угрозы они считали первоочередными и какими методами надеялись их устранить. В названии монографии хронологические рамки ограничены 1913—1917 гг., но в тексте, поясняя предысторию исследуемых сюжетов, автор не раз обращается к событиям более раннего времени, захватывая не только начало 1910-х гг., но иногда (как, например, при анализе проектов преобразования сыска) и период, связанный с подавлением революции 1905 г. и деятельностью П.А. Столыпина. Всё это позволяет лучше понять, насколько руководство сыска и прежде всего Департамента полиции было подготовлено к борьбе с революционным движением.

В книге рассмотрены действия полицейского начальства, направленные на усиление местных органов сыска и аналитических структур Департамента полиции в предвоенные годы. В частности, говорится о тщательной ревизии кадрового состава губернских жандармских управлений (ГЖУ) и охранных отделений, проведённой в начале 1910-х гг. (с. 154—155), о практике прикомандирования к Департаменту наиболее опытных «жандармских аналитиков», получавших повышенные оклады, и её свёртывании В.Ф. Джунковским (с. 177—179), о подготовке с 1913 г. ежегодных обзоров с анализом возможности повторения революционных выступлений 1905 г. (с. 170—171). Впервые в историографии раскрывается «превентивный» метод директора Департамента полиции С.П. Белецкого (с. 169—176), состоявший в проведении обысков у заподозренных лиц сразу же по получении первых сведений о них от секретной агентуры вместо длительного

сбора улик для привлечения к дознанию. По словам автора, «такой метод отбивал у многих революционно настроенных лиц, не состоящих в партиях или просто не имеющих твёрдых антиправительственных убеждений, желание продолжать деятельность» (с. 173—174). Впрочем, как отмечается в Заключении, подобная практика в своём развитии привела бы к неограниченному росту репрессий (с. 562).

Хутарев-Гарнишевский даёт целостную характеристику деятельности ключевых фигур политического сыска 1915—1916 гг. — Белецкого (с конца сентября 1915 г. до середины февраля 1916 г. являвшегося товарищем министра внутренних дел) и Е.К. Климовича, занимавшего пост директора Департамента полиции с февраля по сентябрь 1916 г. Особое внимание уделяется представлениям о будущем революционном взрыве, сложившимся в МВД в те годы. В целом существовавшие тогда ожидания не оправдались: предполагалось, что события будут разворачиваться, как в 1905 г., но детонатором станет возвращение большого количества распропагандированных военнопленных и активность сотен тысяч дезертиров, причём эпицентром волнений окажется Москва («немецкие» погромы 1915 г., казалось, подтверждали эту гипотезу). В Департаменте полиции активно готовились к беспорядкам, которые признавались неизбежными, как и применение оружия при их подавлении (с. 429—452). Проводилась ревизия жандармских команд, разрабатывались планы распределения и вызова полицейских и военных нарядов, составлялись инструкции, регулировавшие действия полиции отдельно и совместно с войсками (с. 430—438). В 1916 г. происходила концентрация эвакуированных жандармских управлений в центральном промышленном районе и особенно в Москве

(с. 442). Пристально анализировалась динамика забастовочного движения (с. 404—409) и деятельности общественных организаций (с. 454—462). Различные структуры, по сути, «перетягивавшие друг у друга канат», пытались использовать ситуацию для собственного усиления: в Отдельном корпусе жандармов (ОКЖ) планировали создать конно-полицейскую стражу (с. 440—443), в охранных отделениях составляли записки о восстановлении районных отделений (с. 443—447), в Департаменте полиции собирались открыть курсы переподготовки кадров (с. 449), военные во главе с командующим войсками Петроградского военного округа С.С. Хабаловым разработали к концу января 1917 г. проект «дислокации войск для совместных их действий с полицейскими частями», не сообщив о нём МВД (с. 439). При этом государственный аппарат империи даже в военное время проявлял крайнюю медлительность. Так, Положение о приёме в ОКЖ военного времени было готово только к весне 1916 г. (с. 213—224); целый год разрабатывался закон о временном генерал-губернаторстве (с. 232—236).

Автор монографии показывает взаимоотношения двух центральных инстанций политического сыска — Департамента полиции и ОКЖ — и их часто сменявшихся руководителей. При этом у читателя всё же остаются вопросы, не имеющие, видимо, однозначных ответов: в силу каких причин решающая роль в управлении полицейской частью принадлежала то товарищу министра внутренних дел и командиру Корпуса жандармов, то директору Департамента? Почему А.Д. Протопопов, возглавив МВД, стал главноначальствующим над ОКЖ, хотя ранее эти обязанности исполнял товарищ министра? Весьма обстоятельно изложена история создания секретной агентуры в армии в начале 1910-х гг.,

её упразднения в 1913 г. по инициативе товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского и постепенного воссоздания в 1915—1916 гг. Белецким и Климовичем. Особую ценность представляют количественные показатели — сколько и в каких именно частях появилось секретных сотрудников (с. 126—127).

Не менее подробно описывается и возникновение в начале 1910-х гг. контрразведывательных отделений (КРО) (с. 291—302). Тут Хутарев-Гарнишевский с явным сожалением констатирует, что Департамент полиции «проиграл борьбу за контрразведку» Военному министерству (с. 294—299). Но характерно, что практически одновременно МВД получило собственную секретную агентуру в войсках, а военное ведомство — укомплектованные жандармами КРО.

Исследуя взаимодействие сотрудников сыска с чинами Военного и Морского министерств, со штабами фронтов и командующими флотами, со Ставкой, автор опирается не только на существующую историографию контрразведки и воспоминания контрразведчиков, но и на новые источники, ранее не использовавшиеся историками (с. 366—375).

Привлекая архивный материал, Хутарев-Гарнишевский подробно рассказывает о противоборстве руководства МВД и Департамента полиции с начальником контрразведки Северного фронта Н.С. Батюшиным, который, возглавляя оперативно-следственную комиссию по расследованию деятельности столичных банкиров, шантажировал предпринимателей (им грозило обвинение в шпионаже) и брал взятки (с. 469—482). Более того, через председателя Совета министров Б.В. Штюрмера он добивался назначения своего помощника полковника А.С. Резанова (с. 473) директором Департамента полиции. Затем, не сумев

одолеть Климовича, Резанов при активном участии известного махинатора И.Ф. Манасевича-Мануйлова подготовил проект создания Канцелярии по политическим вопросам. Ей предполагалось подчинить тыловые КРО и борьбу с революционерами, которые «объявлялись детищем иностранных разведок» (с. 474). Тем самым МВД фактически утратило бы контроль над розыском. В итоге накануне Февральской революции Батюшин, скомпрометированный жандармским расследованием, получил отставку, а во главе комиссии по борьбе со шпионажем оказался Белецкий (с. 526—529). Во многом это была победа Протопопова, лично объяснявшегося с Николаем II по данному делу, и, кстати, именно при Протопопове 7 октября 1916 г. Совет министров наконец-то одобрил Положение об усилении полиции, открывавшее дополнительно 40 тыс. полицейских вакансий в 50 губерниях (с. 529). При нём же по согласованию с морским ведомством началась организация контрразведки на флоте, намеченная Белецким ещё в 1915 г. (с. 522—525).

Разбираясь в интригах на самом верху, автор не упускает из виду и местный уровень политического сыска, включая территории, оккупированные в ходе войны на Кавказе (с. 224—256), в Галиции и на Буковине (с. 281—284). Он скрупулёзно выявляет фактическую укомплектованность различных жандармских структур, численность филёров и секретных сотрудников полиции и КРО (с. 193—212, 344—348, 428—429, 530—532). По наблюдениям автора, мобилизация жандармов настолько обескровила ОКЖ, что к осени 1916 г. не хватало людей для печатания секретной документации (с. 201), а к концу года начался «жандармский бунт», выразившийся в повальном бегстве на фронт (с. 488—491).

В то же время Хутарев-Гарнишевский не раз увлекается своими построениями, не всегда подтверждая их ссылками на документы. Порою он недостаточно критичен к свидетельствам мемуаристов и делает на их основании масштабные выводы.

Прежде всего это касается противоречивой оценки преобразований Джунковского, а также часто встречающихся упоминаний о «военном заговоре», «оппозиционных генералах» и т.п. Так, в Заключении автор утверждает, что основной целью Джунковского на посту товарища министра внутренних дел «было ослабление Департамента полиции и вообще сыскных структур» (с. 554). Именно это якобы стояло за его «борьбой с провокацией» (с. 139), увольнением секретного агента Р.В. Малиновского, «сотрудника Белецкого и Виссарионова» (с. 138), ликвидацией Особого отдела — главного аналитического центра политического сыска с 1898 г., изъятием «процесса подготовки жандармерии из рук Белецкого и Департамента полиции» (с. 167—169), сокращением финансирования крупных охранных отделений (с. 183—185) и планами их упразднения (с. 152—156). Одновременно произошло «укрепление ОКЖ, который получил большую свободу действий» (с. 552). Данное наблюдение, кстати, не мешает Хутареву-Гарнишевскому писать о том, что Джунковский готовил чуть ли не «ликвидацию политической полиции как отрасли государственной службы», когда обсуждал в думской комиссии возможность освобождения ГЖУ от проведения дознаний (с. 164). Это будто бы «вообще лишало бы ОКЖ смысла существования», поскольку «жандармерия теряла свою основную функцию» (с. 162—165). А ведь в Департаменте полиции ещё до 1905 г. жаловались на то, что дознания отвлекают жандармов от их главной задачи — собственно политического розыска. Да

и ГЖУ были не единственной структурой корпуса.

Вместе с тем Хутарев-Гарнишевский считает, что «осознанно или неосознанно Джунковский действовал под влиянием партии октябристов и лично А.И. Гучкова» (с. 190), поддерживавших «наиболее неоднозначные его преобразования, такие как отмена военной агентуры, снятие наблюдения с депутатов Госдумы, реформа полиции, увольнение Романа Малиновского» (с. 190). Однако задуманная Джунковским реорганизация полиции не состоялась как раз из-за сопротивления думской оппозиции. А прекращение слежки за думцами следовало бы обосновать не только ссылкой на воспоминания В.Н. Воейкова и А.И. Спиридовича (с. 138), но и более надёжными делопроизводственными документами.

В ликвидации Джунковским «военной агентуры», т.е. удалении из армии секретных сотрудников, по мнению автора, также была заинтересована «одна сила, глубоко посвящённая в проблемы военного и политического сыска, — это группа руководящих членов партии “Союз 17 октября” во главе с её лидером Александром Гучковым» (с. 112). Но далее говорится о том, что октябристы требовали отмены циркуляра Военного министерства, пытавшегося создать собственную секретную агентуру в войсках (с. 112—121). О каких-либо заявлениях, касавшихся МВД и его подчинённых, при этом даже не упоминается. К сожалению, не подкреплены ссылками на источники и слова автора о том, что «в департаменте составлялись списки военных, находившихся в тесном контакте с Гучковым, за ним самим велось постоянное агентурное наблюдение» (с. 119), а Белецкий «пытался донести до Николая мысль о необходимости наблюдения за армией» (с. 108—109) и будто бы даже беседовал с императором об опасности военного

переворота по образцу младотурецкого.

Между тем пространно цитируемые в книге циркуляры и записки полицейских чинов (с. 88—106) ясно указывают на то, что секретная агентура создавалась в частях прежде всего для наблюдения за революционными настроениями среди нижних чинов и за строгостью дисциплинарных порядков, а также за распространением социалистических идей в офицерских кругах. Особенно Департамент интересовало выявление бытовых условий службы, порождающих недовольство солдат, и т.п. (с. 121—127). Со своей стороны, Джунковский полагал, что подобное «привлечение нижних воинских чинов к сотрудничеству... противно самим основам воинской дисциплины» (с. 134), поскольку разрушает «тесные взаимоотношения между нижними чинами и офицерским составом», их «товарищескую спайку» (с. 133). Об этом он позднее писал и в своих воспоминаниях (с. 129).

Так или иначе, представленный в книге материал не позволяет утверждать, будто имевшаяся в армии секретная агентура использовалась для обнаружения контактов высшего офицерства с думскими деятелями и была упразднена из-за связей Джунковского с депутатами и «оппозиционными генералами». Тем не менее автор упорно ищет в полицейских делах следы если не «военного заговора», то хотя бы тесного общения либералов и генералов. При этом не обходится без явных натяжек. Так, «тёплые дружеские тона в переписке генерала Рузского с Родзянко» в 1915 г. доказывает ссылка на один лист архивного дела (с. 360), другой лист зафиксировал «частые контакты Гучкова со Ставкой» (с. 413), а «постоянная переписка» с Гучковым и М.В. Родзянко генерала П.П. Залесского, состоявшего при начальнике штаба верховного главнокомандую-

шего, отразилась на четырёх листах. Сложно назвать признаком повышенного внимания Департамента полиции к Гучкову филёрскую слежку, отчёт о которой за два года составил всего семь листов (с. 410). Существование переписки лидера октябристов с М.В. Алексеевым подтверждается лишь «по свидетельствам» и воспоминаниям В.Н. Воейкова (с. 415), но это не мешает утверждать, что «Гучков “обработывал”» Алексеева (с. 420). По словам автора, некие «материалы перлюстрации свидетельствуют о том, что высшее офицерство и генералитет видели в думской оппозиции, в первую очередь в Гучкове, Родзянко, Коновалове и Милюкове, реальную политическую силу» (с. 409). Но больше об этих «материалах» ничего не сказано. Таким образом, остаётся лишь сообщение филёра о встрече Гучкова с исполняющим обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего В.И. Гурко в конце января 1917 г. (с. 420).

«Огромное значение», по мнению Хутарева-Гарнишевского, имели сведения, поступавшие с осени 1915 г. от сотрудника Заграничной агентуры «Пьера» (барона С.А. Штакельберга). Он передавал тревожные слухи о существовании в гвардии антиправительственных офицерских организаций: «Речь шла, по сути, о разветвлённом заговоре, точнее, минимум о двух антиправительственных группировках внутри армии: октябристско-прогрессистской и революционно-демократической» (с. 365). Однако в дальнейшем барону так и не удалось выйти на след «заговорщиков», более того, составленный им в апреле 1916 г. «секретный отчёт о революционном и оппозиционном течении в армии» вызвал недоумение у Климовича, отнюдь не симпатизировавшего «оппозиционерам», и уже в сентябре «Пьера» уволили (с. 360—365, 394—395, 423—427).

Агент «Вебер» (Н.П. Селиванов), информировавший Департамент полиции о разговорах русских эмигрантов в Лондоне («в верхах партии С[оциалистов] Р[еволюционеров]»), также не сообщил никакой конкретики (с. 392—393). Вряд ли наличие «заговора» доказывает и отмеченный исследователем факт последующей службы у большевиков ряда высокопоставленных военных («Бонч-Бруевич, Потапов, Мочульский», с. 393—394).

Только запутывает читателя воспроизведение автором взаимоисключающих мемуарных рассказов о гвардейских кавалерийских полках, которые должны были то ли совершить «дворцовый переворот», как писал генерал-майор П.А. Половцов, то ли, если верить вел. кн. Александру Михайловичу, последнему директору Департамента полиции А.Т. Васильеву и Протопопову, напротив, защитить императора от заговорщиков (с. 417—419). Надуманным кажется и предположение, будто проект подчинения КРО Департаменту полиции составлялся для того, чтобы Белецкий мог «совершенно свободно расследовать имевшуюся информацию об офицерском заговоре под предлогом военного шпионажа» (с. 366). А намерение «вести особое наблюдение за теми офицерами, которые ведут крупную карточную игру, имеют долги или проводят время в обществе иностранцев и иностранок, в частности артисток» (с. 375), историк считает лишь формально связанным «с борьбой со шпионажем», ведь на самом деле «проведение в жизнь этой меры поставило бы военных и под полный политический контроль» (с. 374). Записка Климовича об общественных организациях, направленная членам Совета министров, в штабы фронтов и в Ставку, оказывается «плохо прикрытым намёком генералам на осведомлённость политического сыска о

характере их политических контактов» с Центральным военно-промышленным комитетом (с. 456). И даже предполагавшееся создание Канцелярии по политическим вопросам автор рассматривает в контексте воображаемой конспирации, а не реального межведомственного соперничества: «Учитывая сформировавшееся в руководстве политического сыска убеждение в наличии военного заговора или, по меньшей мере, военной оппозиции, отдавать в руки военной контрразведки внутреннюю безопасность режима представлялось крайне опасным» (с. 475). Но в итоге вывод исследователя о том, что к моменту Февральской революции до предела обострились отношения сыска с «оппозиционными генералами» (с. 533), выглядит неубедительно.

В книге есть и другие, не менее спорные утверждения. Так, на основе изданных в Москве в 1958 г. воспоминаний М.Д. Бонч-Бруевича «Вся власть Советам», историк пишет о том, как вел. кн. Николай Николаевич, будучи верховным главнокомандующим, поручил генералу-мемуаристу «раскрыть немецкую агентурную сеть в Прибалтике, найти её связи с Царским Селом и Петроградом, по возможности доказать связь с германской разведкой великого князя Кирилла Владимировича», дабы отстранить от «активной политической деятельности» и скомпрометировать «влиятельную ветвь потомков велико-

го князя Владимира Александровича» (с. 333—336).

Заголовки структурных частей книги, к сожалению, не всегда удачны, поэтому часто можно только догадываться об их содержании. Так, в параграфе «Превентивная юстиция» речь идёт о разгроме революционных групп и обысках, проводившихся на основании данных, полученных от секретной агентуры, в параграфе «Поражение охранки» — об увольнении Джунковским начальника столичного охранного отделения М.Ф. фон Котена и сокращении финансирования этого учреждения, в параграфе «Поражение генералов» — о восстановлении по инициативе Климовича секретной агентуры в тыловых частях и т.п. Не украшает исследование и использование таких выражений, как «маховик шпионских дел» (с. 324), «репрессивная политика контрразведок», «механизм репрессий» (с. 325), «репрессивная вакханалия» (с. 337), «шпиономания» (с. 308) и т.п.

Конечно, текст книги производит впечатление очень «неровного». При этом в нём переплетаются различные сюжетные линии, анализируется впечатляющее количество архивных документов. Достоинством исследования являются и два приложения, в которых приводятся ценные статистические данные. В целом монография В.В. Хутарева-Гарнишевского вносит весомый вклад в историографию политического сыска Российской империи.

Анастасия Дунаева

Рец. на: В.В. Хутарев-Гарнишевский. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913—1917 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. 648 с.

Anastasiya Dunaeva
(Moscow, Russia)

Rec. ad op.: V.V. Khutarev-Garnishevskiy. Protivostoyaniye. Spetssluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossiyskoy imperii, 1913—1917 gg. Moscow, 2020

DOI: 10.31857/S086956870014488-7

Монография В.В. Хутарева-Гарнишевского написана на основе кандидатской диссертации, защищённой им в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в 2012 г. Целью исследования, по словам автора, является «комплексное изучение работы политического сыска, контрразведки, руководства армии и МВД, явных и скрытых механизмов взаимодействия этих структур по двум основным вопросам: политического будущего самодержавного режима и победы в войне» (с. 23). При этом исследователь ставит перед собой вопросы: «Было ли руководство МВД готово наладить работу политической полиции и эффективно пользоваться её плодами? Была ли способна правительственная власть в годы Первой мировой войны выработать направление и сформулировать приоритетные задачи жандармерии, обеспечить её необходимой материально-технической и нормативной базой? Обладал ли личный состав спецслужб необходимыми качествами и подготовкой для выполнения поставленных задач?». Было ли у правительства понимание «целей, задач, устройства и будущего государственной полиции?» (с. 10).

По словам автора, им использовался широкий круг архивных источ-

ников, и «большинство из них вводится в научный оборот впервые» (с. 24). Действительно, в конце книги представлен внушительный список архивов и фондов, но, к сожалению, во Вступлении не поясняется новизна и информативность конкретных документов, с которыми работал историк.

Достаточно краткий и выборочный историографический обзор (при довольно богатой российской и зарубежной литературе) не позволяет в полной мере судить о вкладе упомянутых в нём исследователей и самого автора книги в изучение темы. К тому же в нём приводятся лишь публикации, появившиеся до 2012 г., и игнорируется ряд работ, вышедших за последние 8 лет и имеющих непосредственное отношение к рассматриваемым В.В. Хутаревым-Гарнишевским сюжетам. Среди них четырёхтомный труд О.Р. Айрапетова¹, второе (переработанное и дополненное) издание фундаментальной монографии З.И. Перегудовой², исследования профессора Р. Роббинса³ и А.Ю. Дунаевой⁴.

Но и в других случаях историк не всегда отмечает сделанное его предшественниками. Так, он ничего не говорит о том, что в книге А.А. Здановича анализируется проект «Положения о контрразведке» директора

Департамента полиции Р.Г. Молова⁵, которому автор посвятил отдельный параграф. Во Вступлении же отмечено лишь то, что Здановичем «не учитывается политическая подоплёка, конъюнктура процессов» (с. 17).

Основная часть монографии Хутарева-Гарнишевского состоит из шести глав. Первая («Синие мундиры. Личный состав и кадровая политика») носит скорее вводный характер. В центре второй («Реформы политического сыска в 1913—1914 гг.») находится фигура товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковского. В ней рассматриваются его реформы в политическом розыске — упразднение агентуры из солдат, матросов и учащихся гимназий, ликвидация большинства охранных отделений (включая почти все районные), а также ревизия Петербургского охранного отделения в контексте общей реформы полиции в стране. При этом о личности, биографии и системе ценностей этого выдающегося государственного деятеля ничего не говорится. Владимир Фёдорович характеризуется словами П.Г. Курлова, А.П. Мартынова, А.В. Герасимова, писавшего в мемуарах о том, как «в октябрьские дни 1905 года он (Джунковский. — А.Д.), будучи московским вице-губернатором, вместе с революционерами-демонстрантами под красным флагом ходил от тюрьмы к тюрьме, для того чтобы освобождать политических заключённых» (с. 78). Этот эпизод Хутарев-Гарнишевский называет «анекдотичным», но в то же время «характеризующим психологическую атмосферу, сложившуюся между новым командиром Корпуса и его подчинёнными» (с. 79). Между тем при освобождении по амнистии политических заключённых московский вице-губернатор Джунковский, действительно, общался у Таганской тюрьмы с толпой ми-

тингующих, у которых был красный флаг. Его недоброжелатели неоднократно искажали обстоятельства этого эпизода, стремясь скомпрометировать генерала. Впервые это сделал в 1915 г. Н.П. Тихменев, выпустивший свой памфлет по заказу С.П. Белецкого⁶.

Указывая на то, что «тёплые отношения связывали В.Ф. Джунковского ещё со времён московского губернаторства с либералами М.В. Челноковым и Д.Н. Шиповым» (с. 119), автор ссылается на диссертацию А.Ю. Дунаевой. Однако там утверждается прямо противоположное: никаких «тёплых отношений» с ними Джунковский никогда не поддерживал⁷.

Особое внимание Хутарев-Гарнишевский уделяет партии октябристов. «Нельзя не отметить, — пишет он, — что Джунковский водил близкое знакомство с рядом октябристов — братьями Гучковыми, братьями Рябушинскими, М.В. Родзянко, а также наиболее близкими к ним военными... При прощании Джунковский целовался с Гучковым» (с. 118). При каких обстоятельствах это происходило, не уточняется. А случилось это на вокзале при отъезде Александра Ивановича на Балканы, где ему предстояло руководить санитарными отрядами в качестве представителя Главного управления Красного Креста, что представляется всё же немаловажным обстоятельством.

Хутарев-Гарнишевский не сомневается, что «осознанно или неосознанно Джунковский действовал под влиянием партии октябристов и лично А.И. Гучкова» (с. 190), а «его предупредительное и трепетное отношение к общественному мнению, развившееся в годы пребывания на посту московского губернатора, стало одним из основополагающих принципов как государственного управленца» (с. 118). Убеждая в этом читателя, автор пишет: «Отношение Джунковского к Государ-

ственной думе было вполне исчерпывающе им изложено ещё в феврале 1913 г. во время беседы с Николаем II о напряжённых отношениях между некоторыми депутатами, с одной стороны, и военным и морским ведомствами — с другой. Приняв во время дискуссии сторону думцев, на вопросы императора о работе комиссии по военным и морским делам товарищ министра отвечал следующее» (с. 166). Далее следует цитата из воспоминаний Джунковского, где сделана обширная документальная вставка и приведена стенограмма встречи председателя Государственной думы М.В. Родзянко с императором. При этом слова, приписанные в книге Джунковскому, взяты из речи Родзянко⁸. Джунковский же на той аудиенции даже не присутствовал.

Какие же преобразования провёл Джунковский в угоду либеральной общественности? Речь идёт прежде всего о роспуске секретной агентуры из солдат и матросов в армии и на флоте. Связывая это преобразование исключительно с влиянием октябристов, Хутарев-Гарнишевский почему-то совсем не учитывает ни военное прошлое Джунковского, ни его отношение к армии, ни его первый приказ по корпусу, призывавший хранить лучшие офицерские традиции и беречь честь мундира. Суждения автора о том, как относились к предложениям Джунковского в Военном министерстве, весьма противоречивы. Сначала говорится, что Владимир Фёдорович «последовательно поддерживал армейское руководство» (с. 354), в том числе и осуществляя эту реформу, затем утверждается, будто она прошла «вопреки воле военного руководства» (с. 557).

При описании подготовки реформы особое внимание уделяется позиции военного министра В.А. Сухомлинова, который будто бы поддержи-

вал жандармскую агентуру в войсках. «В письме от 30 ноября 1912 года, — сообщает Хутарев-Гарнишевский, — Сухомлинов выразил своё окончательное согласие и одобрение основных положений вопроса об освещении революционной пропаганды в войсках. Несмотря на некоторый компромисс (жандармам всё-таки пришлось посвятить командиров частей в работу секретной агентуры), сыску удалось получить полное одобрение руководства армии» (с. 108). Далее, ссылаясь на те же листы архивного дела⁹, автор сообщает о том, что «в начале марта Белецкий (директор Департамента полиции. — *А.Д.*) пишет письмо Сухомлинову. Проект письма был составлен ещё 1 марта. Директор напоминает военному министру, что агентура существует с его согласия, и пытается привлечь его на сторону полиции, предлагая ограничить деятельность агентуры исключительно информированием и предупреждением военных» (с. 130).

Так о каком же письме идёт речь: Сухомлинова или Белецкого? В архивном деле на указанных страницах можно обнаружить черновик письма, которое в 1913 г. собирались отправить военному министру за подписью главы МВД, с карандашной пометкой: «Проект этот был представлен господину директору 1 марта и не возвратился. 18/IV». В нём действительно есть ссылка на письмо Сухомлинова от 30 ноября 1912 г. (но текст его отсутствует). Смысл «проекта» состоял отнюдь не в намерении «ограничить деятельность агентуры исключительно информированием и предупреждением военных» (само по себе это звучит очень неправдоподобно). В нём предлагалось, чтобы «чины Корпуса жандармов, получая сведения о революционной работе в войсковых частях, не ограничивались бы сообщением тех или иных фактов... а при-

меняли бы все меры помощи войсковому начальству к предотвращению таковых... широко используя в этом отношении агентуру общего порядка». Одновременно МВД обещало придерживаться «весьма осторожного заведения агентуры чисто войсковой, то есть в случаях, когда революционное брожение возникло не со стороны, а внутри самой войсковой части, или когда брожение имеет характер чисто воинских преступлений, дабы эта агентура отнюдь не была направлена на какую бы то ни было активную деятельность в частях войск, а была лишь использована для целей предупредительного характера»¹⁰. Таким образом, речь шла не об информировании, а о «помощи военным», т.е. о работе органов розыска в войсках с использованием как общей, так и собственно военной агентуры.

Вызывает удивление и то, что важнейшие для освещения данного сюжета документы, хранящиеся в РГВИА (например, циркуляр № 982, одобрявший, по словам автора, наблюдение за офицерами, или письмо министра внутренних дел А.А. Макарова к В.А. Сухомлинову 16 марта 1912 г.), цитируются по монографиям А.С. Сенина¹¹ и У. Фуллера¹² (с. 104—105).

Хутарев-Гарнишевский эмоционально заявляет: «Фактически сыск в армии был ликвидирован одним росчерком пера» (с. 135). И лишь вскользь упоминает о том, что продолжала действовать агентура из «вольного состава» (с. 125). То есть внутренняя агентура в армии и на флоте сохранялась. Вместе с тем сведения об агентах из числа матросов передавались командирам боевых кораблей.

В пятой главе («Борьба за контроль над армией (осень 1915 г. — 1916 г.)») автор описывает встречу помощника начальника Кронштадтского жандармского управления ротмистра В.В. Владимирова (ошибочно назван-

ного подполковником (с. 384—385)) с руководством контрразведки Северного фронта — генералом М.Д. Бонч-Бруевичем и полковником Н.С. Батюшиным. Тогда якобы «Бонч-Бруевич согласился в целом с выводами Владимирова о причинах и масштабе брожения на [Балтийском] флоте, однако наотрез отказался поднимать вопрос об отмене циркуляра 1913 г. и восстановлении жандармской агентуры» (с. 386). Однако, согласно рапорту Владимирова, Бонч-Бруевич заявил, что «флот, имеющий свои контрразведывательные отделения (КРО. — *А.Д.*), обязан, вне зависимости от того, будут ли принимать участие чины МВД в освещении настроения судовых команд, иметь, согласно инструкции для КРО, своё освещение, обязан иметь свою агентуру, как на берегу, так и на судах, причём для них, т.е. для КРО, циркуляры МВД в этом отношении являются совершенно не обязательными, а потому им и будет от имени главнокомандующего послано циркулярное предписание о вменении в обязанность к.-р. морских отделений полной осведомлённости о всём, что в настоящее время происходит в матросской среде»¹³. Точно так же и командующий Балтийским флотом адмирал В.А. Канин, позиция которого вызывает у автора недоумение (с. 390), поддерживал установление «временного, негласного надзора за командой», *порученного жандармскому офицеру, прикомандированному к КРО при штабе и находящемуся в распоряжении командующего в течение нескольких месяцев*¹⁴, но возражал против постоянного внутреннего полицейского наблюдения во флотских частях и отмены циркуляра Джунковского. Таким образом, во время войны по указанию руководства на Балтике среди матросов вновь появились агенты.

Хутарев-Гарнишевский категорично утверждает, что «вскоре по-

сле ликвидации агентуры в войсках была распущена секретная агентура в средних учебных заведениях» (с. 137). Однако вербовка агентов среди гимназистов была запрещена и являлась прямым нарушением действовавших инструкций; к сотрудничеству разрешалось привлекать лишь студентов. В то же время в инструкции по ведению секретного розыска указывалось, что агентуру в средних учебных заведениях следует приобретать среди «надзирателей, швейцаров, дядек и пр[оч].», а также в слоях, соприкасающихся с учащимися». И только в кадетских корпусах вовсе исключалось наличие какой-либо агентуры¹⁵. Собственно и циркуляр Джунковского запрещал внедрять в гимназии агентов-гимназистов, но, так же как и в армии и на флоте, не упразднял агентуру в целом.

Касаясь прекращения деятельности Р.В. Малиновского, выведенного Джунковским из числа депутатов Государственной думы, Хутарев-Гарнишевский полагает, что «увольнение лучшего секретного сотрудника полиции в Думе не было мотивировано никакими доводами, кроме общих рассуждений морально-этического характера» (с. 139). Между тем никто из руководителей Малиновского не сомневался в том, что он постепенно становился неуправляемым в своих речах, а в случае его разоблачения (как это случилось с Е.Ф. Азефом) правительство оказалось бы сильно скомпрометированным, поскольку этот агент-provokator находился в официальных отношениях с директором Департамента полиции Белецким.

Примером борьбы Джунковского «с департаментом полиции, охранными отделениями и их методами» Хутарев-Гарнишевский считает сокращение расходов в Петербургском охранном отделении в 1913 г., направленное, по его мнению, на оконча-

тельное ослабление этого учреждения. Так, «на секретную агентуру охранной команды было выделено вместо 20 700 всего 10 000 руб., на секретную агентуру непосредственно охранного отделения вместо 75 660 было отпущено 75 000 руб., кредит суточных и расходных денег филёрам центрального филёрского отряда сокращён с 27 000 до 15 000 рублей. Из 135 филёров охранного и районного охранного отделения было уволено 35 человек» (с. 183).

Однако исследователь не приводит те доводы, которыми руководствовался Джунковский, констатировавший, что «в расходовании денежных средств, отпускаемых из секретного кредита МВД на содержание отделения по охранению общественной безопасности и его отделов, замечается отсутствие целесообразности и стремление к созданию всевозможных материальных выгод для чинов отделения, в особенности высших, в ущерб прямому назначению этого кредита — ведению политического розыска. Штатным чинам, кроме установленного жалованья, выдаются всякие добавочные, расходные и разъездные деньги, агентам же и вольнонаёмным служащим возмещаются разные расходы по службе, которые фактически ими не производились»¹⁶. Соответственно «ко времени ревизии из 135 лиц, получавших содержание по филёрским спискам, только 93 агента несли наблюдательную службу, остальные же 42 человека состояли в разряде канцелярских чиновников, сторожей, докладчиков, кучеров, лакеев и т.п. При этом фактической необходимости в содержании столь значительного числа канцелярских чиновников не встречается, так как при улучшении порядка канцелярского производства отделения возможно было бы значительно сократить количество производящейся в канцелярии работы без

всякого ущерба для деятельности отделения»¹⁷.

В результате Джунковский сократил число филёров до 100 человек, распорядившись, чтобы в дальнейшем никто из них не привлекался к канцелярской или иной, кроме филёрской, работе. Это позволяло экономить 24 тыс. руб. в год. Кредит на выдачу суточных и расходных денег филёрам сокращался с 27 тыс. руб. до 15 тыс. руб. в год, поскольку значительное число агентов Центрального отряда в течение продолжительного времени находилось в командировках и получали положенные им суммы по командировочным счетам. На содержание секретной агентуры в гостиницах и меблированных комнатах вместо 20,7 тыс. руб. ассигновалось только 10 тыс. руб. в год, так как «на означенный предмет и на выдачу разъездных денег служащих расходовалось не более указанной суммы»¹⁸.

Хутарев-Гарнишевский пишет: «Численность агентов охранной команды сокращена с 287 до 250 человек. Личный офицерский состав команды сокращён до 4-х человек. В феврале 1914 г. реорганизации продолжились — из столичной охранной команды было уволено ещё не менее 98 агентов» (с. 183). Перед этим говорится, что в охранной команде служило 390 человек (с. 180), как оно и было на самом деле¹⁹. Однако в документе, на который ссылается автор, уточнялось, что «в настоящее время общее число агентов, несущих охранную службу, составляет 287 человек, причём представляется возможность некоторого сокращения постов, так что при нормальных условиях штат в 250 человек должен быть признан совершенно достаточным»²⁰. В циркуляре, разосланном 24 февраля 1914 г., указывалось, что «за сокращением штата личного состава охранной команды... 98 агентов названной коман-

ды заявили желание о переводе их на службу вольнонаёмными филёрами в другие учреждения»²¹. Начальники ГЖУ получили приказ оказывать им предпочтение при приёме на работу. Таким образом, эти 98 человек входили в число уволенных ранее 140 агентов, а обязанности охраны реально выполняли 37 уволенных агентов.

Иногда досадные ошибки возникают в книге из-за неточности перевода: «В целом, — указывает Хутарев-Гарнишевский, — траты на политический сыск Джунковский сократил с 5,3 млн рублей в 1913 г. до 1,5 млн руб. в 1915 г. Формальным объяснением была экономия бюджетных средств» (с. 179). При этом автор ссылается на монографию Дж. Дейли, в которой можно прочесть: «К августу 1915 г. все эти бюджетные сокращения позволили Джунковскому накопить более 1,5 млн руб. излишка в секретных фондах. Это была значительная часть этих фондов, если брать расходы за год. Например, 5,3 млн руб. было израсходовано в 1913 г.» («By August 1915, all these budgetary reductions had permitted Dzhunkovskii to amass a surplus of over 1.5 million rubles in secret funds. This was a significant portion of all such funds disbursed in a given year — for example 5.3 million rubles was disbursed in 1913»²²). Очевидно, что 1,5 миллиона было сэкономлено, а не потрачено. Причём речь идёт о «секретной сумме», находившейся под особым контролем товарища министра внутренних дел, а не о расходах вообще. Автор, скорее всего, не допустил бы этих ошибок, если бы проверил информацию по опубликованным русским источникам, на которые опирался Дейли.

В другом случае, видимо, также из-за неверного перевода Хутарев-Гарнишевский счёл, что «всего за своё правление Джунковский четы-

режды урезал бюджет Петербургского охранного отделения» (с. 183)²³. Но в показаниях Джунковского Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, которые использовал Дейли, отмечалось: «Затем были сокращены расходы в петроградском охранном отделении: я помню, они были в четыре раза сокращены по той смете, которую я утвердил»²⁴.

Осуществлённое Джунковским объединение губернских жандармских управлений и охранных отделений однозначно оценивается автором как «ликвидация охранных отделений», которая «была лишь первым шагом не к реконструкции, а именно к демонтажу устоявшейся системы сыска» (с. 159). И лишь вскользь упоминается о том, что эта реформа была нацелена на унификацию органов сыска (с. 158).

Вместе с тем в книге последовательно изложен материал, связанный с деятельностью жандармских курсов, комплектованием офицерского состава корпуса и его мобилизацией во время Первой мировой войны, службой на оккупированных территориях и т.п. Подробно освещено взаимодействие жандармерии и контрразведки, приводятся любопытные статистические сведения о преследовании шпионажа, забастовочном движении и росте цен на продукты во время Первой мировой войны.

В целом те главы, в которых автор не гонится за сенсацией, написаны более основательно и качественно. Там же, где он увлекается сюжетом, интригует читателя, повествование захватывает, но, к сожалению, уходит в сторону от строгого анализа источников и литературы.

Известная небрежность чувствуется и в авторской стилистике. Например, названия государственных учреждений (Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов, Особый отдел и др.) пишутся и со строчной, и с прописной буквы. Не всегда

верна атрибуция фотографий. Так, на одном из снимков П.П. Заварзин ошибочно принят за К.И. Глобачёва.

В Заключении В.В. Хутарев-Гарнишевский делает парадоксальный вывод: «В условиях ортеговского “восстания масс” нельзя было уже точно выделить конкретную группу заговорщиков или революционную ячейку, в которой готовилось свержение самодержавия. В этой ситуации скальпель политического сыска стал непригодным инструментом для защиты правительства, требовалась дубина репрессивно-карательной системы, родившаяся в годы Гражданской войны. Но дореволюционная бюрократия трепетно относилась к формальному соблюдению законов империи. Такого предмета в инструментарии царского МВД не было да и не могло быть по определению» (с. 567—568). Но разве практика массовых арестов, внедрявшаяся Белецким, это тоже «скальпель» или всё же та самая «дубина», которая уже была наготове? Более того, выходит, что решающее значение имели не реформы Джунковского и не соперничество военных и МВД, а «противостояние» государства недовольству «масс», в формировании которого ведущую роль играла пресса. А если так, то позиция В.Ф. Джунковского, ограничивавшего органы политического розыска рамками закона, для того чтобы повысить доверие населения к власти, оказывается единственно верной.

Примечания

¹ *Айрапетов О.Р.* Участие России в Первой мировой войне (1914—1917). Т. 1—4. М., 2014—2015. Между тем Хутарев-Гарнишевский во многом опирается на идеи, изложенные в другой работе этого автора: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907—1917. М., 2003.

² *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880—1917). М., 2013.

³ *Robbins R.G., Jr.* Overtaken by the Night. One Russian's Journey through Peace, War, Revolution & Terror. Pittsburgh, 2017.

⁴ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Фёдорович Джунковский. М., 2012. Книга включена лишь в финальный список источников и литературы (с. 636). В.В. Хутарев-Гарнишевский цитирует кандидатскую диссертацию А.Ю. Дунаевой, защищённую в 2010 г., но её выводы приводятся иногда с искажением.

⁵ Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914—1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 40—48.

⁶ Тихменев Н.П. Генерал Джунковский в отставке... Пг., 1915. С. 9.

⁷ Дунаева А.Ю. В.Ф. Джунковский: политические взгляды и государственная деятельность (конец XIX — начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 126—128, 131.

⁸ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 140—141.

⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, 1913 г., д. 210, л. 2—2 об.

¹⁰ Там же, л. 2 об.

¹¹ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.

Григорий Кан

Вера Фигнер: известная и неизвестная*

Grigoriy Kan

(Moscow, Russia)

Vera Figner: Famous and Unknown

DOI: 10.31857/S086956870014489-8

В 1992 г. А.В. Воронихин под руководством Н.А. Троицкого защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую взглядам и деятельности В.Н. Фигнер. Теперь её текст переработан в капитальную монографию, в которой впервые освещена вся долгая, почти 90-летняя жизнь знаменитой революционерки. Судьба Фигнер вызывает много вопросов. Почему юная дворянка из обеспеченной семьи выбрала путь борьбы с самодержавием, ушла в революционное движение? Как она восприняла поражение «Народной воли», не получившей поддержки в обществе и народе? Какой отпечаток наложило на неё длительное тюрем-

¹² Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

¹³ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, 1913 г., д. 210, л. 172 об.

¹⁴ Там же, л. 180.

¹⁵ Там же, оп. 261, д. 240, л. 15.

¹⁶ Там же, оп. 33, д. 562, л. 68.

¹⁷ Там же, л. 130.

¹⁸ Там же, л. 134—134 об.

¹⁹ Там же, л. 91.

²⁰ Там же, л. 132 об.

²¹ Там же, оп. 260, д. 437, л. 82.

²² Daly J.W. The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906—1917. DeKalb (Ill.), 2004. P. 142.

²³ Ibid.

²⁴ Допрос В.Ф. Джунковского 2 июня 1917 года // Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щёголева. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 79.

ное заключение? Как она относилась к русским революциям 1905 и 1917 г. и к большевистской власти?

Как показывает Воронихин, у Фигнер с детства сформировался сильный, волевой, целеустремлённый характер. Ещё в молодости она, окончив казанский Родионовский женский институт, твёрдо решила получить высшее медицинское образование и весной 1872 г. поступила в Цюрихский университет (с. 70—72). Там летом 1873 г., познакомившись с социалистическими доктринами, Фигнер вступила в женский революционный кружок «фричей», участницы которого считали слишком умеренной

* Воронихин А.В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М.; Саратов: Common place, 2020. 400 с.

программу П.Л. Лаврова, но не были столь радикальны в своих взглядах, как М.А. Бакунин. При этом, как ни странно, увлечение социализмом возникло у Фигнер во многом под влиянием Евангелия. Иисуса Христа она почитала как мученика за идею любви к человечеству (с. 73—74, 78—79). Воронихин уделяет этому всё же мало внимания, хотя данная черта представляется одной из важнейших для понимания психологии «семидесятников». Сама Фигнер свидетельствовала: «Воинствующий социализм, обещающий труждающимся и обременённым истинную свободу, равенство и братство, социализм, не признанный властью и богатство имущими, преследуемый за свои обличения, казался мне новым Евангелием, перелицованным согласно изменившимся социальным условиям и современному развитию человечества. Христианские понятия, чувства, воспитанные Евангелием, представления о святости аскетизма и самоотречения — всё влекло меня к новому учению»¹. Необходимо добавить, что, будучи человеком умным², начитанным и интеллектуально развитым (с. 67—68, 82), Фигнер испытала влияние многих мыслителей и публицистов, в частности Бакунина, Лаврова, Ф. Лассалья, Д.И. Писарева, П.-Ж. Прудона и особенно Н.К. Михайловского³.

В конце 1874 г. большинство «фричей» уехали в Россию, чтобы вести социалистическую пропаганду среди рабочих. Фигнер, однако, решила продолжать образование в Швейцарии. Впрочем, она не отказалась от революционных убеждений, успешно собирала деньги для цюрихских студентов и эмигрантов, а в декабре 1875 г. по приглашению М.А. Натансона всё же переехала в Москву, где вплоть до марта 1876 г. безуспешно пыталась помочь оказавшимся в тюрьмах «фричам» (с. 83—91). Народник

Д.М. Айвазов писал 18 октября 1876 г. З.К. Ралли, что она «часто подвергалась детским увлечениям», вообще отличалась «сильной увлекательностью характера», но не умела «вести дело вследствие непрактичности». Вместе с тем Айвазов признавал, что «она очень искренний человек и до самопожертвования предана цели»⁴.

Получив свидетельство фельдшерицы и диплом повивальной бабки (так тогда именовались акушерки), Фигнер собиралась поселиться в деревне, чтобы, оказывая крестьянам медицинскую помощь, вести среди них революционную агитацию (с. 91—92). Затем, вступив в кружок «сепаратистов», разделявший программу «Земли и воли», она с 7 октября 1877 по 10 января 1878 г. работала фельдшерицей в с. Студенцы (в Самарском уезде), где с ужасом наблюдала за тем, в какой грязи и нищете живёт народ⁵.

Спустя почти полгода при посредничестве акцизного чиновника из Петровска Саратовской губ. Н.Ф. Александрова⁶ Фигнер устроилась фельдшерицей и повивальной бабкой в с. Вязьмино. О её самоотверженной работе в Петровском уезде ярко рассказано в книге Воронихина. Однако местная администрация вскоре заподозрила Фигнер и её сестру Евгению в «неблагонадёжности». В конце апреля 1879 г. им пришлось бежать, опасаясь ареста в связи с расследованием покушения члена кружка «сепаратистов» А.К. Соловьёва на Александра II. После этого Фигнер, прежде возражавшая против политического террора, стала его сторонницей (с. 110—113, 115—117, 121—123, 132, 136). Она полагала, что «если молодая, более пылкая часть общества не находит ни сферы для своей деятельности, ни дела во имя блага народа, которому она могла бы отдать свой энтузиазм... если все средства к убеждению были испробованы и оказались одинаково

бесплодными, то остаётся физическая сила: кинжал, револьвер, динамит»⁷. В то же время Фигнер не забывала, что насилие «никогда не способствует смягчению нравов... вызывает ожесточение, развивает звериные инстинкты», а «гуманность и великодушные несовместимы с ним» (с. 142—143).

Вступив в «Народную волю», став членом её Исполнительного комитета и оставаясь на свободе до 10 февраля 1883 г., Фигнер принимала активное участие в подготовке нескольких террористических актов (включая убийство Александра II), занималась пропагандой среди военных и учащихся, отвечала за переписку с эмигрантами, паспортное бюро, сбор денег, распространение и подготовку к печати нелегальной литературы (с. 132—136, 146—153, 156—158, 164—165, 177, 181).

Очень интересна трансформация её взглядов после марта 1881 г. Воронихин пишет, что в конце 1881—1882 г. Фигнер надеялась на вооружённое восстание при руководящей роли военных (с. 164), а не на террор или народное выступление. Более того, судя по словам одесского народовольца Д.Г. Петрова, давшего 10—16 июля 1882 г. откровенные показания, Фигнер уже поздней весной 1881 г. критически отзывалась о совершившемся цареубийстве, «заявляя, что событие это не оправдало возлагавшихся на него надежд, не говоря уже о громадном уроне, который оно нанесло партии, произвело подавляющее впечатление и убило энергию в революционной молодёжи»⁸. В мемуарном очерке её суждения звучали ещё более категорично: «1-е марта грянуло и отклика не вызвало: народ безмолвствовал, либеральное общество притаилось... Народ не знал нас, не ведал наших целей, а одобрительный шёпот либералов так и остался жалким, бесплодным шёпотом. “Народная воля” оказалась изолированной и одинокой.

Акт, который должен показать силу, доказал бессилие»⁹.

Неудачи «Народной воли» надломили и поколебали у Фигнер веру в людей, в их способность к добру и готовность сочувствовать и помогать борьбе за свободу. Сама Вера Николаевна вспоминала об огромном потрясении, пережитом после известия о предательстве её ближайшего соратника — С.П. Дегаева: «Испытать такую измену — значило испытать ни с чем не сравнимое несчастье, уносящее моральную красоту людей, красоту революции и самой жизни»¹⁰.

Как и С.Л. Перовская, Фигнер была человеком сложным. В одном из своих стихотворений она признавалась, что может быть то «кротка», «проста, любезна и сердечна», то «строга, надменна, холодна, ко всем придиричива, сурова, чувств неприязненных полна»¹¹. Человек очень эмоциональный, нервный и беспокойный, Фигнер в горячности могла быть иногда жестокой к людям, что не мешало ей во многих других случаях оставаться мягкой, доброй и отзывчивой¹². В своих высказываниях она бывала несдержанна и порою выражалась крайне резко и безапелляционно. Так, полемитическому радикалу, негативно относившемуся к «Народной воле», она заявляла, что «жизнь вообще есть каторга» и «только тот может сделать что-нибудь, кто делает людям зло и кто относится к ним, как к скотам. Другого отношения они не стоят»¹⁴. Эти слова отражали её тогдашнее мрачное и пессимистическое настроение. Но и «покаившийся» Маслов считал Фигнер «человеком совершенно исключительных умственных и нравственных сил», чей «умственный и нравственный мир так сложен и богат»¹⁵.

Воронихин подробно, обстоятельно и проникновенно описал и «процесс 14-ти» в сентябре 1884 г., на котором Фигнер приговорили к смерт-

ной казни, заменённой затем вечной каторгой, и её 20-летнее заключение в Шлиссельбургской крепости (с. 185—229). Шлиссельбург она называла позднее «основным фактором» всей своей жизни: «Он отнял у меня 20 лет жизни... Но именно в Шлис[s]с[ельбурге] я прошла, кроме глубин страдания, школу солидарности... Там же у товарищей я находила такую преданность и ласку, которых, в суровых условиях револ[юционной] жизни, я не изведала бы никогда. — И разве Шлиссельбург, несмотря на все испытания, был слишком дорогой ценой за участие в такой организации, какой был “Исполнительный комитет”, и в такой борьбе, какую, при тогдашних условиях, вела против самовластия “Народная воля”?»¹⁶.

Незадолго до своей смерти от рака мать Фигнер подала прошение об облегчении участи дочери. Оно было удовлетворено: пожизненное заключение заменили 20 годами каторги. Осенью 1904 г. Фигнер отправилась в ссылку в с. Неноксу Архангельской губ., где жила до июня 1905 г. (с. 233—238)¹⁷.

Прожив некоторое время в Казанской губ. и в Нижнем Новгороде, Фигнер поздней осенью 1906 г. с разрешения властей уехала лечиться за границу. Там она постепенно вновь втянулась в общественную жизнь, познакомилась с лидерами партии социалистов-революционеров (ПСР) и в 1907 г. стала её членом (с. 238—245). Молодая эсерка М.А. Прокофьева писала о ней своему жениху Е.С. Созонову (убийце В.К. Плева) 11 июня 1908 г.: «В[ера] Ник[олаевна] маленькая, очень изящная и даже теперь красивая. Свежее, спокойное, аристократическое лицо со строгими, немного усталыми и очень красивыми глазами. По манере держаться очень живая, подвижная и совсем молодая... Всем интересуется, много принима-

ет и видит людей. Со всеми очаровательно проста и ласкова. Простота у неё аристократическая и ласка очень сдержанная, тихая, почти незаметная... во взгляде, иногда в движении. Очень ровна и обаятельно-изящна... В суждениях “моральна” и строга до чрезвычайности». Правда, как отмечала Прокофьева, Фигнер любила не всех людей, а «только определённый их круг, “своих” (тов[арищей])», её отличала «сектантская любовь» — «к “своим” — чарующая, благоговейно-нежная, и до жестокости строгая за его пределами»¹⁸.

Возможно, именно эта нетерпимость Фигнер привела к разрушению её первоначально тёплых отношений с Б.В. Савиновым. Вера Николаевна не захотела ни понять, ни принять его убеждения (и, в частности, неприятие им позитивистско-рационалистической нормативной морали, свойственной «семидесятникам») и поступки (в том числе измену жене¹⁹).

В 1908 г. Фигнер принимала участие в разборе обвинений в провокации, выдвинутых против хорошо знакомого ей Е.Ф. Азефа. А в следующем году, после его разоблачения, она покинула ПСР, разочаровавшись в партии, в которой долгие годы одним из лидеров являлся провокатор, а потом воцарилась атмосфера взаимных претензий и подозрительности. В 1910—1913 гг. Фигнер активно помогала российским заключённым, путешествовала по Европе, любясь её красотою, музеями, галереями, соборами, встречалась с писателями и деятелями искусства. Однажды ей даже довелось совершить полёт на аэроплане. Во время Первой мировой войны бывшая террористка заняла умеренно-оборонческую позицию, поскольку режим Вильгельма II казался ей большим злом, чем союз России и Антанты.

Когда в 1915 г. Фигнер легально вернулась в Россию, её арестовали и сослали под надзор полиции в Нижний Новгород. Позднее она жила в Елецком уезде Орловской губ. и в Харькове, а в декабре 1916 г. получила разрешение поселиться в Петербурге, где её и застали революционные события 1917 г. Тем временем в 1910—1916 гг. она написала значительную часть своих воспоминаний (с. 246—261).

Разумеется, Февральская революция вызвала у Фигнер радостные чувства. Но у неё не было эйфории, наоборот, вскоре появилась некоторая настороженность. В сентябре 1917 г. она писала своей двоюродной сестре Н.П. Куприяновой: «У меня лично, конечно, оттого, что в прошлом был громадный, тяжёлый опыт, разбивший [бес]полезные иллюзии относительно духовного облика средних людей, — с самого начала не было радостного возбуждения, великого чаяния, что свобода будет водворена без тяжких потрясений, а Россия не раздвлена великой войной»²⁰.

Большевистский переворот и роспуск Учредительного собрания Фигнер встретила, по свидетельству Б.И. Николаевского, «остро-враждебно»²¹. Она выступала против революционной диктатуры одной партии и считала, что «период парламентарной свободы необходим для гражданского и политического воспитания масс» (с. 270—271). Весной 1919 г. Фигнер вместе с сестрой Ольгой уехала для восстановления здоровья в Севский уезд Орловской губ., где жила их сестра Лидия с дочерью. Там в течение полугода одна за другой умерли две её сестры и племянница. Сама Фигнер была на грани отчаяния (с. 272) и даже подумывала о самоубийстве²². Весной 1920 г. с помощью своей приятельницы А.А. Бах она перебралась в Москву и со временем смогла оправиться от потрясений.

Воронихин ярко, живо и увлекательно описывает жизнь Фигнер в 1920—1942 гг. Большое внимание он уделяет её литературной, культурно-просветительской и правозащитной деятельности, отношениям со старыми товарищами и с представителями новой власти. Отношение Фигнер к советскому режиму было сложным. В отличие от другой народоволки, П.С. Ивановской, она не отказалась от персональной правительственной пенсии (с. 295—296, 308—309, 314—315), но дважды, в 1925 и 1927 гг., вместе с группой старых революционеров обращалась в Президиум ЦИК СССР с письмом, предлагая отменить смертную казнь и объявить широкую политическую амнистию (с. 288, 293—295). Используя своё громкое имя, Фигнер заступалась за многих арестованных и помогала их родственникам. При посещении В.Р. Менжинского в здании ОГПУ на Лубянке она вела себя с ним независимо и даже не подала ему руки (с. 299—301, 315—318, 330). Фигнер долго не вступала в Общество политкаторжан, поскольку оно одобряло смертную казнь и репрессивные действия ОГПУ (с. 306—307). Но, с другой стороны, она написала сочувственный некролог — в форме траурной речи — о В.И. Ульянове (Ленине). Вопреки мнению Воронихина (с. 287), эта речь не была произнесена, иначе её непременно бы широко растиражировали в советской печати.

После 1920 г. для Фигнер было характерно полупринятие и полунепринятие советской действительности. Она поддерживала социальные, культурные и просветительские мероприятия большевиков и, видимо, даже смирилась с их диктатурой, не видя ей альтернативы в тогдашней России (с. 291). Но репрессии и казни вызывали у неё резкое неприятие. 31 марта 1931 г. А.В. Якимова писала Ивановской о Фигнер, которая тогда

говорила, «что если бы был под рукой револьвер, застрелилась бы»²³.

В конце 1930-х гг. пессимизм Фигнер усилился. Своей родственнице Е.Д. Жуковой, спрашивавшей её весной 1938 г. об отношении к судебным процессам 1936—1938 гг., Фигнер ответила: «У меня нет веры показаниям подсудимых... как нет веры и в их преступления. Я знала немногих — Бухарина, Крыленко, Крестинского, Радека. Они производили впечатление честных, порядочных людей, хотя кое в чём мы не были согласны друг с другом. Они могли спорить, отстаивать своё мнение, но предавать, шпионить... Это ложь. Это безнравственность. Мне кажется, что собака зарыта в другом — они мешали Сталину утвердиться на троне... Как их заставили признаваться в преступных деяниях — мне неизвестно»²⁴.

В конце своей долгой жизни Вера Николаевна тяжело болела. Её внучатая племянница М.Н. Фигнер вспоминала: «Всё чаще простудные заболевания, усиливается гипертония, общая слабость... В 1941 году она уже совсем не выходит из дома, почти не покидает постели»²⁵. Писатель и религиозный мыслитель А.А. Золотарёв отмечал, что в «последние 2 года Вере Николаевне уже нездоровилось. Она упала, сильно расшиблась и после этого жизненные силы уже заметно пошли на убыль»²⁶. Певица Т.И. Лещенко-Сухомлина со слов близкой к Фигнер Е.П. Пешковой сообщала, что в то время «Вера Николаевна уже не была самой собой»²⁷. Общавшаяся с ней тогда же В.Б. Тарасова (дочь эсеров Б.Ф. и О.П. Тарасовых) в беседе со мной в сентябре 2004 г. рассказывала, что Фигнер часто не узнавала знакомых людей. Поэтому понять, что и как она думала о политике в 1940—1942 гг., не представляется возможным. 14 июня 1942 г. она скончалась в Москве в возрасте 89 лет.

В 1925 г. умная, зрелая, много пережившая женщина, оценивая своё прошлое и окружавшие её реалии, заявляла: «Нужна революция. Да, снова революция... Революция слишком необычна... Что толку, если снова угнетённые сядут на место бывших властников? Они сами будут зверьми, даже, может быть, худшими. Закроются ворота одних тюрем, откроются другие... Снова унижение свободной личности. Рабство, нищета, разгул страстей... Нам надо сегодня же начать серьёзную воспитательную работу над собою, звать к ней других, ибо дорога к свободе трудна... Когда я говорю о трудной и бесконечной дороге к свободе, я подразумеваю под этим... поднятие, раскрытие личности, необходимое для более совершенных форм общежития». Эти размышления заканчиваются словами: «Когда человек поймёт в человеке, что он высокая индивидуальность, что он большая ценность, что он свободен, так же, как и другой, тогда только станут обновлёнными наши взаимоотношения, только тогда совершится последняя светлая, духовная революция и навсегда отпадут заржавленные цепи»²⁸.

В книге Воронихина дано большое и весьма интересное приложение, где помещены стихи, посвящённые Фигнер, документы о ней, отрывки из разнообразных мемуаров и дневников, её письмо к сестре и матери конца 1882 г., речь на «процессе 14-ти». Многие из этих материалов ранее не публиковались или мало известны читателям. Исследование А.В. Воронихина производит впечатление очень добротной и вдумчивой научной работы. Можно рекомендовать его всем, кто интересуется как фигурой Фигнер, так и революционным движением в целом. Но будем помнить, что Вера Николаевна Фигнер — крупная, масштабная личность, человек постоянных нравственных

поисков, яркая и страстная женщина с непростым характером. Научное осмысление её биографии только начинается.

Примечания

¹ *Фигнер В.Н.* Студенческие годы // *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1932. С. 95.

² «Умной женщиной» Фигнер признал даже начальник Казанского губернского жандармского управления, охарактеризовавший её в своём донесении в III отделение Собственной е.и.в. канцелярии 24 ноября 1872 г. (ГА РФ, ф. 109, 3-я экспедиция, 1872 г., д. 215, ч. 1, л. 53 об.).

³ *Фигнер В.Н.* Студенческие годы. С. 52, 79—80, 86—90, 100—101; *Фигнер В.Н.* Вступительное слово на вечере (10 февраля 1929 г.) 25-летия со дня смерти Н.К. Михайловского // *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 475—476.

⁴ Hoover Institution Library and Archives, V.I. Nikolaevsky Collection, в. 238, f. 5.

⁵ *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Ч. 1 // *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1932. С. 108, 115—119; РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 147, л. 169, 171, 173, 199—203; ГА РФ, ф. 112, оп. 1, д. 486, л. 74, 98, 104—104 об.

⁶ ГА РФ, ф. 112, оп. 1, д. 481, л. 218 об., 249 об.

⁷ *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 135.

⁸ ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1883 г., д. 37, т. 3, л. 381 об.

⁹ *Фигнер В.Н.* Настроение перед арестом // *Кан Г.С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 179.

¹⁰ *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 337.

¹¹ *Фигнер В.Н.* Стихотворения // *Фигнер В.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1932. С. 295.

¹² *Майнов И. Пётр Сергеевич Поливанов // Поливанов П.С.* Алексеевский равелин. Л., 1926. С. 56; ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1886 г., д. 79, л. 215—215 об.

¹³ ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, 1882 г., д. 602, л. 25 об. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время с 1 мая по 1 сентября

1882 г. по делам о государственных преступлениях. СПб., 1882. С. 56—57, 60—61.

¹⁴ ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1886 г., д. 79, л. 217 об.—218. После своего ареста 15 февраля 1882 г. Маслов делал резкие заявления против «Народной воли» и выступал свидетелем обвинения на процессе киевских народолюбцев в августе 1883 г. В декабре 1885 г. он скрылся из Минусинска, где отбывал ссылку (Там же, ф. 533, оп. 1, д. 1352, л. 60—60 об.; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за время с 1 июля 1883 г. по 1 января 1884 г. по делам о государственных преступлениях. СПб., 1884. С. 61—63), а после задержания в январе 1886 г. дал обширные показания: ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1886 г., д. 79, л. 167—229 об.

¹⁵ ГА РФ, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1886 г., д. 79, л. 198, 215.

¹⁶ *Фигнер В.Н.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 255.

¹⁷ Присущие ей тогда черты характера и манеры ярко изображены в мемуарах А.П. Бибика: *Бибик А.* Сквозь годы и бури. Ставрополь, 1975. С. 381—386.

¹⁸ ГА РФ, ф. 5831, оп. 1, д. 553, л. 19.

¹⁹ Подробнее см.: *Философов Д.В.* Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 152; *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. Т. 8. М., 2003. С. 131—132, 134, 142.

²⁰ Незапечатленный труд: Из архива В.Н. Фигнер // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 426.

²¹ *Николаевский Б.И.* Тени далёкого прошлого (Памяти В.Н. Фигнер) // Социалистический вестник. 1942. № 13—14. С. 167.

²² *Фигнер В.Н.* Автобиография. С. 254.

²³ РГАЛИ, ф. 234, оп. 5, д. 288, л. 246 об.

²⁴ *Жукова Е.Д.* На полках старинного шкафа. Семейная хроника. М., 1990. С. 214.

²⁵ *Фигнер В.Н.* В борьбе. Л., 1980. С. 215.

²⁶ *Золотарёв А.А.* Сampo santo моей памяти: Мемуары. Художественная проза. Стихотворения. Публицистика. Философские произведения. Высказывания современников. СПб., 2016. С. 653.

²⁷ *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее: Воспоминания. М., 1991. С. 492.

²⁸ *Вера Ф. [Фигнер В.Н.]* Без заглавия // Рассвет (Нью-Йорк). 1925. 11 апреля. № 263. С. 2.

Ольга Кочукова

Рец. на: В.А. Соломонов, Н.Н. Зайцева. Павел Григорьевич Любомиров: превратности судьбы историка. М.: Новый хронограф, 2019. 240 с.

Olga Kochukova

(Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia)

Rec. ad op.: V.A. Solomonov, N.N. Zaitseva. Pavel Grigoryevich Lyubomirov: prevratnosti sud'by istorika. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870014490-0

В современном гуманитарном знании активно и плодотворно развивается проблематика «научного быта», или, применительно к истории исторической науки, «историографического быта». С учётом междисциплинарных подходов исследователи понимают «историографический быт» как своего рода «дисциплинарную лабораторию изучения жизни учёного-историка в различных её проявлениях», превращая её в «познавательную площадку в изучении жизненных стратегий и коммуникаций учёного», в понимании историко-культурных, социально-политических и психологических факторов научного творчества историка¹. Это сравнительно новое исследовательское направление получило развитие в монографии В.А. Соломонова и Н.Н. Зайцевой — первом опыте научной биографии яркого представителя петербургской исторической школы профессора Павла Григорьевича Любомирова (1885—1935).

Уточняющий подзаголовок в названии книги («превратности судьбы историка») выявляет особенности подхода её авторов к способу изучения биографии учёного. На суд читателя представлена книга о жизни деятеля российской науки в трагический переломный период революции, Гражданской войны, событий 1920—1930-х гг. Можно сказать, что это книга о «человеке в науке», «нау-

ке в человеке», но больше всего — о «человеке науки в истории народа». Жизненный путь Любомирова представляет собой яркий и, возможно, удивительный для наших дней пример верного служения науке и однозначного понимания приоритетности этого служения в иерархии индивидуальных ценностей и смыслов, несмотря на все противостоящие такому пониманию социальные и политические настроения и угрозы. Конечно же, пример человеческой верности служению науке не был исключительным, а напротив, характеризовал социокультурный тип представителей целого поколения учёных-гуманитариев, поставленных под уничтожающий удар нового типа «деятелей» науки, или, правильнее сказать, партийных идеологов от науки. И здесь нельзя избежать реплики в сторону: вряд ли Любомиров согласился бы с одной фразой в тексте введения монографии о том, что «история — наука, как известно, субъективная, зависящая от симпатий и антипатий тех, кто её изучает» (с. 9). Можно предположить, что научный и человеческий подвиг историка и многих его современников, видных учёных-гуманитариев, как раз происходил из внутренне предопределённой (воспитанием, образованием, принадлежностью к научной школе, ценностями нескольких поколений российской интеллигенции) невозможности начать писать совершенно

иной исторический нарратив под влиянием «симпатий и антипатий», победивших в ситуационный момент общественного развития страны.

Главный акцент в книге сделан на особом значении в биографии Любомирова периода, пришедшегося на 1920-е — начало 1930-х гг., когда он был профессором и заведующим кафедрой русской истории в Саратовском университете. Его научная биография стала итогом и продолжением отдельных исследований, посвящённых изучению судьбы деятеля российской науки этого периода как в региональном, так и в общероссийском масштабе². Содержание монографии основано на солидной источниковой базе, которую составили научные труды Любомирова, мемуарные источники (воспоминания историков С.Н. Чернова, Е.Н. Кушевой, М.Е. Сергеевко), личная переписка учёного, публикации советской периодической печати 1930-х гг., архивные материалы из фондов Государственного архива Саратовской области и Государственного архива новейшей истории Саратовской области.

В главе «Становление личности П.Г. Любомирова» содержится информация о семье, родителях историка, социальной среде его детства, учебных заведениях, где началось его воспитание и образование. Авторы отдельно останавливаются на обстоятельствах исключения Любомирова из Саратовской духовной семинарии за участие в забастовке в 1904 г. К сожалению, его лидерство в «политическом движении саратовских семинаристов» освещено предельно кратко, и читателю не совсем ясно, в каких именно революционных организациях и «молодёжных революционных кружках» он состоял. Не совсем ясным является предположение о его участии в студенческих забастовках в период учёбы на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Более важным

видится вывод о том, что уже к 1909 г. студент Любомиров отошёл от участия в политической борьбе и всецело погрузился в научную деятельность. Приоритет науки в иерархии жизненных целей оставался характерным для всей дальнейшей судьбы историка.

Историографический контекст научной биографии Любомирова составляет вывод авторов книги о развитии научной мысли учёного в русле петербургской исторической школы и об определяющем влиянии исторических взглядов С.Ф. Платонова на становление как самого направления научных исследований, так и исторических концепций его трудов. В первой и второй главах монографии уделено внимание раскрытию содержания исследований Любомирова по главной теме его жизни — истории Смутного времени начала XVII в. Прежде всего это «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.» (1913), получивший развитие в магистерской диссертации, защищённой в декабре 1917 г. Подчеркну, что сам по себе историографический аспект, связанный с определением вклада историков в источниковедческое, тематическое, концептуальное обогащение исторической науки, с выяснением места исследователей в рамках ведущих для эпохи научных направлений, течений и школ, не является предметом специального изучения авторов монографии. Они сделали стержневой линией книги жизнь и судьбу Любомирова как видного представителя российской исторической науки, а вклад выдающегося историка в изучение истории Смутного времени и определение его места в петербургской исторической школе, несомненно, должен ещё стать предметом отдельного историографического исследования.

Во второй главе монографии раскрываются содержание и обстоятельства профессиональной деятельности

учёного в Томском (1917—1920) и Саратовском (1920—1931) университетах. Начало научной и педагогической деятельности Любомирова в Саратове пришлось на те годы, когда здесь собрался настоящий «звёздный» состав гуманитариев: на историко-филологическом факультете трудились С.Л. Франк, В.А. Бутенко, Н.К. Пиксанов, М.Р. Фасмер, С.Н. Чернов, Ф.В. Баллод. Авторам монографии удалось показать, что Любомиров в полной мере включился в научно-образовательный процесс в Саратовском университете в тот момент, когда его содержание определяли крупные учёные, в своей педагогической и научной деятельности старавшиеся реализовать антидогматизм и свободу научного творчества. Но социокультурный и психологический тип учёного-гуманитария в новой исторической реальности конца 1920-х — начала 1930-х гг. был поставлен под угрозу уничтожения. Сама по себе научная независимость исследователей вызывала растущее недовольство как университетского начальства, так и представителей политической конъюнктуры в науке. В каком-то смысле именно пример Любомирова (неконфликтного человека, законопослушного гражданина, искренне пытавшегося принять участие в различных направлениях общественной деятельности в университете — от научно-исследовательских экспедиций до «дружин самообороны», приложить свой талант к исследованию новой научной тематики, продиктованной запросами эпохи) лучше всего демонстрировал неизбежность в той исторической обстановке трагического излома судьбы и научной биографии.

Кульминационным моментом историко-биографического исследования является первый параграф третьей главы, посвящённой последним годам жизни и работы учёного, —

«“Дело Любомирова”: обвинение в монархизме и изгнание из университета». «Дело Любомирова» являет собой типичный пример, иллюстрирующий обстоятельства и причины начатой с середины 1920-х гг. перестройки системы высшего образования в СССР и чистки вузов от старой профессуры. Говоря о причинах гонений на заведующего кафедрой русской истории Саратовского университета профессора Любомирова, авторы монографии обращают внимание как на неблагоприятную ситуацию на факультете, так и на вмешательство М.Н. Покровского, выступившего с открытым призывом к началу идеологической кампании и заявившего, в частности: «Мы должны по-новому пройти по всем этим историкам и снова поставить перед ними вопрос: “Как веруете?”» (с. 68).

Поскольку «дело Любомирова» являлось своего рода отзвуком и продолжением «дела Платонова», авторы монографии, безусловно, не могли обойти историографических дискуссий, связанных с пониманием главных мотивов и движущих сил «Академического дела». Существуют две точки зрения, в рамках которых по-разному оценивается соотношение роли партийно-государственного руководства и собственно ситуации внутри исторической науки³. В рецензируемой монографии предпринята попытка совместить обе позиции как две стороны одного и того же процесса. Авторы пришли к выводу о совпадении целей и интересов властно-партийных структур и «новой профессуры». О ситуации, когда разделить и вычленившие идеологических кампаний почти невозможно, может быть, лучше всего свидетельствует понимание ситуации «изнутри», отражённое в мыслях и высказываниях учёных, живших и трудившихся в тех обстоятельствах. С.Н. Чернов в письме к С.Ф. Плато-

нову из Саратова (1927) признавался: «С новой силой назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретёт ход наших дел и отношений, — но сильно опасаясь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать» (с. 80).

Обыск и арест Любомирова в ноябре 1930 г. в связи с «Академическим делом» формально не имел значимых репрессивных последствий: менее чем через полмесяца историка освободили. Но обстоятельства его последующей судьбы, рассмотренные в заключительной части монографии, приводят к предположению о причинах такого поворота событий. Большое значение приобретала развернутая под лозунгом «Разгромим агентуру классового врага на идеологическом фронте!» пропагандистская кампания, призванная нанести удар по научной и педагогической репутации учёного. Организатором и ярким проводником этой линии стал специально отправленный в Саратов профессор Г.Е. Мерсон.

Отдельно отмечу жанровое своеобразие книги, проявившееся в оригинальном подходе её авторов к составлению приложений. Дело не только в солидной доле объёма приложений в общем тексте издания (свыше 100 страниц из 240), сколько в той особой роли, отведённой авторами монографии читательскому прочтению представленных в нём документальных свидетельств «превратностей судьбы историка». Содержащиеся в приложении материалы авторами сознательно не комментируются, чтобы «читатели, которым не безразличны судьбы российской науки и университетского об-

разования, познакомившись с ними, смогли сами взвешенно оценить ту сложную и противоречивую эпоху, в которой жили и трудились многие выдающиеся российские учёные» (с. 18). Авторский замысел удался: заинтересованный темой читатель имеет возможность увидеть эпоху «изнутри», «услышать» голоса друзей и недругов Любомирова.

В приложениях собраны ранее публиковавшиеся Соломоновым в различных и не всегда доступных широкой читательской аудитории научных изданиях письма П.Г. Любомирова к С.Ф. Платонову, воспоминания о нём Е.Н. Кушевой и С.Н. Чернова, доклад Е.П. Подъяпольской на траурном заседании Учёного совета Государственного исторического музея, посвящённом памяти профессора, отчёты историка о научных командировках.

Особый интерес представляет публикация в приложениях к монографии материалов советской периодической печати начала 1930-х гг. На страницах изданий «На культурном фронте» и «За пролетарские кадры» развернулась пропагандистская кампания с целью дискредитации научной и педагогической деятельности Любомирова. Написанные в развязно-глумливой манере, статьи Г.Е. Мерсона, Г. Минкина, М. Гольдберга и В. Буша в полной мере иллюстрируют атмосферу и приёмы идеологических кампаний 1930-х гг. Внимательный читатель наверняка обнаружит за строчками разгромных статей-доносов принципиальную враждебность их авторов к человеческому облику и научному творчеству носителя высокой гуманитарной исследовательской культуры, каким, безусловно, являлся Любомиров. Такая враждебность заставляла находить следы идеологической крамолы даже в его научных изысканиях о событиях трёхсотлетней давности. С нескрываемой радо-

стью они приписывали политический смысл, изобличающий, на их взгляд, неприятие Любомировым пролетарской революции, его лирическому отступлению, посвящённому эпохе Смуты: «Всегда как-то грустно наблюдать распадение человеческого общества, угасание жизни, закат культуры, гибель плодов долголетнего тяжёлого труда поколений» (с. 146). Те же авторы с пугающим «психологизмом» обличали мотивы обращения историка к истории старообрядчества, ибо, по их мнению, в гонимых старообрядцах он «видел самого себя в стране пролетарской диктатуры, чувствуя себя одиноким, окружённым враждебной ему действительностью» (с. 145). Все построения авторов обличительных статей против Любомирова были призваны обосновать его изгнание из науки и университетского образования: «Новые кадры для социалистического строительства мы будем готовить лучше без вас, чем с вами» (с. 167).

Подводя итог обзору содержания новой книги, отмечу, что первый опыт научной биографии видного российского историка П.Г. Любомирова представляет интерес не только с точки зрения современных подходов к истории науки. Можно с уверенностью сказать, что монография В.А. Соломонова и Н.Н. Зайцевой будет интересна современной читательской аудитории, заставляя вспомнить о нравственно-воспитательном потенциале исторической науки. Во всяком

случае, знакомство с «превратностями судьбы историка» приводит к осмыслению негативных последствий грубого силового нажима на неопценное достояние любого общества — интеллектуальный потенциал и нравственный облик истинных деятелей науки.

Примечания

¹ *Алеврас Н.Н.* Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22(276). Философия. Социология. Культурология. Вып. 27. С. 79.

² *Курёнышев А.А.* Судьба историка: П.Г. Любомиров. 1885—1935 // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001; *Соломонов В.А.* «Отношение П.Г. Любомирова к университету было чрезвычайно бережным и любовным»: С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 1. Саратов, 2002; *Соломонов В.А.* Из истории кафедры истории России Саратовского университета // Историографический сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 20. Саратов, 2002; *Андреева Т.В., Смирнова Т.Г.* П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003; *Митрофанов В.В.* Об условиях жизни научной интеллигенции в годы Гражданской войны (по материалам переписки с С.Ф. Платоновым) // Гражданская война на востоке России. Пермь, 2009.

³ *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Фёдорович Платонов. СПб., 1995. С. 334—335; *Дворниченко А.Ю., Панях В.М., Покровский Н.Н.* Споры вокруг судьбы академика С.Ф. Платонова // Отечественная история. 1998. № 3. С. 144; *Панях В.М.* К спорам об «Академическом деле» 1929—1931 гг. и других сфабрикованных политических процессах // Сообщения Ростовского музея. Вып. 13. Ростов, 2003. С. 303.

Рец. на: Б.С. Илизаров. Сталин, Иван Грозный и другие. М.: Вече, 2019. 464 с., ил.

Vladimir Isakov

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

Rec. ad op.: B.S. Iizarov. Stalin, Ivan Groznyi i drugie. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870014491-1

Жизни И.В. Сталина как государственного и политического деятеля посвящено огромное количество исследований — отечественных и зарубежных. В публичном пространстве ведутся ожесточённые дискуссии его сторонников и противников. Имя Сталина постоянно присутствует в информационном потоке. Однако нельзя утверждать, что всё изучено. Решающее слово (к сожалению, не всегда явственно различимое) остаётся за профессионалами, которые продолжают кропотливо изучать феномен сталинизма.

Книга Б.С. Илизарова, много лет изучающего эпоху Сталина¹, посвящена, казалось бы, хорошо известной теме — Сталин и Иван Грозный. Но, как пишет автор, «история разработки “образа Ивана Грозного” в исторической науке и идеологии эпохи сталинизма ещё не рассматривалась» (с. 20). Структурно исследование состоит из четырёх глав: «Неожиданная диспозиция» (о создании учебника по истории СССР); «Роковая трансформация образа Ивана Грозного в трудах историка Р.Ю. Виппера»; «О “мутной” пьесе А.Н. Толстого “Иван Грозный”»; «История в жизни и фильмах С.М. Эйзенштейна». В названии книги присутствует слово «другие», что оправданно, поскольку перед читателем бесконечной чередой проходят события и персонажи, причастные к рассматриваемым сюжетам, в итоге отчётливо проступают контуры эпохи.

Широчайшую документальную основу исследования составили известные опубликованные и архивные (РГАСПИ, РГАЛИ, Архив РАН, РГАНИ, ОР ИМЛИ РАН) источники, а также впервые вводимые в научный оборот, например, полный текст отчёта о «Научной сессии Института истории, посвящённой теме “Иван Грозный и его время”» от 7 и 17 июля 1942 г. (с. 128—180).

Илизаров остаётся верен себе, уделив большое внимание пометам Сталина, сделанным на полях официальных документов (докладных записок, резолюций, постановлений), книг, писем, текстов сценариев и пьес. Содержательны и источниковедческие отступления автора. К примеру, отправленный Сталину развёрнутый вариант машинописных записок (от 28 апреля 1942 г.) секретаря ЦК ВКП(б), кандидата в члены Политбюро А.С. Щербакова приведён полностью, поскольку это «подписанный официальным лицом документ, содержащий в чистом виде сталинскую “концепцию” образа Ивана Грозного и “пересмотренные” характеристики его эпохи» (с. 271).

С учётом неразработанности темы Илизаров привлёк исследования, которые или «подсвечивают» её с определённых углов², или посвящены проблемам литературы, театра, кинематографа³. Отвлечёсь на их анализ не представляется возможным в силу масштаба и специфики, хотя автор достаточно активно и не без успеха

«вторгается» временами и в эти сферы.

Кроме того, Илизаров взял за основу принципиальные позиции авторитетов. Так, по его словам, убеждённый монархист, историк Н.М. Карамзин «не поддался “очарованию зла” и, вопреки идеям богопомазанничества православного властителя (якобы неподотчётного земному суду) и ложного патриотизма... назвал зло злом, садиста на троне — садистом и убийцей» (с. 25). Из учёных же сталинской поры «лишь один выдающийся историк... С.Б. Веселовский не назвал чёрное белым, а царя-изверга — великим государственным деятелем» (с. 8).

Иногда автор вступает в дискуссию, если какие-то проблемы представляются ему спорными. К примеру, не соглашается с выводом историка А.М. Дубровского (Брянск), что «сам Сталин именно здесь (в учебнике. — *В.И.*) впервые дал чётко сформулированную оценку деятельности Ивана Грозного» (с. 98). В целом историография в книге — это живой, работающий компонент. В какой-то момент появляется ощущение, что перед нами издание о судьбах исторической науки, «кому жить, а кому пропадать» (с. 83), хотя не эта задача заявлена как основная. Автор видит её в том, чтобы показать, как «под видом политической целесообразности сталинская власть при помощи известных деятелей культуры и науки, опираясь на искусно препарированные ими исторические образы, освобождалась от общечеловеческих моральных ограничений и ценностей» (с. 8).

Илизаров много раз высказывает критическое мнение о методах работы Виппера, Толстого, Эйзенштейна и некоторых других деятелей эпохи. Он не принимает методов Виппера, который «банально подтасовывал факты и знал, что подтасовывает» (с. 191), писал «обо всём, как о фак-

те доказанном» (с. 121). При этом, «чувствуя полную безнаказанность, он даже приписал собственную трактовку причины безымянному “большинству учёных”» (с. 192). Илизаров так охарактеризовал методы работы историка: «Виппер никогда не придерживался строгих научных канонов; предпочитал писать в свободной, публицистической манере. В его работах крайне редко присутствует критический анализ исторических источников» (с. 193), «он писал не на базе первоисточников, а на основании исследовательской литературы» (с. 118). В итоге, пользуясь перечисленными и подобного свойства методами, Виппер посчитал возможным заявить: «Советская историческая наука восстановила подлинный образ Ивана IV как создателя централизованного государства и крупнейшего политического деятеля нового времени» (с. 210). По мнению Илизарова, «Сталину випперовский образ Ивана Грозного пришёлся по душе» (с. 217).

Проблему методов и приёмов автор не упустил и при рассмотрении деятельности других героев книги. Приведя воспоминания Веселовского, Илизаров отметил, как после прочтения учёным весной 1942 г. в Институте истории (Ташкент) своей повести Толстой оставил без внимания критические замечания и возражения. В результате во второй части своего произведения он обращался «с историческими лицами с такой же бесцеремонностью, как в первой» (с. 266).

В случае с Эйзенштейном автор указал, что, несмотря на солидную проработку темы (источники, литература), у режиссёра «нет никакого критического анализа, всё подгонялось под загодя написанную картину, все акценты были расставлены заранее» (с. 418). Также автор показал реакцию Эйзенштейна на указание Сталина снять фильм о Грозном: «Передо

мною стоит задача — в фильме воссоздать черты этого “поэта государственной идеи XVI в.”, как называл его кто-то из историографов прошлого» (с. 408).

Поскольку подобные настроения и подходы господствовали безраздельно, Илизаров констатирует: «Все крупные чиновники от науки и культуры того времени, историки Виппер, Бахрушин, И. Смирнов, Нечкина, писатели Ал. Толстой, Костылев, Соловьёв и др. будут без тени смущения заявлять о неких тёмных силах, сознательно уничтожавших в древности документы о невероятной прозорливости и доброжелательности царя Ивана IV, или о право-левых-врагах-троцкистах-бухаринцах, вот прямо сейчас скрывших информацию о подвигах Сталина в Гражданской войне» (с. 238).

Через все главы книги проходят сквозные, но плотно переплетённые темы: реформатирование прошлого волей Сталина в интересах текущей советской внутренней и внешней политики; судьбы не только вовлечённых в этот процесс людей, но и, как следствие, искусства, литературы и науки; замена устойчиво-отрицательных оценок личности и деятельности Грозного устойчиво-положительными.

К идее о том, что прошлое можно менять и редактировать, Сталин пришёл, по мнению автора, намного раньше, чем дал команду по тотальному переписыванию истории страны в целом (это произошло в ходе работы над учебником по истории СССР, вышедшим в 1937 г.) и по переоценке роли Грозного в частности. В фильме «Октябрь» (1927) «прошлое впервые стало управляемым» (с. 349). Эйзенштейн в угоду Сталину вырезал все кадры с Л.Д. Троцким. Генсеку этот приём понравился. Он «уже тогда почувствовал в методе Эйзенштейна нечто особенное, для него крайне важное —

способ скорректировать прошлое» (с. 346). Илизаров считает, что «Сталин замыслил сконструировать для советских людей новое прошлое... Вождь после некоторых колебаний, подобно Грозному, “перебрав людишек”, центральной исторической фигурой сделал средневекового царя Ивана IV, мобилизовав на его возвеличивание лучшие творческие силы страны» (с. 49): Виппера, Толстого, Эйзенштейна и фигуры калибром поменьше. Всё это делалось для того, полагает автор, чтобы Сталин мог «через переоценку причины Грозного... получить моральную индульгенцию на самый массовый террор в истории человечества» (с. 140). Центральный авторский вывод повторяется много раз. Илизаров прослеживает эту сюжетную канву с Иваном IV: «Всю грозненскую эпопею Сталин раскручивал лично» (с. 117), «“канонизация” Ивана Грозного по-советски продвигалась упорно и шаг за шагом, вплоть до смерти Иосифа Сталина» (с. 208).

Множество нюансов этой эпопеи, подмеченных автором, помогают всесторонне воспринять историю. Например, насколько особое значение прокату фильма «Иван Грозный» придавал Сталин, если после одобренного им сценария первой серии «большая часть сохранившейся кинопромышленности страны стала работать на Эйзенштейна» (с. 427). Это, считает Илизаров, было нужно генсеку. Он являлся «одним из величайших преступников XX века... вполне осознававший свои действия и дававший себе отчёт в том, к чему они ведут и куда направлены... не случайно, что никому не подконтрольный диктатор пытался обелить себя не только перед современниками, но и перед нами, их потомками» (с. 11).

Автор затрагивает очень важную проблему: для выполнения такой задачи обладал ли Сталин необходимыми

ми талантами, знаниями и способностями? Далее даны его личностные характеристики: до 1917 г. Сталин не отличался начитанностью, ничего не понимал в искусстве, театре, живописи, технике, кинематографе, однако к середине 1930-х гг. «взял на себя роль подлинного киномана, верховного цензора и мелочного руководителя общим кинопроизводством»; «был хитрым и наблюдательным человеком и не более того» (с. 351); «беспардонный недоучка-генсек» (с. 303); «не талант и не особенный ум, а лютая сила даёт им (вождям. — *В.И.*) решать: “что так, а что не эдак”» (с. 352). Несомненно, что не только к исторической науке, но и к литературе, театру, кинематографу можно отнести следующее авторское обобщение: «Зная его (Сталина. — *В.И.*) творческие способности и уровень подготовки в области истории, убеждён, что кроме расплывчатой постановки задачи, решения организационных вопросов (здесь его ловкость неоспорима), хаотичных попыток дать перечень установок и стилистических правок, Сталин в учебник ничего не внёс. Но он внёс основное: дух сталинизма, т.е. дух насилия, ненависти, исторической лжи. И это, конечно, главное» (с. 86).

В книге содержится много предположений, обобщений, отступлений по поводу тех исторических сюжетов, с которыми соприкасались её герои. Иногда это достаточно спорные утверждения. Так, Илизаров пишет: «Агрессия скорее препятствует, чем способствует глубоким реформам и плодотворным заимствованиям страны-агрессора. Примером тому служит, в частности, история царствования Петра I, который после победы над шведами резко притормозил реформаторскую деятельность и внёс произвол и хаос в наследственные и иные дела, потрясшие Россию в XVIII в. Ещё в большей степени это относится к цар-

ствованию Ивана Грозного» (с. 40). Считаю, что в случае с российским императором всё не так однозначно.

В работе затронуто немало проблем, формально не причастных к основной теме, но её дополняющих. Автор в деталях восстанавливает историю, связанную с возвеличиванием роли Сталина в обороне Царицына. Становится понятным, что Сталин ещё до проявления его интереса к фигуре Ивана Грозного успел наработать приёмы «вторжения» в историю и её коррекции.

При чтении книги иногда возникает желание поспорить с автором, поскольку в его построениях присутствуют противоречия. Так, он пишет, что через опричнину «царь преследовал цель превзойти золотоордынских правителей и османских султанов по степени концентрации всех видов власти в своих руках» (с. 152). Соответственно, цель была. Но далее он утверждает, что «удары опричнины наносились бессистемно, а точнее хаотично, по всем сословиям, и никакой далеко идущей положительной государственной цели, кроме запугивания, грабежа и усиления тирании, не преследовали» (с. 187).

Хотелось бы уточнить ещё один вопрос: не была ли позиция Виппера искренней несмотря на более позднее встраивание её в сталинскую концепцию? Ведь выводы об Иване Грозном историк сделал без какого-либо давления на него в 1922 г., и они являлись частью его широкой конструкции «Восток — Запад». Сталинское же решение возвысить царя и опричнину до положительных исторических субъектов стало для Виппера приятным подтверждением его прежних выводов.

По совокупности сформулированных автором характеристик Сталина получается фигура неглупого, хитроватого, цепкого администратора среднего масштаба, без признаков морали.

Но ведь он создал, удерживал и развивал громадную систему, пусть и через насилие как основной инструмент, и с чудовищными потерями. По силам ли такое средненькой личности? Полностью принимая авторские выводы о запредельной аморальности Сталина, хочется возразить: зло тоже бывает масштабным.

Книгу об интерпретации образа Ивана Грозного в сталинскую эпоху вполне можно считать энциклопедией сталинизма — настолько широкими оказались охват и сущностная взаимосвязь рассматриваемых в ней проблем. Здесь в достаточной мере присутствуют все квалификационные параметры академического исследования, в то же время автор выходит за их пределы, активно и эмоционально, добротным русским языком высказываясь по наиболее принципиальным позициям, доходя порой до памфлетного уровня («людоедские достижения Сталина») (с. 376). Оправдан ли такой стиль? Думается, что да. Илизаров не скрывает своих оценок вождя, в результате под пером знатока сталинской эпохи история «очеловечивается», устоявшиеся схемы пересматриваются. Автор внятно высказывается по поводу такого подхода: «Наука истории пыталась жить по законам точных, доказательных и проверяемых дисциплин и многого достигла на этом пути. Но и потеряла очень важные качества, полученные от единого искусства: страсть, эмоци-

ональную оценку человеком (историком) жизни и деятельности другого человека (героя), высокий гуманизм, поднимающийся до всечеловечности» (с. 194).

Автор предпринял исследование, сознательно не сторонясь моральных аспектов и не скрывая своей позиции: видимо, рассматриваемую тему невозможно изучать под лозунгом объективности и беспристрастности. Поскольку перед нами высокопрофессиональный труд, претензия на сопряжённость выводов и морали, думается, оправдана. Безусловно, книга Б.С. Илизарова внесёт существенный вклад в процесс решения такой многомерной задачи, как осмысление сталинизма.

Примечания

¹ См.: *Илизаров Б.С.* Иосиф Сталин: в личинах и масках человека, вождя, учёного. М., 2015; *Илизаров Б.С.* Польша и поляки в оценках и представлениях Сталина. Между Польшей довоенной и Польшей послевоенной // Историк и художник. Польша — Россия. 2008. № 1—2. С. 43—67; *Илизаров Б.* Документы ЦК ВКП(б) о формировании образа Ивана Грозного в литературе // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 46—55; *Илизаров Б.С.* А.Н. Толстой — И.В. Сталин — Иван Грозный: зеркало для героя // Алексей Толстой: диалоги со временем. Вып. 4. М., 2017. С. 234—256.

² См., например: *Баткин Л.* Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. Сборник статей. М., 1989.

³ См., например: *Клейман Н.* Формула финала // Киноведческие записки. Историко-теоретический журнал о кино. 1998. Вып. 38.

Марина Черкасова

Рец. на: М.Ю. Нечаева. Монашество Среднего Урала синодального периода: принципы формирования и социальный состав. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019. 232 с.

Marina Cherkasova
(*Vologda State University, Russia*)

Rec. ad op.: M.Yu. Nechaeva. Monashestvo Srednego Urala Sinodalnogo perioda: printsipy formirovaniya i socialniy sostav. Yekaterinburg, 2019

DOI: 10.31857/S086956870014492-2

Рецензируемая монография посвящена актуальной в научном и практическом отношении теме — реформированию монастырей и монашества в Российской империи в XVIII — начале XX в. Несмотря на то что в историографии уже накоплен некоторый опыт изучения данной проблематики, выход в свет книги екатеринбургской исследовательницы М.Ю. Нечаевой весьма важен. Появление такого исследования именно в Екатеринбурге не случайно: там в течение последних 10—15 лет происходит плодотворный диалог «светских» и «церковных» историков, регулярно проводятся научные конференции, издается серия сборников и журналов «Церковь. Богословие. История».

Хронологические рамки работы — 1721—1917 гг., но они не являются жёсткими: по ходу изложения автор свободно перемещается во времени, иногда возвращаясь к XV—XVII вв., попутно уточняя ряд спорных моментов по датам основания некоторых монастырей. Региональные рамки работы — Средний Урал, понимаемый автором географически, а не административно. Это две губернии — Вятская и Сибирская, — образовавшие в 1781 г. одну — Пермскую, и две епархии — Вятская и Тобольская, а с 1796 г. — Пермская, совпавшая с губернией. В 1885 г. были образованы две отдельные епархии — Пермская и Екатеринбургская. Региональной

«замкнутости» в книге Нечаевой тоже нет, она широко распахнута ко многим другим регионам Российской империи, таким как Нижегородское Поволжье, центральные регионы страны, Северо-Запад, Малороссия, Новороссия, Восточная Сибирь.

Монашество понимается автором и как реально существовавшая религиозно-социальная общность, и как воспринимаемая людьми некая идеальная модель, матрица религиозной жизни (с. 12). В её длительной эволюции сочетались имеющие глубокую старину церковно-правовые, а также более динамичные государственно-правовые факторы. Всякое обновление и тем более коренное изменение этих основ на региональном и локальном уровнях заслуживает самого пристального внимания.

Во Введении отрядное впечатление производит чётко прописанная историография. Автор показала разные линии изучения этой проблематики: справочно-описательную; рассмотрение отдельных монастырей; более аналитическую в отношении церковных реформ Петра I и Екатерины II, церковно-государственных отношений в XIX — начале XX в., а также историко-философские, богословские и культурологические разработки по феномену старчества в синодальный период. При этом региональная научная и краеведческая литература органично вписывается автором в общий

поток исторических исследований. Нечаева учитывает и использует новейшие подходы, уделяющие большее внимание, чем это было ранее, социокультурным и гендерным аспектам, истории повседневности, просопографии, микро- и локальной истории.

В обзоре источников очевиден не только масштаб мобилизованной исследовательницей весьма трудоёмкой для систематизации документальной базы, а это десятки фондов региональных и федеральных архивов (относящихся к отдельным монастырям, архиерейским домам, консисториям), но и ценные попутные наблюдения над несовершенством научно-справочного аппарата у ряда фондов (например, Тобольской духовной консистории). Автор создала несколько поисковых баз данных по архивной документации из 2,5 тыс. записей, по законодательным актам — из 1 560 записей. Однако особую ценность представляют две просопографические базы за 1722—1920 гг.: по 142 ведомостям монашествующих 17 мужских монастырей на 1 905 персоналий и по 137 ведомостям 24 женских монастырей на 5 934 персоналии (с. 15—16).

Книга структурирована не по традиционным главам, а по двум обширным разделам с внутренним членением на цифровые рубрики. Первый раздел посвящён подробному рассмотрению монашества в период от петровских преобразований до начала 1760-х гг.; второй — секуляризационной реформе 1764 г., механизму её внедрения и последствиям. В монографии наиболее удачно выписаны две проекции: историко-правовая и социальная. Автор досконально изучила канонические, церковные и государственные нормативно-правовые основания существования монастырей и монашеской жизни, учтены даже акты Вселенских соборов (с. 60—61). Она показала конкретную реализацию

разного рода установлений в практике их реформирования: не все шаги петровской политики были продуманы, информационно обеспечены — Синод не владел всеми данными о положении дел на местах (с. 40, 53, 57). Здесь для читателя важны предлагаемые Нечаевой уровни анализа: общероссийский, региональный, локальный. Исследовательница показала, как чрезмерное администрирование при внедрении реформ Петра I с его неиссякаемой энергией и неукротимой волей, подчас не во всём продуманных, импульсивных, вредило делу самого реформирования, наносило иногда больше ущерба, чем пользы (с. 40, 57).

Монашество рассматривается Нечаевой в органической связи с проблемами социальной истории России XVIII — начала XX в. Она установила, что более половины монастырских насельников на Среднем Урале в 1722—1724 гг. принадлежали к крестьянству и бобыльству (49 и 10%), 18% были горожанами, 7% — выходцами из приходского духовенства, 4% — представителями служилых сословий (с. 30). Избегая «региональной монотонности», автор указывает отличия в социальном составе монашества Вятской епархии, где 78% составляли жители городов. В далматовских же обителях Зауралья, где в прошлом велика была роль государства в процессе монастырской колонизации, преобладали иноки из служилых людей (с. 31).

Удачным авторским приёмом следует назвать активное привлечение к анализу процесса реформирования монастырей судебной документации 1720—1730-х гг., отразившей массовые и повсеместные нарушения правовых норм Духовного регламента 1721 г. и последующих правительственных указов в отношении возрастных и социальных ограничений на поступление в монашество (с. 72—89 и др.). Нечаева показала изменение численности по-

стриженников в изученном ею регионе. Так, в 13 монастырях Среднего Урала она в 1730-х гг. сократилась на 18% (с. 215). В 1740-х — начале 1760-х гг. вдовое духовенство стало основным социальным источником пополнения монашества, но происходило это, как правило, под явным давлением епархиальных и монастырских властей. К концу XVIII в. монашеская жизнь в обителях Среднего Урала едва поддерживалась на минимальном уровне (с. 111, 113).

С интересом читается последний сюжет монографии («Плеяда новых...»), где рассмотрен настоящий взлёт монастырского учредительства на Урале в XIX — начале XX в., стихийно идущий «снизу». В это время появились десятки монастырей нового поколения, по преимуществу женские, общежительные, крестьянские, миссионерские, с аскетическим трудом. Динамика их появления к 1915 г., по наблюдениям Нечаевой, на Среднем Урале опережала общероссийскую: мужских монастырей появилось в 2,3, а женских — в 22 раза больше (с. 211—212). Это показывает живучесть, устойчивость монашеской традиции в России, многообразие моделей монашеского служения, высокую адаптивность этого явления к меняющимся социально-политическим условиям.

Мои замечания к тексту чисто технические: можно посетовать на небольшой размер шрифта при необычно широком формате книги, а в сносках шрифт и вовсе микроскопический. Положение читателя здесь могло бы облегчить выделение курсивом фамилий, но и этого нет. А ведь в сносках автор приводит весьма ценные дополнительные сведения, наблюдения, аналитические суждения, которые можно было бы перенести и в основной текст (см., например, примеч. 106 на с. 40 и примеч. 235 на

с. 60). Не случайно ссылкам как важному элементу научного текста недавно была посвящена специальная работа¹.

Монография только выиграла бы при наличии в ней карты-схемы монастырей Среднего Урала и указателей — именного и географического. Видимо, их отсутствие объясняется обстоятельствами издания книги, на которые автор повлиять не могла. И всё же добавлю, что размещённые в конце (с. 220—228) Приложения (в оглавлении они почему-то названы «Примечаниями») по сути являются таблицами и ничем не отличаются от многочисленных таблиц внутри текста. На мой взгляд, уместно было бы дать в конце работы общий список последних. Перечень же сокращений, поданный в виде таблицы, выглядит не вполне обычно (с. 229).

Вызывает вопросы и использование некоторых терминов. Так, слово «двойные» (мужские и женские) монастыри лучше было бы заменить на «совместные». То же самое касается «малобратственных» и «многобратственных», «маловотчинных» и «многовотчинных» монастырей. В тех случаях, когда данные определения берутся из законодательных актов, читателю не помешали бы авторские пояснения. Затрудняет чтение книги использование автором тяжеловесных и трудночитаемых слов и выражений, как, например, «разведение мужских и женских монастырей» (с. 57; притом что гендерные аспекты в монографии сами по себе весьма интересны), «иночествующие», «секуляризирующееся российское общество» (с. 12), «регуляция» вместо «регулирование» (с. 41, 52, 216) и др.

Разумеется, эти мелкие замечания не отменяют того факта, что крупный по объёму текст тщательно вычитан, отредактирован, чётко выстроен и логичен. Думаю, что и само слово «мо-

настыри» можно было бы включить в заголовок книги — получилось бы название, адекватное её содержанию.

В целом же монография М.Ю. Нечаевой является доброкачественным научным трудом, представляет интересный опыт комплексного регионального исследования, плодотворный для размышлений о церковно-государственных отношениях в России

синодального периода в процессе их реформирования, статике и динамике в многовековой эволюции монастырей, монашества и Церкви как таковой.

Примечание

¹ *Кистерёв С.Н.* Ссылки и сноски в российской историографии. М.; СПб., 2019.

Наши авторы

Бибиков Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Богданов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета

Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук

Дунаева Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук

Зубкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Иерусалимский Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Исаков Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской и всеобщей истории Московского городского педагогического университета

Кан Григорий Семёнович, кандидат исторических наук

Конявская Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета

Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Лаврёнова Анна Михайловна, кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации

Леонтьев Александр Алексеевич, аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мальгин Пётр Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН

Матисон Андрей Викторович, доктор исторических наук, заведующий сектором Центрального государственного архива города Москвы

Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Овченко Юрий Фёдорович, кандидат исторических наук

Перегудова Зинаида Ивановна, доктор исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации

Поздеева Ирина Васильевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Пырьх Виктория Олеговна, младший научный сотрудник Тюменского государственного университета

Скрыдлов Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Санкт-Петербургский филиал)

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Тот Юрий Викторович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ульянова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, преподаватель факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Харитонов Герман Павлович, аспирант исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

Христофоров Василий Степанович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Историк и источник

- И.В. Поздеева*
Деятельность Московского печатного двора в XVII в. по новым материалам 3

Тверь и тверичи

- Е.Л. Конявская*
Тверское княжество в XIII в. — середине 1360-х гг. 14
- А.В. Матисон*
Архиерейские «поместные» и «оброчные» дети боярские Тверской епархии
XVII—XVIII вв. 28

Историки спорят

- П.Д. Малыгин, С.В. Богданов*
О проблеме возникновения Твери в середине XII в. 41
- В.А. Кучкин*
Меньше придумывать, больше продумывать 51

Прокурорский надзор в Российской империи

- Ю.В. Тот*
Губернские прокуроры и правительственный надзор над местной администрацией
в царствование Павла I 63
- Е.А. Крестьянников, В.О. Пырх*
Губернские прокуроры Западной Сибири в XIX в. 77

Жандармская служба

- Г.Н. Бибиков*
Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К.Я. Флиге в 1830—
1840-е гг. 86
- А.А. Леонтьев*
Отчётная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820—
1930-е гг. 105

У истоков отечественной статистики

- А.Ю. Скрыдлов*
Министр полиции А.Д. Балашёв и организация статистических исследований в
России 112
- Ю.Ю. Иерусалимский, Г.П. Харитонов*
Ярославский губернский статистический комитет во второй половине XIX в. . . . 121

В.А. Невежин
Ялтинская конференция 1945 г. через призму кулинарной дипломатии 134

История власти

Е.Ю. Зубкова
Амнистия 1953 г. и первые опыты по пересмотру практик социального контроля
в СССР 149

В.С. Христофоров, Ю.Н. Гусева
Криптографическая служба Российской Федерации: история создания и развития
в XX в. (к 100-летию образования) 161

Обзоры и рецензии

З.И. Перегудова — Полиция и «либерализм» в Российской империи в 1880—1905 гг. 180

А.М. Лаврёнова — Либеральное слово и полицейское дело 183

К.А. Соловьёв — Политический сыск и либеральное движение 189

Ю.Ф. Овченко — С.В. Медведев. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего
движения в первые годы XX в. 193

Л.В. Ульянова — Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой
мировой войны 200

А.Ю. Дунаева — В.В. Хутарев-Гарнишевский. Противостояние. Спецслужбы, армия
и власть накануне падения Российской империи, 1913—1917 гг. 207

Г.С. Кан — Вера Фигнер: известная и неизвестная 214

О.В. Кочукова — В.А. Соломонов, Н.Н. Зайцева. Павел Григорьевич Любомиров:
превратности судьбы историка 221

В.А. Исаков — Б.С. Илизаров. Сталин, Иван Грозный и другие 226

М.С. Черкасова — М.Ю. Нечаева. Монашество Среднего Урала синодального
периода: принципы формирования и социальный состав 231

Наши авторы 235

CONTENTS

The historian and the source

I.V. Pozdeeva (Lomonosov Moscow State University, Russia)
New sources on the activities of the Moscow Printing House in the 17th century 3

Tver and tverians

E.L. Konyavskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Principality of Tver during 13th century — mid 1360s 14

A.V. Matison (Central State Archive of the City of Moscow, Russia)
Bishop's «local» and «quitrent» Boyar scions of the Tver diocese in the 17th—18th centuries 28

Historians argue

- P.D. Malygin (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow), S.V. Bogdanov (Tver State University, Russia)*
On the question of the origins of Tver in mid 12th century 41
- V.A. Kuchkin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
To think out less, to think through more 51

Prosecutorial supervision in the Russian Empire

- Ju.V. Tot (Saint Petersburg State University, Russia)*
Provincial prosecutors and government supervision of local administration in the reign of Paul I 63
- E.A. Krestiannikov, V.O. Pyrkh (both — Tyumen State University, Russia)*
Provincial prosecutors of Western Siberia in 19th century 77

Gendarme service

- G.N. Bibikov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*
Gendarme staff officer and provincial administration: K.Ya. Flige in the 1830s—1840s 86
- A.A. Leontiev (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*
Reports of the Special Corps of Gendarmes and the Organization of Imperial Russia's Secret Police of 1820s—1830s 105

Origins of domestic statistics

- A.Yu. Skrydlov (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg)*
Minister of Police A.D. Balashev and organization of statistical studies in Russia 112
- Yu.Yu. Iyerusalimskiy, G.P. Kharitonov (both — P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia)*
Yaroslavl Provincial Statistic Committee in the second half of the 19th century 121

Russia and the world

- V.A. Nevezhin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Yalta conference of 1945 through the prism of culinary diplomacy 134

History of power

- E.Yu. Zubkova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Amnesty of 1953 and the first experiments in the revision of social control practices in the USSR 149
- V.S. Khristoforov (Russian State University for the Humanities; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow), Yu.N. Guseva (Moscow, Russia)*
The centenary of the Cryptographic service of the Russian Federation: creation and development during the 20th century 161

Reviews

<i>Z.I. Peregodova (State Archive of the Russian Federation, Moscow)</i> Police and «liberalism» in the Russian Empire during 1880—1905	180
<i>A.M. Lavryonova (State Archive of the Russian Federation, Moscow)</i> Liberal words and the police's deals	183
<i>K.A. Soloviev (National Research University Higher School of Economics; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)</i> Political investigation and the Liberal movement	189
<i>Yu.F. Ovchenko (Moscow, Russia)</i> Rec. ad op.: S.V. Medvedev. Eksperiment Zubatova. Legalisatsiya rabocheho dvizheniya v pervye gody XX v.	193
<i>L.V. Ulianova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Political investigation and the Russian army on the eve and during the First World War	200
<i>A.Yu. Dunaeva (Moscow, Russia)</i> Rec. ad op.: V.V. Khutarev-Garnishevskiy. Protivostoyaniye. Spetssluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossiyskoy imperii, 1913—1917 gg.	207
<i>G.S. Kan (Moscow, Russia)</i> Vera Figner: Famous and Unknown	214
<i>O.V. Kochukova (Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia)</i> Rec. ad op.: V.A. Solomonov, N.N. Zaitseva. Pavel Grigoryevich Lyubomirov: prevratnosti sud'by istorika	221
<i>V.A. Isakov (Moscow State Pedagogical University, Russia)</i> Rec. ad op.: B.S. Ilizarov. Stalin, Ivan Grozniy i drugie	226
<i>M.S. Cherkasova (Vologda State University, Russia)</i> Rec. ad op.: M.Yu. Nechaeva. Monashestvo Srednego Urala Sinodalnogo perioda: printsypy formirovaniya i socialniy sostav	231
Contributors to this issue	235

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор
Мац А.Г.	— Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
- 3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).